

СВОБОДА СОБРАНИЙ
в постановлениях
Европейского Суда
по правам человека

(12 полных текстов и краткие изложения)

УДК 341.645:342.729
ББК 67.910.822
С25

Составитель и главный редактор сборника: **Звягина Наталья Алексеевна**

Редакторская группа: **Алятина Юлия Юрьевна, Гнездилова Ольга Анатольевна, Козлов Алексей Юрьевич, Федулов Сергей Михайлович.**

Перевод: **Голикова Ольга Александровна** – Дело Платформа «Врачи за жизнь» против Австрии; **Кривонос Ольга Сергеевна** – Дело Христианская демократическая народная партия против Молдовы; **Манжос Павел Васильевич** – Дело Ойя Атаман против Турции; **Захарова Любовь Анатольевна** – Дело Галстян против Армении; **Звягина Наталья Алексеевна** – Дело Баррако против Франции; **Пономарева Вера Александровна** – Дело Эзелин против Франции.

Также при подготовке сборника были использованы переводы следующих авторов: Берестнев Юрий Юрьевич, Маранов Роман Васильевич, Нижегородский Правозащитный Союз, Центр защиты прав СМИ.

Благодарим за участие в подготовке сборника:
Анну Жердеву, Константина Баранова, Галину Арапову, Андрея Шипилова.

Дизайн обложки, макет, верстка: Андрей Бубликов.

Подписано в печать 24.10.2009.
Отпечатано в типографии «Новый Взгляд», 394016, Воронеж, ул. Славы, 13а.
Формат 42х30/16. Усл. печ. л. 19,14.
Тираж 500 экз. Заказ 1852.

Свобода собраний в постановлениях Европейского Суда по правам человека. – Воронеж: Артефакт, 2009. – 328 с.

ISBN 978-5-93737-051-8

Первое издание, собранное под одной обложкой 12 полных переводов и краткие изложения основных постановлений Европейского Суда по правам человека по ст.11 Европейской Конвенции, затрагивающих вопросы реализации права на свободу мирных собраний.

УДК 341.645:342.729
ББК 67.910.822

Издание осуществлено при поддержке OSIAF.

Благодарим за содействие в подготовке этого издания:
Центр защиты прав СМИ – www.mmdc.ru
Нижегородский Правозащитный Союз – www.nhrc.ru

ISBN 978-5-93737-051-8

© БФ «За экологическую
и социальную справедливость», 2009.

- 4 О ЗНАЧИМОСТИ ПОСТАНОВЛЕНИЙ ЕСПЧ
ДЛЯ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЕЙ
- 6 О МАТЕРИАЛАХ, ПРЕДСТАВЛЕННЫХ В КНИГЕ
- 7 НЕКОТОРЫЕ ВАЖНЕЙШИЕ ТЕЗИСЫ
О ПРАВЕ НА СВОБОДУ СОБРАНИЙ

- 9 **ОРГАНИЗАЦИЯ «ПЛАТФОРМА «ВРАЧИ ЗА ЖИЗНЬ»
ПРОТИВ АВСТРИИ.** PLATFORM «ARZTE für DAS LEBEN» v. AUSTRIA
- 20 **ЭЗЕЛИН ПРОТИВ ФРАНЦИИ.** CASE OF EZELIN v. FRANCE
- 46 **СТАНКОВ И ОБЪЕДИНЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ МАКЕДОНИИ
«ИЛИНДЕН» ПРОТИВ БОЛГАРИИ.** STANKOV AND UNITED
MACEDONIAN ORGANISATION «ILINDEN» v. BULGARIA
- 85 **ДЖАВИТ АН ПРОТИВ ТУРЦИИ.** DJAVIT AN v. TURKEY
- 118 **ХРИСТИАНСКАЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ НАРОДНАЯ ПАРТИЯ
ПРОТИВ МОЛДОВЫ.** CHRISTIAN DEMOCRATIC PEOPLE'S PARTY
v. MOLDOVA
- 151 **ОЙА АТАМАН ПРОТИВ ТУРЦИИ.** OYA ATAMAN v. TURKEY
- 162 **БАЧКОВСКИЙ И ДРУГИЕ ПРОТИВ ПОЛЬШИ.** BACZKOWSKI AND
OTHERS v. POLAND
- 189 **БАРАНКЕВИЧ ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.**
BARANKEVICH v. RUSSIA
- 202 **МАХМУДОВ ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.**
MAKHMUDOV v. RUSSIA FEDERATION
- 231 **ГАЛСТЯН ПРОТИВ АРМЕНИИ.** GALSTYAN v. ARMENIA
- 273 **СЕРГЕЙ КУЗНЕЦОВ ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.**
SERGEY KUZNETSOV v. RUSSIA FEDERATION
- 291 **БАРРАКО ПРОТИВ ФРАНЦИИ.** BARRACO v. FRANCE

- 304 **Киссе против Франции.** Cisse v. France
- 306 **Гюнери и другие против Турции.** Güneri et autres v. Turquie
- 308 **Политическая партия «Уранио Токсо» и другие против Греции.**
Ouranio Toxo and others v. Greece
- 312 **Оллингер против Австрии.** Öllinger v. Austria
- 314 **Улусой и другие против Турции.** Ulusoy et autres v. Turquie
- 315 **Перечень других дел**

- 322 **Как защитить право на свободу собраний
в Европейском Суде по правам человека**
- 324 **Рекомендуемая литература**
- 324 **Правовые документы**
- 325 **Список используемых сокращений**
- 326 **Латинские выражения и термины**
- 327 **О составителях**

О ЗНАЧИМОСТИ ПОСТАНОВЛЕНИЙ ЕСПЧ ДЛЯ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЕЙ

Европейский Суд по правам человека (ЕСПЧ) – это международный судебный орган, созданный не только для защиты прав и свобод человека, а также контроля за соблюдением Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) государствами, принявшими и ратифицировавшими этот документ, но и для толкования норм Конвенции в изменяющемся мире.

Постановления Европейского Суда носят прецедентный характер и обязывают не только восстановить нарушенное право конкретного человека, но и изменить законодательство или правоприменительную практику всех государств, ратифицировавших Европейскую Конвенцию, чтобы устранить возможность аналогичного нарушения права.

После вступления России в Совет Европы и ратификации Конвенции постановления, вынесенные Европейским Судом, обязательны для всех органов государственной власти нашей страны и для органов местного самоуправления. Это означает, что органы власти в своей деятельности должны учитывать практику Европейского Суда по правам человека. Причем имеются в виду не только постановления, вынесенные в отношении Российской Федерации, но также и постановления, вынесенные Европейским Судом в отношении других государств. Эта обязанность обозначена в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации».

Верховный Суд указал, что «Согласно пункту «b» части 3 статьи 31 Венской конвенции при толковании международного договора наряду с его контекстом должна учитываться последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования. Российская Федерация, как участник Конвенции о защите прав человека и основных свобод, признает юрисдикцию Европейского Суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случае предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов, когда предполагаемое нарушение имело место после вступления их в силу в отношении Российской Федерации (статья 1 Федерального закона от 30 марта 1998 г. N 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней»). Поэтому приме-

нение судами вышеназванной Конвенции должно осуществляться с учетом практики Европейского Суда по правам человека во избежание любого нарушения Конвенции о защите прав человека и основных свобод».

Таким образом, непосредственное применение Конвенции в национальных судах значительно повышает шансы на успех дела. Нормы Конвенции можно использовать как подспорье в истолковании норм российского законодательства, дополнительное ограничение свободы усмотрения государственных органов и как документ, содержащий непосредственно применимые гарантии, вытекающие из норм национального законодательства.

Чтобы жалоба была признана приемлемой Европейским Судом, необходимо, в том числе, поставить вопрос о нарушении статьи 11 Конвенции перед судом в России. Чтобы суд имел возможность дать свою мотивированную оценку предполагаемому нарушению.

Официальными рабочими языками Суда являются английский и французский. Это означает, что ни один перевод на любой другой язык, кем бы он ни был выполнен, не может считаться официальным. Тем не менее, возможность знакомиться с русскоязычными текстами постановлений существенно расширяет круг пользователей этого источника права. Одной из важнейших задач данного издания является преодоление проблемы доступа к постановлениям Европейского Суда, а значит к дополнительной смысловой нагрузке ранее принятых Россией международных норм.

Создатели книги надеются, что прежде всего данное издание будет полезно тем, кто в своей деятельности тесно связан с реализацией права граждан на свободу собраний: представителям отделов региональных и местных органов власти, отвечающих за работу с уведомлениями о публичных мероприятиях от граждан, руководству и рядовым сотрудникам милиции общественной безопасности, мировым и районным судьям, судьям судов субъектов РФ, Верховного и Конституционного суда, правозащитникам, а также активистам, со вниманием относящимся к правовой стороне процесса организации мирных акций и нуждающимся в последующей судебной защите.

О МАТЕРИАЛАХ, ПРЕДСТАВЛЕННЫХ В КНИГЕ

Перед Вами первое издание, собранное под одной обложкой основные постановления Европейского Суда по правам человека, затрагивающие вопросы реализации права на свободу мирных собраний.

В этом сборнике представлены далеко не все постановления, рассматривающие вопросы применения статьи 11 Конвенции, которые вынесены на момент выхода издания в свет. Тем не менее, издатели постарались собрать наиболее значимые решения как с правовой, так и с исторической точки зрения. В частности, особое внимание при подборе дел было уделено постановлениям по делам против России, а также против бывших советских республик, поскольку отраженные в них реалии, представленные в трактовке Европейского Суда, могут быть максимально полезны в практике русскоязычного пользователя данного издания.

Все постановления расположены в хронологическом порядке в зависимости от даты их вынесения: от выпущенных ранее к современным.

В книге постановления Европейского Суда по правам человека представлены в трех формах:

- полный перевод всего постановления;
- выдержки из постановления, касающиеся рассмотрения вопроса о нарушении статьи 11 Конвенции (дело «Галстян против Армении»);
- краткое изложение сути дела;
- названия дел, в которых рассматривается нарушение статьи 11 Конвенции (в контексте свободы собраний).

Полные и сокращенные тексты постановлений снабжены кратким изложением сути дела, а также тэгами – вынесенными в начало текста названиями ключевых тем, элементов правовой процедуры организации публичного мероприятия, призванными помочь сориентироваться в деле относительно его применимости к той или иной практической ситуации.

Постановления, представленные в сборнике, можно копировать и прикладывать к жалобам в национальные судебные инстанции целиком. Можно использовать выдержки и цитаты из них только в русскоязычном варианте или, зная какой пункт содержит нужную для конкретного дела информацию, находить и использовать уже необходимую цитату на одном из официальных языков ЕСПЧ.

На сайте ИА «Артикль20» (<http://article20.org>) можно найти все представленные в данном издании тексты в электронном виде.

НЕКОТОРЫЕ ВАЖНЕЙШИЕ ТЕЗИСЫ О ПРАВЕ НА СВОБОДУ СОБРАНИЙ

Защита свободы выражения личного мнения, гарантированная статьей 10 Конвенции, является одной из целей обеспечения свободы мирных собраний, гарантированной статьей 11. Таким образом, свободу выражения мнения невозможно отделить от свободы собраний, поэтому рассматривать каждую из них отдельно нет необходимости (см. *постановление по делам «Галстян против Армении» (Galstyan v. Armenia)*, от 15 ноября 2007 г., № 26986/03, §§ 95-96; «*Эзелин против Франции» (Ezelin v. France)*, от 26 апреля 1991 г., Серия А № 202, §§ 35, 37, и «*Пендрагон против Великобритании» (Pendragon v. the United Kingdom)*, № 31416/96, решение Комиссии от 19 октября 1998 г.).

Право на свободу собраний является одним из основных прав в демократическом обществе и, как и право на свободу выражения мнения, является краеугольным камнем демократического общества. Поэтому его не следует толковать ограничительно («*Джавит Ан против Турции» (Djavit An v. Turkey)*, №20652/92, § 56, CEDH 2003-III).

В демократическом обществе, основанном на принципе верховенства права, должна существовать возможность выражения идей, бросающих вызов существующему порядку, через осуществление права на проведение мирных собраний, равно как и другими законными средствами («*Станков и Объединенная македонская организация «Илинден» против Болгарии» (Stankov and the United Macedonian Organisation Ilinden v. Bulgaria)*, № 29221/95 и 29225/95, § 97, ЕСПЧ 2001 г. IX).

Право на свободу мирных собраний, закрепленное в статье 11 Конвенции, является фундаментальным правом в демократическом обществе и, подобно праву на свободное выражение мнения, одним из оснований такого общества. Исходя из формулировки второго пункта статьи 11, единственной необходимостью, которая может оправдать вмешательство в осуществление права, закрепленного в этой статье, является необходимость, которая может исходить из самого «демократического общества» (см. *постановления по делу «Христианская демократическая народная партия против Молдовы» (Christian Democratic People's Party v. Moldova)*, № 28793/02, §§ 62-63, ЕСПЧ 2006 г.).

Государства должны не только обеспечивать право на мирные собрания, но и воздерживаться от применения чрезмерных косвенных ограничений на осуществление этого права. Учитывая особую

важность свободы собраний и ее непосредственное отношение к понятию демократии, для обоснования вмешательства в осуществление этого права должны быть действительно веские причины (см. постановления по делам «Оуранио Токсо против Греции» (*Ouranio Toxo v. Greece*), № 74989/01, § 36, ЕСПЧ 2005 г. X (выдержки), «Адал против Турции» (*Adali v. Turkey*), от 31 марта 2005 г., № 38187/97, § 267, с последующими ссылками).

Организация публичного мероприятия в порядке разрешительной или уведомительной процедуры обычно не затрагивает сущности самого права на свободу собраний, если цель такой процедуры состоит в предоставлении органам власти возможности предпринять разумные и адекватные меры для обеспечения гладкого проведения любого мероприятия, встречи или схода, независимо от характера мероприятия (см. постановления по делам «Букта и другие против Венгрии» (*Bukta and Others v. Hungary*), № 25691/04, § 35, ЕСПЧ 2007, «Ойа Атаман против Турции» (*Oya Ataman v. Turkey*), от 5 декабря 2006 г., № 74552/01, § 39, «Объединение «Единство» против Швейцарии» (*Rassemblement Jurassien Unité v. Switzerland*), № 8191/78, решение Комиссии от 10 октября 1979 г., DR 17, стр. 119, а также «Платформа «Врачи за жизнь» против Австрии» (*Plattform «Ärzte für das Leben» v. Austria*), от 21 июня 1988 г., Серия А № 139, стр. 12, §§ 32 и 34).

Свобода участия в мирных собраниях настолько важна, что человек не должен подвергаться санкциям – хотя бы и самым мягким из дисциплинарных взысканий – за участие в незапрещённой демонстрации, если только сам этот человек не совершил что-либо предвзвешенное во время этого мероприятия (см. постановление по делу «Эзелин против Франции» (*Ezelin v. France*), от 26 апреля 1991 г., Серия А № 202, § 53).

Любая демонстрация в общественном месте в определенной степени неизбежно нарушает обычное течение жизни, включая создание помех для дорожного движения, и что органам власти следует проявлять определенную терпимость в отношении мирных собраний для того, чтобы не лишиться смысла содержание статьи 11 Конвенции (см. постановления по делам «Галстян против Армении» (*Galstyan v. Armenia*), §§ 116-117, «Букта против Венгрии» (*Bukta and Others v. Hungary*), § 37, «Ойа Атаман против Турции» (*Oya Ataman v. Turkey*), §§ 38-42, «Ашугян против Армении» (*Achoiguian v. Arménie*), № 33268/03, § 90, 17 июля 2008 г., «Баррако против Франции» (*Barraco v. France*), от 5 марта 2009 г., жалоба №31684/05 § 43).

ПЛАТФОРМА «ВРАЧИ ЗА ЖИЗНЬ» ПРОТИВ АВСТРИИ
PLATTFORM «ARZTE für DAS LEBEN» v. AUSTRIA

Жалоба № 10126/82

Постановление Комиссии
Страсбург

21 июня 1988 г.

Перевод с английского – Ольга Голикова

Запреты мероприятий с неудобной тематикой § 32

«Прекращение» публичных мероприятий § 33

Проблемы обеспечения безопасности участников
акций со стороны правоохранительных органов
§ 34, 34

Позитивные обязательства государства § 32

Контрдемонстрация § 32

Мирный/ненасильственный характер акции § 37

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ СУТИ ДЕЛА

В декабре 1980 г. ассоциация врачей, выступающих против легализации абортов, Платформа «Врачи за жизнь», приняла решение провести демонстрацию в Штадль-Паура. Соответствующие органы власти разрешили демонстрацию и предприняли шаги по размещению полиции вдоль выбранного маршрута. Опасаясь столкновения со сторонниками абортов и не желая помешать службе в близлежащей церкви, организаторы демонстрации перед самым началом шествия решили изменить первоначально запланированный маршрут. Полицейские власти не возражали, хотя и предупреждали, что охрана нового маршрута представляется сложной. В конечном итоге демонстрация была сорвана ее противниками. Вмешательство полиции сводилось к тому, что она разделила враждующие группы, когда страсти так накалились, что возникла опасность физического насилия. Жалобы на должностных лиц полиции, поданные ассоциацией-заявителем, не привели к применению к этим лицам каких-либо дисциплинарных мер.

Европейский суд не нашел в деле подтверждения нарушения статьи 11 Конвенции.

Тем не менее, суд делает ряд значимых выводов. Позитивная обязанность защищать демонстрации; долг государств-участников Конвенции принимать разумные и адекватные меры, обеспечивающие мирное проведение законных демонстраций. Обязанности государства распространяются только на принятие необходимых мер, но не на конечный результат – ст. 11 ЕКПЧ.

По делу «Платформа «Врачи за жизнь» против Австрии» Европейский Суд по правам человека, на основании Статьи 43 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – «Конвенция») и соответствующих положений Регламента Суда, в виде Большой палаты, составленной из следующих судей:

Р. Риссдал (*R. Ryssdal*), Председатель,

Ф. Гелькюклю (*F. Golcuklu*),

Ф. Матшер (*F. Matscher*),

Дж. Пинхейро Фарина (*J. Pinheiro Farinha*),

Р. Макдональд (*R. Macdonald*),

А. Шпильманн (*A. Spielmann*),

Дж. Карилло Сальцедо (*J. A. Carillo Salcedo*),

а также М.-А. Эйссена (М.-А. Eissen), Секретарь Суда и Г. Петцольд (H. Petzold), Помощник секретаря, проведя 25 марта 1988 г. и 25 мая 1988 г. закрытые заседания, вынес следующее Постановление в последний из вышеуказанных дней:

ПРОЦЕДУРА

1. Настоящее дело было передано Комиссией на рассмотрение Суда 14 мая 1978 г. в трехмесячный срок, предусмотренный п. 1 ст. 32 и ст. 47 Конвенции. Жалоба (№ 10126/82) по ст. 25 против Австрии была подана в Комиссию организацией «Платформа «Врачи за жизнь» 3 сентября 1982 г.

Ходатайство Комиссии опиралось на ст. ст. 44 и 48 и Австрийскую декларацию, признающую обязательную юрисдикцию Суда (ст. 46). Предметом ходатайства было получение решения Суда относительно того, свидетельствуют ли материалы данного дела о нарушении Государством-ответчиком своих обязательств согласно ст. 13 Конвенции.

2. В ответ на запрос, поданный в соответствии с подпунктом (d) п. 3 ст. 33 Регламента Суда, ассоциация-заявитель сообщила о своем желании присутствовать на заседаниях Суда и назначила адвоката, представляющего интересы заявителя (ст. 30 Регламента).

3. В состав Палаты, которая должна была разбирать дело, вошли: как избранный судья австрийской национальности Ф. Матшер (ст. 43 Конвенции) и Р. Риссдал, как Председатель Суда (подп. (b) п.3 ст. 21 Регламента). 23 марта 1987 г. в присутствии Секретаря, Председатель Суда путем жребия назначил 5 остальных членов Суда, а именно: Пинхейро Фарина, Р. Макдональда, Е. Герсинга, А. Шпильмана и А.М. Доннера (ст. 43 Конвенции и п. 4 ст. 21 Регламента). Позднее вместо Доннера и Герсинга в заседаниях участвовали Ф. Гелькюклю

и Карилло Сальцедо, судьи-заместители, по причине невозможности присутствия первых в суде (п. 1 ст. 22 и п. 1 ст. 24 Регламента).

4. 20 июня 1987 г. Председатель дал официальное разрешение использовать немецкий язык адвокату стороны-заявителя (п. 3 ст. 27 Регламента).

5. Р. Риссдал, в качестве Председателя Суда (п. 5 ст. 21 Регламента), действуя через секретаря, провел переговоры с представителем Правительства Австрии (далее «Правительство»), представителем Комиссии, адвокатом ассоциации-заявителя, и

(а) 8 июля 1987 г. принял решение. о том, что на данной стадии нет необходимости подавать состязательные бумаги (п. 1 ст. 37 Регламента);

(б) 3 ноября 1987 г. постановил, что устные слушания должны начаться 21 марта 1988 г. (ст. 38 Регламента).

6. 16 сентября 1987 г. Секретарем были получены жалобы ассоциации-заявителя по ст. 50 Конвенции.

7. Слушание дела было публичным и проходило во Дворце Прав человека в Страсбурге в назначенный день. Непосредственно перед началом слушания Суд провел подготовительное совещание.

Перед Судом предстали:

(а) со стороны Правительства:

Х. Турк, Юриконсулт,
Представитель Министерства иностранных дел
В. Окресек, Федеральный канцлер,
Ф. Хольцхальмер, Федеральное министерство
внутренних дел, Адвокат;

(б) со стороны Комиссии:

Г. Батлинер, Представитель,

(с) со стороны заявителя:

А. Адам, Адвокат, Советник.

Суд выслушал выступления, а также ответы на вопросы Суда Х. Турка и В. Окресека, представляющих Правительство, Г. Батлинера, представляющего Комиссию и А. Адама со стороны заявителя.

ФАКТЫ

8. Платформа «Врачи за жизнь» – ассоциация врачей, которые выступают против легализации аборт и требуют внесения изменений в Австрийское законодательство по данному вопросу. В 1980 и 1982 гг. ассоциация провела две демонстрации, которые были сорваны противниками, несмотря на присутствие полиции.

I. ДЕМОНСТРАЦИЯ В ШТАДЛЬ-ПАУРА

A. Подготовка демонстрации

9. Ассоциация-заявитель приняла решение об отправлении богослужения в церкви Штадль-Паура (Верхняя Австрия) 28 декабря 1980 г., после чего планировала проследовать в приемную врача-гинеколога. В соответствии с положениями части 2 Закона о собраниях 1953 г. (см. § 40 в докладе Комиссии) ассоциация уведомила полицейские власти общины Вельс-Ланд. Органы правопорядка санкционировали продвижение демонстрации по дороге общественного пользования. Тем не менее, полицейские власти были вынуждены запретить проведение двух других демонстраций, объявленных сторонниками свободы абортов, поскольку эти демонстрации должны были состояться в то же время и в том же месте, что и демонстрация «Платформы».

10. Во избежание инцидентов, организаторы попытались незадолго до начала шествия, предварительно уведомив полицию, изменить план проведения акции. Было принято решение отменить акцию протеста у приемного отделения и направить процессию к алтарю на холме, значительно удаленном от церкви, и там провести службу.

11. Представители органов правопорядка указали демонстрантам на тот факт, что основные полицейские кордоны были развернуты по первоначально намеченному пути следования процессии, и что характер местности не позволит контролировать поведение толпы на новом маршруте. Полиция согласилась предоставить сопровождение, но предупредила демонстрантов, что не сможет оградить участников процессии от провокаций со стороны противников демонстрации, таких как забрасывание демонстрантов яйцами и срыв богослужения.

B. Инциденты

12. Во время литургии, многочисленные противники демонстрации, которые проигнорировали положение Закона о собраниях о необходимости уведомления властей, прибыли к зданию церкви и отказались выполнить требования полиции покинуть место проведения демонстрации. Они препятствовали продвижению процессии к холму, вклиниваясь в колонны демонстрантов и выкрикивая тексты произносимых молитв. Аналогичное поведение повторилось на самом богослужении: около пятисот человек всячески пытались сорвать службу, используя репродукторы и закидывая участников акции яйцами и дерном.

13. К моменту окончания богослужения, когда обстановка накалилась до предела и вероятность применения физической силы стала очевидной, специальные подразделения по борьбе с беспорядками, которые до сего момента оставались безучастными к происходящему, выстроились между оппозиционными группами, тем самым предоставив демонстрантам возможность вернуться в здание церкви.

14. В письме к Верхне-Австрийскому управлению безопасности председатель ассоциации охарактеризовал поведение противников демонстрации как «сравнительно мирное»: прежде имели место нападения противников Платформы на членов ассоциации и полицейских.

С. Судебная защита после демонстрации

1. Обращения в суд

(а) жалоба в порядке служебного надзора

15. 21 января 1981 г. ассоциация-заявитель подала жалобу в порядке служебного надзора (*Dienstaufsichtsbeschwerde* – см. § 47-50 доклада Комиссии), в которой утверждалось, что представители местных силовых структур не справились с задачей обеспечения безопасности демонстрантов.

Верхне-Австрийское управление безопасности квалифицировало действия полиции как адекватные ситуации и не посчитало нужным применять дисциплинарные меры. Невмешательство полиции объяснялось сложностью предотвращения словесных оскорблений и защиты демонстрантов от метательных предметов, которые не представляли серьезной угрозы их здоровью и жизни, в условиях открытого пространства. Выбор тактики поведения был продиктован нежеланием органов правопорядка разжигать конфликт сторон.

(b) жалоба в Конституционный Суд

16. В последствии, «Платформа» подала апелляцию в Конституционный Суд (*Verfassungsbeschwerde* – жалоба в Конституционный Суд о нарушении органами государственной власти чьих-либо гражданских прав – см. § 41-43 доклада Комиссии). Факт передачи дела на рассмотрение в Конституционный Суд объяснялся тем, что бездействие местных властей повлекло за собой в данном конкретном случае нарушение фундаментальных прав, гарантированных Конституцией Австрии: свободы собраний и свободы отправления религиозных обрядов.

11 декабря 1981 г. Конституционный Суд заслушал показания свидетелей с целью выяснения обстоятельств дела. В судебном ре-

шении, вынесенном 1 марта 1982 г., Суд постановил, что данная жалоба неподсудна и, как следствие, объявил жалобу неприемлемой. Суд отметил, что жалоба ассоциации-заявителя не касалась «решения» или действий правительства, непосредственно нарушающих Конституцию (ст. 144 Конституции Австрии (см. *Официальный свод судебных решений Конституционного Суда №9334/1982*)).

2. Официальные разбирательства

(a) уголовное судопроизводство

17. «Платформа» не требовала возбуждения уголовных дел, не подавала жалобы, не выносила дополнительных обвинений (*Subsidiaranklage* – см. § 58-64 доклада Комиссии).

Тем не менее, Верхне-Австрийское управление безопасности и местное полицейское управление инициировали расследование с целью выявления и привлечения к ответственности лиц, воспрепятствовавших проведению демонстрации. В рамках расследования частная организация «Австрийская гражданская инициатива по защите человеческого достоинства» (*Österreichische Bürgerinitiative zum Schutz der Menschenwürde*) подала жалобу на одного из противников демонстрации, члена парламента, обвиняя его в воспрепятствовании осуществлению богослужения и разжигании ненависти по статьям 188, 189 и 283, а также в нарушении Раздела 2 Закона о собраниях 1953 г. Обвинения были предъявлены еще двум гражданам.

Прокурор Вэльса прекратил судебные разбирательства 1 апреля 1981 г. по статье 90 уголовно-процессуального кодекса.

(b) административно-уголовное судопроизводство

18. С одного человека был взыскан штраф в размере 1,000 австрийских шиллингов за бросание яиц в демонстрантов (раздел IX закона, вводящего в действие акты административного производства (см. § 66 доклада Комиссии)).

II. ДЕМОНСТРАЦИЯ В ЗАЛЬЦБУРГЕ

19. Уполномоченные структуры органов охраны правопорядка дали разрешение на проведение второй демонстрации против легализации аборт, которая должна была состояться 1 мая 1982 г. на площади перед собором в Зальцбурге. На той же площади в тот же день должен был проводиться ежегодный митинг Социалистической партии, но его пришлось отменить по причине того, что ассоциация-заявитель первой объявила о намерении провести свою акцию.

Демонстрация началась в 2.15 после полудня и закончилась богослужением в соборе. Приблизительно в 1.30 после полудня около 350 человек, выражая несогласие гневными криками, проследовали колоннами через три арочных прохода, ведущих к площади, и собрались у собора. Около ста полицейских выставили кордон вокруг демонстрантов, чтобы защитить их от возможного нападения. Сторонники правого крыла националистической партии (NDP), выразили поддержку противникам легализации аборт, чем еще больше накалили обстановку. Попытки полиции уговорить председателя ассоциации отдать распоряжение о роспуске этих людей результата не дали.

Полиция очистила площадь, чтобы не допустить срыва религиозной церемонии.

20. Упомянутые инциденты не повлекли за собой судебные разбирательства. Принимая во внимание решение, принятое Конституционным Судом 1 марта 1982 г., ассоциация-заявитель решила, что подавать повторную апелляцию не имеет смысла.

РАЗБИРАТЕЛЬСТВО В КОМИССИИ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

21. Платформа «Врачи за жизнь» обратилась в Комиссию по правам человека 13 сентября 1982 г. (дело № 10126/82). Ассоциация заявила, что полиция не приняла меры по защите участников демонстраций, которые состоялись 28 декабря 1980 г. в Штадль-Паура и 1 мая 1982г. в Зальцбурге; организация ссылалась на факты нарушения ст. ст. 9, 10 и 11 Конвенции. Кроме того, ассоциация-заявитель утверждала, ссылаясь на ст. 13, что Австрия не предоставила «какое-либо эффективное средство правовой защиты перед государственными органами», гарантирующее соблюдение соответствующих прав.

22. 17 октября 1985 г. Комиссия объявила жалобы по ст. ст. 9, 10 и 11 неприемлемыми как явно необоснованные, с другой стороны, Комиссия признала жалобу по ст. 13 приемлемой. В своем докладе от 12 марта 1987 г. (ст. 31) Комиссия единогласно пришла к выводу, что нарушение ст. 13 не имело места.

Полный текст заключения Комиссии, а также краткое изложение содержания соответствующего внутригосударственного права, содержится в приложении к данному судебному решению.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ОБЪЯСНЕНИЯ В СУД

23. На слушании дела 21 марта 1988 г. Правительство обратилось в Суд с просьбой вынести решение о том, что «положения ст. 13 Европейской Конвенции по правам человека не были нарушены, и что факты, которые привели к настоящему спору, не выявили никаких нарушений Конвенции».

ПРАВО

24. Ассоциация-заявитель утверждала, что Австрия не предложила какое-либо эффективное средство правовой защиты по ее жалобе на основании ст. 11; ассоциация ссылалась на ст. 13, которая предусматривает следующее:

«Каждый человек, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективные средства правовой защиты перед государственными органами даже в том случае, если такое нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

25. Основной довод Правительства заключался в том, что ст. 13 применяется только в тех случаях, когда нарушено существенное положение Конвенции. В качестве доказательства был процитирован французский текст, включающий слова «*ont ete violes*», что, по мнению Правительства, более ясно и определено, чем соответствующее английское выражение «*are violated*» («нарушены»).

Суд не согласен с этим доводом. В соответствии с судебной практикой ст. 13 гарантирует эффективное средство правовой защиты перед государственной инстанцией каждому, кто обоснованно утверждает, что является жертвой нарушения прав и свобод, защищаемых Конвенцией; любая другая интерпретация делает статью бессмысленной (см. «*Бойл и Райс против Соединенного Королевства*» (*Boyle and Rice v. the United Kingdom*), от 27 апреля 1988 г., Серия А, т. 131, с. 23, § 52).

26. Хотя Комиссия посчитала, что жалоба на основании ст. 11 неприемлема как явно необоснованная, она сочла, что жалоба приемлема на основании ст. 13. Правительство посчитало нелогичным объявить одну и ту же жалобу явно необоснованной по существенному положению Конвенции и все же имеющей основания по ст. 13.

27. Суд не намеревается давать абстрактное определение понятия «приемлемость». Чтобы установить, применима ли ст. 13 в данном случае, Суду достаточно определить, с учетом фактов дела и существа затронутых юридических проблем, является ли жалоба о том,

что не были выполнены требования ст. 11, приемлемой, хотя Комиссия отклонила ее и сочла явно необоснованной. Решение Комиссии о приемлемости жалобы по ст. 13 может дать Суду полезные указания в отношении обоснованности этой жалобы (см. *вышеупомянутое решение «Бойл и Райс против Соединенного Королевства» (Boyle and Rice v. the United Kingdom). Серия А, т. 131, стр. 23-24, §§ 54-55).*

28. Во время разбирательства в Комиссии представители «Платформы» утверждали, что австрийские власти, не предприняв практических шагов по обеспечению беспрепятственного проведения демонстрации, пренебрегли истинным значением свободы собраний.

29. По утверждению Правительства, ст. 11 не обязывает государство принимать меры по защите демонстраций. Свобода мирных собраний, провозглашенная в ст. 12 Основного Закона Австрии 1867 г., главным образом, гарантирует защиту личности от прямого вмешательства государства. В отличие от некоторых других положений Конвенции и Конституции Австрии ст. 11 не распространяется на отношения между физическими лицами. Во всяком случае, выбор средств, которые можно было использовать в данной ситуации, оставался на усмотрение государства.

30. В своем решении от 17 октября 1985 г. о приемлемости жалобы Комиссия подробно рассмотрела вопрос, подразумевает ли ст. 11 требование к государству защищать демонстрации от тех, кто желает помешать их проведению или сорвать их. Комиссия ответила на этот вопрос положительно.

31. Суд не призван развивать общую теорию об обязательствах позитивного характера, вытекающих из Конвенции, но, прежде чем установить, обоснованна ли жалоба ассоциации-заявителя, он должен дать толкование ст. 11.

32. Любая демонстрация может раздражать или оскорблять тех, кто выступает против идей или требований, в поддержку которых она проводится. Тем не менее, у участников демонстрации должна быть возможность проводить ее, не опасаясь физического насилия со стороны своих противников; такие опасения могли бы воспрепятствовать публичному выражению общественно значимых позиций у ассоциаций и иных групп. В демократическом обществе право на проведение контрдemonстрации не может ограничивать осуществление права на демонстрацию.

Исходя из этого, обеспечение истинной, эффективной свободы проведения мирных собраний не может сводиться лишь к обязанности государства воздерживаться от вмешательства: чисто нега-

тивная концепция роли государства противоречит предмету и цели ст. 11. Подобно ст. 8, ст. 11 требует порой совершения позитивных действий, при необходимости – даже в области отношений между физическими лицами (см. *Mutatis mutandis, постановления по делу «X и Y против Нидерландов» (X and Y v. Netherlands), от 26 марта 1985 г. Серия А, т. 91, с. 11, § 23).*

33. Соглашаясь с Правительством и Комиссией, Суд пришел к выводу, что в австрийском праве есть меры позитивного характера по защите демонстраций. Например, статьи 284 и 285 Уголовного кодекса предусматривают наказание за создание помех, разгон или срыв собрания, проведение которого не запрещено; ст. ст. 6, 13 и 14 (2) Закона о собраниях наделяют власти полномочиями в определенных случаях запрещать, прекращать или рассеивать собрание, используя силу. Указанные правовые документы применимы к организации контрдемонстраций (см. §§ 54 и 40 доклада Комиссии).

34. Несмотря на то, что в обязанности государств-участников Конвенции входит принятие разумных и надлежащих мер для обеспечения мирного характера проводимых в соответствии с законом демонстраций, они не могут дать абсолютных гарантий в этом отношении, хотя и располагают широкими полномочиями при выборе такого рода мер (см. *mutatis mutandis решения по делу «Абдулазиз, Кабалес и Балкандали против Соединенного Королевства» (Abdulaziz, Cabales and Balkandali v. the United Kingdom), от 28 мая 1985 г. Серия А, т. 94, с. 33-34, п. 67, и по делу Руса от 17 октября 1986 г. Серия А, т. 106, с. 14-15, п. 35-37).* В этой области Статья 11 Конвенции обязывает государства принимать меры, но не обязывает их получать определенные результаты.

35. По утверждению заявителя, полиция во время проведения каждой из упомянутых демонстраций вела себя безучастно. По мнению Правительства и Комиссии, в условиях отсутствия каких-либо серьезных эксцессов прямое вмешательство не было оправданно и неизбежно спровоцировало бы акты физического насилия.

36. Суд не оценивает уместность или эффективность действий полиции в подобных случаях, а лишь определяет обоснованность жалобы на то, что соответствующие власти не приняли необходимых мер.

37. Что касается инцидентов в Штадль-Паура 28 декабря 1980 г. (см. абз. 9-13 выше), то необходимо прежде всего отметить, что были запрещены обе демонстрации, которые планировались сторонниками свободы абортов (уведомление было подано 30 ноября) и которые должны были проводиться в то же время и в том же месте, что и де-

монстрация «Платформы». Вдоль первоначально запланированного пути следования демонстрации было размещено большое количество полицейских сил, как в форме, так и в штатском, и представители полиции не отказывались обеспечивать защиту демонстрации, даже когда ассоциация-заявитель приняла решение об изменении маршрута. И наконец, не был причинен ущерб и не произошло никаких серьезных столкновений; участники контрдemonстрации выкрикивали лозунги, махали плакатами, бросали яйца и дерн, что не мешало продвижению процессии и завершению проводившейся на открытом воздухе религиозной службы; когда страсти накалились до такой степени, что создалась угроза использования действий насильственного характера, специальные подразделения по борьбе с беспорядками развели враждующие группировки.

38. Что касается демонстрации в Зальцбурге (см. абз. 19 выше), то для ее проведения организаторы избрали 1 мая, день традиционного социалистического марша, к оторый пришлось отменить, т.к. на площадь перед собором претендовала ассоциация-заявитель, подавшая заявление раньше. Более того, для того, чтобы разделить участников и их противников и предотвратить опасность столкновения, на место действия было направлено сто полицейских; они очистили и оцепили площадь, чтобы не допустить срыва религиозной церемонии.

39. Таким образом, совершенно очевидно, что австрийские власти приняли все разумные и надлежащие меры для защиты демонстрантов.

Таким образом, ничто в настоящем деле не подтверждает нарушение ст. 11; в данном случае ст. 13 не применима.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД ЕДИНОГЛАСНО

Постановляет, что не имело места нарушение ст. 11 Конвенции.

Совершено на английском и французском языках и оглашено во Дворце прав человека в Страсбурге 21 июня 1988 г.

Рольф Риссдал
Председатель суда

Марк-Андре Эйссен
Секретарь суда

ЭЗЕЛИН ПРОТИВ ФРАНЦИИ CASE OF EZELIN v. FRANCE

Жалоба № 11800/85

Постановление Комиссии
Страсбург

26 апреля 1991 г.

Перевод с английского – Вера Пономарева

Несоразмерно жестокое наказание за нарушение установленного порядка проведения публичных мероприятий § 39, 53

Свобода собраний и свобода выражения мнения § 37, 52

Предсказуемость закона § 45

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ СУТИ ДЕЛА

Адвокат, член профессионального объединения адвокатов Гваделупы, участвовал в демонстрации протеста против судебных решений, в ходе которой на здании суда неустановленными лицами были сделаны надписи, выражающие неуважение к суду. В ходе последующего расследования адвокат отказался отвечать на вопросы о том, кто нанес эти надписи. Коллегия адвокатов отказалась применить к нему меру дисциплинарного взыскания после запроса прокуратуры о применении таковой. Прокурор обжаловал решение коллегии адвокатов в суде. Суд назначил Эзелину наказание в виде выговора за то, что он, будучи адвокатом, не прекратил участие в демонстрации и иным образом не выразил свое неодобрение надписей.

Европейский Суд установил, что имело место нарушение статьи 11.

Суд установил, что французский закон предписывал адвокатам проявлять уважение к суду даже вне профессиональной деятельности, и признал, что власти действовали в пределах ограничений, установленных ч. 2 ст. 11 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, для предотвращения беспорядков.

Ст. 11 должна рассматриваться в контексте ст. 10, поскольку защита личных взглядов, обеспечиваемая положениями ст. 10, является одной из целей свободы мирных собраний, охраняемой ст. 11.

Принцип пропорциональности требует баланса между требованиями целей, указанных в ст. 11, п. 2, и требованиями

свободного выражения взглядов словами, жестами или даже молчанием людьми, собравшимися на улицах или в других общественных местах. Попытка установить справедливый баланс не должна препятствовать осуществлению такой свободы адвокатами, которые из-за страха дисциплинарных санкций могут опасаться выражать свои убеждения в подобных случаях. В данном случае свобода принимать участие в мирных собраниях и демонстрациях, которые не запрещены, является настолько важной, что она не может быть каким-либо образом ограничена даже для адвоката, до тех пор, пока указанное лицо само не совершает какого-либо предосудительного акта.

Таким образом, несмотря на то, что наказание было минимальным, оно не было «необходимым в демократическом обществе».

По делу «Эзелин против Франции»¹,

Европейский Суд по правам человека в судебном заседании, в соответствии со ст. 43 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – «Конвенция»)* и согласно Регламенту Суда**, Палатой, состоящей из следующих судей:

Р. Риссдал (*R. Ryssdal*), Председатель,

Дж. Кремона (*J. Cremona*),

Ф. Гелькюкю (*F. Golcuklu*),

Ф. Матшер (*F. Matscher*),

Л.-Э. Петтити (*L.-E. Pettiti*),

Б. Уолш (*B. Walsh*),

А. Шпильманн (*A. Spielmann*),

Ж. Де Мейер (*J. De Meyer*),

Р. Пекканен (*R. Pekkanen*), судей

а также при участии М.-А. Эйссена (*M.-A. Eissen*), секретаря и Г. Петцольда (*H. Petzold*), помощника секретаря, проведя 21 ноября 1990 г. и 18 марта 1991 г. закрытые заседания, вынес следующее Постановление в последний из вышеуказанных дней:

¹ Делу присвоен номер 21/1990/212/274. Первое число – номер дела в списке дел, направленных на рассмотрение Суда в год, указанный вторым числом. Последние два числа указывают номер дела в списке дел, рассмотренных Судом начиная с его создания, и в списке соответствующих первоначальных заявлений в Комиссию.

* С изменениями, внесенными статьей 11 Протокола No. 8 (P8-11), вступившего в силу 1 января 1990.

** Изменения в Регламент суда, вступившие в силу 1 апреля 1989, действительны при рассмотрении этого дела.

ПРОЦЕДУРА

1. Дело направлено в Суд Европейской комиссией по правам человека (далее «Комиссия») 6 апреля 1990 г., в трехмесячный срок, установленный п. 1 ст. 32 и ст. 47 Конвенции. Дело возбуждено по жалобе (№ 11800/85) против Французской Республики, поданной в Комиссию, согласно статье 25, гражданином этого государства, Роланом Эзелином 26 октября 1985 г.

2. Обращение Комиссии основывалось на ст. ст. 44 и 48 и на декларации, в которой Франция признала обязательной юрисдикцию Суда (ст. 46). Целью этого обращения было принятие решения относительно того, имеет ли место в данном деле нарушение государством-ответчиком своих обязательств по ст. ст. 10 и 11 Конвенции.

3. В ответ на запрос, сделанный в соответствии с подп. (d) п. 3 ст. 33 Регламента Суда, заявитель сообщил, что он желает принять участие в слушаниях, и назначил адвоката для представления его интересов в суде (ст. 30 Регламента).

4. В состав формируемой Палаты вошли: по должности (*ex officio*) Л.-Е. Петтити, избранный судья французской национальности (ст. 43 Конвенции), и Р. Риссдал, Председатель Суда. (подп. (b) п. 3 ст. 21 Регламента). 3 мая 1990 года, в присутствии секретаря, Председатель путем жребия назначил 7 остальных судей, а именно Ж. Кремона, Ф. Матшера, Б. Уолша, А. Шпильмана, Ж. Де Мейера, Е. Палм и Р. Пекканена. (ст. 43 Конвенции и п. 4 ст. 21 Регламента). Впоследствии Ф. Гелькюкю заменил Е. Палм по причине невозможности последнего принимать участие в дальнейшем рассмотрении дела (п. 1 ст. 22 и п. 1 ст. 24 Регламента).

5. Р. Риссдал вступил в должность Председателя Палаты (п. 5 ст. 21 Регламента) и, действуя через секретаря, проконсультировал представителя французского правительства (далее «Правительство»), делегата Комиссии и адвоката заявителя по процедурным вопросам (п. 1 ст. 37 Регламента). Согласно порядку, установленному 21 мая 1990 г., секретарь получил иск заявителя по ст. 50 Конвенции 27 июля и меморандум Правительства 16 августа. В письме от 21 сентября представитель Комиссии сообщил секретарю, что делегат предоставит свои комментарии на слушаниях.

6. Проконсультировав через секретаря тех, кто предстанет перед судом, председатель указал 6 июля 1990 г., что устные слушания должны быть открыты 20 ноября (ст. 38 Регламента).

7. Слушания проходили во Дворце прав человека в Страсбурге, в назначенный день. Предварительно Суд провел подготовительное заседание.

Перед судом предстали:

(a) от имени Правительства

Ж.-П. Пуиссоше, директор департамента по правовым вопросам Министерства иностранных дел, *Уполномоченный*,
М. Пикар, магистрат, представляющий Департамент по правовым вопросам Министерства иностранных дел,
Ж. Сури, магистрат, представляющий Департамент по правовым вопросам, Министерства юстиции
Ф. Вервел, глава Атлантического бюро Министерства заморских департаментов и территорий, *Консультант*;

(b) от имени Комиссии:

А. Вайтцель, *Делегат*;

(c) от имени заявителя,

С. Вакет, адвокат, выступающий в Государственном совете и в Кассационном суде, *Консультант*.

Суд заслушал доводы Ж.-П. Пуиссоше от имени Правительства, А. Вайтцеля от имени Комиссии и С. Вакета от имени заявителя.

8. 15 февраля 1991 года заявитель выпустил ваучеры в поддержку своего требования о возмещении судебных издержек. От Правительства и от делегата Комиссии не поступило никаких комментариев.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

9. Ролан Эзелин – гражданин Франции, проживающий в Бас-Тере (Гваделупа). Он практикующий адвокат.

А. Предыстория дела

10. 12 февраля 1983 г. несколько профсоюзов и движений за независимость Гваделупы проводили демонстрацию в Бас-Тере, чтобы выразить свой протест против двух решений суда. В результате на трех активистов были наложены штрафы и аресты за нанесение ущерба общественным зданиям. Заявитель, который на тот момент был вице-председателем профсоюза коллегии адвокатов Гваделупы, принимал участие в демонстрации и нес в руках плакат.

11. Старший суперинтендант полиции Бас-Тер в тот же день составил доклад и отправил его местному государственному обвинителю. В докладе с одиннадцатью приложениями был представлен следующий отчет:

«Я был проинформирован по радиосвязи о том, что сегодня с 9 часов несколько движений за независимость проводят демонстрацию на Шам Д'Арбо, Бас-Тер. Мы следили за развитием этой демонстрации, которая проходит в форме шествия по городу. Демонстранты вышли в 10.30 утра и шли по улицам города, скандируя лозунги, направленные против полиции и суда. Во время шествия на многие здания – в частности, на здание Национального банка (*Institut d'émission d'Outre-mer*), известного как Главное казначейство, – были нанесены граффити.

Группа из 450-500 человек покинула Шам Д'Арбо и присоединилась к другой группе в 500 человек на улице Шольшер. Они сформировали компактную группу численностью около тысячи человек, возглавляемую лидерами, которые через громкоговорители объявляли лозунги для скандирования. Среди этих лидеров были опознаны:

Ролан Тезаурос (Университет Вест-Индии-Гайаны); Люк Райнетт, лидер *MPGI* (Популярное движение за независимость Гваделупы), бывший член *GLA*, вышедший из тюрьмы после 10 мая 1981 года; Макс Сафрано, предполагаемый лидер *ALN* (Национальная освободительная армия), против которого ранее были выдвинуты уголовные обвинения и который был выпущен из тюрьмы Бас-Тер днем ранее; Фернан Курье из профсоюза *UTS/UGTG*, недавно (1 февраля 1983) приговоренный апелляционным судом Бас-Тер к 15 суткам ареста и штрафу в размере 10 000 франков; сестра Жозефа Самсона, который был приговорен к тому же наказанию 7 февраля 1983 года уголовным судом Бас-Тер; Розан Муньен, член профсоюза *UTA/UGTG*; Марк-Антуан, осужденный апелляционным судом Бас-Тер 7 сентября 1983 года вместе с Александром, и другие, известные как особые фанатики и убежденные экстремисты, включая Рупэр, и др. Шествие уже достигло особняка Кур-Ноливо, вышло на улицу Республики и могло вскоре приблизиться к фасаду полицейского участка.

В этот момент я доложил о происходящем главному констеблю (позывной «*Polaire*»), который находился у здания суда с двумя нарядами полиции для противодействия уличным беспорядкам, эти наряды мы договорились развернуть в конце бульвара Феликс-Эбуэ, чтобы преградить путь к суду и предотвратить ущерб зданию суда и совета департамента.

В десять минут двенадцатого демонстранты достигли полицейского участка и собрались напротив него.

Пока я готовился к отражению нападений на здание, демонстранты заняли позицию напротив полицейского участка, к ним обращались лидеры, прибывшие из других районов, незнакомые присутствовавшим полицейским. Выступающие, говорившие на креольском диалекте, призвали полицию выйти и присоединиться к ним. Затем последовала жестокая тирада против полицейского Божандра, который был обвинен в предательстве, после чего толпа демонстрантов стала ритмично скандировать «*BEAUGENDRE-МАКО! UN JOUR OU TE PAYE*» («однажды ты заплатишь!»).

Среди демонстрантов были замечены: Ролан Тезаурос, Люк Райнетт, Макс Сафрано, Фернан Курье, Розан Муньен, Рупэр, Марк-Антуан, семья Самсон (см. доклад по. 1), доктор Корентин (см. доклад по. 7) и г-н Эзелин, барристер²; последние два держали лозунг со словами «Юристы – врачи» (см. доклад по. 7). Однако большинство демонстрантов, включая наиболее возбужденных и агрессивных, кажется, были не из Бас-Тер, а с острова Гранд-Тер, и, следовательно, были незнакомы полицейским.

Демонстранты покинули полицейский участок около 11.30 утра и направились к суду, а также к зданию совета департамента. Тогда мой старший констебль, который все это время был в курсе событий, сообщил, что отказался от планов оцепить нижнюю часть бульвара Эбуэ с целью не допустить демонстрантов к двум опасным точкам: суду и совету департамента – потому что численное превосходство демонстрантов было слишком велико.

Шествие проследовало дальше по бульвару Феликс-Эбуэ и достигло Шам Д'Арбо и рассредоточилось после двух продолжительных остановок. Во время остановок участники произносили речи и скандировали лозунги, сначала напротив суда, с целью оскорбить судей, а затем около тюрьмы, чтобы выразить солидарность с заключенными активистами. Когда демонстранты прошли, обнаружилось, что они использовали эти остановки, чтобы написать оскорбительные надписи зеленым, красным и черным цветом на стенах административных зданий.

Расследованию, которое было произведено тут же, не удалось выявить виновных в порче зданий. Согласно полученной информации, большинство надписей было сделано девушками, живущими за пределами Бас-Тер, несомненно с целью затянуть процесс опознания. Одной из них была учительница из Пуант-а-Питре, но это не установлено достоверно. Служба разведки (*Renseignements généraux*) подтвердила, что лица, ответственные за надписи, были в числе демонстрантов, прибывших на автомобиле из Пуант-а-Питре. Их личности были неизвестны.

Я посылаю вам этот доклад в теперешнем виде.

Однако сотрудники моего участка уделяют все необходимое внимание этому делу.

Любые новые обстоятельства или информация, которая позволит установить личности преступников, будет немедленно использована, и я не замедлю сообщить ее вам».

В. Судебное следствие

12. 21 февраля 1983 г. было возбуждено судебное следствие в отношении неизвестного лица или лиц по обвинению в нанесении противозаконного ущерба общественным зданиям и оскорблении судебной власти.

13. 24 февраля, главный государственный обвинитель в апелляционном суде Бас-Тер написал председателю коллегии адвокатов Гваделупы следующее:

«Я посылаю вам копию доклада полиции от 21 февраля, из которого следует, что г-н Эзелин, член коллегии адвокатов Гваделупы, участвовал в демонстрации против судебной власти при обстоятельствах, которые могут повлечь уголовную ответственность по Статье 26 Уголовного кодекса» (см. пункт 23 ниже).

² Барристер – (англ. barrister, от bar – барьер в зале суда, за которым находятся судьи), адвокат, имеющий право выступать в суде. Во Франции существует три категории адвокатов, имеющих право выступать в суде: солиситоры, барристеры и барристеры перед Советом. (от. редактора)

«Прошу Вас сообщить мне Ваше мнение по этому делу после того, как Вы выслушаете объяснения своего коллеги».

14. В письме от 14 марта 1983 г. председатель коллегии адвокатов сообщил старшему государственному обвинителю о результатах своего расследования следующее:

«... Г-н Эзелин не держал лозунг вместе с другим человеком, он сам держал плакат со словами «Профсоюз коллегии адвокатов Гваделупы против Акта о безопасности и свободе».

Ему нельзя приписать ни одного действия, жеста или фразы, оскорбляющей судебную власть.

Его участие в демонстрации, таким образом, было ограничено протестом против применения Акта о безопасности и свободе.

<...>».

Он заключил, что:

«На основании случившегося, и принимая во внимание:

(а) факты: даже если предположить худшее в отношении г-на Эзелина, доклад старшего суперинтенданта не обвиняет его в оскорбительных жестах, действиях или высказываниях;

(б) положения статьи 226 Уголовного кодекса, мне не кажется, что мой коллега г-н Эзелин мог нарушить какое-либо обязательство тем, что воспользовался своим правом присоединиться к демонстрации, которая не была запрещена, и держать плакат со словами «Профсоюз коллегии адвокатов Гваделупы против Акта о безопасности и свободе».

<...>».

15. 25 апреля 1983 г. заявитель был вызван к судье, ведущему судебное следствие, чтобы дать показания в качестве свидетеля. В интервью он заявил, что не может ничего сказать по существу дела.

16. 19 мая 1983 г. судебное следствие закончилось приказом об освобождении, поскольку не удалось получить доказательств, которые позволили бы идентифицировать ответственных за нанесение надписей или за оскорбления и угрозы, произнесенные в ходе демонстрации.

С. Дисциплинарные наказания заявителя

1. Решение совета коллегии адвокатов

17. 1 июня 1983 г. главный государственный обвинитель послал председателю Коллегии адвокатов жалобу на заявителя, следующего содержания:

«В продолжение моего письма от 24 февраля 1983 г. и нашего разговора 31 мая, я хочу привлечь Ваше внимание, на основании статьи 113 Постановления от 9 июня 1972 г. (см. ниже § 25) к поведению г-на Эзелина, имя которого значится в составе Коллегии адвокатов Гваделупы.

В предыдущем письме я посылал Вам копию доклада полиции от 21 февраля 1983 г., в котором был предоставлен отчет об участии г-на Эзелина в демонстрации в Бас-Тер 12 февраля 1983 г.

Целью демонстрации было выразить протест против двух судебных решений, первое из которых было вынесено 1 февраля 1983 г. апелляционным судом Бас-Тер в отношении Фернана Курье, другое принято 7 февраля 1983 г. трибуналом высшей инстанции Бас-Тер в отношении Жерара Квидала и Жозефа Самсона. Они были обвинены в нанесении ущерба общественным зданиям.

В ходе демонстрации на здание суда было нанесено краской несколько особенно оскорбительных надписей. Надписи называли одного из судей, участвовавшего в принятии одного из решений, фашистом, а всех судей называли «мако» (проститутки).

Демонстранты неоднократно скандировали угрозы в адрес полицейских, которые присутствовали при этом событии.

Судья начал судебное следствие в отношении неизвестного лица или лиц по обвинению в нанесении противозаконного ущерба общественным зданиям, оскорблении судебной власти, пособничестве и подстрекательстве.

Все люди, которые, согласно докладу, принимали участие в демонстрации, были опрошены и сообщили, что либо не видели, чтобы кто-либо наносил надписи, либо, по крайней мере, не знают людей, ответственных за это.

Только г-н Эзелин отказался отвечать на вопросы.

Поскольку в результате рассмотрения дело было закончено приказом об освобождении, я посылаю вам копию протокола его допроса в качестве свидетеля, допрос был отложен более чем на месяц для его удобства.

Такое отношение, по моему мнению, подкрепляет предположение о том, что г-н Эзелин, которому была известна цель демонстрации (см. копии буклетов, которые раздавались на ней), хотел своим участием открыто присоединиться к критике судебной власти в Гваделупе со стороны политической организации, и о том, что во время происшествий ни угрозы, ни оскорбительные надписи, направленные против судей, не удивили его и не шокировали его как барристера.

Более того, его отказ отвечать на вопросы судьи, ведущего судебное следствие, показывает его презрительное отношение к правосудию.

Учитывая эти обстоятельства, я считаю, что в данном случае была нарушена статья 106 Постановления от 9 июня 1972 г. (см. ниже п.25) и прошу вас провести дисциплинарные слушания в отношении г-на Эзелина перед Советом коллегии адвокатов.

<...>.

18. На дисциплинарных слушаниях, проведенных согласно статье 104 Постановления № 72-468 от 9 июня 1972 г. (см. ниже п. 25), Совет коллегии адвокатов принял следующее решение 25 июля 1983 г.:

<<...>

По запросу главного общественного обвинителя, председатель Совета коллегии адвокатов 14 марта 1983 г. уже представил свое мнение относительно первой серии обвинений против г-на Эзелина. Из этого мнения, а также из дальнейших объяснений, полученных от г-на Эзелина следует, что он принял участие в демонстрации по призыву профсоюза коллегии адвокатов Гваделупы, одним из лидеров которого он является, с целью выразить свой протест против прямого заключения под стражу – без проведения предварительного судебного расследования – и продления срока действия так называемого Акта о безопасности и свободе, который с тех пор был отменен. Из судебного расследования не следует, что г-н Эзелин нарушил статью 106 Постановления от 9 июня 1972 г. в связи с участием в вышеупомянутой демонстрации, и что к нему может быть применено какое-либо дисциплинарное наказание.

Более того, допросы об этих событиях закончились приказом об освобождении, который уже вступил в силу.

Что касается второй серии обвинений против г-на Эзелина, в ходе судебного следствия и объяснений г-на Эзелина следует, что отказ от дачи показаний судье, ведущему следствие, объясняется опасениями в связи со статьей 105 Уголовного процессуального кодекса (см. ниже п. 24) и желанием соблюсти статью 89 Постановления от 9 июня 1972 г., – см. ниже п. 25 – так как некоторые люди, вызванные судьей, ведущим следствие, в связи с событиями, по которым он был приглашен в качестве свидетеля, ранее консультировались с ним как с адвокатом.

Г-н Эзелин подтвердил, что в письме от 24 февраля 1983 г. главный государственный обвинитель действительно сообщил председателю коллегии адвокатов, что г-н Эзелин «принял участие в публичной демонстрации против судебной власти при обстоятельствах, которые могут повлечь уголовную ответственность по статье 226 Уголовного кодекса».

Г-н Эзелин, будучи уведомленным об этом обвинении, справедливо опирался на положения статьи 105 Уголовного процессуального кодекса.

То, что г-н Эзелин не объяснил судье причины своего отказа от дачи показаний, возможно, вызывает сожаления, однако, по мнению Совета, этот отказ не может рассматриваться как выражение презрения к правосудию и судебной власти. Более того, если бы отказ создавал достаточно серьезную преграду для адекватного рассмотрения дела, судья, ведущий судебное следствие, мог бы воспользоваться положениями статьи 109 Уголовного процессуального кодекса (см. ниже п. 24). Прокурор также мог сделать необходимые заявления до приказа об освобождении и закрытии дела, по которому г-н Эзелин был вызван в качестве свидетеля.

Таким образом, учитывая объяснения г-на Эзелина и его безупречное профессиональное поведение, Совет полагает, что основания для наложения дисциплинарных санкций на г-на Эзелина отсутствуют.

По этим причинам,

Совет коллегии адвокатов, исполняя присущую ему дисциплинарную функцию и от имени первой инстанции,

Решает:

1. Нет никаких оснований для наложения дисциплинарных санкций на г-на Ролана Эзелина в связи с вопросами, поднятыми главным государственным обвинителем 1 июня 1983 г.

2. Совет рекомендует председателю коллегии адвокатов напомнить г-ну Эзелину и остальным сотрудникам устоявшиеся правила поведения в тех ситуациях, в которых они выступают в статусе адвоката.

<...>».

2. Решение апелляционного суда Бас-Тер от 12 декабря 1983 года

19. Главный государственный обвинитель опротестовал это решение в апелляционном суде Бас-Тер. На слушаниях он попросил суд наложить на заявителя дисциплинарное наказание в виде предупреждения.

20. 12 декабря 1983 года апелляционный суд отменил решение Совета коллегии адвокатов и наложил более тяжелое, чем предупреждение, дисциплинарное наказание – выговор.

«<...>

Установлено, что 12 февраля 1983 г. г-н Эзелин принимал участие в демонстрации на улицах Бас-Тер.

Доклад полиции и приобщенные к делу документы ясно и неоднозначно свидетельствуют о том, что признанной целью демонстрации, организованной движениями за независимость в округе, было выражение протеста против приговоров, вынесенных недавно в отношении трех активистов – 15 дней ареста и штраф размером 10 000 франков за нанесение ущерба административным зданиям».

(Далее следовало краткое изложение доклада, приведенного выше в пункте 11)

«Нет оснований утверждать, что г-н Эзелин, участвуя в демонстрации, проявлял какую-либо иную активность, чем постоянное присутствие и несение плаката.

После этих событий было начато судебное следствие в отношении неизвестного лица или лиц, по обвинению в нанесении ущерба общественным зданиям, оскорблении судебной власти, пособничестве и подстрекательстве. Г-н Эзелин был вызван судьей, ведущим судебное следствие, в качестве свидетеля, вместе с несколькими другими людьми, которые были опознаны полицейскими. После принятия присяги его допрос продолжался, как записано ниже:

«Вы объясняете мне обстоятельства, которые послужили основанием для этого дела. Мне нечего сказать по этому поводу..

После паузы: Я повторяю, что мне нечего сказать по данному вопросу.

Вопрос: Вы присутствовали на демонстрации, которая происходила 12 февраля прошлого года на улицах Бас-Тер? Если да, видели ли вы, как кто-либо писал что-либо на стенах различных зданий в городе?

Ответ: Мне нечего пояснить по этому вопросу.

Прочитано, подтверждено и подписано мной и секретарем».

Из вышеприведенного следует, что г-н Эзелин, адвокат апелляционного суда и член Совета коллегии адвокатов, участвовал во всей демонстрации, которая, несомненно, происходила при вышеописанных обстоятельствах.

Во время демонстрации постоянно озвучивались серьезные угрозы в адрес констебля, участники выкрикивали оскорбления в отношении других персон, включая судью апелляционного суда, известную в регионе фигуру, и в отношении судебной власти в целом. Стены зданий суда и совета департамента были покрыты особенно оскорбительными надписями, направленными против тех же людей.

Не подлежит сомнению, что г-н Эзелин, который был участником шествия, в частности, в тот момент, когда оно останавливалось у полицейского участка, суда и тюрьмы, не мог не увидеть, как эти оскорбительные надписи наносились очень крупными буквами на стенах суда – который в равной степени является местом работы судей и барристеров, – и на здании совета департамента. Он не мог не слышать угроз и оскорблений, которые беспрестанно раздавались в адрес одних и тех же людей.

Он присутствовал там в качестве адвоката, поскольку нес плакат, заявлявший о его профессии, но не отмежевался от оскорбительных действий демонстрантов и не покинул шествие.

Такое поведение члена коллегии адвокатов, который публично заявляет о ненужности своей профессии, не может быть оправдано личными убеждениями или инструкциями профсоюза (на что ссылается г-н Эзелин) и является нарушением беспристрастности согласно статье 106 Постановления от 9 июня 1972 г.

Более того, г-н Эзелин на допросе в качестве свидетеля, отказался предоставить судье, ведущему следствие, показания по тем вопросам, которые были ему известны, без объяснения каких-либо причин.

Таким образом, он нарушил ст. 109, п. 3 Уголовно-процессуального кодекса, которая обязательна для исполнения всеми гражданами, и о требованиях которой он как юрист не мог не знать.

Поскольку г-н Эзелин нарушил устав и проявил отсутствие беспристрастности, он навлек на себя дисциплинарные санкции по ст.107 Постановления от 9 июня 1972 года (см. ниже п. 25).

Принимая во внимание единогласный положительный отзыв о его профессиональном поведении, суд полагает, что нужно применить наказание в виде выговора.

Таким образом, суд, принимая во внимание раздел 22 и далее Акта №71-1130 от 31 декабря 1971 г. и статьи 104 и далее Постановления № 72-468,

заседая открыто и в полном составе,

отменяет решение, принятое 25 июля 1983 г. Советом коллегии адвокатов департамента Гваделупа в апелляционном суде Бас-Тер, заседая в качестве дисциплинарного совета,

приговаривает г-на Эзелина, члена этой коллегии, к дисциплинарному наказанию в виде выговора и возлагает на него судебные издержки.

<...>».

(*Gazette du Palais*, 9 февраля 1984, юриспруденция, с. 76-77.)

3. Решение суда кассационной инстанции от 19 июня 1985 г.21.

21. Заявитель подал апелляционную жалобу на основании закона. В частности, он утверждал, что дисциплинарные санкции были наложены на него в нарушение ст. ст. 10 и 11 Конвенции.

19 июня 1985 г. Кассационный суд (первая судебная коллегия по гражданским делам) вынес решение, отменяющее ранее вынесенное определение. В нем говорилось, в том числе:

«...»

Апелляционный суд ... не признал г-на Эзелина виновным в силу коллективной ответственности за уголовные преступления, совершенные другими демонстрантами, но констатировал, что во время демонстрации, целью которой было выражение громкого протеста против приговоров, вынесенных накануне, на все стены суда были нанесены оскорбительные надписи против судебной власти в целом, а также в адрес судьи апелляционного суда, названного по имени, и барристера, который был известной фигурой в департаменте.

Апелляционный суд добавил, что г-н Эзелин, присутствовавший на демонстрации как адвокат, слышавший угрозы и оскорбления и видевший надписи, нанесенные на стены суда, место работы судей равно как и барристеров, ни разу не выразил свое неодобрение этих нарушений, не покинул шествие, чтобы отмежеваться от преступных действий. Было решено, что из этого следует, что такое поведение нарушает правило беспристрастности и подлежит дисциплинарному наказанию.

<...>

Статья 109 Уголовно-процессуального кодекса возлагает обязанность давать показания на любого человека, который выступает свидетелем; согласно статье 106 Постановления от 9 июня 1972 г., любое нарушение законов или подзаконных актов составляет административное преступление, вне зависимости от того, вправе ли судья оштрафовать свидетеля, кото-

рый отказывается давать показания. Апелляционный суд выяснил, что в ответ на вопросы, поставленные судьей, ведущим следствие, в частности, на вопрос «Присутствовали ли Вы на демонстрации на улицах Бас-Тер 12 февраля 1983 года?» г-н Эзелин ответил только «Мне нечего сказать по этому вопросу». Суд добавил, что г-н Эзелин не предоставил никаких объяснений своей позиции. Это позволило заключить, что г-н Эзелин, отказавшись давать показания, не объяснив причин своего отказа ни статьей 105 Уголовно-процессуального кодекса, ни профессиональной тайной, нарушил закон, а также правило беспристрастности перед лицом судьи, что является дисциплинарным нарушением.

Таким образом, апелляционный суд подкрепил свое решение законом, в то время как ни одно из оснований для апелляции не обосновано».

(*Gazette du Palais*, 11-12 октября 1985 г., с. 16 и 17).

II. ВНУТРЕННЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА

22. Необходимо изложить положения законов Франции:

A. Общие положения

1. Уголовный кодекс

23. Ст. 226, п. 1

«Человек, попытавшийся при каких-либо обстоятельствах публично дискредитировать действиями, письменной или устной речью какое-либо действие или решение, принятое судом, таким образом, что это могло повредить его авторитету, подлежит аресту на срок не менее одного но не более шести месяцев и штрафу размером не менее 500 франков и не более 90 000 франков, или только одному из этих наказаний».

2. Уголовно-процессуальный кодекс

24. Ст. 105

«Судья, ведущий судебное следствие, а также судьи и старшие офицеры полиции (*officiers de police judiciaire*), действующие на основании судебного ордера, в целях предотвращения нарушения права на защиту, не должны рассматривать в качестве свидетелей людей, в отношении которых существуют весомые и последовательные непротиворечивые доказательства вины».

Ст. 109

«Человек, вызванный на допрос в качестве свидетеля, должен явиться, принять присягу и дать показания, согласно положениям ст. 378 Уголовного кодекса (обязанность хранить профессиональную тайну).

Если свидетель не явился, он может быть доставлен полицией к судье, ведущему следствие, по заявлению государственного обвинителя. На свидетеля может быть наложен штраф размером не менее 2 500 и не более 5 000 франков. Если свидетель явился впоследствии, принес извинения и предоставил объяснение, он может быть освобожден от наказания судьей, ведущим следствие, по заявлению государственного обвинителя.

Такое же наказание, по запросу государственного обвинителя, может быть наложено на свидетеля, который явился, но отказался принимать присягу и давать показания.

...».

В. Положения, относящиеся к адвокатам

1. Положение от 9 июня 1972 г. «О профессии адвоката, в исполнение Акта от 31 декабря 1971 г., реформирующего некоторые судебные и юридические профессии».

25.

Ст. 89

«Адвокат ни в коем случае не должен раскрывать информацию в нарушение профессиональной тайны. В частности, он должен соблюдать тайну судебного следствия по уголовным делам, воздерживаясь от сообщения какой-либо информации по делу и от публикации писем или других документов, касающихся следствия».

Ст. 104

«Совет коллегии адвокатов, заседаая в качестве дисциплинарной комиссии, должен возбудить расследование и наказать преступления и ненадлежащее поведение адвоката, если он в соответствующее время вступил в коллегияу в качестве адвоката, стажера или общественного защитника».

Ст. 106

«Любое нарушение адвокатом законодательных или подзаконных актов, профессиональных правил, отступление от принципов неподкупности, честности и беспристрастности, даже за пределами профессиональной сферы, влечет за собой ответственность в виде дисциплинарных санкций, перечисленных в ст. 107».

Ст. 107

«Дисциплинарным наказанием может быть:

Предупреждение; выговор; временное отстранение от профессиональной деятельности на период до трех лет; исключение из списка адвокатов, стажеров или общественных защитников.

Предупреждение, выговор или временное отстранение могут повлечь за собой потерю членства в коллегии адвокатов на период не более 10 лет, если это обозначено в решении, налагающем дисциплинарное наказание.

В качестве дополнительного наказания Совет коллегии адвокатов может принять решение о том, что информация о дисциплинарных наказаниях должна быть опубликована в издании коллегии».

Ст. 113

«Председатель Коллегии адвокатов, по своей инициативе или на основании заявления от главного государственного обвинителя или любой затронутой стороны, должен сделать запрос о поведении адвоката. Затем председатель либо прекращает следствие, либо передает рассмотрение дела в Совет коллегии адвокатов.

В случае получения жалобы председатель должен проинформировать заявителя. Если заявление поступило от главного государственного обвинителя, он должен уведомить последнего <...>».

2. Акт от 15 июня 1982 г. «О процедуре, применяемой в случае ненадлежащего профессионального поведения адвоката на судебных слушаниях».

26. Адвокаты связаны клятвой, которую они принимают при вступлении в должность. Текст клятвы изложен в разделе 1 Акта от 15 июня 1982 г.

«Как адвокат, я клянусь защищать и советовать достойно, добросовестно, независимо и гуманно».

До вступления Акта в законную силу клятва формулировалась следующим образом:

«Я клянусь, как адвокат, защищать и советовать достойно, добросовестно, независимо и гуманно, уважая суды, государственную власть и правила коллегии адвокатов, не произносить и не публиковать ничего, что противоречит уставу, законодательству, морали, безопасности государства или общественному порядку» (ст. 23 Постановления от 9 июня 1972 г.).

«Адвокат, давший клятву до вступления в силу Акта от 15 июня 1982 г, считается принявшим клятву в ее настоящей форме».

27. В решении от 9 июня 1964 г. Кассационный суд (первая судебная коллегия по гражданским делам) постановил, что клятва «также обязывает адвоката при любых обстоятельствах соблюдать уважение к судам и государственной власти <...>».

(Juris-Classeur périodique 1964, II, no. 13797, запись J.A.).

Более того, в решении от 10 июня 1965 г. (Судебная коллегия по уголовным делам, Бювье) Кассационный суд постановил, что адвокат, обязанный выразить протест против любого нарушения права на защиту, тем не менее, должен воздерживаться от любых суждений о чести или беспристрастности судьи.

РАЗБИРАТЕЛЬСТВО В КОМИССИИ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

28. Жалоба, поданная г-ном Эзелином в Комиссию (№ 11800/85) 16 октября 1985 г., основана на ст. ст. 10 и 11 Конвенции. Он заявил, что дисциплинарные санкции, наложенные на него, грубо нарушают его право на свободу выражения мнения и право на свободу мирных собраний.

29. Комиссия приняла заявление к рассмотрению 13 марта 1989 г. В своем докладе от 14 декабря 1989 г. (сделанном согласно ст. 31) она выразила мнение о том, что имело место нарушение статьи 11 (пятнадцать голосов против шести), и что не возникло вопросов для отдельного рассмотрения по ст. 10. Полный текст мнения Комиссии и особое мнение, содержащееся в докладе, представлено в приложении к этому решению.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ В СУД

30. На слушаниях 10 ноября 1990 г. представитель Правительства защищал заявления, сделанные в его меморандуме. Он просил Суд вынести решение о том, что нарушения ст. 11 не имели место, и поддержать мнение Комиссии о том, что нет причин для отдельного рассмотрения дела по ст. 10.

Адвокат заявителя попросил Суд признать, что имело место ограничение свободы выражения мнения и нарушение права на свободу мирных собраний, гарантированных ст. ст. 10 и 11, и просил присудить его клиенту запрашиваемую компенсацию.

ПРАВО

31. Заявитель считает, что дисциплинарные санкции, наложенные на него апелляционным судом Бас-Тер, препятствовали реализации его прав на свободу выражения мнения и на свободу мирных собраний, гарантированных ст. ст. 10 и 11 Конвенции.

32. Правительство обратило внимание на то, что целью санкций было также наказать г-на Эзелина за его отказ давать показания судье, ведущему следствие. Они критиковали Комиссию за утверждение о том, что участие заявителя в демонстрации было единственным основанием в деле.

33. Фактически, заявитель был наказан за то, что он не выразил своего неодобрения «оскорбительных действий демонстрантов», не покинул шествие, чтобы отмежеваться от них, а также отказался давать показания, не упомянув при этом ст. 105 Уголовного кодекса о профессиональной тайне (см. выше п. п. 10 и 21). Он был вызван судьей, ведущим судебное следствие, в результате участия в демонстрации. Поэтому вопрос отказа от дачи показаний – который как таковой не подпадает под ст. ст. 10 и 11 – второстепенен. Более того, стоит отметить, что г-н Эзелин не хранил абсолютное молчание в присутствии судьи, ведущего расследование: он заявил, что ему нечего сказать по данному вопросу, так что судья не усмотрел возможности применить п. 3 ст. 109 Уголовно-процессуального кодекса (см. выше п. п. 15, 20 и 21).

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 10

34. Заявитель обосновывает один из своих доводов на ст. 10, которая гласит:

«1. Каждый человек имеет право на свободу выражения своего мнения. Это право включает свободу придерживаться своего мнения, получать и распространять информацию и идеи без вмешательства со стороны государственных органов и независимо от государственных границ.

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с формальностями, условиями, ограничениями или штрафными санкциями, предусмотренными законом и необходимыми в демократическом обществе в интересах государственной безопасности, территориальной целостности или общественного спокойствия, в целях предотвращения беспорядков и преступности, защиты здоровья и нравственности, защиты репутации или ав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

35. В обстоятельствах дела, эта статья должна рассматриваться как *lex generalis* по отношению к ст. 11 (*lex specialis*), таким образом,

нет необходимости рассматривать ее отдельно. По этому вопросу Суд согласен с Комиссией.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 11

36. Основной рассматриваемый вопрос касается ст. 11, которая гласит:

«1. Каждый человек имеет право на свободу мирных собраний и свободу ассоциации с другими, включая право создавать профсоюзы и вступать в них для защиты своих интересов.

2. Осуществление этих прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах государственной безопасности и общественного спокойствия, в целях предотвращения беспорядков и преступности, защиты здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц. Настоящая статья не препятствует введению законных ограничений на осуществление этих прав лицами, входящими в состав вооруженных сил, полиции и государственного управления».

37. Несмотря на свою автономность и конкретную сферу применения, ст. 11 в настоящем деле должна рассматриваться в свете ст. 10 (см. постановление по делу «Юнг, Джеймс и Вебстер против Соединенного Королевства» (*Yong, James and Webster v. United Kingdom*), от 13 августа 1981 г., серия А no. 44, с. 23, § 57). Защита личного мнения, гарантированная ст. 10, является одной из целей свободы мирных собраний, закрепленной в ст. 11.

А. Имело ли место вмешательство в право на свободу собраний

38. Согласно доводам Правительства, г-н Эзелин не пострадал от нарушения его прав на свободу собраний и свободу выражения мнения: он беспрепятственно смог принять участие в шествии 12 февраля 1983 г. и публично выразить свои убеждения в своем профессиональном качестве и таким образом, каким хотел; на него наложили взыскание только после этого события и на основании личного поступка, не соответствовавшего обязательствам его профессии.

39. Суд не принимает этот довод. Термин «Ограничение» в п. 2 ст. 11 и ст. 10 не может быть истолкован как включающий санкции, – в том числе карательные – предпринятые только накануне или во время, но не после собрания (см., в частности, относительно ст. 10 постановления по делам «Хандисайд против Соединенного Королевства» (*Handyside v. United Kingdom*), от 7 декабря 1976 г., серия А №24, с. 21, § 43, и «Мюллер и другие против Швейцарии» (*Muller and others v. Switzerland*), от 24 мая 1988 г., серия А, №133, с. 19, § 28).

40. Правительство утверждает, что, несмотря на мирную природу намерений и характер поведения самого г-на Эзелина, санкции, на которые он жалуется, ни в коей мере не нарушили его свободу мирных собраний, учитывая, что демонстрация вышла из-под контроля.

По мнению Комиссии, заявитель не может быть обвинен в том, что его намерения не являлись мирными.

41. Суд обращает внимание, что власти были уведомлены о демонстрации, и она не была запрещена. Присоединившись к ней, заявитель воспользовался своим правом на свободу мирных собраний. Более того, ни отчет старшего суперинтенданта полиции Бас-Тер, ни какое-либо другое свидетельство не подтверждает тот факт, что г-н Эзелин сам угрожал или делал надписи.

Апелляционный суд счел доказанными обвинения в том, что г-н Эзелин «не отмежевался от преступных и оскорбительных действий, предпринятых демонстрантами и не покинул шествие» (см. выше п. 20). Кассационный суд отметил, что он ни разу «не выразил своего неодобрения этих нарушений или не покинул шествие, что-бы отмежеваться от этих преступных действий» (см. выше п. 21).

Суд полагает, что в этом случае было нарушено право заявителя на свободу мирных собраний.

В. Было ли вмешательство оправдано

42. Таким образом, необходимо установить, были ли санкции, в отношении которых подана жалоба, «предписаны законом», вызваны хотя бы одной из законных целей, изложенных в п. 2, и «необходимы в демократическом обществе».

1. Предусмотрено законом

43. Заявитель утверждает, что ст. 106 Постановления от 9 июня 1972 г. ни в коем случае не была направлена на ограничение права собраний адвокатов; более того, общий характер слов «нарушение <...> беспристрастности» не позволяет определить нарушение заранее и дает возможность наложить любые санкции после случившегося.

44. Правительство, напротив, считает, что это положение обязует адвокатов, которые являются «представителями суда» (*auxiliaires de la justice*), уважать ряд профессиональных принципов правового и этического характера. Положение четко определяет, когда поведение, повлекшее за собой наказание, противоречит правилам профессии, как, например, в рассматриваемом деле.

45. Согласно опыту рассмотрения предыдущих дел Судом, норма не может считаться «законом», если она не сформулирована с достаточной точностью, чтобы дать возможность гражданам – если понадобится с помощью консультации – предвидеть, насколько возможны в данных обстоятельствах, последствия, которые может повлечь данное действие (см., среди прочих источников, ранее упомянутое постановление по делу Мюллера и других, серия А по. 133, с. 20, § 29). Тем не менее, опыт показывает, что невозможно достичь абсолютной точности в формулировке законов, в особенности в тех сферах, где ситуация меняется согласно преобладающим представлениям в обществе (там же).

В рассматриваемом деле правовая основа санкций, на которые подана жалоба, лежит полностью в сфере специальных профессиональных правил адвокатов. Ст. 106 Постановления от 9 июня 1972 г. непротиворечиво гласит, что у каждого адвоката, даже за пределами профессиональной деятельности, есть особые обязательства (см. выше п. 25); Кассационный суд вынес решение о том, что эти обязательства включают уважение к судебной власти (см. выше п. 27).

Учитывая изложенное выше, нарушение было «предусмотрено законом».

2. Законная цель

46. По утверждению заявителя, санкции не преследовали законную цель; они препятствовали ему в выражении мнений и требований.

Правительство, с другой стороны, обосновало санкции необходимостью «предотвратить беспорядок».

47. Из показаний очевидно, что г-н Эзелин подвергся наказанию за то, что не отмежевался от неконтролируемых событий, которые произошли во время демонстрации. Как заметила Комиссия, власти придерживаются мнения, что такое отношение отражает тот факт, что заявитель, как адвокат, одобрял и активно поддерживал такие нарушения. Следовательно, вмешательство преследовало законную цель «предотвращения беспорядка».

3. Необходимость в демократическом обществе

48. Согласно доводам заявителя, вмешательство, послужившее основанием для жалобы, не было «необходимо в демократическом обществе». По его словам, заявлять о том, что он должен был покинуть шествие, для того, чтобы выразить свое неодобрение действий, совершенных другими демонстрантами, значит отрицать его право на свободу мирных собраний.

49. Правительство, с другой стороны, выдвинуло довод о том, что рассматриваемая мера, без сомнения, отвечала «общественной необходимости», учитывая, в частности, работу г-на Эзелина в качестве адвоката, а также местные особенности.

Не отмежевавшись от неконтролируемых событий, которые произошли во время демонстрации, заявитель *ipso facto* одобрил их. Более того, они заявили, что для институтов судебной власти было важно отреагировать на поведение «представителя суда» (*auxiliaire de la justice*), которое причинило серьезный ущерб авторитету судебной власти и уважению судебных решений. Наконец, серьезность нарушений профессиональных обязанностей, вмененных заявителю, оправдывает наложенные на него санкции, которые представляли собой легкое символическое наказание, которое не нарушило принцип пропорциональности, изложенный в предыдущих решениях суда.

50. Комиссия возразила, что дисциплинарное наказание, основанное на впечатлении от поведения г-на Эзелина, не соотносится со строгим требованием «сильной общественной необходимости» и, таким образом, не может считаться «необходимым в демократическом обществе».

51. Суд рассмотрел обсуждаемые дисциплинарные санкции в свете дела в целом, для того чтобы установить, были ли они пропорциональны преследуемой законной цели, учитывая общественную значимость свободы мирных собраний и свободы выражения мнения, которые тесно связаны в этом случае.

52. Принцип пропорциональности требует соблюдения баланса между преследуемыми целями, перечисленными в ст. 11 § 2, и требованиями гарантий свободы выражения мнения через слово, жесты или даже молчание людей, собравшихся на улице или в других публичных местах. Стремление к справедливому балансу не должно привести к тому, что опасение дисциплинарных санкций будет препятствовать адвокатам в выражении своего мнения.

53. Следует признать, что наказание, наложенное на г-на Эзелина, находится в самом низу шкалы дисциплинарных наказаний, перечисленных в ст. 107 Положения от 9 июня 1972 г. (см. выше п. 25); оно имело в большей степени моральную силу, так как не влекло за собой никакого, даже временного, запрета на работу по профессии или на членство в Совете коллегии адвокатов. Тем не менее, Суд полагает, что свобода принимать участие в мирных собраниях – в данном случае, в незапрещенной демонстрации – настолько важна, что не может быть ограничена никоим образом, даже для адвоката, если только сам человек не совершит предосудительных действий на таком мероприятии.

То есть, санкции, послужившие предметом жалобы, какими бы минимальными они не были, не кажутся «необходимыми в демократическом обществе». Соответственно, они нарушили ст. 11.

III. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 50 КОНВЕНЦИИ

54. Ст. 50

«Если Суд установит, что решение или мера, принятые судебными или иными властями Высокой Договаривающейся Стороны, полностью или частично противоречат обязательствам, вытекающим из настоящей Конвенции, а также если внутреннее право упомянутой Стороны допускает лишь частичное возмещение последствий такого решения или такой меры, то решением Суда, если в этом есть необходимость, предусматривается справедливое возмещение потерпевшей стороне».

В соответствии с этим положением, заявитель потребовал компенсации ущерба и возмещения судебных издержек.

А. Ущерб

55. Г-н Эзелин потребовал компенсации за нематериальный ущерб в размере 25 000 французских франков, на основании того, что последовавшие публикации о санкциях, которые послужили предметом жалобы, в журналах о праве и местной прессе, нанесли ущерб его репутации и интересам.

56. Правительство оставило вопрос на усмотрение Суда, в случае если Суд решит, что ущерб действительно был нанесен.

Делегат Комиссии заявил, что компенсация должна быть назначена, но не предложил конкретной суммы.

57. Учитывая обстоятельства дела, признание того, что произошло нарушение ст. 11 является справедливой компенсацией ущерба, причиненного г-ну Эзелину.

В. Издержки и расходы

58. Заявитель также потребовал возмещения судебных издержек, понесенных в Кассационном суде (15 000 французских франков) и в институтах Конвенции (Комиссия – 10 000 французских франков, Суд – 15 000 французских франков), в размере 40 000 французских франков.

Правительство и делегаты Комиссии не сделали никаких комментариев.

59. На основании имеющейся информации и предыдущих решений, Суд, рассмотрев их беспристрастно, полностью признает требования заявителя.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД:

1. постановил единогласно, что нет необходимости рассматривать дело отдельно по ст. 10;
2. постановил шестью голосами против трех, что имело место нарушение ст. 11;
3. постановил единогласно, что само это решение является достаточной справедливой компенсацией предполагаемого нематериального ущерба;
4. постановил единогласно, что Правительство-ответчик должно возместить заявителю издержки и расходы в размере 40 000 (сорока тысяч) французских франков.

Совершено на английском и французском языках и оглашено во Дворце прав человека в Страсбурге 26 апреля 1991 г.

Рольф Риссдал
Председатель

Марк-Андре Эйссен
Секретарь Суда

В соответствии с § 2 ст. 51 Конвенции и п. 2 ст. 53 Регламента, к решению прилагаются следующие мнения:

- (a) частично особое мнение Р. Риссдала;
- (b) особое мнение Ф. Матшера;
- (c) особое мнение Л.-Э. Петити;
- (d) совпадающее мнение Ж. Де Мейера.

Рольф Риссдал
Председатель

Марк-Андре Эйссен
Секретарь Суда

ЧАСТИЧНО ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ РИССДАЛА

Я согласен с тем, что нет необходимости рассматривать дело отдельно по ст. 10 и что имело место нарушение права г-на Эзелина на свободу мирных собраний по ст. 11. Я также считаю, что оно было предписано законом и преследовало законную цель согласно п. 2 ст. 11, а именно – предотвращение беспорядка. Тем не менее, центральный вопрос, было ли вмешательство необходимым в демократическом обществе. Именно в отношении этого момента мои взгляды отличаются от большинства в Суде.

Французский дисциплинарный кодекс юристов может отличаться от кодексов других стран, особенно в отношении применения дисциплинарных санкций к адвокату за «нарушение принципов не-

подкупности, честности и беспристрастности», как установлено ст. 106 Положения от 9 июня 1972 г. Тем не менее, государству может быть предоставлена определенная свобода усмотрения при признании необходимости в демократическом обществе правил, определяющих профессиональное поведение, и решении о том, были ли они нарушены в каждом конкретном случае.

Несмотря на то, что мнения относительно того, было ли уместным решение Апелляционного суда, подтвержденное Кассационным судом, могут отличаться, я не могу сказать, что дисциплинарная санкция в виде выговора за два профессиональных проступка г-на Эзелина вышла далеко за пределы усмотрения национальных властей. Необходимо отметить, что в существующей шкале наказаний выговор является одной из самых легких дисциплинарных санкций, которая, в данном случае, не повлекла никаких ограничений на свободу заявителя заниматься юриспруденцией.

Таким образом, я заключаю, что нарушение ст. 11 не имело места в настоящем случае.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ МАТШЕРА

Европейская конвенция не включает напрямую никаких правил, относящихся к профессиональной этике; она оставляет их в компетенции сторон. Очевидно, что национальные правила должны согласовываться с Конвенцией, но в этой сфере стороны имеют право на достаточно большую степень усмотрения.

Отношение к поведению членов коллегии адвокатов может отличаться в разных странах. По правилам Франции, члены коллегии адвокатов должны соблюдать «беспристрастность» (*délicatesse*). Ту же идею, хотя сформулированную по-другому, можно найти в законодательстве или профессиональных правилах нескольких европейских стран.

По моему мнению, нет ни малейшего сомнения – в свете обстоятельств дела, изложенных в документах – в том, что заявитель серьезно нарушил обязанность соблюдать «беспристрастность», предписанную ему как адвокату профессиональными этическими правилами. (Под обстоятельствами дела имеются в виду: открытое участие в демонстрации, в ходе которой слишком яркие участники выкрикивали и писали на стенах зданий оскорбления и угрозы против судей и полиции. При этом заявитель ассоциировал себя с демонстрантами. Оскорбительное поведение по отношению к судье, который вызвал его для допроса).

Насколько я понимаю, остается неопределенным, можно ли требовать от адвоката соблюдать правило «беспристрастности» в сегодняшнем либеральном обществе, или, используя язык Конвенции

(или язык предыдущих постановлений Суда), была ли санкция (которая в любом случае была минимальной и, следовательно, пропорциональной в данных обстоятельствах), наложенная за поведение, противоречащее требованию «беспристрастности» «необходимой в демократическом обществе».

Большинство в Суде полагает, что нет; по причинам, только что изложенным, я не могу разделить их мнение.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ПЕТТИТИ

Я не проголосовал вместе с большинством по следующим причинам.

Я полагаю, что большинство, так же как и Комиссия, ограничилось рассмотрением ст. 11. Тем не менее, имел место и второй аспект.

1. Что касается свободы проведения демонстраций, и толкования § 2 ст. 11, неочевидно, что минимальные, исключительно моральные, санкции, наложенные после происшествия, имели достаточно сильное действие, чтобы препятствовать свободе демонстраций.

Что касается остального, большинство не уделило необходимого внимания пределам пропорциональности в деле (*см., в том числе, постановления по делам «Хандисайд, Мюллер и другие» и «Маркт Интерн»*).

2. Другой аспект был затронут представителем Правительства Франции в меморандуме и на слушаниях: может ли государство регулировать отношения между судебной властью и коллегией адвокатов в области профессиональной этики так, чтобы иметь возможность оценивать поведение участников судебного процесса с точки зрения беспристрастности, которая требуется от членов коллегии адвокатов и судей, в случае этой демонстрации или в отношении других отдельных происшествий?

Если так, согласуются ли санкции, наложенные в результате дисциплинарного рассмотрения и на основании национального законодательства, с Конвенцией с точки зрения предела свободы усмотрения/пропорциональности?

Я не смог найти точного ответа на эти два вопроса в обосновании Суда.

По первому вопросу, с моей точки зрения, большинство не обосновало свой довод о том, что последовавшие санкции могли отвлечь человека от участия в другой демонстрации в дальнейшем.

Если это действительно так, необходимо в каждом случае выражать мнение относительно пропорциональности: уточняя когда примененные санкции становятся непропорциональными?

Суд мог бы принять подход, основанный на аргументах, изложенных в деле «Альберт и Ле Комт против Бельгии» при определении критериев применения ст. 6 в связи с соблюдением гражданских прав и обязанностей. Более того, были ли опротестованные санкции сдерживающим средством или исключительно символической мерой?

Требование о том, что вмешательство, признанное законным, должно быть пропорционально для соблюдения общественного интереса, предполагает прямо пропорциональное соотношение между этими элементами.

В случаях, когда суд оценивает это соотношение, он рассматривает его в общем виде, в свете пределов свободы усмотрения, находящейся в компетенции Государств; тем не менее, я не нахожу в настоящей аргументации суда этих обычных критериев, ни в отношении сильной общественной необходимости, ни в отношении необходимости в демократическом обществе. Комиссия и Суд сосредоточились в основном на свободе демонстраций.

Не было никакой критики, основанной на Конвенции и направленной на поведение властей в отношении самой демонстрации; Суд истолковал ст. 11 с точки зрения последовавших санкций.

Поскольку суд утверждает, что ст. 10 нужно рассматривать как *lex generalis* по отношению к ст. 11, *lex specialis*, и, следовательно, нет необходимости рассматривать ст. 10 отдельно, необходимо заметить, что п. 2 ст. 10 гласит следующее:

«Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с формальностями, условиями, ограничениями или штрафными санкциями, предусмотренными законом и необходимыми в демократическом обществе в интересах государственной безопасности, территориальной целостности или общественного спокойствия, в целях предотвращения беспорядков и преступности, защиты здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

Сходное понятие можно найти в анализе пропорциональности.

В п. 52 решения Суд сослался на необходимость установить справедливый баланс, чтобы не препятствовать отдельным людям в выражении их взглядов; в п. 53 говорится, что свобода участия в собрании не может быть ограничена, пока человек не повел себя предосудительно.

Косвенно эта аргументация предполагает наличие ссылки на оценку пропорциональности или на определение того, что является предосудительным; это не было выражено прямо.

Разумеется, правда, что диапазон решения суда ограничен делом, переданным в Суд, а также тем фактом, что рассмотрение Судом права свободно участвовать в демонстрациях вытеснило рассмотрение других проблем. Суд в кратком изложении дела заметил, что не было создано никаких препятствий на пути демонстрации, несмотря на ее противоречивый характер, и что ни одно уголовное дело не дошло до суда, все они закончились приказом об освобождении, который не оспаривался.

По другому вопросу обоснование решения может показаться спорным: большинство отвергает доводы Правительства относительно отказа давать показания (ст. 109 Уголовно-процессуального кодекса), приняв точку зрения, что вызов в качестве свидетеля был следствием участия в демонстрации. Требования ст. 109 применяются вне зависимости от фактов, предшествовавших вызову к судье. Было бы предпочтительно в этой связи обратить внимание на особое положение адвокатов и соответствующую практику по этому вопросу во Франции.

Мне также жаль, что большинство не сослалось на пределы свободы усмотрения, предоставленной Государству в этой области и основанной на вторых пунктах ст. ст. 10 и 11. Если бы это было сделано, Суд, без сомнения, процитировал бы предыдущие решения, по которым право на усмотрение предоставляется Государствам в большей или меньшей степени, в зависимости от рассматриваемых дел и статей.

Можно было бы заметить, что в случае отношений судья/адвокат и дисциплинарного расследования (правильное соотношение = поведение человека: суровость санкций) степень усмотрения может быть, по крайней мере, столь же широкой, как в делах Хандисайд и Маркт Интерн. Во всех случаях неизбежно возникал вопрос пропорциональности, который нужно было рассматривать и определять, что не было сделано.

Поскольку Суд, согласившись с Комиссией по этому вопросу, не рассматривал напрямую (см. п. 33) проблему отношений судья/адвокат в свете ст. ст. 106 и 107 Постановления от 9 июня 1972 г. и ст. 8 Акта от 15 июня 1982 г. в отношении присяги, решение оставляет вопрос соответствия этих положений Конвенции открытым. Совет коллегии адвокатов также отметил вышеупомянутые положения потому что в п. 2 исполнительной части его решения он напомнил всей коллегии о «традиционных правилах хорошего поведения и разумного рассмотрения в суде во всех действиях, в которые они могут быть вовлечены в качестве адвоката».

Таким образом, существует парадокс, который может сделать аргументацию суда противоречивой. Поскольку дисциплинарные

санкции поставлены в зависимость от наличия наказуемого или предосудительного поведения, власти поощряются в принятии решений по уголовным делам, в то время как французская традиция, особенно в отношении обвинения по мелким делам, предпочитает оставлять дело на рассмотрении в рамках дисциплинарного расследования по ст. 106.

Суд, как и Комиссия, показал важность свободы демонстраций, но создало ли рассматриваемое дело подходящий прецедент для выражения этого принципа?

СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ДЕ МЕЙЕРА

Я охотно признаю, что «не было необходимости в отдельном рассмотрении дела по ст. 10»³. Но, по моему мнению, это должно было означать, что необходимо рассмотреть его не просто в связи со ст. 11, даже рассматривая эту статью «в свете ст. 10»⁴, а, скорее, в связи с обеими статьями, взятыми вместе.

Принимая участие в рассматриваемой демонстрации, заявитель фактически воспользовался и свободой выражения мнения, и свободой собраний, и поведение, вызвавшее критику, имело место в рамках первого, в равной степени как и последнего. В этом случае обе свободы были «тесно связаны»⁵: соблюдение каждой из них было неотъемлемо связано с соблюдением другой.

По моему мнению, аргументация, выдвинутая в решении, показывает, что имело место нарушение и свободы выражения мнения, и свободы собраний⁶.

³ П. 1 процедурных положений решения.

⁴ П. 37 решения.

⁵ П. 51 решения.

⁶ См., в частности, п. 52 решения.

**СТАНКОВ И ОБЪЕДИНЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
МАКЕДОНИИ «ИЛИНДЕН» ПРОТИВ БОЛГАРИИ**
STANKOV AND UNITED MACEDONIAN ORGANISATION
«ILINDEN» v. BULGARIA

Жалобы № 29221/95
№ 29225/95

Постановление Суда
Страсбург

2 октября 2001 г.

Перевод с английского – М.В. Виноградов

Понятие свободы собраний § 77

Запреты на проведение публичных мероприятий
§ 79, 81, 97

Запреты мероприятий с неудобной тематикой § 90

Запреты мероприятий по причине «нецелесообразности» § 90

«Предотвращение» публичных мероприятий § 94

Прекращение мероприятий, проводимых с уведомлением властей. Задержания участников. § 90, 97

Прекращение мероприятий, не требующих уведомления властей § 90

Дискриминация при реализации права § 97, 100

Идеалы и ценности демократического общества
§ 97, 88, 86

Недопустимость ограничительного толкования права
§ 84

Свобода собраний и свобода выражения мнения
§ 84, 85

Мирный / насильственный характер акции
§ 77, 78, 90, 103

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ СУТИ ДЕЛА

Объединённая организация Македонии «Илинден» преследовала такие цели как: «объединение македонцев Болгарии на региональной и культурной основе» и становление «признания македонского национального меньшинства в Болгарии». В своих решениях организация также озвучивала цель: «политическое развитие Македонии» и создание «объединенного независимого македонского государства». В течение ряда лет «Илинден» обращалась за разрешением на проведение собраний в честь исторических событий и всякий раз получала отказ. Членам «Илинден» лишь однажды позволили посетить могилу национального героя в годовщину его смерти, запретив при этом произносить речи, разворачивать флаги и плакаты и играть на музыкальных инструментах.

Европейский Суд по правам человека признал нарушение ст. 11 Конвенции.

Жалоба была удовлетворена, поскольку запрет на проведение собраний не отвечал требованию необходимости в демократическом обществе. Право на мирные собрания следует рассматривать в свете права на свободу выражения мнения, поэтому разрешение провести акцию, обусловленное запретом на произнесение речей, является его нарушением. В демократическом обществе должна обеспечиваться возможность выражения идей, бросающих вызов существующему строю через реализацию права на свободу собраний. Довод Правительства Болгарии о том, что общественным мнением акции «Илинден» воспринимались как оскорбительные, был отклонён. Право на проведение мирных собраний защищает также и те демонстрации, на которых высказываются идеи, негативно воспринимаемые обществом. Общественное мнение не должно защищаться за счет ограничения права национальных меньшинств на выражение своих взглядов.

Суд указал: «Свобода собраний и право на выражение мнения через собрания – одни из важнейших ценностей демократического общества. Сущность демократии – в ее способности разрешать проблемы путем открытых дискуссий. Общие меры превентивного характера для подавления свободы собраний и выражения мнения, помимо случаев призыва к насилию или отказу от демократических принципов, – какими бы шокирующими и неприемлемыми определенные точки зрения не казались органам власти, и какими бы нелегитимными не были бы призывы, – служат плохую службу демократии, вплоть до того, что ставят ее под угрозу»

Право на мирные собрания должно рассматриваться в свете права на свободное выражение мнения.

По делу «Станков и Объединенная организация Македонии «Илинден» против Болгарии» Европейский Суд по правам человека (Секция А), заседая в составе:

- Е. Палм (*E. Palm*), Председатель,
- В. Томассен (*W. Thomassen*),
- Л. Феррари Браво (*L. Ferrari Bravo*),
- Ж. Кассадевал (*J. Casadevall*),
- Б. Зупанчич (*B. Zupancic*),
- Т. Пантиру (*T. Pantiru*),

С. Ботучарова (*S. Botoucharova*), судьи,
а также М. О'Бойл (*M O'Boyle*), Секретарь Суда,
проведя 17 октября 2000 г. и 11 сентября 2001 г. закрытые
заседания, вынес следующее Постановление в последний из вышеу-
казанных дней:

ПРОЦЕДУРА

1. Настоящее дело было инициировано жалобами (№№ 29221/95 и 29225/95), поданными Борисом Станковым (*Boris Stankov*) и Объединенной организацией Македонии «Илинден» (далее – заявители) в Европейскую Комиссию по правам человека против Республики Болгария в соответствии с бывшей ст. 25 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – «Конвенция»). Жалобы были поданы 29 июля 1994 г. Дополнительные жалобы были поданы в различное время с 1994 по 1997 г. (см. приложение к Частичному решению Европейской Комиссии о приемлемости жалобы от 21 октября 1996 г. и Окончательное решение Европейской Комиссии о приемлемости жалобы от 29 июня 1998 г.).

2. Заявители назначили в качестве своего представителя в Европейском Суде Йордана Костадинова Иванова (*lordan Kostadinov Ivanov*), гражданина Болгарии из г. Сандански (*Sandanski*), который некоторое время являлся председателем ассоциации-заявителя. В июне 1998 года Иванов в свою очередь назначил Л. Хинкера (*L. Hincker*), адвоката из г. Страсбург (*Strasbourg*). Л. Хинкер впервые обратился в Европейский Суд 19 июня 1998 г., но не участвовал в разбирательстве до устных слушаний (см. ниже п. 7).

Власти Болгарии были представлены Г. Самарас (*G. Samaras*), Министерство юстиции Болгарии.

3. Заявители жаловались на нарушение ст. 11 Конвенции в связи с отказом властей Болгарии в проведении их мемориальных собраний 31 июля 1994 г., 22 апреля и 30 июля 1995 г. и 20 апреля и 2 августа 1997 г.

4. Объединив жалобы и объявив их 21 октября 1996 г. частично неприемлемыми, 29 июня 1998 г. Европейская Комиссия объявила оставшуюся часть жалобы приемлемой для рассмотрения по существу. Поскольку Европейская Комиссия не закончила рассмотрение дела до 1 ноября 1999 г., дело было передано в Европейский Суд в этот же день в соответствии со вторым предложением п. 3 ст. 5 Протокола № 11 к Конвенции.

5. Жалоба была передана на рассмотрение в Секцию А Европейского Суда (п. 1 ст. 52 Регламента). В рамках данной Секции была созвана Палата в соответствии с п. 1 ст. 26 Регламента для рассмотрения дела (п. 1 ст. 27 Конвенции).

6. В письме от 9 мая 2000 г. сторонам было предложено представить письменные доводы по существу дела до 30 июня 2000 г.

Письмом от 22 июня 2000 г. заявители представили короткие письменные доводы по существу дела. Меморандум властей Болгарии был представлен 25 июня 2000 г.

7. Слушания по делу, первоначально назначенные на 12 сентября 2000 г., но отложенные по просьбе властей Болгарии, проходили во Дворце прав человека в Страсбурге 17 октября 2000 г. (п. 2 ст. 59 Регламента).

Перед Судом предстали:

(a) *от имени правительства Болгарии:*

Г. Самарас, Министерство юстиции Болгарии;

(b) *от имени заявителей:*

Л. Хинкер, адвокат,

М. Лемэтр (*M. Lemaitre*), советник.

Также присутствовал председатель ассоциации-заявителя Йордан Костадинов Иванов.

Европейский Суд заслушал обращения Л. Хинкера и Г. Самарас.

8. 24 октября 2000 г. адвокат заявителей подал письменные доводы о требовании справедливой компенсации, заявленном на устных слушаниях по делу. Власти Болгарии дали свой ответ на них 29 декабря 2000 г.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

9. Объединенная организация Македонии «Илинден» (далее – ассоциация-заявитель или ассоциация «Илинден») является ассоциацией, находящейся в юго-восточной части Болгарии (в местности, известной как Пиринская область или географический район Пиринская Македония).

Борис Станков – гражданин Болгарии, 1926 года рождения, проживает в г. Петрич (*Petrich*). В данное время он являлся председателем подразделения ассоциации-заявителя.

А. Предыстория дела

1. Основание и роспуск ассоциации-заявителя

10. Объединенная организация Македонии «Илинден» была основана 14 апреля 1990 г. Ее целью, согласно уставу и программе, являлось «объединение всех македонцев Болгарии на региональной и культурной основе» и установление «признания македонского национального меньшинства в Болгарии». Статьи 8 и 9 устава гласили, что организация не будет подрывать территориальную целостность Болгарии и «не будет использовать насилие, жестокие, бесчеловечные или незаконные способы».

Согласно доводам заявителей, предъявленным в Европейский Суд, основной деятельностью ассоциации-заявителя была организация празднований памятных исторических событий, важных для македонцев, проживающих в Болгарии. На протяжении некоторого времени ассоциация-заявитель издавала газету.

11. В 1990 г. ассоциация «Илинден» подала документы на регистрацию, но ей было в этом отказано. В ходе судебного разбирательства о правомочности отказа районный суд г. Благоевград (*Blagoevgrad*) и Верховный суд Болгарии изучили устав ассоциации, ее программу и другие письменные источники.

12. В своих решениях от июля и ноября 1990 г. и марта 1991 г. суды признавали, что цели ассоциации-заявителя были направлены против целостности нации, что она способствовала национальной и этнической вражде и является опасной для территориальной целостности Болгарии. Таким образом, ее регистрация противоречила бы ст.ст. 3, 8 и ч. 3 ст. 52 Конституции Болгарии 1971 г., действовавшей в то время. В частности, цели ассоциации включали в себя «политическое развитие Македонии» и создание «объединенного независимого македонского государства». Более того, в жалобе, поданной в Верховный суд, ассоциация заявила, что «македонский народ не приемлет болгарское, греческое или сербское правление». Формальное заявление устава ассоциации-заявителя о том, что она не посягает на территориальную целостность Болгарии, оказалось противоречащим остальным материалам.

13. Постановление Верховного суда Болгарии от 11 марта 1991 г. гласит:

«Низшие суды верно установили, что цели [ассоциации-заявителя] согласно ее уставу и программе направлены против единства нации. <...> [Материалы дела] свидетельствуют о том, что ассоциация-заявитель стремится распространить идею македонизма среди населения Болгарии, особенно в определенных географических областях. [Эти идеи] предполагают «денационализацию» населения Болгарии и его превращение в

население Македонии. <...> Следовательно, цели [ассоциации-заявителя] направлены против единства нации и, таким образом, являются запрещенными ч. 3 ст. 35 Конституции [1971 года] <...>».

14. Сторонами не оспаривалось, что в соответствующее время у ассоциации-заявителя произошла смена лидера и в ней происходил внутренний конфликт. Ее местные подразделения и отдельные группы имели различные взгляды и вели разную деятельность.

2. Митинги, проводившиеся до рассматриваемого периода

15. Ассоциация-заявитель в первый раз провела митинг 22 апреля 1990 г. в монастыре Рожен (*Rozhen Monastery*) у памятника Яне Сандански (*Yane Sandanski*).

16. 20 апреля 1991 г. ассоциация-заявитель организовала памятный митинг в монастыре Рожен. Участники приняли декларацию, данную президенту Болгарии и парламенту, в которой указывалось:

«1. Наши права как меньшинства, которых мы были лишены, должны быть гарантированы нам в соответствии с международными соглашениями о национальных меньшинствах.

В связи с этим мы выдвигаем требования:

2. Введение изучения македонского языка, истории и культуры Македонии во всех образовательных учреждениях Пиринской Македонии.

3. Право на радио- и телевизионное вещание на македонском языке.

<...>

5. Нужно положить конец процессу ассимиляции и разрушения македонской культуры.

6. Право на издание литературы на македонском языке.

7. <...>Чтобы Македонская церковь была независимой.

<...>

8. Чтобы все политические партии Болгарии на территории Пиринской Македонии были распущены или переименованы в македонские; они должны защищать национальные права народа Македонии.

<...>

14. Полная культурная, экономическая и политическая автономия Пиринской Македонии и вывод оккупационных войск Болгарии из Пиринской Македонии...

<...>

16. Если власти Болгарии не ответят положительно на наши требования, ассоциация «Илинден» обратится в Организацию Объединенных Наций, Конференцию по безопасности и сотрудничеству в Европе, Европейский парламент, к Великим державам в интересах сохранения мира на Балканах и в Европе, в целях избежания военных конфликтов ввиду чрезвычайно национализма в Болгарии, Сербии, Греции и Албании, со следующими требованиями: аннулировать сепаратистский военный союз от 20 февраля 1912 г. Болгарии, Сербии и Греции, вывести войска захватчиков с оккупированных территорий, <...> способствовать объединению Македонии под руководством ООН и защитой Великих Наций <...>».

17. Согласно отчету полиции, составленному в 1998 г. начальником полиции района и поданному в Европейский Суд властями

Болгарии, на митингах 22 апреля 1990 г. и 20 апреля 1991 г. были сделаны «агрессивные антиболгарские заявления». В частности, 22 апреля 1990 г. была зачитана декларация с требованием признания македонского меньшинства и его культурной автономии. В отчете не отмечены какие-либо инциденты, произошедшие на этом митинге.

В отчете по митингу 20 апреля 1991 г. сказано, что 300–350 сторонников ассоциации «Илинден» собралось в ходе официального поминовения годовщины смерти Яне Сандански, на которое пришли около 4000 участников. Члены ассоциации «Илинден» стояли на отдельной платформе и, предположительно, освистывали сотрудников полиции, называли болгар «варварами», «завоевателями» и «поработителями», призывали их «освободить» регион от своего присутствия. В отчете далее указывалось, что произошел «шокирующий» инцидент: лицо известного политика Б. (В.) облили пивом. Предположительно, полиция предотвратила дальнейшие беспорядки. В отчете сделаны выводы:

«...Акции, организованные ассоциацией «Илинден», имели провокационный характер. Существовала реальная опасность возникновения инцидентов. По этим причинам с 1992 г. муниципальные органы власти обычно отказывают в разрешении проведения таких акций. В целях защиты правопорядка обычно прибегают к помощи органов прокуратуры и полиции».

18. Заявители подали копии фотографий, письменные показания и заявления лиц, которые утверждали, что несколько раз с 1990 по 1994 гг. проводились действия со стороны полиции и частных лиц, препятствующие деятельности ассоциации-заявителя.

Они также представили копии газетных статей, в которых ассоциация «Илинден» обвинялась в оскорблении национальных символов Болгарии, ее лидеры описывались как необразованные, умственно больные, изменники, отрицалось присутствие македонского национального меньшинства в Болгарии. Заявители утверждали, что эти статьи повлияли на общественное мнение Болгарии, которым манипулировали власти.

В. Запреты проведения митингов в рассматриваемый период

1. События июля 1994 года

19. В июле 1994 г. Станков, будучи председателем подразделения ассоциации-заявителя в Петриче, запросил у мэра Петрича разрешение на проведение митинга в районе Самуиловой крепости (*Samuilov kreposi*) 31 июля 1994 г. в память об историческом событии. 13 июля 1994 г. мэр города в разрешении отказал, но причин отказа не привел. Ассоциация-заявитель обратилась в районный суд Петрича, который 16 июля 1994 г. оставил заявление без удовлетворения. Районный суд признал, что, поскольку ассоциации-заявителю

было отказано в регистрации, существуют достаточные основания того, что демонстрация станет опасной для общественного порядка и может нарушить права и свободы других лиц.

28 июля 1994 г. Йордану Костадинову Иванову, представителю ассоциации-заявителя, прислали письменное предупреждение от полиции воздержаться от участия в традиционной ярмарке в Самуиловой крепости. Предупреждение было обосновано применимыми положениями права.

20. Несмотря на отказ властей, 31 июля 1994 г. некоторые члены ассоциации-заявителя (по утверждению заявителей, их было 120–150) попытались приблизиться к исторической части Самуиловой крепости, но силы полиции, которые, по словам заявителей, были хорошо вооружены, блокировали им путь.

По утверждению властей Болгарии, заявления о том, что местность была заблокирована, являются «явно необоснованными».

2. События апреля 1995 года

21. 10 апреля 1995 г. ассоциация-заявитель попросила мэра г. Сандански санкционировать проведение 22 апреля 1995 г. митинга на могиле Яне Сандански в монастыре Рожен в память о восьмидесятилетней годовщине его смерти.

14 апреля 1995 г. в проведении митинга было отказано, поскольку ассоциация-заявитель не была надлежащим образом зарегистрирована. 15 апреля 1995 г. ассоциация-заявитель обратилась в районный суд Сандански, утверждая, что, в нарушение международного права, народ Македонии лишен права на свою собственную культурную жизнь. Районный суд не рассматривал эту жалобу.

22. 22 апреля 1995 г. муниципалитет Сандански принял решение о проведении официальной церемонии памяти годовщины смерти Яне Сандански. Церемония началась примерно в 10:00.

Заявители утверждали, что группе их сторонников, которые приехали в монастырь Рожен 22 апреля 1995 г., сотрудниками полиции было приказано оставить свои машины в г. Мельник (*Melnik*), находящемся неподалеку, и доехать до монастыря общественным транспортом. Там им позволили посетить могилу, возложить венки и зажечь свечи. Однако им не позволили принести с собой плакаты, щиты и музыкальные инструменты, которые они привезли, и произносить речи у могилы. Предположительно, полиция сняла ленточку с венка. Участники отметили событие без музыки возле монастыря, но вдали от могилы.

3. События июля 1995 года

23. В июле 1995 г. ассоциация-заявитель снова попросила санкционировать проведение памятного митинга 30 июля 1995 г. в Самуиловой крепости, историческом месте вблизи Петрича. 14 июля 1995 г. мэр Петрича отказал, не указав причин. По жалобе ассоциации-заявителя отказ был утвержден постановлением районного суда Петрича 18 июля 1995 г. Районный суд признал, что «проведение памятного митинга ассоциацией «Илинден» 30 июля 1995 г. в Самуиловой крепости может представлять собой опасность для общественного порядка».

4. События апреля 1997 года

24. 8 апреля 1997 г. ассоциация-заявитель проинформировала мэра г. Сандански и местную полицию, что она проведет митинг 20 апреля 1997 г. в монастыре Рожен в память о годовщине смерти Яне Сандански. В письме мэру она указывала, что Яне Сандански, который в Болгарии считается болгарским национальным героем, в действительности был «македонским борцом за национальную независимость Македонии от турецкого господства и против болгарских угнетателей».

11 апреля 1997 г. мэр отказался предоставить такое разрешение. Он указывал, что разрешение на проведение дня памяти по такому историческому событию было запрошено директором местной средней школы 4 апреля 1997 г. Далее мэр объяснил, что день памяти будет организован совместно школой и муниципалитетом и что «каждый может прийти лично».

25. 15 апреля 1997 г. ассоциация «Илинден» подала жалобу в районный суд Сандански на отказ мэра, утверждая, что он не позволил ей организовать митинг на могиле их национального героя в качестве «отдельного этнического сообщества».

17 апреля 1997 г. председатель районного суда г. Сандански издал приказ, в котором содержался отказ в рассмотрении жалобы по существу, поскольку она была подана от имени незарегистрированной организации.

26. День, когда приказ был доведен до ассоциации-заявителя, не установлен. Заявители изначально отрицали, что получали ответ на их жалобу, но в более поздних доводах, представленных в Европейскую Комиссию, указывали, что 5 мая 1997 г. они ознакомились с приказом от 17 апреля 1997 г.

27. Поскольку ошибки в жалобе не были исправлены в установленный законом семидневный срок, 5 мая 1997 г. председатель районного суда г. Сандански принял решение о прекращении рассмотрения жалобы. Это решение было доведено до ассоциации-заявителя 13 августа 1997 г.

28. Заявители утверждали, что 20 апреля 1997 г. силы полиции не разрешили группе их сторонников приблизиться к монастырю Рожен, а двое были подвергнуты жестокому обращению. Они утверждали, что 20 апреля 1997 г. только 13 учеников и двое учителей из местной средней школы пришли в монастырь Рожен. Ученики возложили венок в присутствии полиции и ушли две минуты спустя.

5. События июля и августа 1997 года

29. 14 июля 1997 г. Станков, будучи председателем подразделения ассоциации в Петриче, запросил разрешение на проведение памятного митинга 2 августа 1997 г. в Самуиловой крепости в пригороде Петрича. 17 июля 1997 г. мэр отказал в этой просьбе, отметив, что ассоциация-заявитель не является «зарегистрированной организацией».

30. 20 июля 1997 г. ассоциация-заявитель обжаловала в Районном суде Петрича отказ мэра, утверждая, что нет положения закона, запрещающего проведение митингов организациями, которые не являются «зарегистрированными», и что планируемая общественная акция будет мирной и не будет представлять угрозы общественному порядку.

Решением от 1 августа 1997 г. Районный суд Петрича отклонил жалобу по существу. Он установил, что ассоциация-заявитель не была надлежащим образом зарегистрирована «в соответствии с законодательством государства» и не доказано, что лица, действовавшие от ее имени, действительно ее представляли. В результате было неясно, кто бы организовывал акцию и кто бы был ответственным за поддержание порядка во время митинга согласно стст. 9 и 10 Закона о порядке проведения митингов и шествий. Районный суд пришел к выводу, что неясность относительно организаторов акции представляет собой угрозу общественному порядку и реализации прав и свобод других лиц.

31. Заявители утверждали, что 2 августа 1997 г. полиция не позволила группе сторонников ассоциации-заявителя посетить историческое место вблизи Петрича.

С. Иные доказательства, касающиеся целей и деятельности ассоциации-заявителя и ее сторонников

32. Стороны представили доводы и копии документов, касающихся деятельности ассоциации-заявителя.

Оказалось, что некоторые документы, на которые ссылались власти Болгарии, касаются утверждений лиц, принадлежащих к фракциям или подразделениям ассоциации-заявителя. Эти группы явно расходятся в своих взглядах и деятельности.

33. Власти Болгарии ссылались на декларацию от 20 апреля 1991 г. (см. выше п. 16), на отчет полиции относительно митингов, состоявшихся в 1990 и 1991 гг. (см. выше п. 17) и на иные материалы.

Власти Болгарии отмечали, что в ходе митингов в письмах в различные органы и заявлениях в средствах массовой информации лица, являющиеся членами ассоциации-заявителя, и ее сторонники заявляли, что желают, чтобы болгары покинули Пиринскую Македонию, и утверждали, что «не может быть мира на Балканах до тех пор, пока болгары, греки и все остальные не признают национальные права македонского народа, и ни в одном балканском государстве не будет демократии без этого признания».

34. Власти Болгарии представили копии нескольких выпусков изданий *«Вестник за Македонците в Балгария и По Света»* и *«Македонска пошта»*, памфлеты, опубликованные одной из фракций, связанных с ассоциацией-заявителем, и копии материалов прессы. Они содержат информацию, о закрытом собрании одной из фракций ассоциации-заявителя, состоявшемся 28 сентября 1997 г. Предположительно, на собрании было объявлено, что 10 августа 1998 г. Пиринская Македония станет «политически, экономически и культурно автономной» или независимой. Это должно было случиться, поскольку в этот день, спустя 85 лет после Бухарестского договора 1913 г., его Договаривающиеся Стороны, предположительно, должны были уйти с «порабощенных» македонских территорий.

Издание *«Македонска пошта»* далее призывало всех македонцев принять участие в процессии в г. София (*Sofia*) 3 августа 1998 г. В призыве говорилось, что участники не должны иметь при себе оружие.

35. Рукописный плакат, предположительно, сделанный последователями ассоциации-заявителя в Петриче, призывал к бойкоту парламентских выборов 1994 г., чтобы «предотвратить установление законных болгарских властей» в Пиринской Македонии. Далее в документе содержался призыв к созданию единого македонского государства и к вмешательству Совета Безопасности ООН «по модели Гренады, Кувейта и Гаити».

36. В призыве к бойкоту выборов 1997 г. указывалось, что македонцам следует воздержаться от голосования в знак протеста против непризнания их прав как национального меньшинства.

37. В обращении, опубликованном в прессе в Бывшей Югославской Республике Македонии (далее – Македония), лидеры фракции, являющейся частью ассоциации-заявителя, критиковали власти Болгарии ввиду их отказа признать македонский язык и македон-

ское национальное меньшинство в Болгарии и обратились к различным международным организациям с просьбой оказать давление на власти Болгарии.

38. Власти Болгарии предоставили копию «меморандума» от 1 июля 1997 г., направленного в ООН, подписанного активистами ассоциации-заявителя или ее фракции. В нем содержалось краткое обозрение исторических событий, жалобы на обращение властей Болгарии и следующие основные требования: общие права национального меньшинства, доступ к государственным архивам Болгарии, возвращение конфискованных материалов, пересмотр истории Болгарии, пересмотр международных договоров 1912 и 1913 гг., роспуск «политической полиции», роспуск националистических и воинственных партий и организаций, регистрация ассоциации «Илинден» в качестве законной организации македонцев в Болгарии, ведение радиотрансляций на македонском языке, проведение расследований нарушений, совершенных против македонцев, и предоставление экономической помощи.

В обращении также указывалось:

«<...> Осознавая нынешние экономические и политические реалии на Балканах, в Европе и в мире, мы не действуем путем конфронтации, давления или насилия. Наш путь по получению наших прав как македонского национального меньшинства в Болгарии и в Пиринской Македонии, где находятся наши этнические и исторические корни, – это путь мирных способов и переговоров.<...>

Наши мирные и законные средства <...> – в пользу властей, которые <...> отрицают наличие македонского национального меньшинства. Наши демократические способы – против нас: власти могут позволить себе использование политического, экономического и психологического давления и применение оружия».

39. В Европейском Суде власти Болгарии ссылались на постановление Конституционного суда Болгарии от 29 февраля 2000 г. по делу, касающемуся конституционности политической партии Объединенная организация Македонии «Илинден-Пирин» (*UMOPIRIN*, далее – партия «УМОПИРИН»): партии экономического развития и интеграции населения, зарегистрированной компетентными органами в 1999 г. Конституционный суд признал, что цели партии направлены против территориальной целостности государства, и, таким образом, партия является неконституционной.

40. Конституционный суд отметил, что партия «УМОПИРИН» должна рассматриваться в качестве правопреемника или последователя ассоциации-заявителя. На этом основании Конституционный суд широко ссылался на историю и деятельность ассоциации-заявителя при разрешении вопроса о том, являлась ли партия «УМОПИРИН» конституционной.

В частности, Конституционный суд принял во внимание требования, сделанные в декларации ассоциации-заявителя в 1991 г. (см. выше п. 16). Он также считал, что карты региона, отображающие в качестве части Македонии территории Болгарии и Греции, были опубликованы ассоциацией-заявителем и что продолжались призывы к созданию автономии и даже к отделению от Болгарии. Конституционный суд далее отметил, что представители ассоциации-заявителя делали агрессивные замечания в адрес болгарской нации.

41. Таким образом, Конституционный суд признал, что ассоциация-заявитель и партия «УМОПИРИН» рассматривали регион Пирин в качестве территории, находящейся лишь под временным контролем Болгарии, который скоро должен стать независимым. Их деятельность, таким образом, была направлена против территориальной целостности государства и запрещена как таковая п. 2 ст. 44 Конституции Болгарии 1991 г.. Запрет соответствует п. 2 ст. 11 Конвенции, и нет сомнений, что деятельность против территориальной целостности государства представляет собой угрозу национальной безопасности.

Постановление было принято девятью голосами против трех. Судьи, голосовавшие против, изложили свои особые мнения, которые не были опубликованы.

Д. Доказательства, представленные властями Болгарии в подкрепление их утверждения о том, что некоторые члены ассоциации-заявителя владели оружием

42. В подкрепление этих утверждений власти Болгарии представили копии двух документов.

43. Первый является копией статьи из ежедневной газеты «Континент» от 1–2 марта 1997 г. В газете сообщалось, что Д.П.К. (D.P.K.) был арестован в Петриче за угрозы в адрес сотрудников полиции взорвать их дома, поскольку они мешали ведению его бизнеса. В ходе ареста полиция, предположительно, обнаружила взрывчатые вещества в доме Д.П.К. Далее в короткой публикации говорилось, что Д.П.К. был, предположительно, лидером ассоциации «Илинден» и «македонским активистом».

44. Второй довод представляет собой фотокопию листовки, в которой говорилось о создании организации и содержалось приглашение всем желающим вступить в нее. На листовке нет подписи. Предположительно, она датирован 1995 г., и, видимо, напечатана на машинке.

В листовке объяснялось, что новая Объединенная организация Македонии «Нова» (*Нова*) не желает заменить ассоциацию «Илинден». В ней критиковались некоторые лидеры ассоциации-заявителя.

Далее в листовке говорилось, что новая организация сформирует военизированные группы, чтобы «помочь выжить Республике Македония».

45. Власти Болгарии не представили каких-либо комментариев или дополнительной информации о содержании двух поданных ими документов.

46. В ходе слушаний в Европейском Суде в ответ на вопрос, поставленный перед ними, представительница Правительства проинформировала Европейский Суд, что против членов ассоциации-заявителя уголовное разбирательство по фактам настоящего дела никогда не возбуждалось.

Е. Краткое изложение властями Болгарии исторического контекста

47. Власти Болгарии подчеркнули, что информация об историческом контексте и текущей ситуации в Болгарии и на Балканах существенна для понимания данного дела. Их объяснения можно кратко изложить следующим образом:

«Исторически болгарская нация сформировалась из различных географических регионов, один из которых был географическим районом Македонии. В 1878 г., когда Болгария частично освободилась от турецкого господства, Берлинский мирный договор оставил регион «Македония» в границах Турции. С 1878 по 1913 гг. болгарское население Македонии организовало пять безуспешных восстаний, чтобы освободиться от турецкого правления и объединиться с Болгарией. После этого произошла массовая миграция из этого региона в Болгарию. Сотни тысяч македонских болгар поселились в Болгарию.

В 1934 г. так называемый «македонский народ» был впервые объявлен в резолюции Коммунистического Интернационала. До этого в данном регионе ни один достоверный исторический источник не упоминает никакой другой славянский народ, кроме как болгар. После Второй Мировой войны коммунистическая власть в Югославии объявила концепцию отдельного македонского народа. Были созданы отдельные язык и алфавит, которые были введены Декретом от 2 августа 1944 г. Массовая кампания ассимиляции, сопровождавшаяся жестокостью, была проведена в Югославии. Некоторое время Коммунистическая партия Болгарии – воодушевленная идеей создания Болгаро-югославской федерации – также инициировала кампанию по насильственному насаждению «македонской» национальности населению региона Пиринская Македония. В 1946 и 1956 гг. была проведена перепись населения в данном регионе, чтобы объявить это население «македонцами». Кампания была прекращена в 1963 г., частично в связи с отказом населения менять свою национальность.

В тех частях географического региона Македонии, которые входили в Югославию, реалии биполярного мира времен «холодной войны», когда отношения между Югославией и социалистическим блоком во главе с СССР были напряженными, обостряли ощущение безнадежности и озлобленности населения и страха, что объединение с Болгарией никогда не станет возможным. Насильственное установление македонской национальности режимом Тито также сыграло решающую роль.

Таким образом, даже если процесс формирования нового народа имел место, он был ограничен территорией бывшей Югославской Республики Македония.

В ходе переписи населения 1992 г. только 3019 граждан Болгарии указали свою национальность как македонскую и македонский в качестве их родного языка. Другие 7784 отметили, что являются македонцами в географическом смысле, но указали свое болгарское национальное сознание и болгарский в качестве родного языка.

Лица, считающие себя македонцами, вовсе не притесняются в Болгарии. Они имеют собственную культурную и образовательную организацию «Светлина» (*Светлина*). Существуют книги и газеты на македонском языке».

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

48. Положения Конституции Болгарии от июля 1991 г. относительно свободы собраний устанавливают следующее:

Ст.43

«1. Граждане имеют право собираться мирно и без оружия на собрания и манифестации.

2. Порядок организации и проведения собраний и манифестаций определяются законом.

3. Для собраний в закрытых помещениях разрешения не требуется».

Ст. 44

«2. Запрещаются организации, чья деятельность направлена против суверенитета, территориальной целостности страны и единства нации, к разжиганию расовой, национальной, этнической или религиозной вражды, к нарушению прав и свобод граждан, как и организации, которые создают тайные или военизированные структуры или стремятся достичь своих целей насильственным путем»¹.

49. Правовые требования к проведению митингов установлены в Законе о порядке проведения митингов и шествий 1990 г. Его применимые положения устанавливают следующее:

Ст. 2

«Митинги и шествия могут быть организованы частными лицами, ассоциациями, политическими и иными общественными организациями».

Ст. 6

«2. Каждый организатор или участник (шествия или митинга) несет ответственность за ущерб, причиненный в результате его ошибок в ходе (акции)».

¹ Здесь и далее текст Конституции Республики Болгария приводится по переводу, опубликованному в кн.: Конституции государств Европы. В трех томах. Т. 1. М., 2001. С. 394 – 422. – Прим. переводчика.

Ст. 8

«1. Если митинг проводится на улице, организаторы должны уведомить в письменном виде Народный Совет или мэрию не позднее чем за 48 часов до начала [митинга] и обязаны указать [имена] организаторов, цель [митинга] и место и время его проведения».

Ст. 9

«1. Организаторы митинга должны принять все меры, необходимые для обеспечения поддержания порядка в ходе акции».

Ст. 10

«1. Митинг должен возглавлять председатель.

2. Участники должны соблюдать инструкции председателя относительно соблюдения общественного порядка <...>».

50. Запрет на проведение митингов также регламентируется Законом о порядке проведения митингов и шествий:

Ст. 12

1. Если время или место проведения митинга или маршрут шествия создают ситуацию, угрожающую общественному порядку или безопасности дорожного движения, председатель Исполнительного Комитета Народного Совета или мэр предлагают варианты их изменения.

2. Председатель Исполнительного Комитета Народного Совета или мэр имеют право запретить проведение митинга, демонстрации или шествия, если есть достоверная информация, что:

1) мероприятие направлено на насильственную смену конституционного порядка или против территориальной целостности страны;

2) мероприятие представляет собой опасность для правопорядка в местном обществе;

<...>

4) мероприятие нарушает права и свободы других лиц.

3. Запрет налагается в письменной форме с приведением обоснования в срок не позднее чем через 24 часа после уведомления.

4. Организатор митинга, демонстрации или шествия может обжаловать запрет в Исполнительный Комитет Народного Совета в порядке, предусмотренном в следующих пунктах. Исполнительный Комитет принимает решение в течение 24 часов.

5. Если Исполнительный Комитет Народного Совета не принял решения в установленный срок, шествие, демонстрация или митинг могут проводиться.

6. Если жалоба оставлена без удовлетворения, спор должен быть передан в соответствующий районный суд, который должен вынести решение в течение пяти дней. Решение суда является окончательным».

51. Закон о порядке проведения митингов и шествий был принят в 1990 г., когда действовала Конституция Болгарии 1971 г. Согласно этой Конституции местными органами исполнительной власти являлись исполнительные комитеты районных народных советов. Мэрами, на которых имеются ссылки в некоторых положениях Закона о порядке проведения митингов и шествий, являлись представители исполнительных комитетов, действовавших в деревнях и городах, которые находились под юрисдикцией соответствующих народных советов.

Конституция Болгарии 1991 г. отменила институт исполнительных комитетов и ввела пост мэра, избираемого прямым всеобщим голосованием в качестве «органа исполнительной власти муниципалитета» (ст. 139 Конституции Болгарии).

ПРАВО

I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВОЗРАЖЕНИЯ ВЛАСТЕЙ БОЛГАРИИ

52. Власти Болгарии напомнили и расширили свои возражения, сделанные на стадии рассмотрения приемлемости жалобы. Они считали, что определенные расхождения в утверждениях заявителей в различных органах власти показывают, что в жалобе имеют место злоупотребления институтом защиты их прав. Власти Болгарии далее утверждали, что внутренние средства правовой защиты не были исчерпаны, а жалобы являются явно необоснованными.

Комментируя решение Европейской Комиссии о праве ассоциации «Илинден» на обращение в Суд, власти Болгарии, не оспаривая в своем меморандуме вывод Европейской Комиссии, утверждали, что судебные решения 1990 и 1991 г. (см. выше пп. 11–13) имели правовое значение запрета деятельности «Илинден» как ассоциации и как группы лиц. На устных слушаниях представительница Правительства попросила Европейский Суд признать на этих основаниях, что ассоциация-заявитель не имела права обращаться в Суд.

Статус Станкова не имеет никакого отношения к данному вопросу. Однако власти Болгарии считали, что он не был надлежащим образом представлен в Европейском Суде, поскольку не давал полномочий своему представителю Иванову делегировать свои права Хинкеру, который упоминал ассоциацию «Илинден» лишь в своем письме в Европейский Суд, указывая свое участие в разбирательстве в качестве адвоката. Далее власти Болгарии в доводах по ст. 41 Конвенции поставили под вопрос легитимность полномочий Хинкера по представлению ассоциации-заявителя, в то время как не было принято общее решение членов ассоциации, разрешающее Иванову делегировать свои права другому лицу.

53. Заявители предложили Европейскому Суду вынести решение по существу дела.

54. Европейский Суд напомнил, что согласно Конвенционной системе, действующей после 1 ноября 1998 г., если власти государства-ответчика повторяют свои возражения, представленные и рассмотренные на стадии приемлемости жалобы, его задачей является установление того, существуют ли особые обстоятельства, делающие необходимым повторное рассмотрение вопросов о приемлемости (см. *Постановления Европейского Суда по делам «Беликова против Болгарии» (Velikova v. Bulgaria), жалоба № 41488/98, ECHR 1999-V, § 57, и «Базич против Австрии» (Basic v. Austria), жалоба № 29800/96, § 34).*

Положения п. 4 ст. 35 Конвенции, позволяющие Европейскому Суду объявлять жалобу неприемлемой на любой стадии разбирательства, не означают, что государство-ответчик может поставить вопрос о приемлемости жалобы на любой стадии разбирательства, если он мог быть поставлен раньше (см. п. 88 *Пояснительного отчета к Протоколу № 11 к Конвенции и ст. 55 Регламента*), или напомнить, что они уже были отклонены.

55. В отличие от дел «Беликова против Болгарии» и «Базич против Австрии», в настоящем деле вопросы о приемлемости жалобы рассматривались Европейской Комиссией до вступления в силу Протокола № 11 к Конвенции, а не Европейским Судом. Тем не менее, Европейский Суд посчитал, что, согласно п. 3 ст. 35 Конвенции, жалобы, объявленные приемлемыми Европейской Комиссией и переданные в Европейский Суд до того, как Европейская Комиссия завершила их изучение, должны считаться «приемлемыми». Постановление Палаты в таких делах не является окончательным и подлежит применению в соответствии с положениями п. 2 ст. 44 Конвенции.

Таким образом, Суд установил, что в делах по п. 3 ст. 5 Протокола № 11 к Конвенции вопросы приемлемости могут быть снова поставлены, если имеются особые обстоятельства, требующие подобного пересмотра.

56. В настоящем деле власти Болгарии особо напомнили свои возражения о приемлемости жалобы, которые были уже рассмотрены и отклонены Европейской Комиссией в Решении от 29 июня 1998 г.

57. Европейский Суд отметил, что Европейская Комиссия подробно рассмотрела доводы властей Болгарии и дала полное обоснование своего Решения. Тщательно изучив доводы властей Болгарии, включая их комментарии в свете недавних изменений, Суд решил, что в деле отсутствуют новые элементы, которые бы стали основанием для пересмотра вопросов приемлемости жалобы.

Относительно представительства Станкова в Европейском Суде, заявитель, основываясь на доверенности, подписанной им и Ивановым (см. выше п. 2), убежден, что он должным образом представлен. Наконец, Суд не усмотрел ничего, что могло бы поставить под сомнение полномочия Хинкера по представлению ассоциации «Илинден». Суд оставил открытым вопрос о том, потеряли ли власти Болгарии право поднимать этот вопрос после представления своих доводов по ст. 41 Конвенции.

Таким образом, предварительные возражения властей Болгарии должны быть отклонены.

II. ОБЪЕМ ДЕЛА

58. Власти Болгарии ссылались на доказательства, которые прямо не касались памятных митингов от 31 июля 1994 г., 22 апреля и 30 июля 1995 г., 20 апреля и 2 августа 1997 г. Они утверждали, что запрет на проведение митингов в эти дни должен рассматриваться как предыстория других событий, имевших место до и после этих митингов, вся эта информация о деятельности ассоциации-заявителя и других связанных с ней организаций и лиц должна приниматься во внимание. Власти Болгарии передали обширную информацию о событиях с 1990 по 1993 гг., а также об изменениях, произошедших после принятия Европейской Комиссией Окончательного решения о приемлемости жалобы от 29 июня 1998 г.

Заявители также ссылались на доказательства относительно событий, не входящих в объем дела, тем не менее оспаривая приемлемость некоторых материалов, представленных властями Болгарии.

59. Европейский Суд напомнил, что решение о приемлемости определяет границы рассматриваемого дела. Следовательно, его задачей не является вынесение решения по жалобам о событиях, происходивших с 1990 по 1993 гг. (объявленными неприемлемыми Европейской Комиссией). Он также не должен выражать в Постановлении мнение о соответствии запретов на проведение митингов в 1998, 1999 и 2000 гг. или постановления Конституционного суда Болгарии от 29 февраля 2000 г. положениям Конвенции (эти вопросы были подняты в других жалобах, рассматриваемых Европейским Судом: №№ 44079/98, 59489/00 и 59491/00).

Объем данного дела ограничен жалобами заявителей на то, что власти запретили проведение митингов от 31 июля 1994 г., 22 апреля и 30 июля 1995 г., 20 апреля и 2 августа 1997 г. Европейский Суд примет во внимание доказательства, касающиеся других событий, насколько это может соотноситься с настоящим делом.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 11 КОНВЕНЦИИ

60. Заявители жаловались на нарушение ст. 11 Конвенции, которая в применимых частях устанавливает следующее:

«1. Каждый имеет право на свободу мирных собраний и на свободу объединения с другими <...>.

2. Осуществление этих прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц <...>».

А. Доводы сторон

1. Заявители

61. Заявители утверждали, что запрет на проведение митингов, организуемых ими в память о некоторых исторических событиях, и отношение властей в разное время были направлены на подавление свободного выражения идей мирного собрания. Как таковые они являются вмешательством в их права по ст. 11 Конвенции, предусмотренные в качестве *lex specialis* относительно ст. 10 Конвенции.

62. Они утверждали, что вмешательство не было «предусмотрено законом», поскольку отсутствие регистрации их ассоциации, на которое ссылались мэры, не является основанием для запрета проведения демонстраций согласно ст. 12 Закона о порядке проведения митингов и шествий.

63. Более того, они отклонили как необоснованные утверждения властей Болгарии, что собрания, организуемые ими, представляют собой угрозу. Собрания были исключительно мирными: их цель была отметить исторические события, считающиеся важной частью истории македонского народа. Собрания, которые обычно длились три часа, всегда начинались с речей, а затем зачитывались стихи, игралась музыка, пелись песни.

64. Заявители далее поставили под вопрос законность целей, преследуемых в результате запрета.

По мнению заявителей, целью властей было подавление распространения идеи о том, что в Болгарии существует македонское национальное меньшинство. По всей видимости, верно то, что большинство населения Болгарии считает, что в их стране не существует македонского национального меньшинства и что демонстрация идей заявителей могла шокировать и представлять собой угрозу этому большинству. Однако в плюралистическом демократическом обществе важно позволить национальным меньшинствам свободно выражать свои идеи, и власти были обязаны обеспечить заявителям право на проведение мирных демонстраций.

65. Далее, они утверждали, что запреты, на которые они жаловались, хотя и ограниченные конкретными историческими местами и конкретными датами, в действительности являются запретом проведения ассоциацией-заявителем митингов, поскольку ей не было разрешено проведение ни одного митинга. Такой абсолютный запрет был несоразмерным.

Ничто в материалах, представленных властями Болгарии, не приводит к выводу о том, что заявители желали отделиться от

Болгарии. Даже если были какие-то подозрения в связи с этим, общий запрет на проведение празднований является несоразмерной реакцией.

2. *Власти Болгарии*

66. Власти Болгарии поставили под сомнение желание заявителей проводить «мирные» демонстрации, поскольку, предположительно, имеются доказательства того, что некоторые члены организации были вооружены. В связи с этим была сделана ссылка на два представленных ими документа (см. выше пп. 42–46). Они также ссылались на доказательства, предположительно, свидетельствующие о том, что с 1990 года митинги ассоциации «Илинден» всегда отмечались конфликтами и столкновениями, как словесными, так и физическими, между сторонниками ассоциации и другими лицами. Это было неизбежно, поскольку на таких митингах делались провокационные антиболгарские заявления и использовались угрозы.

67. Далее власти Болгарии подчеркнули, что членам ассоциации-заявителя никогда не препятствовали в посещении данных исторических мест при условии, что они не будут проносить с собой плакаты и иные предметы, содержащие лозунги против единства нации, территориальной целостности страны или прав других лиц. Таким образом, свобода на собрания заявителей была соблюдена.

68. Если считать, что имело место вмешательство в права заявителей по ст. 11 Конвенции, такое вмешательство было законным и основано на четких положениях Конституции Болгарии и Закона о порядке проведения митингов и шествий.

Власти Болгарии не согласились с утверждением заявителей, что причины запрета постоянно менялись – таким образом, предположительно, раскрывая отсутствие четкого правового обоснования. Причиной всех запретов неизменно была антиконституционная деятельность, заявления ассоциации-заявителя (которые, предположительно, угрожали территориальной целостности страны и национальной безопасности) и опасность инцидентов, угрожающих общественному порядку.

69. Ссылаясь на постановления Верховного суда Болгарии 1990 и 1991 г. (см. выше пп. 12 и 13) и постановление Конституционного суда Болгарии от 29 февраля 2000 г. (см. выше пп. 39–41), власти Болгарии указывали, что ассоциация-заявитель была распущена, поскольку было установлено, что ее деятельность угрожает территориальной целостности страны и является антиконституционной. «Достоверная информация» о том, что собрание может быть направлено против территориальной целостности страны, являлась доста-

точным основанием для запрета собрания согласно п. 2 ст. 12 Закона о порядке проведения митингов и шествий (см. выше п. 49). В постановлениях о роспуске ассоциации «Илинден» содержится достаточно информации в связи с этим. В то время как незарегистрированная организация, несомненно, может организовывать митинги, деятельность ассоциации-заявителя была запрещена. Ссылка властей в их решениях о запрете проведения митингов на тот факт, что ассоциации-заявителю было отказано в регистрации, соответствовала закону.

70. К тому же, обжалуемые меры преследовали ряд законных целей: защиту национальной безопасности и территориальной целостности, защиту прав и свобод других лиц, обеспечение общественного порядка в общине и предотвращение беспорядков и преступлений.

71. По мнению властей Болгарии, ассоциация «Илинден» нарушила права и свободы других лиц, поскольку она стремилась создать македонскую нацию среди людей, принадлежащих к болгарской нации, и требовала установления македонской национальности и создания органов власти в Пирине взамен болгарских. Небольшое число сторонников этих идей – примерно 3000 человек в регионе с населением примерно 360 000 человек – полагают, что вправе говорить от имени всех людей.

Наиболее важно, что ассоциация-заявитель является сепаратистской группой, которая стремится к отделению области Пирин от Болгарии. Она представляет собой прямую угрозу для национальной безопасности и территориальной целостности страны.

72. Ссылаясь на историческое и современное положение в Болгарии и на Балканах (см. выше п. 47), власти Болгарии утверждали, что упорство ассоциации-заявителя в дифференциации и «коллективных правах», несмотря на тот факт, что каждый в Болгарии пользуется полным объемом прав и свобод, включая культурные и политические права, показывает, что ее подлинной целью является насаждение среди болгарского населения чужой национальной принадлежности.

Даже если македонское национальное меньшинство присутствует в Болгарии, способы и средства пропаганды, используемые ассоциацией «Илинден», направлены не на защиту прав меньшинства, но на превращение болгарского населения в македонское и отделение области от страны.

73. В контексте сложного перехода от тоталитарных режимов к демократии, принимая во внимание сопутствующие экономический и политический кризисы, напряженность между проживающими вместе общинами, существующими в регионе, была особо взрывоопасной. События в бывшей Югославии являются примером тому.

Пропаганда сепаратизма в этих условиях четко прослеживается властями Болгарии как угроза национальной безопасности и миру в регионе.

Более того, национальные власти находятся в лучшем положении при оценке этой опасности. Можно предположить, что одни и те же факты могут иметь разные последствия в разных странах, в зависимости от ситуации. Факты по данному делу должны рассматриваться, однако, в общем контексте сложной ситуации в регионе.

74. Время и место, выбранные ассоциацией-заявителем для проведения ее регулярных митингов, были неподходящими. Они совпадали с традиционными посещаемыми большим количеством людей церемониями и ярмарками, памятными событиями исторической важности, которые затрагивают деликатные вопросы. Провокационное отношение ассоциации-заявителя повлекло инциденты в прошлом и вызвало негативную реакцию у населения. Поэтому власти закрепили практику не давать разрешения на проведение митингов ассоциацией «Илинден» в то же время и в том же месте, где проходят официальные празднования.

Ссылаясь на решения Европейской Комиссии по жалобам № 8191/78 («*Рассамблеман Жюрассиен и Юните Жюрассиен против Швейцарии*») (*Rassemblement Jurassien et Unite Jurassienne v. Switzerland*), п. 17, с. 93) и № 8440/78 («*Ассоциация «Христиане против расизма и фашизма» против Соединенного Королевства*») (*Christians against Racism and Fascism v. United Kingdom*), п. 21, с. 138), власти Болгарии утверждали, что, принимая во внимание рамки усмотрения государств, запрет демонстраций в условиях общественной напряженности, если власти могли предвидеть столкновения, оправдан в целях охраны общественного порядка.

75. По мнению Правительства, обжалуемые запреты были соразмерными преследуемым законным целям и не нарушают ст. 11 Конвенции.

В. Мнение Европейского Суда

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 11 КОНВЕНЦИИ

76. Власти Болгарии выразили сомнения относительно мирного характера митингов ассоциации-заявителя и на этих основаниях оппорили применимость ст. 11 Конвенции.

77. Суд напомнил, что ст. 11 Конвенции защищает право на «мирные собрания». Это понятие, согласно прецедентному праву Европейской Комиссии, не охватывает демонстрации, в которых

организаторы и участники имели насильственные намерения (см. *Решение Европейской Комиссии по жалобе № 13079/87 от 6 марта 1989 г., п. 60, с. 256, Решение Европейской Комиссии по жалобе № 8440/78 от 16 июля 1980 г., п. 21, с. 138*).

78. В настоящем деле, внимательно изучив все предоставленные ему материалы, Суд не установил, что лица, участвовавшие в организации запрещенных митингов, имели насильственные намерения (см. *выше* пп. 10, 12, 13, 16, 17, 20, 22, 28, 31–46). Таким образом, ст. 11 Конвенции применима.

2. Имело ли место вмешательство

79. Европейский Суд отметил, что в каждом рассматриваемом случае власти запрещали проведение митингов, запланированных обоими заявителями. Действительно, это было практикой, которой неукоснительно следовали с 1992 г. (см. *выше* пп. 17 и 74). В июле 1994 г. председатель ассоциации-заявителя и другое лицо получили предупреждения полиции держаться подальше от места, где они планировали памятный митинг.

Один раз, 22 апреля 1995 г., несмотря на запрет, наложенный мэром, сторонникам ассоциации-заявителя разрешили приблизиться к историческому месту, где они намеревались провести свой митинг и смогли возложить венки к могиле Яне Сандански и зажечь свечи. Однако это стало возможным при условии, что участники откажутся от своих плакатов и призывов. На месте не было позволено произнести речи. Участникам разрешили отметить этот праздник лишь в отдалении от памятного места (см. *выше* п. 22).

Такое отношение властей, позволивших членам ассоциации-заявителя посетить официальную церемонию, проводимую в том же месте и в то же время по случаю того же исторического события, при условии, что они не принесут своих плакатов и не проведут отдельной демонстрации, было повторено в решении мэра от 11 апреля 1997 г. и в доводах властей Болгарии, представленных в Суд (см. *выше* пп. 24 и 66).

80. На основании вышеизложенного Суд счел, что имело место вмешательство в свободу собраний обоих заявителей по ст. 11 Конвенции.

3. «Предусмотрено законом»

81. Европейский Суд отметил, что причины, приведенные властями в обоснование запрета митингов, были непостоянными и неточными. В них все время повторялась ссылка на отсутствие реги-

страции ассоциации-заявителя, факт, который сам по себе, согласно применимому законодательству, не может служить основанием для запрета проведения митинга. Два раза мэры не приводили причин, и это было лишь частично исправлено районными судами в решениях по поданным жалобам (см. выше пп. 19, 21, 23, 24, 29 и 30).

Европейский Суд, однако, считал, что власти ссылались на предполагаемую угрозу общественному порядку, которая, согласно национальному законодательству, была среди оснований вмешательства в право на мирные собрания. Тот факт, что ассоциации «Илинден» было отказано в регистрации, вероятно, был расценен как применимый при установлении предполагаемой опасности для общественного порядка (см. выше пп. 19 и 30). Более того, обжалуемые запреты были наложены решениями компетентных мэров и судов в соответствии с процедурой, установленной Законом о порядке проведения митингов и шествий.

82. В данных обстоятельствах Суд признал, что вмешательство в свободу собраний заявителей может рассматриваться как «предусмотренное законом».

Поскольку заявители оспорили весомость вывода властей о том, что существовала угроза общественной безопасности, этот вопрос будет рассмотрен в контексте вопроса о том, преследовало ли вмешательство в свободу собраний заявителей законную цель и было ли оно необходимо в демократическом обществе по п. 2 ст. 11 Конвенции.

4. Правомерная цель

83. По мнению властей Болгарии, меры, предпринятые в отношении памятных митингов ассоциации «Илинден», преследовали несколько законных целей: защита национальной безопасности и территориальной целостности, защита прав и свобод других лиц, обеспечение общественного порядка в общинах и предотвращение беспорядков и совершения преступлений.

Заявители не согласились с этим. По их мнению, целью обжалуемых запретов был отказ в осуществлении коллективных прав македонского меньшинства.

84. Суд напомнил, что список исключений из прав на свободу выражения мнения и собраний, содержащийся в стст. 10 и 11 Конвенции, закрытый. Определения этих исключений обязательно ограничительны и должны толковаться в узком смысле (см. Постановление Европейского Суда по делу «Сидиропулос и другие против Греции» (*Sidiropoulos and Others v. Greece*), от 10 июля 1998 г., Reports 1998-IV, пп. 37-39).

Принимая во внимание все материалы дела, Суд признал, что вмешательство было нацелено на обеспечение одного или нескольких интересов, указанных властями Болгарии.

5. «Необходимо в демократическом обществе»

(а) Общие принципы

85. Суд напомнил, что ст. 11 Конвенции, несмотря на автономную роль и конкретную сферу применения, должна также рассматриваться в свете ст. 10 Конвенции. Защита свободы выражения мнения является одной из целей свободы собраний и объединений, закрепленной в ст. 11 Конвенции (см. *Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Свободная демократическая партия Турции» (СДПТ) против Турции» (Freedom and Democracy Party (OZDEP) v. Turkey)*, жалоба № 23885/94, п. 37).

Такая ссылка применима, если, как в настоящем деле, вмешательство властей в свободу собраний или объединений было, хотя бы частично, реакцией на взгляды или утверждения их участников или членов.

86. Свобода выражения мнения является одной из важнейших основ демократического общества и одним из основных условий его развития и реализации возможностей каждого. Будучи подлежащей ограничениям п. 2 ст. 10 Конвенции, она применима не только к «информации» или «идеям», которые благоприятно принимаются или считаются неагрессивными или индифферентными, но и к тому, что представляет собой опасность, шокирует или беспокоит. Таковыми являются требования плюрализма, толерантности и широты мнений, без которых не может существовать «демократическое общество» (см. *Постановление Европейского Суда по делу «Хэндисайд против Соединенного Королевства» (Handyside v. United Kingdom)*, от 7 декабря 1976 г., Серия А, № 24, с. 23, п. 49, и *Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Гергер против Турции» (Gerger v. Turkey)* от 8 июля 1999 г., жалоба № 24919/94, п. 46).

Точно так же свобода собраний, закрепленная в ст. 11 Конвенции, защищает демонстрации, которые могут раздражать или быть неприемлемыми по отношению к людям, взгляды которых противоположны идеям или требованиям, высказываемым на демонстрации (см. *Постановление Европейского Суда по делу «Платформа «Врачи за жизнь» против Австрии» (Arzte fur das Leben v. Austria)* от 21 июня 1988 г., Серия А, № 139, п. 32).

87. Выражение «необходимо в демократическом обществе» предполагает, что вмешательство соответствует «неотложным социальным нуждам» и, в частности, соразмерно преследуемой законной цели.

Договаривающиеся Государства действуют в определенных рамках при оценке такой необходимости, но это проходит под европейским контролем, охватывающим как законодательство, так и решения, даже вынесенные независимыми судами. Таким образом, Европейский Суд уполномочен выносить окончательное решение по вопросу о том, было ли «ограничение» совместимо с правами, защищаемыми Конвенцией (см. *Постановление Европейского Суда по делу «Гергер против Турции»*, loc. cit., п. 46).

Задачей Европейского Суда является не замена мнения соответствующего национального органа власти своим мнением, но пересмотр таких решений в свете ст. 11 Конвенции. Это не означает, что Суд ограничивает себя установлением того, использовало ли государство-ответчик свое дискреционное право разумно, тщательно и добросовестно; Суд должен рассмотреть обжалуемое вмешательство в свете всего дела и после установления того, что преследовалась «законная цель», определить, было ли вмешательство соразмерным цели и являются ли причины, приведенные национальными властями в качестве его обоснования, «соответствующими и достаточными». При этом Европейский Суд должен быть убежден, что национальные власти соблюли стандарты, соответствующие принципам, закрепленным в ст. 11 Конвенции, и, более того, что решения были основаны на приемлемой оценке соответствующих фактов (см. *Постановление Европейского Суда по делу «Объединенная Коммунистическая партия Турции и другие против Турции» (United Communist Party of Turkey and Others v. Turkey) от 30 января 1998 г., Отчет 1998-1, п. 47*).

88. Согласно п. 2 ст. 10 Конвенции, для политических речей или дебатов по вопросам общественной важности устанавливается лишь небольшой объем ограничений (см., *mutatis mutandis*, *Постановление Европейского Суда по делу «Уингроув против Соединенного Королевства» (Wingrove v. United Kingdom) от 25 ноября 1996 г., Отчет 1996-V, п. 58*).

Одной из основных характеристик демократии является возможность решать проблемы страны путем диалога, без применения насилия. Демократия расцветает при свободе выражения мнения. С этой точки зрения нет оправдания для воспрепятствования группе лишь потому, что она стремится к публичным дебатам по ситуации, сложившейся у части населения страны, и пытается найти решение согласно демократическим правилам, способным удовлетворить интересы всех (см. *упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Объединенная Коммунистическая партия Турции и другие против Турции»*, loc. cit., п. 57).

89. Жители региона/страны имеют право образовывать ассоциации в целях развития особенностей региона. Тот факт, что ассоциация утверждает о существовании национального меньшинства, не может сам по себе оправдывать вмешательство в ее права согласно ст. 11 Конвенции (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Сидиропулос и другие против Греции», *loc. cit.*, п. 44).

90. Бесспорно, нельзя делать вывод, что программа организации может преследовать цели и иметь намерения, отличные от заявляемых ею. Чтобы удостовериться, что это не так, содержание программы должно быть сопоставлено с деятельностью организации и позицией, которую она занимает (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Объединенная Коммунистическая партия Турции и другие против Турции», *loc. cit.*, п. 58).

Существенным фактором, который нужно принимать во внимание, является вопрос о том, были ли призывы к применению насилия, мятежу или иной форме отрицания демократических принципов (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Свободная демократическая партия Турции» (СДПТ) против Турции», *loc. cit.*, п. 40).

Если имели место подстрекательства к насилию против отдельных лиц или государственных служащих или части населения, власти пользуются более широкими пределами усмотрения при рассмотрении вопроса о необходимости вмешательства в свободу выражения мнения (см. Постановление Европейского Суда по делу «Инчал против Турции» (*Incal v. Turkey*) от 9 июня 1998 г., Отчет 1998-IV, с. 1567, п. 48, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Шюрек против Турции (№ 1)» (*Surek v. Turkey* (№ 1)), жалоба № 26682/95, ECHR 1999-IV, п. 61).

(b) Применение общих принципов в настоящем деле

91. Власти ссылались на тот факт, что ассоциации-заявителю было отказано в регистрации, поскольку компетентные органы признали ее антиконституционной (см. выше пп. 11–13).

92. Однако Европейский Суд счел, что, хотя прошлые выводы компетентных национальных органов, «отсевших» ассоциацию, несомненно, применимы при рассмотрении вопроса об опасности, которую ее собрания могут представлять, автоматическая ссылка на сам факт, что организация была расценена как антиконституционная – и ей было отказано в регистрации, – не может быть достаточным для оправдания практики систематических запретов на проведение ею мирных собраний согласно п. 2 ст. 11 Конвенции.

Поэтому Европейский Суд должен тщательно рассмотреть конкретные основания, призванные оправдать вмешательство, и значимость такого вмешательства.

(i) Основания, призванные оправдать вмешательство

а) Предполагаемое владение оружием

93. Власти Болгарии представили фотокопию машинописной листовки, оповещающей о создании вооруженных групп (см. выше п. 44). Однако не было установлено, что она исходила от ассоциации-заявителя. Власти Болгарии не представили каких-либо подробностей. Они также не объяснили отношение к делу газетной статьи, представленной ими (см. выше п. 43), в которой сообщалось, что некое лицо подозревалося в совершении ряда преступлений, некоторые из которых, вероятно, касались частных деловых конфликтов.

По мнению Европейского Суда, это свидетельствует о том, что если бы имели место приготовления к вооруженным акциям, власти Болгарии могли бы представить более убедительные доказательства в связи с этим.

б) Предполагаемая угроза общественной безопасности

94. Власти Болгарии утверждали, что в прошлом имели место инциденты, когда ассоциация-заявитель проводила митинги, и что существовала большая вероятность возможности их повторения.

Однако нет никаких доказательств серьезных беспокойств, причиненных заявителями. Инциденты, на которые ссылались власти Болгарии, были незначительными, и виновные в них лица не привлекались к ответственности (см. выше пп. 17, 18 и 46). Решения мэров и местных судов относились только к гипотетической опасности для общественного порядка без указания подробностей.

Таким образом, вероятность незначительных инцидентов не может служить обоснованием запрета на проведение митингов ассоциацией «Илинден».

с) Предполагаемая опасность, исходящая из целей и заявлений ассоциации «Илинден»

– Сепаратистские идеи

95. Власти Болгарии указали, что ассоциация-заявитель подвергает опасности территориальную целостность Болгарии и желает отделения от страны.

Заявители утверждали, что единственной целью их митингов было празднование исторических событий, и они не преследовали сепаратистских целей.

96. На основании всех доказательств Европейский Суд установил: в соответствующее время власти небезосновательно полагали, что некоторые лидеры ассоциации-заявителя или небольшие

группы, являющиеся ее частью, имели сепаратистские взгляды и политические цели, которые включали идеи об автономии региона Пиринская Македония и даже о его отделении от Болгарии. Это исходит из многочисленных заявлений, сделанных данными лидерами (см. выше пп. 16, 33–35). Суд также принял во внимание выводы Верховного суда Болгарии от 1990 и 1991 гг. и вывод Конституционного суда Болгарии, сделанный в его постановлении от 29 февраля 2000 г. (см. выше пп. 12, 13 и 39–41).

Следовательно, власти могли предвидеть, что некоторыми участниками в ходе памятных церемоний будут распространяться сепаратистские призывы.

97. Европейский Суд, однако, напомнил, что тот факт, что группа лиц призывает к автономии или даже предлагает отделение части территории страны, таким образом, требуя фундаментальных конституционных и территориальных изменений, не может автоматически оправдывать запрет на ее собрания. Требование территориальных изменений в речах и на демонстрациях автоматически не является угрозой территориальной целостности страны и национальной безопасности.

Свобода собраний и право выражать свое мнение на них являются одними из высших ценностей демократического общества. Сущность демократии лежит в ее способности разрешать проблемы путем открытых обсуждений. Меры превентивного характера по подавлению свободы собраний и выражения мнения в случаях, не касающихся подстрекательства к совершению насилия или отказа от демократических принципов – какими бы шокирующими или неприемлемыми определенные взгляды или используемые слова ни казались властям и какими бы незаконными могли быть требования – делают плохую услугу демократии и часто ставят ее под угрозу.

В демократическом обществе, основанном на верховенстве права, политическим идеям, оспаривающим существующий порядок, реализация которых проводится мирными средствами, должна быть предоставлена надлежащая возможность их выражения путем осуществления права на свободу собраний, как и иными законными способами.

98. Таким образом, Европейский Суд признал, что вероятность того, что в ходе митингов, организуемых ассоциацией «Илинден», могут быть сделаны сепаратистские заявления, не может оправдывать запрет на проведение этих митингов.

– Предполагаемая пропаганда насилия и отрицание демократических принципов

99. Власти Болгарии ссылались на заявления, которые могут быть истолкованы как призыв к болгарам оставить Пиринскую область македонцам (см. выше пп. 16, 17 и 33), и полагали, что даже

если сепаратистские цели ассоциации «Илинден» таким образом не преследовались ею открытым насильственным способом, тем не менее, имеется ряд свидетельств тому, что они проявятся.

Заявители отвергли эти утверждения как необоснованные и указали на мирный характер их митингов.

100. Несомненно, стремление выселения других лиц с конкретной территории ввиду этнического происхождения является полным отрицанием демократии.

Однако стоит отметить, что Верховный суд Болгарии, отказывая в регистрации ассоциации-заявителю в 1990 и 1991 гг., и Конституционный суд Болгарии в своем постановлении от 29 февраля 2000 г. (см. выше пп. 12, 13 и 39–41) не указывали, что цели и деятельность ассоциации «Илинден» включают в себя призывы к насилию или отказ от демократической власти. Более того, против членов ассоциации «Илинден» или участников ее митингов никогда не возбуждались уголовные дела (см. выше п. 46).

101. Большинство заявлений и утверждений ассоциации «Илинден» указывали на их доверие общественным дискуссиям и политической борьбе при достижении их целей и прямо отрицали насилие (см. выше пп. 10, 16, 37 и 38). Эти заявления, которые могли быть истолкованы как призывающие к насилию или к отрицанию демократии, кажутся изолированными от всех материалов дела. Более того, поскольку различные лица и группы, связанные с ассоциацией «Илинден», расходились в своих взглядах, не все приведенные материалы прямо отражают идеи и цели, доминирующие в программе деятельности ассоциации-заявителя.

102. В Постановлении по делу «Инчал против Турции» Европейский Суд определил, что обращение, зачитанное на памятной церемонии группе лиц (что ограничивает ее потенциальное влияние на национальные интересы, общественный порядок или территориальную целостность), содержащее такие слова, как: «сопротивление», «борьба» и «освобождение», – не обязательно представляет собой призыв к насилию, вооруженному сопротивлению или мятежу (*foe. at.*, п. 50).

В настоящем деле Европейский Суд принял во внимание тот факт, что митинги ассоциации-заявителя, вероятно, могли стать основой для пропаганды насилия и отказа от демократии и нести потенциальную угрозу, что обосновывает запреты.

103. По мнению Европейского Суда, ничто не свидетельствует о том, что митинги, проводимые ассоциацией-заявителем, стали бы основой пропаганды насилия и отказа от демократии и обладали бы разрушительным воздействием, что могло бы привести к запрету

деятельности ассоциации-заявителя. Любые отдельные инциденты могут быть адекватно рассмотрены в ходе следствия, проводимого ответственными лицами.

– «Обращение» болгарского населения в македонское

104. Власти Болгарии утверждали, что ассоциация-заявитель желала «обратить население региона в македонский народ» с целью достижения ее окончательной цели – отделения от Болгарии.

Заявители утверждали, что «Илинден» является ассоциацией македонцев в Болгарии.

105. Европейский Суд не принял довод о том, что было необходимо ограничить права заявителей на демонстрации в целях защиты лиц, которых, предположительно, пытались «обратить» в другую национальность. Не было показано, что были бы использованы незаконные способы «обращения», нарушающие права других.

– Заявления, воспринимаемые как угроза общественному мнению

106. Представляется, что митинги ассоциации «Илинден» вызывают напряженность, принимая во внимание особую чувствительность общественного мнения по отношению к их идеям, которые воспринимаются как агрессивный подход к национальным символам и святым ценностям (см. выше пп. 13, 17, 18, 24 и 47).

В частности, заявители желали отметить исторические события, которым они придавали иное значение, чем общепринятое в стране. Они считали македонскими мучениками исторических личностей, которые обычно и официально отмечались в стране как болгарские национальные герои, и, таким образом, желали организовать свои митинги в то же время и в тех же местах, где проводятся официальные традиционные церемонии.

107. Однако, если любая вероятность напряжения и разгоряченного обмена мнениями между противостоящими группами в ходе демонстрации будет являться основанием для ее запрета, общество будет лишено возможности услышать иные взгляды по любому вопросу, который посягает на восприимчивость мнения большинства.

Тот факт, что данный вопрос касался национальных символов и национальной принадлежности, не может сам по себе рассматриваться, вопреки мнению властей Болгарии, как возможность использования более широких пределов усмотрения властями. Национальные власти должны проявить особую бдительность при обеспечении возможности меньшинств высказывать свои взгляды, даже если они противоречат общественному мнению.

(ii) *Значимость вмешательства*

108. Власти Болгарии утверждали, что был достигнут справедливый баланс путем проявленной относительной гибкости, когда сторонникам ассоциации «Илинден» было позволено приблизиться к историческим местам при условии, что они не будут выставлять свои плакаты и произносить речи, и что заявители могли выбрать другие места для проведения митингов.

109. Европейский Суд посчитал, что лишение заявителей права на выражение их идей посредством произнесения речей или лозунгов на митингах не может расцениваться как свидетельство гибкости. Действительно, власти наложили всеобщий запрет на проведение митингов ассоциацией «Илинден» (см. выше пп. 17, 74).

Более того, было ясно, что время и место церемоний имели большое значение для заявителей, равно как и для лиц, посетивших официальные церемонии. Несмотря на пределы усмотрения, которыми пользуется государство в таких вопросах, Европейский Суд не убежден, что не было возможности обеспечить мирное проведение обеих церемоний либо одновременно, либо одна за другой.

(iii) *Выводы Европейского Суда*

110. Как указали власти Болгарии, у ассоциации-заявители было около 3000 сторонников, и не все из них активно участвовали в ее деятельности.

Тем не менее, власти прибегали к мерам, предназначенным для предотвращения распространения взглядов заявителей на демонстрации, которую последние желали провести.

111. Такой подход при обстоятельствах данного дела, когда не существовало предсказуемой опасности насильственных действий, призыва к насилию или иных форм отказа от демократических принципов, по мнению Европейского Суда, не оправдан п. 2 ст. 11 Конвенции.

112. В целом, Европейский Суд признал, что власти преступили пределы усмотрения, и меры по запрету проведения памятных митингов не были необходимыми в демократическом обществе в соответствии со ст. 11 Конвенции.

Таким образом, имело место нарушение данного положения.

IV. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

113.

Ст. 41

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Требования заявителей

114. После вынесения Решения Европейской Комиссии от 29 июня 1998 г., объявившей жалобы частично приемлемыми, заявителям было предложено Европейской Комиссией представить свои требования согласно бывшей ст. 50 Конвенции. Целью такого предложения было желание ускорить разбирательство в Комитете Министров Совета Европы в соответствии с бывшей ст. 32 Конвенции на случай, если бы жалоба попала на рассмотрение в соответствии с этой процедурой и нарушение Конвенции было бы установлено.

Письмом от 25 августа 1998 г. Станков и Иванов указали, что понесли тяжелый материальный ущерб и моральный вред, и оставили определение размера компенсации на усмотрение Конвенционных органов. Материальный ущерб состоял из штрафа, наложенного на лиц, которые приехали на своих автомобилях на место проведения митингов, ущерб, предположительно причиненный полицией одному автомобилю в 1993 г., и некоторые расходы. Заявители пояснили, что они не имели возможности представить письменные доказательства, поскольку было тяжело сохранить финансовую документацию в условиях, в которых функционировала их ассоциация.

В отношении морального вреда заявители потребовали компенсацию, за страдания, причиненные в результате действий властей, которые, предположительно, желали уничтожить ассоциацию «Илинден».

115. В своем меморандуме, составленном без правовой помощи и представленном в Суд, заявители не потребовали справедливой компенсации. Но на слушаниях 17 октября 2000 г. они привели подробные письменные требования.

116. В Европейском Суде заявители не потребовали компенсации материального ущерба или морального вреда. Они заявили о возмещении своих расходов, потребовав 10 000 немецких марок в отношении внутренних разбирательств (поездки в местные суды, секретарская и юридическая работы), 15000 немецких марок в отношении разбирательства в Страсбурге (включая 8127 французских франков за переезд Иванова и текущие расходы в ходе слушаний в

Страсбурге, 5000 французских франков за расходы на переводы и 2000 французских франков за прочие расходы), а также дополнительно 35 000 французских франков в качестве гонораров их адвокатам.

Заявители представили копию их соглашения с Хинкером о гонораре и копии счета-фактуры за проживание Иванова в гостинице и за авиабилет. Они утверждали, что не могут предъявить доказательств остальных расходов, поскольку при внутринациональных разбирательствах и при рассмотрении дела в Европейской Комиссии у них не было законных представителей, и расходы совершала ассоциация.

В. Доводы властей Болгарии

117. В отношении заявлений заявителей, сделанных в августе 1998 года, 2 декабря 1998 г. власти Болгарии прокомментировали их, указав, что если Комитет Министров будет рассматривать заявления, он их отклонит как неподтвержденные и не относящиеся к существу дела.

Ответ властей Болгарии на требования заявителей, данный в октябре 2000 г., был представлен на слушаниях, а 29 декабря 2000 г. в письменном виде. Они утверждали, что требования предъявлены по истечении отведенного для этого срока в соответствии с пп. 1, 3 ст. 60 Регламента и не подкреплены достаточными письменными доказательствами.

118. Требование о возмещении расходов в ходе разбирательств на внутринациональном уровне, продолжали власти Болгарии, является несоразмерным и представляет собой злоупотребление. Заявители каждый раз представляли по одной странице стандартных требований и жалоб, вероятно, составленных без правовой помощи. Не указаны сборы на рассмотрение дел в судах и иные понесенные расходы.

Требование о возмещении 15 000 немецких марок в отношении разбирательства в Страсбурге не было конкретизировано. Утверждение, что представляются трудности при предъявлении письменных доказательств, является необоснованным.

По мнению властей Болгарии, гонорары в размере 35 000 французских франков являются явно чрезмерными, поскольку они не соответствуют объему действительно проделанной адвокатами заявителя юридической работы и поскольку экономические условия в государстве-ответчике также должны приниматься во внимание. Требование адвоката эквивалентно 146 минимальным размерам ежемесячной оплаты труда в Болгарии и примерно 6 минимальным размерам ежемесячной оплаты труда во Франции.

Власти Болгарии пришли к выводу, что возмещение затрат, включающих проезд Иванова и текущие расходы в ходе слушаний дела в

Европейском Суде (8127 французских франков), а также 5000 французских франков в возмещение гонорара адвоката Хинкера приемлемы, если Суд примет решение присудить справедливую компенсацию.

С. Мнение Европейского Суда

119. П. 1 ст. 60 Регламента Суда в применимых частях устанавливает следующее:

«Любое требование о выплате справедливой компенсации в соответствии со ст. 41 Конвенции, которое заявитель <...> (может) пожелать заявить, Излагается в письменных замечаниях по существу дела, если только Председатель не сделает распоряжение об ином, или – если таковые письменные замечания не поданы – в специальном документе, представленном не позднее двух месяцев после вынесения решения о приемлемости жалобы».

120. Европейский Суд отметил, что 25 августа 1998 г. заявители представили их общее требование о справедливой компенсации материального ущерба и морального вреда, а также расходов, хотя это было сделано в рамках процедуры, установленной бывшей ст. 32 Конвенции. Таким образом, требование не было отозвано.

Верно, что на слушаниях адвокат заявителей потребовал лишь возмещения расходов. Однако Европейский Суд не может толковать его требования как отзыв требований, поданных непосредственно заявителями без участия адвоката Хинкера, при отсутствии прямого указания об этом.

Касательно возражений властей Болгарии по п. 1 ст. 60 Регламента Суд посчитал, что меморандум заявителей был составлен без юридической помощи, и требования, предъявленные в первый раз на слушаниях, касаются только их расходов. Некоторые расходы и издержки, в частности, относящиеся к слушанию по делу, не могут быть определены заранее.

Наконец, властям Болгарии была дана возможность подробно прокомментировать все требования заявителей, что они и сделали в декабре 1998 г. и в декабре 2000 г.

В данных обстоятельствах Суд счел, что требование о возмещении материального ущерба и морального вреда было надлежащим образом подано и должно быть рассмотрено.

121. Европейский Суд признал, что заявителям причинен моральный вред как следствие нарушения их права на свободу собраний. Исходя из принципа справедливости, Суд присудил ассоциации-заявителю и Станкову общую сумму в размере 40 000 французских франков, которая должна быть выплачена совместно Станкову и представителю ассоциации «Илинден» Иванову.

Требование о возмещении материального ущерба является неподтвержденным и должно быть отклонено.

122. Касательно расходов, понесенных при разбирательстве в национальных судах, Европейский Суд согласился с властями Болгарии, что у заявителей не было законных представителей на этом уровне и что они не упоминали о каких-либо уплаченных гонорарах.

Однако заявители должны были понести определенные расходы при осуществлении перевода корреспонденции и доводов в ходе разбирательства в Страсбурге. Исходя из принципа справедливости, Европейский Суд присудил им 3000 французских франков.

123. К тому же, сумма компенсации, заявленная в отношении присутствия Иванова в Европейском Суде (8127 французских франков), должна быть выплачена в полном объеме.

Касательно гонораров адвоката, Суд, отметив, что адвокат Хинкер приступил к исполнению своих обязанностей только на последней стадии разбирательства, исходя из принципа справедливости, присудил 25 000 французских франков.

124. Согласно информации, полученной Европейским Судом, годовая процентная ставка, применяемая во Франции на день принятия настоящего Постановления, составляет 4,26 процента.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД:

1) единогласно отклонил предварительные возражения властей Болгарии;

2) постановил шестью голосами против одного, что имело место нарушение ст. 11 Конвенции;

3) постановил шестью голосами против одного, что государство-ответчик должно выплатить Станкову и Иванову в течение трех месяцев со дня, когда Постановление вступит в силу согласно п. 2 ст. 44 Конвенции, 40 000 (сорок тысяч) французских франков в качестве компенсации морального вреда;

4) единогласно постановил, что государство-ответчик должно выплатить Станкову и Иванову в течение трех месяцев со дня, когда Постановление вступит в силу согласно п. 2 ст. 44 Конвенции, 36 127 (тридцать шесть тысяч сто двадцать семь) французских франков в качестве компенсации судебных расходов и издержек, а также налог на добавленную стоимость, который может быть установлен;

5) единогласно постановил, что проценты по годовой ставке 4,26 процента подлежат выплате по истечении вышеупомянутых трех месяцев и до момента выплаты;

6) единогласно отклонил остальные требования заявителей о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке, уведомление о Постановлении направлено в письменном виде 2 октября 2001 г.

Э. Палм
Председатель

М. О'Бойл
Секретарь

В соответствии с п. 2 ст. 45 Конвенции и п. 2 ст. 74 Регламента Суда к настоящему Постановлению прилагается особое мнение судьи С. Ботучаровой.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ С. БОТУЧАРОВОЙ

Я голосовала против установления нарушения ст. 11 Конвенции в настоящем деле.

Мой анализ начинается с тех же общих принципов, что и мнение большинства судей: пп. 85–90 Постановления, которые указывают на сущность прецедентного права Европейского Суда относительно свободы собраний и выражения мнения и, в частности, критериев, на основе которых вмешательство в эти свободы в делах, схожих с настоящим, может считаться оправданным. Я полностью согласна с кратким изложением этих критериев.

Однвко, по моему мнению, их применение к фактам настоящего дела, находящегося на грани их применения, может привести к различным выводам, если придать вес тому факту, что демонстрации заявителей представляли собой опасность для общественного порядка в местной общине. Власти, ограничивая право заявителей на проведение памятных митингов, постоянно ссылались на наличие опасности столкновений между сторонниками ассоциации «Илинден» и участниками официальных церемоний, которые проводились в том же месте и в то же время. Опасения были основаны на прошлом опыте: ранее в ходе мероприятий, организованных ассоциацией «Илинден», происходил целый ряд инцидентов, и ее отношение было охарактеризовано как «провокационное» (см. п. 17 *Постановления*). Последний элемент имеет наибольшее значение, поскольку он означает, что власти были убеждены, что сторонники ассоциации «Илинден» могут спровоцировать беспорядки и столкновения. Однако, рассматриваемым вопросом является свобода мирных собраний.

Защита прав других лиц, общественная безопасность и предотвращение беспорядков являются законными целями, которые могут оправдать в соответствии с п. 2 ст. 11 Конвенции вмешательство в свободу мирных собраний, при условии, что такое вмешательство будет соразмерным преследуемой цели.

Власти Болгарии, вероятно, осознавали требование не ограничивать свободы ассоциации «Илинден» сверх необходимого. Обжалуемые запреты касались лишь определенных дней и мест. В некоторые дни, когда были запланированы демонстрации, власти не препятствовали сторонникам ассоциации «Илинден» посещать исторические места, но требовали от них, чтобы они отказались от провокационных лозунгов.

Европейский Суд своим прецедентным правом установил, что «по причине их прямого и постоянного контакта с жизненно важными силами их страны власти в целом находятся в более выгодном положении, чем судьи международных судов, чтобы высказать мнение об определенном содержании <...> (необходимости вмешательства) <...> Европейский Суд, который <...> несет ответственность за обеспечение исполнения этих обязательств государств, правомочен выносить окончательное решение по вопросу о том, (было ли вмешательство оправданным). <...> Соответственно, п. 2 ст. 10 Конвенции (равно как и п. 2 ст. 11 Конвенции) оставляет Договаривающимся Государствам пределы усмотрения. <...> Внутренние пределы усмотрения <...> идут нога в ногу с европейским надзором» (см. *Постановление Европейского Суда по делу «Хэндисайд против Соединенного Королевства» (Handyside v. United Kingdom) от 7 декабря 1976 г., Серия А, № 24, тт. 22-23*).

Принимая во внимание внутренние пределы усмотрения, Конвенционные органы во многих делах признавали, что ограничение на проведение демонстраций было обосновано причинами общественной безопасности. В качестве нескольких примеров следующие запреты собраний были расценены как соответствующие п. 2 ст. 11 Конвенции: двухмесячный запрет на публичные процессии, кроме обычных, в Лондоне (см. *Решение Европейской Комиссии по жалобе № 8440/78 от 16 июля 1980 г., п. 21, с. 138*); общий запрет на проведение демонстраций на Трафальгарской площади в Лондоне по вопросам, касающимся Северной Ирландии (см. *Решение Европейской Комиссии от 6 апреля 1995 г. по жалобе № 25522/94, ст. 81-А, с. 146*); четырехдневный запрет собраний в радиусе четырех миль вокруг Стоунхенджа ввиду предыдущих инцидентов и беспорядков, совершенных сторонниками друидов (см. *Решение Европейской Комиссии по жалобе № 31416/96 от 19 октября 1998 г.*).

По моему мнению, власти Болгарии не вышли за пределы усмотрения и ограничили свободу заявителей на мирные собрания в степени, необходимой для защиты прав других лиц, общественной безопасности и предотвращения беспорядков.

Поскольку я не признала нарушения ст. 11 Конвенции, я также голосовала против присуждения компенсации морального вреда заявителям.

ДЖАВИТ АН ПРОТИВ ТУРЦИИ

DJAVIT AN v. TURKEY

Жалоба N 20652/92

Постановление Суда
Страсбург

20 февраля 2003 г.

Перевод с английского – Юрий Берестнев

Понятие свободы собраний § 56

Уведомительная процедура § 61, 59

Запреты мероприятий с неудобной тематикой § 60

Прекращение мероприятий, не требующих
уведомления властей § 66, 67

Идеалы и ценности демократического общества § 56

Позитивные обязательства государства § 57

Мирный/насильственный характер акции § 56

Предсказуемость закона § 65

Недопустимость ограничительного толкования права
§ 57**КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ СУТИ ДЕЛА**

Заявитель – гражданин Кипра турецкой национальности, член движения за Федеральный и независимый Кипр, организующего греко-турецкие встречи по политическим, экономическим и социальным вопросам. Власти регулярно отказывали Д. в разрешении на посещение буферных зон между турецкой и греческой общинами для проведения двусторонних встреч. Из сорока шести соответствующих запросов Д. были удовлетворены только шесть. Д. обратился в Европейский Суд по правам человека (ЕСПЧ) с жалобой на нарушение права на мирные собрания.

Европейский Суд сделал вывод, что имело место вмешательство в право заявителя на свободу мирных собраний, гарантированное ст. 11 Конвенции.

ЕСПЧ отметил, что свобода собраний не должна толковаться ограничительно. Ограничение права заявителя не было предусмотрено законом, поскольку Правительство не смогло указать никакой нормы, регламентирующей выдачу разрешений на посещение буферных зон и не смогло пояснить, допускается ли законом отказ в выдаче подобных разрешений. ЕСПЧ ещё раз напомнил, что ограничение права считается установленным законом только в том случае, если его реально можно предвидеть.

По делу «Джавит Ан против Турции» Европейский суд по правам человека (Третья секция), заседая в составе:

Л. Кафлиш (*L. Caflish*), *Председатель*,

П. Курис (*P. Kuris*),

Б. Зупанчич (*B. Zupancic*),

Дж. Хедиган (*J. Hedigan*),

М. Цаца-Николовска (*M. Tsatsa-Nicolovska*),

К. Трайя (*K. Traja*), *судей*,

Ф. Гелькюклю (*F. Golcuclu*), *специальный судья*,

а также В. Берже (*W. Berge*), *Секретарь Суда*,

проведя 30 января 2003 г. закрытое заседание, вынес следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой (№ 20652/92), поданной гражданином Кипра Ахметом Джавит Аном (далее – «заявитель») 8 сентября 1992 г. в Европейскую Комиссию по правам человека (далее – «Комиссия») против Республики Турция в соответствии с бывшей ст. 25 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – «Конвенция»).

2. Заявитель пожелал участвовать в разбирательстве и поручил представление своих интересов профессору М. Шо, королевскому адвокату из г. Лондон. Правительство Турции было представлено своим представителем при Европейском Суде по правам человека профессором З.М. Некатигилом.

3. Заявитель жаловался, что отказ турецких и турецко-кипрских властей выдать ему разрешение на пересечение «зеленой линии» в направлении южного Кипра с целью участия во встречах двух кипрских общин нарушил статьи 10, 11, 13 Конвенции.

4. 14 апреля 1998 г. жалоба была признана Европейской Комиссией частично приемлемой для рассмотрения по существу, и 1 ноября 1999 г. она была передана в Европейский Суд в соответствии со вторым предложением п. 3 ст. 5 Протокола № 11 к Конвенции, так как Комиссия к этому времени не рассмотрела дело полностью.

5. Жалоба была передана на рассмотрение Четвертой секции Европейского Суда (п. 1 ст. 52 Регламента). В соответствии с п. 1 ст. 26 Регламента в рамках этой секции была создана Палата, которая должна была рассматривать данное дело (п. 1 ст. 27 Конвенции). Избранный судья с турецкой национальности, Р. Тюрмен, отказался от

участия в заседании по настоящему делу (ст. 28 Регламента). Соответственно, власти Турции назначили Ф. Гелькюкюлю специальным судьей (п. 2 ст. 27 Конвенции и п. 1 ст. 29 Регламента).

6. Заявитель и власти Турции представили замечания по существу дела (п. 1 ст. 59 Регламента). Кроме того, письменные замечания представили власти Кипра, воспользовавшиеся своим правом вступления в процесс в качестве третьей стороны (п. 1 ст. 36 Конвенции и п. 2 ст. 61 Регламента). Стороны представили в ответ свои письменные замечания (п. 5 ст. 61 Регламента).

7. 1 ноября 2001 г. был изменен состав Секций Европейского Суда (п. 1 ст. 25 Регламента). Дело было передано Третьей секции в новом составе.

ФАКТЫ

8. Заявитель – гражданин Кипра турецкого происхождения, родился в 1950 г., работал педиатром в г. Никосия (*Nicosia*) к северу от «зеленой линии».

9. Помимо того, что заявитель был критиком турецко-кипрских властей и турецкого военного присутствия на севере Кипра, которое он называл «оккупацией», он также являлся Турецко-кипрским координатором «Движения за независимый и Федеративный Кипр» (*Movement for an Independent and Federal Cyprus*), незарегистрированной ассоциации турецких и греческих киприотов, основанной в Никосии в 1989 г.. Движение имеет турецко-кипрский Координационный комитет в северной части острова и греко-кипрский Координационный комитет в южной части. Целью движения является развитие тесных отношений между двумя сообществами. С этой целью оно организует двусторонние встречи политического, культурного, медицинского и социального характера.

10. Как правило, заявителю не удавалось получить от турецких и турецко-кипрских властей разрешение на посещение «буферной зоны» или южной части острова для участия в различных двусторонних встречах. Так, в период с 8 марта 1992 г. по 14 апреля 1998 г. (даты принятия Комиссией Решения о приемлемости жалобы), только 6 из 46 ходатайств о выдаче таких разрешений было удовлетворено. Кроме того, в период с 18 апреля 1998 г. по 16 октября 1999 г. были отклонены еще два ходатайства, одно из которых, правда, было позже удовлетворено. Отклоненные ходатайства касались, в essence ярмарки сил ООН на Кипре (*UNFICYP (United Nations Forces*

in Cyprus) Spring Fair), проводившейся в международном аэропорту г. Никосии в мае 1992 г.; двустороннего семинара по медицине, организованного комиссаром ООН по вопросам беженцев (*United Nations High Commissioner for Refugees*) в июне 1992 г.; встречи Координационного комитета «Движения за независимый и Федеративный Кипр», состоявшейся в «Ледра Пэлас» (*Ledra Palace*) в октябре 1992 г., а также двух встреч по вопросам реорганизации этого комитета, состоявшихся в апреле и июле 1994 г.; семинара по кардиологии, организованного комиссаром ООН по вопросам беженцев в июне 1994 г.; общего собрания ассоциации «Новый Кипр», в декабре 1997 г. и многочисленных приемов в Посольстве Германии в Никосии. Кроме того, в мае 1992 г. вышеназванные власти отказались выдать греческим киприотам разрешение на участие во встрече, организованной заявителем в северной части острова.

11. Заявитель утверждал, что правительство так называемой «Турецкой Республики Северный Кипр» (далее – «ТРСК») приняло решение о запрещении ему контактировать с греческими киприотами. На данное решение предположительно ссылался в своем письме заявителю от 3 февраля 1992 г. министр здравоохранения ТРСК:

«По информации, полученной нашим министерством, Министерство иностранных дел и обороны сообщало вам в устной форме, что это решение было принято правительством, и Министерству здравоохранения нечего добавить».

12. 7 мая 1992 г. заявитель направил премьер-министру ТРСК просьбу сообщить ему содержание решения правительства, на которое ссылалось в вышеупомянутом письме Министерство здравоохранения, но ответа не получил.

13. 29 мая 1992 г. заявитель направил письмо с протестом министру иностранных дел Турции, но также не получил ответа.

14. 18 мая 1994 г. Управление по делам консульств и национальных меньшинств (*Directorate of Consular and Minority Affairs*) Министерства иностранных дел и обороны ТРСК сообщило заявителю, что «ходатайство от 19 апреля 1994 г. было отклонено по соображениям безопасности в интересах общества, так как он вел пропаганду против государства».

15. 24 мая 1994 г. заявитель написал письмо заместителю премьер-министра ТРСК, в котором он спрашивал, действительно ли было предыдущее решение правительства о том, что ему не разрешалось посещать буферную зону или въезжать в г. Никосию. Он не получил ответа и 19 июля 1994 г. отправил напоминание, которое также осталось без ответа. Но утверждал, что в газетной статье, опубликованной 18 марта

1996 г., бывший заместитель премьер-министра (которому заявитель направлял вышеупомянутые письма) заявил, что, занимая данный пост, он требовал у премьер-министра и президента ТРСК объяснений в связи с отказами в выдаче разрешений, но ответа не получил.

ПРАВО

I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВОЗРАЖЕНИЯ ВЛАСТЕЙ ТУРЦИИ

16. Суд заметил, что во время рассмотрения дела Комиссией власти Турции выдвинули ряд возражений по поводу приемлемости жалобы. Комиссия рассмотрела данные возражения под следующими пунктами: 1) предполагаемое отсутствие юрисдикции и ответственности государства-ответчика в отношении обжалованных деяний; 2) предполагаемый пропуск заявителем установленного шестимесячного срока; 3) предполагаемая неисчерпанность заявителем всех внутренних средств правовой защиты.

17. Далее Суд заметил, что Комиссия в своем Решении о приемлемости жалобы от 14 апреля 1998 г. отклонила возражения государства-ответчика по первому пункту и частично по второму. Что касается третьего пункта, Комиссия решила признать неприемлемой часть жалобы, относившейся к периоду до 8 марта 1992 г. Кроме того, Комиссия решила изучить вопросы, возникающие по третьему пункту, на этапе рассмотрения дела по существу. Поэтому Суд счел необходимым рассмотреть доводы властей Турции по данному вопросу, а также вопрос юрисдикции, который власти Турции снова подняли в своих замечаниях по существу жалобы в форме предварительных возражений.

A. Ответственность Турции за предполагаемые нарушения

18. Как и во время изучения жалобы Комиссией, власти Турции оспорили свою ответственность по Конвенции за нарушения, перечисленные в жалобе. В своих замечаниях, поданных в Европейский суд, власти Турции утверждали, что за обжалуемые нарушения ответственность должна нести только ТРСК, независимое и суверенное государство, основанное турецко-кипрским обществом в осуществление своего права на самоопределение. В частности, государство-ответчик утверждало, что непосредственное управление и контроль за указанными пунктами пересечения, такими как переездной шлагбаум «Ледра Пэлас», а также выдача разрешений находились в исключительной юрисдикции и ответственности властей ТРСК, а не Турции.

19. В связи с этим власти Турции не согласились с решениями Суда в Постановлениях от 23 марта 1995 г. (предварительные возражения) и от 18 декабря 1996 г. (по существу) по делу «Лоизиду против Турции» (*Loizidou v. Turkey*), Серия А, № 310 и Отчеты 1996-VI, и по межгосударственному делу «Кипр против Турции» (*Cyprus v. Turkey*), жалоба № 25781/94, Отчет 2001-IV от 10 мая 2001 г.). Также власти Турции заявили, что Комиссия при принятии Решения о приемлемости настоящей жалобы неправильно истолковала Решение по делу «Хрисостомос и Папахрисостому против Турции» (*Chrysostomos and Papachrysostomou v. Turkey*), см. Доклад Европейской Комиссии от 8 июня 1993 г., жалобы № 15299/89 и 15300/89, п. 86, с. 4).

20. Заявитель и власти Кипра оспорили данные замечания, ссылаясь главным образом на обоснование, данное Судом при отклонении похожих замечаний Турции в вышеупомянутых Постановлениях от 23 марта 1995 г. (предварительные возражения) и от 18 декабря 1996 г. (по существу) по делу «Лоизиду против Турции» и от 10 мая 2001 г. по делу «Кипр против Турции». Они заявили, что Турция несла ответственность по Конвенции за все деяния ТРСК, а также за контроль ею «пограничной зоны» и пунктов пересечения.

21. Суд сослался на отклонение предварительных возражений властей Турции в вышеупомянутом Постановлении по делу «Лоизиду против Турции», касавшихся предполагаемого отсутствия юрисдикции и ответственности за обжалованные деяния (см. *ит.* 49–57). Суд отметил в данном Постановлении в связи с конкретным положением заявителя следующее:

«52. Что касается вопроса отсутствия ответственности, Европейский Суд напомнил, прежде всего, что в вышеупомянутом Постановлении по делу «Лоизиду против Турции» (предварительные возражения) (с. 23 – 24, п. 62) он подчеркивал, что, в соответствии с прецедентным правом Европейского Суда, понятие «юрисдикции» по ст. 1 Конвенции не ограничено национальной территорией Договаривающихся государств. Ответственность Договаривающихся государств может наступать при совершении государственными органами деяний, влекущих последствия вне национальной территории. Особое значение для настоящего дела имело признание Судом того, что в соответствии с принципами международного права, регулирующими ответственность государств, ответственность Договаривающегося государства может возникнуть, когда оно вследствие законного или незаконного военного присутствия, эффективно осуществляет контроль за зоной вне национальной территории. Обязательство охранять в такой зоне права и свободы, закрепленные в Конвенции, вытекает из самого факта контроля, независимо от того, осуществлялся ли он напрямую с использованием вооруженных сил или через подчиненные органы местной администрации. <...>

56. <...> Не обязательно определять, действительно ли контролировала Турция, как утверждали заявитель и власти Кипра, политику и действия

властей ТРСК. Большое число военных частей, активно действующих в северном Кипре (см. п. 16) свидетельствует, что ее армия имеет эффективный полный контроль над севером Кипра. Такой контроль, в соответствии с данными проверки и при обстоятельствах данного дела, влечет ответственность Турции за политику и действия ТРСК. <...> Поэтому лица, затронутые такой политикой и действиями, попадают под «юрисдикцию» Турции для целей ст. 1 Конвенции. Поэтому ее обязательство по охране прав и свобод заявителя, изложенных в Конвенции, распространяется на северный Кипр».

22. Многие рассуждения из вышеупомянутого дела были подтверждены Судом в Постановлении от 10 мая 2001 г. по делу «Кипр против Турции». Суд напомнил, что в последнем Постановлении он отклонил доводы властей Турции, что Суд ошибочно подошел к рассмотрению вопросов в деле Лоизиду, особенно вопроса об ответственности Турции за предполагаемые нарушения прав, закрепленных в Конвенции (см. *Постановление Европейского суда по делу «Кипр против Турции»*, пп. 69 – 81), и счел, что ответственность Турции не ограничивалась вопросами собственности, такими как в деле «Лоизиду против Турции». В частности, Суд отметил:

«77. Несомненно, Европейский Суд в деле «Лоизиду против Турции» рассмотрел жалобу частного лица, касавшуюся продолжающегося отказа властей разрешить ей доступ к ее собственности. Однако необходимо отметить, что обоснование Европейского Суда составлено в форме широкого утверждения принципов относительно общей ответственности Турции по Конвенции за действия и политику властей ТРСК. Эффективно осуществляя полный контроль над севером Кипра, Турция не может ограничивать свою ответственность деяниями своих солдат или служащих в северном Кипре, но также она должна нести ответственность за деяния местной администрации, которая существует благодаря военной и другой поддержке Турции. Из ст. 1 Конвенции вытекает, что «юрисдикция» Турции включает охрану целого ряда прав, изложенных в Конвенции и дополнительных Протоколах к ней, которые были ратифицированы Турцией, и она несет ответственность за нарушения гарантированных ими прав».

23. Суд отклонил вышеупомянутые возражения властей Турции и признал, что обжалованные в настоящей жалобе нарушения находились в «юрисдикции» Турции по ст. 1 Конвенции, и поэтому влекли ответственность государства-ответчика по Конвенции.

В. Исчерпанность внутренних средств правовой защиты

1. Доводы сторон

а) Правительство

24. Правительство утверждало, что заявитель не пытался воспользоваться всеми доступными средствами правовой защиты, имевшимися в судебной и административной системе ТРСК, что является одним из требований ст. 35 Конвенции. В связи с этим,

Правительство заявило, что в судебной системе ТРСК имелись эффективные и отвечающие определенным требованиям, а также легко доступные средства правовой защиты, при обращении к которым у заявителя имелись перспективы на удачный исход дела и на присуждение ему компенсации. Заявив о беспристрастности и независимости судебной системы ТРСК, государство-ответчик сделало следующие утверждения:

– в Конституции ТРСК содержатся положения о правах человека, заимствованные из Конституции Кипра 1960 г. и Конвенции, ставших частью правовой системы ТРСК. В соответствии с Конституцией основные права и свободы человека могут быть ограничены только на основании закона и в целях, указанных в законе. Ст.ст. 135 – 155 Конституции предусматривают доступ к независимому суду и право на пересмотр судом административного решения на основании незаконности или правовой ошибки и превышения и/или злоупотребления полномочиями (ст. 152), а также право на судебный пересмотр законодательных актов путем обращения в Конституционный суд (ст. 148) и право на возбуждение в суде дела о признании недействительным законодательного или подзаконного акта (ст. 147). В частности, ст. 152 Конституции предусматривает, что Высший административный суд имеет исключительную компетенцию по вынесению окончательного решения по жалобам на то, что решение, действие или бездействие какого-либо органа или лица, осуществляющего исполнительные или административные полномочия, противоречило положениям Конституции, закона, подзаконного правового акта или превышало полномочия, либо злоупотребляло полномочиями, предоставленными данному органу или лицу. Заявитель мог подать в Высший административный суд требование о признании недействительным соответствующего решения или решений Правительства и/или ответственного Министерства, и/или органа, которые якобы препятствовали ему во въезде в южный Кипр;

– суды в своей деятельности также руководствуются некоторыми принципами, например, правилами естественного права или процессуальной справедливости, принципами справедливости, соразмерности и обоснованности административных актов. Чтобы возыметь последствия для соответствующего лица, административное решение должно вступить в силу и быть сообщенным данному лицу. Если эти условия не выполнены, предполагаемый акт будет незаконченным и недействительным в отношении данного лица;

– было бы сложно представить, что какой-либо административный акт или решение характеризуются как «акт государства» и не подлежат судебному пересмотру. Судебный пересмотр административного акта, касающегося дел особого значения, не отличается от судебного пересмотра других административных актов; при этом применяются принципы административного права, относящиеся к осуществлению дискреционных полномочий, предоставленных законом или Конституцией. Суды ТРСК не считали бы предполагаемые отказы государственных органов выдать заявителю разрешение на посещение южного Кипра политическим актом, находящимся вне их юрисдикции. Хотя суд мог бы признать за правительством определенную свободу усмотрения по вопросам, касавшимся существа данного дела, суд бы не превысил полномочий, если бы имело место какое-либо процессуальное нарушение, например, при составлении и вручении соответствующего административного акта или решения, а также если отсутствовали правовые нормы, позволявшие правительству принять со-

ответствующее решение, в частности, если такое решение ограничивало права или свободы, закрепленные в Конституции;

– в соответствии со ст. 76 Конституции ТРСК лицо имеет право на подачу петиций в государственные органы. Если соответствующий орган не отвечает на петицию, поданную в соответствии с данной статьей, в течение 30 дней, то согласно ст. 152 Конституции имело место «бездействие» органа, что дает лицу, подавшему петицию, право на обращение в Высший административный суд;

– кроме того, Закон об обращениях № 30/1976 предусматривает возможность подавать обращения в Комитет по обращениям Законодательного собрания ТРСК;

– также заявитель мог подать жалобу Генеральному прокурору ТРСК. В соответствии с Конституцией, Генеральный прокурор является независимым государственным служащим; и если бы заявитель подал ему жалобу, Генеральный прокурор мог рассмотреть жалобу вместе с компетентными государственными органами;

– ввиду того, что заявителю много раз давали разрешение на посещение южного Кипра, были необоснованны его доводы о том, что ему не требовалось исчерпывать все внутренние средства правовой защиты из-за существования «административной практики» отклонять ходатайства о посещении южного Кипра. Каждое ходатайство рассматривалось Министерством иностранных дел и обороны с учетом обстоятельств дела, а в случае отказа заявитель имел право обжаловать решение по существу и/или по процессуальным основаниям;

– в свете Постановления Европейского Суда от 10 мая 2001 г. по делу «Кипр против Турции» доводы заявителя о том, что средства правовой защиты в ТРСК были, по сути, незаконными, так как происходили из незаконной ситуации, были необоснованными как с правовой, так и с фактической точек зрения.

25. Наконец, Правительство утверждало, что заявитель не обращался в судебные органы ТРСК не из-за отсутствия эффективных средств правовой защиты, а вследствие нежелания воспользоваться имеющимися средствами правовой защиты. Правительство ссылалось на значительную политическую мотивацию заявителя и на политический аспект настоящей жалобы. Оно подчеркнуло, что заявитель был лицом экстремальных и провокационных взглядов, которые, по мнению многих турецких киприотов, превышали границы критики. Правительство утверждало, что стиль письма заявителя похож, если не был идентичным, текст, часто использовавшийся в четырех межгосударственных жалобах по делам «Кипр против Турции». Правительство упомянуло ссылку заявителя на никосийскую «Международную ассоциацию по защите прав человека» в графе о предоставлении ему правовой помощи, намекая на участие, помощь и подстрекательство со стороны греческих киприотов. Власти Турции выразили удивление тем фактом, что заявитель шел на все, чтобы опорочить государство, в котором он проживал, и/или государственные органы, включая судебные органы, этого государства.

b) Заявитель

26. Заявитель оспорил доводы Правительства в замечаниях, которые включали следующие утверждения:

– хотя Европейский Суд в Постановлении от 10 мая 2001 г. по делу «Кипр против Турции» не был убежден, что суды ТРСК были, по сути, незаконными в соответствии с международным правом и, таким образом, в принципе неспособными выступать в качестве эффективного средства правовой защиты, тем не менее, в соответствии с п. 1 ст. 35 Конвенции все еще является правдой то, что определение и применение внутренних средств правовой защиты должно соответствовать нормам и требованиям международного права. Они являются существенными ограничениями норм, от которых невозможно отступить;

– Правительство не предоставило доказательств для целей Конвенции (Постановление Европейского суда от 16 сентября 1996 г. по делу «Акдивар и другие против Турции» (*Akdivar and Others v. Turkey*), *Отчеты 1996-IV*). В частности, Правительство не коснулось ключевых вопросов эффективности какого-либо из заявленных средств правовой защиты в отношении заявителя с учетом обстоятельств дела. Их замечания просто содержали ряд положений Конституции ТРСК без попытки указать какое-либо средство правовой защиты, которым мог воспользоваться заявитель;

– заявителю никогда не сообщали о соответствующем решении, и он не мог обнаружить ни одного правдоподобного правового основания для подобного обращения. Любое эффективное средство правовой защиты, на которое указывало Правительство, должно было рассматриваться с учетом данного обстоятельства. Заявителю препятствовали в установлении дальнейших контактов с греческими киприотами в южном Кипре, имевших целью развитие дружеских отношений. Он последовательно пытался обнаружить причины отказов в выдаче разрешения на посещение южного Кипра. В законодательстве северного Кипра не имелось никаких правовых норм, регулировавших контакты между севером и югом. Ходатайства о выдаче разрешения на посещение южного Кипра всегда рассматривались произвольно, без должного уведомления об отклонении или вовсе без уведомления, и часто он не мог посетить южный Кипр, так как специальное разрешение на посещение не было отправлено на соответствующий пункт пересечения или отказ был дан в устной форме, поэтому, практически, его было невозможно обжаловать. Заявитель считал, что по политическим причинам с ним в любом случае не обращались бы справедливо. Он считал, что устное обсуждение его дела имело место, но, по его утверждению, он не получал никакого письменного извещения об этом, только скрытые угрозы;

– ст. 12 Конституции ТРСК в явной форме установила, что не допускается толкование, в соответствии с которым имеется право на участие в деятельности, направленной на изменение «прав и статуса» ТРСК. Заявитель упомянул письмо от 18 мая 1994 г., посланное из Управления по делам консульств и национальных меньшинств Министерства иностранных дел и обороны, в котором отказ в выдаче разрешения обосновывался тем, что заявитель вел пропаганду против государства, а также интересами безопасности и пользой для общества;

– правила въезда в ТРСК (и, как необходимое следствие, выезд и повторный въезд) и принципы применения основаны на решениях Совета министров ТРСК, которые в правовой системе ТРСК не подлежат судебному пересмотру (см. упоминавшийся выше Доклад Европейской комиссии по делу «Кипр против Турции» от 4 июня 1999 г., § 109);

– ввиду того, что юрисдикция судов ТРСК не распространялась на турецкие вооруженные силы, охранявшие разделительную полосу, решение по жалобе заявителя не имело бы или не могло иметь никакой обязательной силы для соответствующих вооруженных сил Турции, тем более, что Турция и ТРСК заявили, что они являются двумя отдельными независимыми государствами;

– в любом случае, произвольная и сумасбродная практика выдачи разрешений на посещение южного Кипра могла считаться административной практикой. Как подтвердил Европейский Суд в Постановлении от 10 мая 2001 г. по делу «Кипр против Турции», политика воспрепятствования двусторонним контактам между представителями двух обществ, по крайней мере, с 1996 г. считалась административной практикой. Несмотря на позицию Европейского Суда по межгосударственному делу, нарушение прав заявителя, гарантированных Конвенцией, имело место в период до принятия Комиссией Решения о приемлемости жалобы 14 апреля 1998 г., что освобождало его от обязанности исчерпать все внутренние средства правовой защиты. Доводом послужило сведение рассматриваемой практики к произвольному созданию препятствий для таких контактов, а не то, что препятствия создавались для каждого отдельного контакта. В течение данного периода такая практика имела отношение к его жалобе.

с) Власти Кипра

27. Власти Кипра представили замечания, похожие на замечания заявителя, в которых они оспаривали доводы Правительства. В своих замечаниях они утверждали, что средства правовой защиты в судебной системе ТРСК не являлись эффективными внутренними средствами правовой защиты, которые необходимо исчерпать в соответствии с п. 1 ст. 35 Конвенции. Власти Кипра утверждали, что незаконность данных средств правовой защиты по международному праву являлась «специальным обстоятельством», освобождавшим заявителя от обязанности исчерпания всех внутренних средств. Власти Кипра, также как большинство судей Суда в Постановлении от 10 мая 2001 г. по делу «Кипр против Турции», не согласились с Решением Комиссии в отчете от 4 июня 1999 г. по тому же делу, в соответствии с которым средства правовой защиты в ТРСК могли считаться «внутренними средствами правовой защиты». Кроме того, власти Кипра сделали следующие заявления:

– Правительство не уточнило, какими именно средствами правовой защиты, доступными и способными предоставить должную компенсацию с разумной вероятностью удовлетворения жалобы, с требуемой степенью определенности мог воспользоваться заявитель в правовой системе ТРСК. Замечания властей Турции могли быть приняты только, чтобы сослаться на возможность «судебного пересмотра» жалобы, основанного на «конституционных» правах; не было показано, что судебный пересмотр был эффективен на практике, или что он был достаточно определенным, чтобы соответствовать требованиям ст. 35 Конвенции;

– чтобы быть эффективным, любое средство правовой защиты должно иметь возможность предупредить или предотвратить нарушение. Никаких таких средств не могло существовать, так как заявителя никогда официально не извещали о решении заранее, что дало бы ему возможность обжа-

ловать отказ; о разрешении или об отказе на пересечение разделительной линии он узнавал только в момент исполнения решения. Практически заявителю или другим лицам в похожей ситуации было бы очень сложно, если не невозможно, возбудить процесс, в котором ему было бы предоставлено эффективное средство правовой защиты, с помощью которого могло быть отменено данное решение. Жалоба, поданная после исполнения решения, не стала бы эффективным средством правовой защиты и не предоставила бы права прохода в будущем, так как каждое ходатайство о пересечении турецкой линии прекращения огня было отдельным, и по результатам его рассмотрения принималось отдельное решение об отказе (о котором, однако, не сообщалось заранее);

– в соответствии со ст. 12 Конституции ТРСК, любая политическая деятельность, включая двустороннюю деятельность двух обществ, которая направлена на прекращение незаконной оккупации Турцией северного Кипра, восстановление верховенства закона и, таким образом, провокация ТРСК на «изменение статуса» как независимого государства, лишалась «конституционной» защиты, и, следовательно, отрицались свободы собраний, объединений и выражения мнения. Поэтому, нельзя сказать, что обжалование заявителем решения, в соответствии с Конституцией, имело перспективы оказаться успешным;

– доказательства подтверждают наличие практики ограничения свободы передвижения и вытекающего из этого нарушения свободы выражения мнения и объединений, а также препятствования участию турецких киприотов в двусторонних организациях и деятельности на юге. Таким образом, данная ситуация отличается от межгосударственного дела, разобранного Судом. В настоящем деле имеются доказательства наличия практики введения политически мотивированных ограничений свободы передвижения с целью воспрепятствовать турецким киприотам, противникам режима, ездить на юг, осуществляя свои права на свободу выражения мнения и объединений (см. *Отчеты Европейской Комиссии за 1993, 1994 и 1996 гг., а также Доклад Европейской комиссии по делу «Кипр против Турции» от 4 июня 1999 г.*). Имеются прямые доказательства того, что такая практика применялась к заявителю и к другим лицам. Несмотря на масштаб такой практики, Правительство не смогло представить хоть один пример успешной жалобы, поданной при схожих обстоятельствах. Такая же ситуация сложилась и у других турецких киприотов, желавших попасть на юг;

– даже если Суд признал бы, что имеющихся доказательств недостаточно для установления существования административной практики, пример повторяющихся нарушений все еще был важным. Если, как в настоящем деле, существовал пример политически мотивированных ограничений свободы выражения мнения и объединений, то отсутствие четких средств правовой защиты или предыдущих инстанций, в которых эти средства правовой защиты были бы применены, имеет важное значение для определения того, доказали ли власти Турции, что предложенные средства правовой защиты были доступны на практике и имелись шансы на удовлетворение ими жалобы (см. *дело «Акдивар и другие против Турции» (Akdivar and Others v. Turkey)*);

– суды ТРСК не были ни независимыми, ни беспристрастными, когда их призывали решать политические споры или споры между сторонниками и противниками ТРСК.

2. Мнение Европейского Суда

28. Суд напомнил, что правило исчерпания внутренних средств правовой защиты, упомянутое в п. 1 ст. 35 Конвенции, возлагает на заявителей обязанность использовать сначала средства правовой защиты, которые доступны в национальной правовой системе и достаточны для того, чтобы позволить ему получить компенсацию за предполагаемые нарушения. Существование средств правовой защиты должно быть достаточно определенным как в теории, так и на практике, в противном случае они лишаются требуемой доступности и эффективности. П. 1 ст. 35 устанавливает требование, что жалобы, которые впоследствии намереваются подавать в Суд, должны быть направлены в надлежащие национальные органы, по крайней мере, по существу и в соответствии с формальными требованиями и в сроки, установленные в национальном праве; все процессуальные средства, которые могли бы предупредить нарушение Конвенции, должны быть использованы (*см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Акдивар и другие против Турции», пп. 65 – 67*).

29. Правительству, заявившему о неисчерпанности всех внутренних средств правовой защиты, надлежит указать Суду с достаточной ясностью те средства, к которым не прибегнул заявитель, и доказать Суду, что эти средства в соответствующее время были эффективны и действительны в теории и на практике, то есть были доступны, способны предоставить компенсацию по жалобе заявителя, и использование этих средств имело шансы на успех (*см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делам «Акдивар и другие против Турции», п. 68, «Греческие нефтеперегонные заводы «Стран» и Стратис Андреатис против Греции» (Stran Greek Refineries and Stratis Andreadis v. Greece), от 9 декабря 1994 г., Серия А, № 301-В, п. 35*).

30. Что касается применения п. 1 ст. 35 Конвенции к обстоятельствам настоящего дела, Суд, прежде всего, отметил, что в п. 102 Постановления от 10 мая 2001 г. по делу «Кипр против Турции» сказано, что для осуществления целей бывшей ст. 26 Конвенции (сейчас п. 1 ст. 35 Конвенции), средства правовой защиты, имеющиеся в ТРСК, могут считаться «внутренними средствами правовой защиты» Правительства, а вопрос об их эффективности должен рассматриваться с учетом специфических обстоятельств, в которых он возник. В связи с этим, Суд счел, как и в упоминавшемся выше Постановлении, что ссылка заявителя и властей Кипра на незаконность судов ТРСК противоречит их утверждению о том, что Турция несет ответственность

за предполагаемые нарушения в северном Кипре; данное утверждение было принято Судом (см. выше пп. 21 – 23). В частности, Суд в Постановлении по делу «Кипр против Турции» утверждал:

«101. <...> Представляется <...> сложным сделать допущение, что государство несет ответственность за деяния, случившиеся на территории, незаконно оккупированной и управляемой им, и отрицать возможность данного государства попытаться избежать этой ответственности, исправив вмененные ему нарушения в своих судах. Признание данной возможности государства-ответчика в рамках настоящего Постановления никоим образом не может быть приравнено к косвенной легитимизации режима, который признается незаконным по международному праву».

31. Суд отметил также, что похожие противоречия возникают между предполагаемой незаконностью учреждений, созданных в ТРСК и доводом заявителя и властей Кипра, который будет рассмотрен позже (см. ниже пп. 70 – 74), что имело место нарушение ст. 13 Конвенции: с одной стороны, нельзя заявлять о нарушении данной статьи на том основании, что государство-ответчик не предоставило никакого средства правовой защиты, утверждая, с другой стороны, что любое средство правовой защиты, если бы оно было предоставлено, было бы ничтожным и недействительным (см. упоминавшееся выше дело «Кипр против Турции», п. 101).

32. Что касается возможных средств правовой защиты, упомянутых выше Правительством, Суд счел, что утверждения Правительства не могут быть достаточными для обоснования возражения, которое оно выдвинуло на данной стадии рассмотрения дела. В своих замечаниях, представленных в Европейский суд, государство-ответчик ссылалось на ряд конституционных положений с упором, прежде всего, на судебный пересмотр административных деяний и решений любого органа или лица, исполняющего распорядительные или исполнительные полномочия; во-вторых, на возможность обращения в Высший административный суд в случае отсутствия ответа государственных органов ТРСК на петицию в установленные сроки; и, в-третьих, на передачу жалобы Генеральному прокурору. Европейский суд отметил, что замечания Правительства по данному вопросу имеют слишком общий характер. Правительство не доказало, что обращение к какому-либо из упомянутых средств правовой защиты могло бы завершиться присуждением заявителю компенсации. Кроме того, Суд счел, что средство правовой защиты, заключавшееся в обращении в административные суды, не могло считаться надлежащим и достаточным в отношении жалоб заявителя, так как, по мнению Суда, в ходе такого процесса не будет решен вопрос об отказах в выдаче раз-

решения на пересечение «зеленой линии». То же самое можно сказать и о направлении жалоб Генеральному прокурору ТРСК.

33. Кроме того, предоставление Правительством списка различных дел, инициированных турецкими киприотами в судах ТРСК, не повлияло на вывод Суда, сделанный выше. Суд отметил, что настоящее дело не было похоже на какое-либо из предыдущих дел, так как они не касались жалоб на отказ государственных органов ТРСК в выдаче турецким киприотам разрешений на пересечение «зеленой линии» со стороны северного Кипра.

34. Наконец, Суд отметил Решение Комиссии по делу «Кипр против Турции» (см. Доклад Европейской комиссии от 4 июня 1999 г., п. 264), в котором Комиссия отметила, что правила въезда в ТРСК и принципы их применения основаны на решениях Совета министров ТРСК и не подлежат судебному пересмотру. Комиссия ссылалась на въезд или выезд из ТРСК греко-киприотов, а не турко-киприотов, как в настоящем деле. Правительство утверждало, что органом, принимающим решения о выдаче разрешений, являлось Министерство иностранных дел и обороны ТРСК. В этом отношении представляется, что эти две ситуации отличаются друг от друга. Правительство не прояснило данный вопрос в своих замечаниях. Однако Суд счел, что не было необходимости проверять данный вопрос в настоящем деле.

35. Суд напомнил, что конвенционные органы не обязаны по своей инициативе исправлять недостатки или отсутствие точности в доводах государства-ответчика (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского суда по делу «Греческие нефтеперегонные заводы «Стран» и Стратис Андреатис против Греции»).

36. Соответственно, Суд пришел к выводу, что при отсутствии убедительных объяснений со стороны Правительства и с учетом вышесказанного жалоба не может быть отклонена на основании исчерпания внутренних средств правовой защиты. Таким образом, Суд отклонил возражение Правительства по данному пункту. В связи с данным выводом Суд счел не обязательным рассмотрение вопроса об административной практике.

37. Суд подчеркнул, в соответствии с Постановлением по делу «Кипр против Турции», что его решение ограничивалось конкретными обстоятельствами настоящего дела. Оно не должно толковаться, как общее утверждение, что средства правовой защиты в ТРСК неэффективны или что заявители освобождаются от установленной в п. 1 ст. 35 Конвенции обязанности в общем порядке

обращаться к доступным и действующим средствам правовой защиты. Только при таких обстоятельствах, как в настоящем деле, Суд признает, что заявители могут обращаться в Суд с жалобой на нарушение без предварительной попытки добиться компенсации в национальных судебных органах.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 10 КОНВЕНЦИИ

38. Заявитель жаловался, что отказы турецких и турецко-кипрских властей выдать ему разрешение на пересечение «зеленой линии» для участия в двусторонних встречах двух кипрских сообществ препятствовали осуществлению им права свободно выражать мнение, включая свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию, гарантированно-го ст. 10 Конвенции, которая гласит:

«1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ. Настоящая статья не препятствует государствам осуществлять лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий.

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

39. Суд отметил, что вопрос о нарушении свободы выражения мнения в настоящем деле не может быть отделен от вопроса о нарушении права на свободу собраний. Защита личного мнения, гарантированная ст. 10 Конвенции, является одной из целей свободы мирных собраний, предусмотренной ст. 11 Конвенции (см. *Постановление Европейского суда по делу «Эзелин против Франции» (Ezelin v. France) от 26 апреля 1991 г., Серия А, № 202, п. 37*). Таким образом, учитывая, что жалобы заявителя касались главным образом отказов властей ТРСК выдать ему разрешение на пересечение «зеленой линии» для встречи с греческими киприотами, Суд счел, что сначала должна была применяться ст. 11 Конвенции, то есть не было необходимости рассматривать данный вопрос в соответствии со ст. 10 Конвенции, взятой отдельно. Суд, однако, учитывал ст. 10 Конвенции при рассмотрении и толковании ст. 11 Конвенции.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 11 КОНВЕНЦИИ

40. Заявитель жаловался на то, что отказы турецких и турецко-кипрских властей выдать ему разрешение на пересечение «зеленой линии» для участия в двусторонних встречах двух кипрских сообществ препятствовали осуществлению им права на свободу собраний и объединений с греческими киприотами, что нарушало ст. 11 Конвенции, которая гласит:

«1. Каждый имеет право на свободу мирных собраний и на свободу объединения с другими, включая право создавать профессиональные союзы и вступать в таковые для защиты своих интересов.

2. Осуществление этих прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц. Настоящая статья не препятствует введению законных ограничений на осуществление этих прав лицами, входящими в состав вооруженных сил, полиции или административных органов государства».

A. Замечания, представленные в Европейский суд

1. Правительство

41. Правительство утверждало, что жалобы заявителя касались, в основном, свободы передвижения, гарантированной ст. 2 Протокола № 4 к Конвенции, который Турция не ратифицировала. Соответственно, Правительство утверждало, что заявитель намеревался обойти данную правовую норму, подав жалобы на нарушение стст. 10 и 11 Конвенции.

42. Кроме того, Правительство подчеркнуло, что дело «Лоизиду против Турции» отличалось от настоящего дела, так как заявитель по существу мог осуществлять свои права, гарантированные вышеупомянутыми нормами. Обжалуемое им отсутствие возможности посетить южный Кипр несколько раз в течение периода, в отношении которого данная жалоба была признана приемлемой, ни коим образом не затрагивало его конвенционные права. Правительство оспорило возможность заявителя посетить несколько встреч на южном Кипре в течение рассматриваемого периода.

43. Правительство утверждало, что, хотя Комиссия признала, что ограничения свободы передвижения, вызванные либо лишением свободы, либо статусом отдельной территории, могли косвенно повлиять на другие права, это не означало, что лишение свободы или ограничение въезда на определенную территорию являлись прямым вмешательством в другое право, охраняемое Конвенцией

(см. Решение Европейской комиссии по делу «15 иностранных студентов против Соединенного Королевства» (15 Foreign Students v. United Kingdom), от 9 мая 1977 г., жалоба N 7671/76, п. 9, с. 185).

44. Кроме того, Правительство утверждало, что невозможно охарактеризовать упомянутые заявителем встречи, такие как: выставки, фестивали, концерты, ярмарки и приемы, – в качестве «собраний» по смыслу ст. 11 Конвенции. Правительство заявило, что данная норма не регулировала встречи в целях развлечения или случаи, когда люди собираются вместе, чтобы побывать в компании других людей и получить от этого удовольствие. Правительство подчеркнуло, что доводы заявителя основывались на понятии «объединения» в смысле простой возможности для людей собраться вместе без необходимости делать это в организованной форме и не относились к какому-либо специальному препятствованию попыткам заявителя организовать объединение в форме организационной структуры с греческими киприотами. Власти Турции утверждали, что «Движение за независимый и Федеративный Кипр», в котором заявитель являлся координатором со стороны турецких киприотов, было организовано без вмешательства со стороны турецко-кипрских властей. Почти все органы, упомянутые заявителем в связи с отсутствием возможности посетить южный Кипр, не имели отношения к деятельности вышеупомянутого объединения.

45. Наконец, власти Турции заявили, что, в любом случае, осуществление прав, на которые ссылался заявитель, могло быть ограничено в соответствии с п. 2 ст. 11 Конвенции.

2. Заявитель

46. Заявитель оспорил доводы Правительства. Он утверждал, что его акцент в жалобах ни практически, ни теоретически не был сделан на свободе передвижения как таковой. Основная мысль его жалобы сводилась к невозможности иметь мирные отношения, использовать основные демократические права на получение и распространение «информации и идей с людьми на острове Кипр, которые разделяли его стремления к мирному и дружелюбному решению проблем острова без вмешательства со стороны публичных властей, и без границ». С учетом текущего положения на Кипре, он считал, что единственным способом действительного распространения, получения и обмена идеями о мирном политическом урегулировании являлись встречи турецких и греческих киприотов. Но, по словам заявителя, встречи подобного уровня и качества не могли быть организованы ни в каком другом месте кроме южного Кипра. Таким образом, отсутствие нормальной системы регулиро-

вания пересечения «зеленой линии» с севера на юг и произвольное и сумасбродное воспрепятствование его посещениям различных важных встреч на юге существенно и неблагоприятно отразились на его конвенционных правах на свободу собраний и объединений, а также на свободу выражения мнения.

47. Заявитель утверждал, что в данном контексте элемент «передвижения» был всего лишь побочным продуктом основных рассматриваемых прав. В связи с этим он утверждал, что его дело было аналогично делу «Лоизиду против Турции», в котором Суд признал вопрос о свободе передвижения второстепенным по отношению к основной жалобе на нарушение права собственности. Кроме того, заявитель отметил, что дело «15 иностранных студентов против Соединенного Королевства», на которое ссылалось в своих замечаниях Правительство, не относилось к настоящей жалобе и не могло быть применено к его делу, так как в нем не затрагивалась свобода передвижения.

48. Заявитель заметил, что, хотя прецедентное право Суда по вопросу толкования термина «собрание» не было обширным и фокусировалось на демонстрациях, ст. 11 Конвенции регулировала право людей собираться вместе для мирного продвижения их общих интересов, как на открытых, так и закрытых встречах (см. *Решение Европейской комиссии от 10 октября 1978 г. по делу «Рассамблеман Юрассиан против Швейцарии» (Rassemblement Jurassien v. Switzerland), жалоба N 8191/78, п. 17, с. 93*). В этом смысле, по мнению заявителя, действия в его отношении находились в рамках ст. 11 Конвенции и нарушали данную норму. Целью и результатом обжалуемых деяний стало создание препятствий для предлагаемой мирными собраниями возможности предпринять попытку по взаимному примирению и мирному урегулированию тяжелой ситуации на Кипре. Заявитель утверждал, что смыслом различных проведенных встреч было собрать вместе турецких и греческих киприотов с целью разработки мероприятий по реализации таких целей. Результатом обжалуемых действий стало возникновение больших сложностей при обеспечении участия турецких киприотов в проведении мероприятий по реализации этих целей. Заявитель отличал дело «Кипр против Турции» от своего дела на том основании, что выводы Суда по ст.11 Конвенции в вышеупомянутом деле, касавшиеся турецких киприотов, касались положения турецких киприотов в целом, а не положения отдельного лица или лиц.

49. Что касается свободы объединений, заявитель отметил, что «Движение за независимый и Федеративный Кипр» выполнило требования минимальной организации и стабильности.

50. Заявитель утверждал, что не знал ни одного соответствующего закона, регулирующего обжалуемые действия, и что не имелось правовой защиты от произвольного вмешательства в его права со стороны публичных властей. В связи с этим он заявил, что Правительство не сделало никаких попыток указать основания, на которых могло бы быть оправдано такое вмешательство, и не доказало необходимость вмешательства в демократическом обществе.

51. Наконец, заявитель утверждал, что в соответствии с принципом защиты от произвола при осуществлении властных полномочий Правительство, узнав о жалобах на нарушения ст. 11 Конвенции, должно было провести быстрое и эффективное расследование (см. *Постановления Европейского суда по делам «Курт против Турции» (Kurt v. Turkey), от 25 мая 1998 г., отчет 1998-III, с. 1152, пп. 122, 124, 133 – 134 и «Осман против Соединенного Королевства» (Osman v. United Kingdom), от 28 октября 1998 г., отчет 1998-VIII, с. 3124, пп. 115 and 123*). По словам заявителя, непроведение такого расследования отягчало нарушения и являлось очевидным нарушением ст. 11 Конвенции.

3. *Власти Кипра*

52. Власти Кипра оспорили доводы Правительство. По их утверждению, тот факт, что Турция не ратифицировала Протокол № 4 к Конвенции, не имел отношения к жалобе заявителя на то, что ограничения на свободу ездить на юг острова нарушали его права, гарантированные стст. 10 и 11 Конвенции. В поддержку данного довода власти Кипра отметили, что Суд признавал несколько раз, что предмет конкретной жалобы регулировался факультативным протоколом, который заинтересованное государство не ратифицировало, не мешал рассмотрению жалобы в соответствии с положениями Конвенции (см. *Постановления Европейского суда по делам «Абдулазиз, Кабалес и Балкандали против Соединенного Королевства» (Abdulaziz, Cabales and Balkandali v. United Kingdom), от 24 апреля 1985 г., Серия А, № 94 и «Гуццарди против Италии» (Guzzardi v. Italy), от 2 октября 1980 г., Серия А, № 39*). Также власти Кипра сослались на выводы Суда по делу «Лоизиду против Турции» и Решения Комиссии и Суда в отношении положения карпасских греческих киприотов в деле «Кипр против Турции».

53. Наконец, власти Кипра утверждали, что Правительство не обосновало вмешательство в права заявителя и, таким образом, не доказало, что меры, принятые в настоящем деле, соответствовали п. 2 ст. 11 Конвенции.

В. Мнение Европейского суда

1. Предварительные замечания

54. Прежде всего, Суд заметил, что жалоба заявителя на нарушение ст. 11 Конвенции не ограничивается вопросом о свободе передвижения, то есть физическом доступе в южную часть Кипра. Как сказано в замечаниях заявителя, его жалоба заключается в том, что власти, постоянно отказывая ему в выдаче разрешений на пересечение «зеленой линии», эффективно препятствовали его встречам с греческими киприотами и его участию в двусторонних встречах, что затрагивало его права на свободу собраний и объединений, гарантированные ст. 11 Конвенции. Заявитель, Правительство и власти Кипра обращались именно к этой жалобе, в сформулированном выше виде. В связи с этим Суд сослался также на свои решения и обоснование в Постановлении по делу «Лоизиду против Турции» (по существу дела), в котором он отклонил похожие доводы государства-ответчика по вопросу о свободе передвижения (пп. 60 – 63).

55. Рассмотренная в таком свете характеристика жалобы заявителя, по мнению Суда, не может быть сведена к свободе передвижения. Таким образом, применима ст. 11 Конвенции.

2. Общие принципы

56. Прежде всего, Суд заметил, что право на свободу собраний является фундаментальным правом демократического общества и, так же как и свобода выражения мнения, является одним из оснований такого общества. Таким образом, данное право не должно толковаться в ограничительном смысле (см. Решения Европейской комиссии по делам «G. против Федеративной Республики Германии» (*G. v. Federal Republic of Germany*), от 6 марта 1989 г., жалоба № 13079/87, п. 60, с. 256, «Рассамблеман Юрассиан против Швейцарии», жалоба № 8191/78, с. 93, «Милан Рэй, Джилл Олмонд и «Негоишейт Нау» против Соединенного Королевства» (*Milan Rai, Gill Almond and «Negotiate Now» v. United Kingdom*), от 6 апреля 1995 г., жалоба № 25522/94, п. 81-А, с. 146). Как таковое, данное право охватывает как закрытые встречи, так и встречи на оживленных улицах, а также статичные встречи и людные процессии; кроме того, данное право может осуществляться отдельными людьми или лицами, организовавшими собрание (см. упоминавшиеся выше Решения Европейской комиссии по делу «Рассамблеман Юрассиан против Швейцарии», жалоба № 8191/78, с. 119 и «Христиане против расизма и фашизма» против Соединенного Королевства» (*Christians Against Racism and Fascism v. United Kingdom*), от 16 июля 1980 г., жалоба № 8440/78, п. 21, пп. 138, 148).

57. Суд отметил также, что государства должны не только гарантировать право на мирные собрания, но и воздерживаться от применения неразумных косвенных ограничений данного права (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского суда по делу «Эзелин против Франции»). Наконец, Суд счел, что хотя основным объектом ст. 11 является защита людей от произвольного вмешательства со стороны публичных властей в осуществление охраняемых прав, помимо этого могут существовать позитивные обязательства обеспечивать использование этих прав (см. упоминавшееся выше Решение Европейской комиссии по делу «Христиане против расизма и фашизма» против Соединенного Королевства», с. 148).

3. Применение вышеупомянутых принципов к настоящему делу

58. В настоящем деле Суд подчеркнул, что Комиссия в своем Решении о приемлемости жалобы от 14 апреля 1998 г. признала приемлемой лишь часть жалобы, относящуюся к периоду после 8 марта 1992 г. Юрисдикция Суда позволяет рассматривать только период с 8 марта 1992 г. по 14 апреля 1998 г. (даты принятия Решения о приемлемости жалобы), то есть период, равный шести годам и одному месяцу. Поэтому, предполагаемые нарушения конвенционных прав, случившиеся в другое время, не рассматриваются в настоящем Постановлении.

59. Суд заметил, что в вышеуказанный период Правительство во многих случаях отказалось выдать заявителю разрешение на пересечение «зеленой линии». Хотя заявителю и позволяли пересечь «зеленую линию» несколько раз и посетить некоторые встречи, число этих разрешений было ничтожно мало по сравнению с многочисленными случаями отказа. В частности, во время рассматриваемого периода были удовлетворены только 6 из 46 ходатайств. Суд отметил, что в некоторых случаях разрешения выдавались другим лицам, ходатайствовавшим об этом, но не заявителю. В связи с этим Суд еще раз повторил факты, установленные им в деле «Кипр против Турции» в отношении жесткого подхода властей ТРСК к общим встречам двух сообществ после второй половины 1996 г., а именно наложения ограничений и запретов (пп. 368 – 369). В настоящем деле со 2 февраля 1996 г. по 14 апреля 1998 г. заявителю отказывали в выдаче разрешения каждый раз, когда он хотел посетить южный Кипр в целях участия в двусторонних встречах (всего 10 раз).

60. Суд счел, что, несмотря на различный характер встреч, на которые хотел попасть заявитель, все они имели общую черту – в них участвовали представители двух кипрских сообществ. Таким образом, независимо от формы и от организации данных встреч их цель была одной и той же, а именно: коммуникация турецких киприотов,

живущих на севере, и греческих киприотов, живущих на юге, с надеждой обеспечить мир на острове. В свете такой цели для решения вопроса о свободе собраний, гарантированного ст. 11 Конвенции, не имело значения, хотел ли заявитель участвовать в этих встречах в качестве координатора «Движения за независимый и Федеративный Кипр».

61. В связи с этим Суд счел, что отказы выдать разрешение заявителю на посещение южного Кипра на самом деле, препятствовали его участию в двусторонних встречах на юге, что не давало ему возможности участвовать в мирных собраниях с людьми обоих обществ. В этом отношении Суд заметил, что создание препятствий может считаться нарушением Конвенции, так же как и препоны в законе (см. упоминавшееся выше *Постановление Европейского суда по делу «Лоузиду против Турции» (по существу), п 63*).

62. Соответственно, Суд сделал вывод, что имело место вмешательство в право заявителя на свободу мирных собраний, гарантированное ст. 11 Конвенции.

63. Такое вмешательство нарушает данную норму, если не будет доказано, что оно было «предусмотрено законом», преследовало одну или несколько законных целей, перечисленных в п. 2, и было «необходимым в демократическом обществе».

64. Прежде всего, необходимо рассмотреть, было ли обжалуемое ограничение «предусмотрено законом».

65. Суд повторил, что одним из требований, вытекающих из выражения «предусмотрено законом», является предсказуемость подобной меры. Правило не может считаться «законом», если оно не сформулировано с достаточной точностью, которая позволит гражданину регулировать свое поведение: он должен, в случае необходимости получив соответствующий совет, предвидеть последствия, которые может повлечь его действие, в разумной при данных обстоятельствах степени (см. *Постановление Большой палаты Европейского суда по делу «Реквенйи против Венгрии» (Rekvenyi v. Hungary), жалоба № 25390/94, отчет 1999-II, п. 34*).

66. В настоящем деле Правительство не ссылалось на какой-либо закон или меру в ТРСК, регулировавшие выдачу турецким киприотам, живущим на севере, разрешений на пересечение «зеленой линии» в направлении южного Кипра для посещения двусторонних встреч. Кроме того, Правительство не дало никаких указаний на случаи, в которых допускаются такие разрешения.

67. Задачей Суда является оценка обстоятельств рассматриваемого им конкретного дела. Суд пришел к выводу, что, судя по всему, не было никакого закона, применимого в настоящем деле, который регулировал бы выдачу турецким киприотам, живущим на севере Кипра, разрешений на пересечение «зеленой линии» в направлении южного Кипра для участия в мирных собраниях с греческими киприотами. Поэтому подобные ограничения права заявителя на свободу собраний не были «предусмотрены законом» по смыслу п. 2 ст. 11 Конвенции.

68. С учетом вышесказанных рассуждений Суд не считал необходимым рассматривать, были ли соблюдены остальные требования п. 2 ст. 11 Конвенции. Кроме того, Суд считал, что, с учетом вышесказанного, необязательно рассматривать вопрос о свободе объединений.

69. Соответственно, Суд признал, что имело место нарушение ст. 11 Конвенции.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

70. Заявитель утверждал, что не существовало никаких эффективных средств правовой защиты от нарушений стст. 10, 11 Конвенции, что нарушало ст. 13 Конвенции, которая гласит:

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

71. Правительство утверждало, что жалоба заявителя на нарушение ст. 13 Конвенции была тесно связана с вопросом о внутренних средствах правовой защиты и, таким образом, замечания Правительства в отношении существования эффективных и действительных средств правовой защиты в ТРСК, доступных заявителю, могли быть также применены и по настоящему пункту. Кроме того, они отметили, что, в соответствии с Решением Комиссии по делу «Хрисостомос и Палахрисостомоу против Турции», заявитель не мог жаловаться на нарушение ст. 13 Конвенции после того, как он решил не пользоваться существующими, доступными и эффективными средствами защиты.

72. Заявитель и власти Кипра подтвердили свои доводы в отношении вопроса о внутренних средствах правовой защиты и отметили, что эти доводы могли быть также применены к вопросу об эффективных средствах правовой защиты, право на которые предусмотрено ст. 13 Конвенции.

73. Суд заметил, что относительно процитированных Правительством возможных средств правовой защиты, оно не представило ни одного примера, доказывающего их применение в делах, похожих на настоящее (см. *Постановление Европейского суда по делу «Ферайнигунг Демократишер Зольдатен Остеррайхс» и Губи против Австрии» (Vereinigung Demokratischer Soldaten {Osterreichs} and Gubi v. Austria)*, от 19 октября 1994 г., Серия А, № 302, п. 53). Правительство не доказало, что такие средства правовой защиты были эффективными.

74. Суд признал, что имело место нарушение ст. 13 Конвенции.

V. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

75. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

76. Заявитель утверждал, что результатом его многочисленных попыток реализовать свои права на свободу выражения мнения и свободу собраний, стремясь к установлению мира на Кипре путем соглашения между двумя сообществами, явились значительные страдания.

A. Ущерб

1. Материальный ущерб

77. Заявитель потребовал возмещения материального вреда, сумму он не указал. Он утверждал, что продолжительное рассмотрение настоящего дела помешало ему получить работу в Никосии, городе на юге острова, а продолжающееся отсутствие решения по рассматриваемым вопросам серьезно повлияло на его возможности обеспечить проживание на севере. Заявитель отметил, что ему не давали посещать очередные встречи, а его профессиональное и финансовое положение серьезно ухудшились.

78. Правительство не прокомментировало требование заявителя.

79. Суд счел, что заявитель не представил никаких доказательств в подтверждение вышеуказанных требований. Он не доказал, что продолжительное рассмотрение настоящего дела повлияло на его возможности зарабатывать деньги на севере Кипра или что ему когда-то мешали получить работу на юге Кипра.

80. Таким образом, Суд не нашел причинной связи между установленным нарушением Конвенции и материальным вредом, якобы понесенным нарушителем. В соответствии с принципами прецедентного права Суд отклонил в полном объеме сумму, которую потребовал заявитель в качестве возмещения материального ущерба (см. *Постановление Большой палаты Европейского суда по делу «Чакичи против Турции»* (*{Çakıcı} v. Turkey*), жалоба № 23675/94, отчет 1999-IV, п. 127).

2. Моральный вред

81. Заявитель потребовал компенсации морального вреда в сумме 50000 фунтов стерлингов за продолжительное беспокойство, крушение планов и стресс, которые он испытывал в течение долгого времени. Он утверждал, что вышеупомянутый вред являлся прямым результатом деяний, за которые несли ответственность, в соответствии с Конвенцией, власти Турции.

82. Правительство не прокомментировало требования заявителя.

83. Суд счел, что заявитель должен был испытывать чувство беспомощности и разочарования из-за продолжавшихся в течение шести лет отказов властей выдать ему разрешение на посещение южного Кипра и участия в двусторонних встречах. Суд признал, что данные страдания не могли быть компенсированы простым признанием фактов нарушений.

84. Соответственно, Суд, с учетом характера дела, исходя из принципа справедливости, присудил заявителю сумму в размере 15000 евро, что, по его мнению, являлось справедливой компенсацией понесенного морального вреда.

В. Судебные расходы и издержки

85. Заявитель также потребовал возмещения судебных расходов и издержек в размере 6175 фунтов стерлингов.

86. Суд не согласился с тем, что истребованная сумма судебных расходов и издержек была действительно понесена и разумна (см. *Постановление Большой палаты Европейского суда по делу «Иатридис против Греции»* (*Iatridis v. Greece*), (справедливая компенсация), жалоба № 31107/96, отчет 2000-XI, п. 54). Суд отметил, что заявителю была предоставлена бесплатная правовая помощь. Поэтому Суд счел надлежащим присудить заявителю компенсацию судебных расходов и издержек в размере 4175 евро.

С. Процентная ставка при просрочке платежей

87. Суд счел, что процентная ставка при просрочке платежей должна быть установлена в размере предельной годовой процентной ставки по займам Европейского центрального банка плюс три процента.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД:

1) отклонил шестью голосами против одного предварительные возражения Правительства;

2) единогласно постановил, что нет необходимости отдельно рассматривать жалобу заявителя на нарушение ст. 10 Конвенции;

3) постановил шестью голосами против одного, что имело место нарушение ст. 11 Конвенции;

4) постановил шестью голосами против одного, что имело место нарушение ст. 13 Конвенции;

5) постановил шестью голосами против одного:

а) что Правительство обязано в течение трех месяцев со дня вступления Постановления в законную силу, в соответствии с п. 2 ст. 44 Конвенции выплатить заявителю следующие суммы:

i) в возмещение морального вреда 15000 (пятнадцать тысяч) евро;

ii) в возмещение судебных расходов и издержек 4175 (четыре тысячи семьсот пятнадцать) евро;

iii) любой налог, который может подлежать обложению с вышеупомянутых сумм

б) что с даты истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты простые проценты должны начисляться на эти суммы в размере, равном минимальному ссудному проценту Европейского центрального банка плюс три процента;

б) единогласно отклонил остальные требования заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке. Уведомление о Постановлении направлено в письменном виде 20 февраля 2003 г., в соответствии с пп. 2, 3 ст. 77 Регламента Суда.

Люциус Кафлиш
Председатель

Венсен Берже
Секретарь

В соответствии с п. 2 ст. 45 Конвенции и п. 2 ст. 74 Регламента Суда к Постановлению прилагается особое мнение судьи Ф. Гелькюкю. Люциус Кафлиш, Венсен Берже.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ Ф. ГЕЛЬКЮКЛЮ

К моему великому сожалению, я не могу согласиться с мнением и обоснованием большинства судей Палаты, а также с их выводами по настоящему делу по следующим причинам:

1. на острове Кипр две общины – турецкая и греческая – проживали и проживают бок о бок на равном положении, но не всегда в хороших отношениях, и это необходимо признать;

2. необходимо напомнить, что решающим днем для кипрского «дела» или «кризиса» стало 15 июля 1974 г. В этот день греческие полковники организовали государственный переворот с целью присоединить остров к Греции. Глава государства архиепископ Макариос покинул страну и попросил помощи у Совета Безопасности ООН;

3. после государственного переворота, объявленной целью которого было прекращение существования кипрского государства, только Турция вмешалась (ввиду безразличия двух других государств-гарантов) в конфликт, чтобы спасти республику; интервенция основывалась на гарантийном соглашении между тремя государствами (Соединенное Королевство, Греция и Турция), которое давало им право на интервенцию в случае необходимости, отдельно или вместе. Поэтому интервенция Турции была результатом выполнения пункта международного соглашения;

4. вышеупомянутые события сильно изменили существующую политическую ситуацию на Кипре и привели к расколу двух сообществ и разделению острова (южная часть принадлежит греческому сообществу, а северная – турецкому). Должен добавить, что раскол этот был замечен уже с 1963 г. Так как ситуация все ухудшалась, в 1964 г. была установлена буферная зона, были введены вооруженные силы ООН.

Впоследствии между севером и югом острова была проведена «зеленая линия», или демаркационная линия, которая находилась под охраной и наблюдением вооруженных сил ООН. Между турецкими и греческими властями было достигнуто соглашение об обмене населением;

5. Прежде всего, несколько деталей, которые должны прояснить статус буферной зоны и зеленой линии. В своем отчете от 7 декабря 1989 г. (документ Совета Безопасности S/21010), посвященном операции ООН на Кипре, Генеральный секретарь ООН сделал следующие замечания по поводу демонстрации, состоявшейся на демаркационной линии 19 июля 1989 г.:

«Вечером 19 июля около 1000 греческих демонстрантов <...> прорвались в буферную зону ООН в <...> районе Никосии. Участники демонстрации преодолели заграждение из колючей проволоки, установленное UNFICYP и уничтожили пункт наблюдения

UNFICYP. После чего они прорвали линию, сформированную солдатами UNFICYP и проникли в здание, где раньше находилась школа. Силы подкрепления UNFICYP перегруппировывались для предотвращения дальнейших беспорядков <...>».

Далее Генеральный секретарь писал:

«Вышеописанные события вызвали значительное напряжение обстановки на острове, в штаб-квартире ООН и в Никосии были предприняты масштабные меры для сдерживания и разрешения сложившейся ситуации. 21 июля я выразил озабоченность по поводу произошедших событий и подчеркнул, что очень важно, чтобы стороны не забывали о цели создания буферной зоны ООН и ответственности ООН за предотвращение беспорядков в этой зоне. Председатель Совета Безопасности <...> также подчеркивал необходимость строгого соблюдения <...> правил буферной зоны» (см. доклад Европейской Комиссии по делам «Христостомос и Папахристостомосу против Турции» от 8 июля 1993 г., жалобы № 15299/89 и 15300/89, п. 42, «Лоизиду против Турции» от 8 июля 1993 г., жалоба № 15318/89, п. 76 и далее);

б. это значит, что свобода передвижения между севером и югом стала невозможной в июле 1974 г., и вина за отсутствие этого права на Кипре лежит не только на Турции или на ТРС. На самом деле, именно международное сообщество (ООН) взяло на себя ответственность за обеспечение соблюдения «зеленой» демаркационной линии.

Разделение Кипра не было произвольным актом, осуществленным после интервенции Турции, а скорее актом, ставшим результатом и следствием Соглашения между двумя сообществами (турецким и греческим), принятого в Вене 31 июля и 2 августа 1975 г. Данное Соглашение реализуется, как мы видим, под наблюдением ООН. Еще два Соглашения, 1977 и 1979 гг., поддержали разделение острова на две зоны и предусматривали, что каждое сообщество будет нести ответственность за руководство на своей территории. Вопросы свободы передвижения, места проживания и т.д. решались в соответствии с правилами разделения на две зоны и два общества.

Мой первый вывод состоит в том, что, хотя ТРСК не признана мировым сообществом, буферная зона и «зеленая» демаркационная линия соблюдаются и должны соблюдаться в соответствии с требованиями и обстоятельствами времени. Другой пункт, взятый из вышеупомянутого доклада по делу «Лоизиду против Турции», красноречиво указывает на данный момент:

«82. Комиссия признала, что в связи с этим нет необходимости рассматривать статус ТРСК. Она отметила, что демонстрация 19

марта 1989 г., в ходе которой заявитель был арестован на северном Кипре, являлась нарушением договоренностей относительно соблюдения буферной зоны на Кипре. <...> Нормы, в соответствии с которыми заявитель был арестован и помещен под стражу (см. пп. 43 – 45), имели целью защиту данной территории. Данный арест нельзя рассматривать как произвольный.

83. Поэтому Комиссия признала, что арест и заключение заявителя были оправданы на основании подп. «f» п. 1 ст. 5 Конвенции, примененной к режиму, созданному на Кипре международными соглашениями о буферной зоне».

Таким образом, термины «буферная зона» и «зеленая линия» не означают «общественная территория с зелеными насаждениями» или «английский сад»; они не являются «парком», который может пересекать кто угодно при желании повстречаться с друзьями, не являются они и «спортивными полями»;

7. мы должны учитывать сильную политическую окраску дела «Джавит Ан против Турции». Конечно, Суд должен концентрироваться на правовом аспекте рассматриваемого им дела, но он не может всецело отстраниться от политических ситуаций и не учитывать их в качестве «обстоятельств дела». Международное право стремится учитывать исторические и политические ситуации в качестве относящихся и к делу и действительных «обстоятельств», даже если они являются результатом незаконных действий. До 1989 года в международном праве присутствовала тенденция не брать в расчет события, случившиеся раньше жизни одного поколения; в настоящее время ракурс изменился и прошлое изучается насколько возможно глубоко, чтобы установить первоначальную незаконность (как это было в случае ситуации на Балканах);

8. северная часть Кипра не является черной дырой. Там существует социально и политически организованное, демократическое и независимое общество с собственной правовой системой; название и классификация, которое мы ей даем, не имеет значения. Может кто-либо отрицать политическое существование Тайваня?

На самом деле, в своих отчетах по вышеупомянутым делам «Хрисостомос и Папахрисостомоу против Турции» и «Лоизиду против Турции» Комиссия рассмотрела жалобы заявителя (касавшиеся законности заключения, мирного пользования имуществом и т.д.) с точки зрения действующего на северном Кипре права как такового (см. пп. 148 – 149, 174, 76 – 79 соответственно). Вот некоторые отрывки из Доклада Комиссии по делу «Лоизиду против Турции»:

«76. Комиссия рассмотрела, был ли заявитель лишен свободы «в соответствии с процедурой, предусмотренной законом», что требуется в п. 1 ст. 5 Конвенции. Комиссия напомнила, что по вопросу

о «законности» ареста, то есть о том, соответствовал ли он «процедуре, предусмотренной законом», Конвенция отсылает, главным образом, к национальному праву и устанавливает обязательство соответствовать материальному и процессуальному праву соответствующего государства. <...>

77. Что касается национального права Кипра, Комиссия отметила, что в соответствии с подп. «b» и «с» ст. 14 (1) гл. 155 Уголовно-процессуального кодекса (см. п. 43) любой полицейский может арестовать без ордера любое лицо, совершающее в его присутствии преступление. <...>

78. Далее Комиссия отметила, что заявитель был арестован в северном Кипре турецко-кипрским полицейским после пересечения буферной зоны (см. п. 39 и далее).

79. Учитывая вышесказанное, Комиссия признала, что арест и заключение заявителя в (северном) Кипре полицейским, действовавшим в соответствии со ст. 14 гл. 155 Уголовно-процессуального кодекса, «соответствовало процедуре, предусмотренной законом», что требуется в п. 1 ст. 5 Конвенции»;

9. как отметил в своем особом мнении по делу «Лоизиду против Турции» (*Постановление по существу дела от 18 декабря 1996 г.*) судья Бака:

«...Ст. 159 Конституции ТРСК и некоторые другие правовые нормы не могут быть игнорированы как лишенные всякой силы лишь на основании отсутствия международного признания сообщества на северном Кипре».

Кроме того, сам Суд в п. 45 вышеупомянутого Постановления по делу «Лоизиду против Турции» отметил:

«Международное право признает легитимность некоторых правовых установлений и сделок в подобных ситуациях, например, при рождении, смерти, браке, «игнорирование которых может иметь исключительно неблагоприятные последствия для проживающих на данной территории» (см. в связи с этим консультативное мнение о правовых последствиях для государств присутствия Южной Африки в Намибии (Юго-Западной Африке), несмотря на Резолюцию Совета Безопасности ООН 276, 1970-1971 гг., Международный Суд ООН, отчет 16, с. 56, п. 125)».

Не будет ли уместно рассмотреть, будет ли отрицание «юридической силы для целей Конвенции» «у таких норм, как ст. 159 основного закона, на который ссылаются власти Турции» (см. п. 44 Постановления по делу «Лоизиду против Турции» (по существу)) считаться «игнорированием последствий во вред проживающим на данной территории», если использовать слова Суда из п. 45 того же Постановления? Особенно, если вспомнить, что десятки тысяч турецких киприотов были переселены с юга на север после Венских соглашений;

10. вот почему Суд осторожно подчеркнул, в связи с вопросом об исчерпании средств правовой защиты в настоящем деле: «Его решение ограничивалось конкретными обстоятельствами настоящего дела. Оно не должно толковаться, как общее утверждение, что средства правовой защиты в ТРСК неэффективны или что заявители освобождаются от установленной в п. 1 ст. 35 Конвенции обязанности в общем порядке обращаться к доступным и действующим средствам правовой защиты» (см. п. 37 настоящего Постановления);

11. в настоящем деле большинство судей отклонило предварительные возражения Правительства о неприемлемости жалобы вследствие неисчерпания внутренних средств правовой защиты, в частности, потому что Правительство не смогло доказать, что были дела, похожие на данное. Может ли Правительство нести ответственность за то, что до жалобы заявителя в национальные органы не поступало ни одного иска о признании нарушения конвенционного права?

12. я считаю, что необходимо еще раз подчеркнуть, что северный Кипр не является вакуумом. Несмотря на его международное положение, он во всем удовлетворяет нужды своего населения. В частности, судебные органы исполняют свои обязанности, так же как и в других государствах. Они рассматривают поступившие дела, которые могут быть возбуждены как гражданами страны, так и иностранцами;

13. мой второй вывод состоит в том, что данная жалоба должна быть признана неприемлемой на основании неисчерпания внутренних средств правовой защиты, что является одним из требований Конвенции. При признании неприемлемости теряет смысл и жалоба на нарушение ст. 13 Конвенции;

14. наконец, настоящее дело не имеет отношения к свободе выражения мнения или свободе собраний. Кроме того, заявитель выражал свое мнение как в письменной форме, так и в публикациях, а также путем подачи жалобы в Комиссию. Он может при желании попасть в южный Кипр и другим путем, нежели пересечением зеленой линии. Ему не давали пересекать зеленую линию и буферную зону не только на основании решений властей Турции, но и на основании международных соглашений, исполняемых в первую очередь вооруженными силами ООН, а также вооруженными силами греческих киприотов на юге и вооруженными силами турецких киприотов на севере;

15. на самом деле, настоящее дело исключительно и полностью посвящено свободе передвижения. Но данная свобода не является абсолютной. В международном праве не является общим правилом то, что лицо может пересекать границу государства или демаркационную линию, чтобы попасть в другое государство или получить доступ к своему имуществу, или встретиться с партнерами или дру-

зьями во имя свободы объединений. В связи с этим я ссылаюсь на слова судей Бернхарда и Лопеса Роши в их особом мнении по делу «Лоизиду против Турции» (по существу дела) относительно доступа к недвижимому имуществу: «Дело Лоизиду является не следствием отдельного акта турецких вооруженных сил, направленных против ее собственности и против ее права на свободу передвижения, а следствием установления в 1974 г. границы и ее закрытия вплоть до настоящего времени». Дело «Джавит Ан против Турции» было результатом того же самого закрытия той же границы;

16. я завершу свои замечания по настоящему Постановлению ссылкой на выводы Комиссии по упоминавшемуся выше делу «Лоизиду против Турции»:

«97. Комиссия сочла, что необходимо различать требования, касающиеся мирного пользования имуществом, и требования, касающиеся свободы передвижения. Комиссия отметила, что заявительница, арестованная после пересечения буферной зоны на Кипре в ходе демонстрации, требовала права свободного передвижения по острову, невзирая на буферную зону и ее контроль, и основывала это требование тем, что владела собственностью на севере Кипра.

98. Комиссия признала, что ограничения свободы передвижения, вытекающие из лишения свободы или из статуса конкретной территории, могут косвенно затронуть другие вопросы, такие как доступ к имуществу. Но это не означает, что лишение свободы или ограничение доступа на определенную территорию являются прямым вмешательством в право, защищаемое ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции. Другими словами, право на мирное пользование имуществом логически не включает право на свободу передвижения (см. Решение Европейской Комиссии по делу «15 иностранных студентов против Соединенного Королевства» (15 foreign students v. United Kingdom), от 19 мая 1977 г., жалобы № 7671/76 и т.д., отчет 9, пп. 185, 186 ф).

99. Поэтому Комиссия признала, что требование заявительницы о свободном допуске в северный Кипр, которое было рассмотрено выше (п. 81 и следующие) в соответствии со ст. 5 Конвенции, не может основываться на ее обладании имуществом на севере острова.

100. Следовательно, не было обнаружено вопросов, подлежащих рассмотрению в соответствии со ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции.

101. Комиссия пришла к выводу, что не было нарушения ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции»;

17. мой третий вывод состоит в том, что так же как лицо, содержащееся под стражей в полиции или тюрьме во время разбирательства его дела, не может утверждать, что является жертвой нарушения права на уважение его семейной жизни (ст. 8 Конвенции) или свободы объединений (ст. 11 Конвенции) на том основании, что он не имеет возможности участвовать в собраниях данного объединения, так и в настоящем деле нельзя считать, что в отношении заявителя имело место нарушение ст. 11 Конвенции.

ХРИСТИАНСКАЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ НАРОДНАЯ ПАРТИЯ ПРОТИВ МОЛДОВЫ CHRISTIAN DEMOCRATIC PEOPLE'S PARTY v. MOLDOVA

Жалоба N 28793/02

Постановление Суда
Страсбург

14 мая 2006 г.

Перевод с английского – Ольга Кривонос

Запреты на проведение публичных мероприятий
§ 77, 78

Запреты мероприятий с неудобной тематикой
§ 65, 73

Идеалы и ценности демократического общества
§ 65

Мирный/насильственный характер акции
§ 75, 76

Вмешательство должно быть оправданным или
недопустимо § 70

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ СУТИ ДЕЛА

Парламентская, оппозиционная Христианско-демократическая народная партия (ХДНП) провела серию встреч со своими сторонниками перед зданием правительства для обсуждения проблемы введения обязательного изучения русского языка в школах. На основании Закона «О статусе членов парламента», парламентарии не обязаны получать предварительное разрешение на проведение встреч со своими сторонниками. Перед каждым собранием ХДНП информировала Муниципальный совет, не прося разрешения, что требовалось в соответствии с Законом «О собраниях» Молдовы. 18 января 2002 года Министерство юстиции вынесло решение о введении месячного запрета на несколько видов деятельности партии ХДНП в преддверии выборов. Министерство юстиции, а затем и национальные суды обосновали временный запрет на деятельность ХДНП тремя моментами: ХДНП не получила разрешения на проведение собраний в соответствии с Законом «О собраниях», на собраниях присутствовали дети, некоторые заявления, сделанные на собраниях, являлись публичным призывом к социальному насилию.

Европейский Суд признал в данном случае нарушенным ст. 11 Конвенции, сославшись на то, что:

Временный запрет на несколько видов деятельности партии – слишком суровое наказание за провинность, которая могла бы в других случаях преследоваться денежным штрафом.

Поскольку собрания проводились в общественном месте, любой, включая детей, мог присутствовать на них. Кроме того, по мнению суда, это был, скорее, вопрос личного выбора родителей позволять детям участвовать в собраниях, и запрет посещения ими подобных мероприятий выглядел бы противоречащим праву на свободу собраний детей и родителей с учетом того, что данные собрания были посвящены протесту против государственной политики в области школьного образования. Суд не убежден, что пение достаточно умеренной студенческой песни можно истолковать как призыв к насилию в обществе.

Суд повторил в своем постановлении, что только очень серьезные нарушения, которые создают угрозу политическому плюрализму или фундаментальным демократическим принципам могут оправдать запрет на деятельность политических партий. Поскольку собрания ХДНП были вполне мирными, не было никаких призывов к насильственному свержению правительства или любых других действий, подрывающих принципы плюрализма и демократии, не было бы разумным утверждение о том, что примененная мера была пропорциональна преследуемой цели и отвечала текущему социальному моменту.

По делу «Христианская демократическая народная партия против Молдовы» Европейский Суд по правам человека (Четвертая секция), заседая в составе:

Н. Братца (*N. Bratza*), *Председатель*,

Ж. Касадеваль (*J. Casadevall*),

М. Пеллонпаа (*M. Pellonpa*),

Р. Марусте (*R. Maruste*),

С. Павловский (*S. Pavlovschi*),

Х. Боррего Боррего (*H. Borrego Borrego*),

Я. Сикута (*J. Sikuta*), *судей*,

а также М. О'Бойл (*M. O'Boyle*), *Секретарь*, проведя 24 января 2006 года закрытое заседание. вынес следующее Постановление, принятое в этот же день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело инициировано жалобой № 28793/02, поданной 8 июля 2002 г. Христианской демократической народной партией (далее – «заявитель») в Суд против Республики Молдова, в соответствии со ст. 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – «Конвенция»).

2. Заявитель изъявил желание участвовать в заседании и назначил своими представителями В. Нагачевского и В. Грибинча, юристов, практикующих в Кишиневе. Правительство Молдовы (далее – «Правительство») было представлено своим Агентом, Б. Парлогом.

3. Сторона заявителя утверждала, в частности, что его право на свободу собраний было нарушено в результате принятых в отношении него санкций за организацию несогласованных собраний.

4. Жалоба была передана в Четвертую секцию Суда (п. 1 ст. 52 Регламента Суда). В соответствии с п. 1 ст. 26 Регламента, была образована Палата для рассмотрения дела (п. 1 ст. 27 Конвенции).

5. 1 ноября 2004 г. Суд поменял состав Секции (п. 1 ст. 25 Регламента). Дело было передано новому составу Четвертой секции (пп. 1 ст. 52 Регламента).

6. Своим решением от 22 марта 2005 г. Палата объявила жалобу приемлемой.

7. Сторона заявителя и Правительство представили письменные объяснения по существу дела (п. 1 ст. 59 Регламента), Палата, после консультаций со сторонами, решила, что никаких слушаний по существу дела не требуется (п. 3 ст. 59 Регламента).

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

8. Заявитель, Христианская демократическая народная партия (ХДНП), является парламентской политической партией в Республике Молдова и во время относящихся к делу событий находилась в оппозиции.

1. Предыстория дела

9. К концу 2001 г. Правительство обнародовало свое намерение сделать изучение русского языка в школах обязательным для детей в возрасте семи лет и старше.

10. Эта инициатива вызвала яростную критику со стороны оппозиции и горячие общественные споры.

11. 26 декабря 2001 г. парламентская группа ХДНП сообщила Кишиневскому муниципальному совету о своем намерении провести встречу со своими сторонниками 9 января 2002 г. на Площади Великого Национального собрания, перед зданием правительства. Заявлено, что встреча будет связана с темой введения обязательного изучения русского языка в школах. Заявление было основано на ст. 22 Закона «О статусе членов парламента» (*см. п. 35 ниже*), который, по мнению ХДНП, не требует от членов парламента получать предварительное разрешение на проведение встреч со своими сторонниками.

2. Решения муниципального совета

12. Своим решением от 3 января 2002 г. муниципальный совет классифицировал встречу, намеченную на 9 января 2002 г. как «демонстрацию» по смыслу разделов 4, 8, 12 и 13 Закона «О собраниях» (*см. п. 36 ниже*) и разрешил парламентской группе ХДНП провести ее на Национальной оперной площади. Основания для изменения места проведения мероприятия приведены не были.

13. 23 января 2002 г. муниципальный совет направил письмо в Министерство юстиции, сообщив, что существует несоответствие между положениями Закона «О статусе членов парламента» и Закона «О собраниях» и что совет не знает, какой из них подлежит применению. Совет заявил, что некоторые авторитетные юристы придерживаются мнения о том, что члены парламента ХДНП имеют право проводить встречи со своими сторонниками на площади Великого национального собрания без получения предварительного разрешения, в соответствии с положениями стст. 22, 23 Закона «О статусе членов парламента». Он сослался на мнение омбудсмана, который заявлял, что, поскольку ст. 23 Закона «О статусе членов парламента» провозгласила право депутатов на месте выдвигать требования об осуществлении действий, направленных на исправление нарушений закона, члены парламента от ХДНП имеют право на выдвижение требований к прекращению предполагаемых нарушений, касающихся введения обязательных уроков русского языка, перед зданием правительства, поскольку в нем также размещалось Министерство образования.

Муниципальный совет сделал запрос в Министерство юстиции для получения официального толкования законодательства в этом вопросе.

14. 26 января 2002 г. Муниципальный совет принял решение, в котором говорится:

«Принимая во внимание тот факт, что положения национального законодательства противоречат друг другу в отношении демонстраций, организованных ХДНП, а мнения экспертов по правовым вопросам противоречивы, также принимая во внимание значительное влияние на общество возможных решений этого вопроса и возможные последствия, Муниципальный совет официально обратился в Министерство юстиции, чтобы оно запросило парламент на предмет официального и срочного толкования соответствующего законодательства. <...> Решение Муниципального совета от 3 января 2002 г. настоящим приостанавливается пока парламент не даст свое официальное толкование».

3. Соборания, организованные членами парламента от ХДНП

15. Тем временем, 9 января 2002 г. Парламентская группа ХДНП провела собрание на Площади Великого Национального собрания, перед зданием правительства. Она также провела встречи 11, 13, 15, 16 и 17 января 2002 г. Перед каждым собранием ХДНП информировала Муниципальный совет, не прося, однако, разрешения, в соответствии с Законом «О собраниях».

4. Письменное предупреждение из Министерства юстиции и ответ ХДНП

16. 14 января 2002 г. Министерство юстиции направило официальное предупреждение ХДНП, в соответствии со ст. 27 Закона «О партиях и других общественно-политических организациях» (см. п. 37 ниже). В нем заявлялось о том, что ХДНП нарушила положения ст. 6 Закона «О собраниях» путем организации демонстраций на Площади Великого Национального собрания 9, 10, 11 и 13 января 2002 г., вопреки разрешению, выданному Муниципальным советом только на проведение демонстрации 9 января 2002 г. на Национальной оперной площади. Министерство юстиции потребовало немедленно прекратить собрания, которые считает незаконными и неконституционными и которые являются не встречами с избирателями по смыслу Закона «О статусе членов парламента», а демонстрациями, подпадающими под действие Закона «О собраниях». От ХДНП потребовали дать письменные объяснения в течение трех дней и предупредили: если партия не выполнит это предписание, Министерство введет временный запрет на ее деятельность, в соответствии со ст. 29 Закона «О партиях и других общественно-политических организациях» (см. п. 37 ниже).

17. 17 января 2002 г. председатель ХДНП написал письмо в Министерство юстиции, в котором заявил, что встречи были организованы не ХДНП, а членами ее парламентской группы и, следовательно, именно они несут ответственность, а не партия. Он также сослался на ст. 22 Закона «О статусе членов парламента», утверждая, что это специальный закон, применимый к встречам между членами парламента и избирателями, в то время как Закон «О собраниях» носит общий характер. Наконец, он утверждал, что угроза запрета деятельности партии представляет собой политическую меру, принятую руководством Коммунистической партии для подавления оппозиции.

5. Временный запрет деятельности ХДНП

18. 18 января 2002 г. Министерство юстиции вынесло решение о введении месячного запрета деятельности ХДНП в соответствии со ст. 29 Закона «О партиях и других общественно-политических организациях».

19. Основанием являлась организация ХДНП несанкционированных демонстраций 9, 10, 11, 13, 15, 16 и 17 января 2002 г.

20. Министерство юстиции не учло доводы лидера ХДНП о том, что партия не может нести ответственность. Оно заявило, что встречи, организованные ХДНП в упомянутые сроки, фактически являются демонстрациями и шествиями и поэтому подпадают под сферу действия Закона «О собраниях», а не Закона «О статусе членов парламента», как утверждала ХДНП.

21. В соответствии с этим решением, ХДНП нарушила положения стст. 5, 6, 7, 8, 9 и 11 Закона «О собраниях», не получив предварительного разрешения Муниципального совета на проведение демонстраций и блокировав автодороги общего пользования.

22. Участие несовершеннолетних в демонстрациях ХДНП нарушило ст. 15 Международной конвенции о правах ребенка (см. п. 38 ниже), ст. 13 (3) Закона «О защите детей» (см. п. 39 ниже) и с. 56 (G) Закона «Об образовании» (см. п. 40 ниже).

23. В действиях ХДНП также обнаружены нарушения стст. 27, 29 Закона «О партиях и других общественно-политических организациях» (см. п. 37 ниже), стст. 15 (1), (2) Закона «О статусе членов парламента» (см. п. 35 ниже), и ст. 32 Конституции (см. п. 34 ниже). Использование таких лозунгов, как «Я скорее умру, чем стану коммунистом» могло быть истолковано как призыв к насилию в обществе и как действие, подрывающее законный и конституционный порядок.

6. Процедура оспаривания запрета на деятельность партии, а также снятие запрета

24. 24 января 2002 г. ХДНП оспорила решение Министерства юстиции утверждая, что собрания являлись встречами с избирателями по смыслу Закона «О статусе членов парламента» и не подпадали под сферу действия Закона «О собраниях».

25. 8 февраля 2002 г. Министерство юстиции приняло решение отменить временный запрет на деятельность ХДНП. В нем подчеркивалось, что ХДНП нарушила все законы, упомянутые в решении от 18 января 2002 г. и что временный запрет был необходимым и оправданным. Однако в связи с запросом Генерального секретаря Совета Европы, в соответствии со ст. 52 Конвенции и с учетом предстоящих местных выборов, ХДНП было разрешено возобновить свою деятельность. Решение от 8 февраля 2002 г., тем не менее, не отменяло решения от 18 января 2002 г.

26. 7 марта 2002 г. Апелляционный суд вынес решение в пользу Министерства юстиции и постановил, что решение от 18 января 2002 г. было законным. Суд отклонил доводы ХДНП о том, что партия не может нести ответственность за действия своих членов, а именно ее парламентской фракции. Было установлено, что собрания, организованные ХДНП, фактически являлись демонстрациями, митингами и шествиями, которые подпадают под положения Закона «О собраниях» и не являются встречами с избирателями. Даже если предположить, что планировалось проводить встречи с избирателями, они постепенно приняли характер демонстраций и, соответственно, ХДНП требовались разрешения на их проведение. Установлено, что в результате демонстраций, общественная транспортная компания понесла убытки в размере 12133 молдавский лей (*MDL*) (эквивалент 1050 евро (*EUR*) на тот момент). Участие несовершеннолетних в демонстрациях нарушило положения Международной конвенции о правах ребенка, Закона «О защите детей» и Закона «Об образовании».

27. ХДНП подала апелляцию на это решение в Верховный Суд, ссылаясь на стст. 10, 11 Конвенции.

28. 17 мая 2002 г. коллегия Верховного суда вынесла решение, в котором отклонила апелляцию, поданную ХДНП. Доводы апелляционного суда были поддержаны и установлено, что поскольку демонстрации, организованные ХДНП, были незаконными, примененная санкция не была непропорциональной. Также заявлено, что в любом случае решение Министерства юстиции не повлекло никаких негативных последствий для ХДНП, поскольку оно не было исполнено, счета ХДНП не были заморожены, и партия могла беспрепятственно продолжать свою деятельность.

7. Процедуры, предпринятые Правительством для объявления собраний, организованных ХДНП, незаконными и требования их прекращения

29. Министерство юстиции не ответило на запрос Муниципального совета от 23 января 2002 г. о толковании закона и не инициировало запрос в парламент. Однако 21 февраля 2002 г. Правительство подало заявление в Верховный суд с требованием признать организованные ХДНП собрания незаконными и вынести решение об их прекращении.

30. 25 февраля 2002 г. Верховный суд вынес решение в пользу Правительства и признал собрания незаконными. В решении указано:

«Даже если признать, что ХДНП имела первоначальное намерение провести встречи со своими сторонниками, эти встречи позднее приняли характер демонстраций, маршей, шествий и пикетирований, которые подпадают под действие положений Закона «О собраниях». В этих обстоятельствах, лидеры ХДНП были обязаны соблюдать положения Закона «О собраниях <...>».

31. ХДНП подала апелляцию.

32. 15 марта 2002 г. Верховный суд отклонил апелляцию, и постановление от 25 февраля 2002 г. вступило в силу.

8. Видео, представленное Правительством

33. В ходе настоящего разбирательства Правительство представило видео с изображениями собраний, проводимых депутатами от ХДНП 15, 16, 17 и 18 января 2002 г. Они проводились на Площади Великого Национального собрания, в пешеходной зоне, напротив правительственных зданий. Численность участников – несколько сотен человек разного возраста: от школьников до пенсионеров. Согласно времени, указанному на изображении, собрания начинались примерно в 13.00 и продолжались около двух часов. Выступающие критиковали правящую Коммунистическую партию, правительство и его политику. Судя по видео, уличное движение не было нарушено в результате собраний, состоявшихся в эти даты, и также не видно никаких признаков насилия. Часто исполнялся «Гимн бездельников» (песня, которая возникла в 1990 г. на Бухарестских студенческих демонстрациях). В песне были следующие слова:

«Лучше был бы я лодырем, чем предателем,
Лучше быть хулиганом, чем диктатором,
Лучше быть бездельником, чем активистом,
Я скорее умру, чем стану коммунистом».

II. НАЦИОНАЛЬНОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

34. Ст. 32 Конституции Республики Молдова гласит:

«3. Запрещаются и наказываются законом оспаривание и опорочивание государства и народа, призывы к агрессивной войне, национальной, расовой или религиозной розни, подстрекательство к дискриминации, территориальному сепаратизму, общественному насилию, а также другие действия, посягающие на конституционный режим».

35. Соответствующие положения Закона «О статусе членов парламента» от 7 апреля 1994 г. устанавливают:

Ст. 15

«1. Члены парламента обязаны строго соблюдать Конституцию, законы и нормы морали и этики.

2. Члены парламента должны быть надежными и способствовать укреплению государственной дисциплины своим собственным примером, выполнением гражданских обязанностей, защитой прав человека и соблюдением законности.

3. Предполагаемые нарушения правил этики членами парламента рассматриваются Парламентской комиссией по юридическим вопросам, назначениям и иммунитету».

Ст. 22 (3)

«Местные власти должны предоставлять членам парламента всю необходимую помощь в организации работы с избирателями. Они предоставляют помещения для проведения встреч с избирателями».

26 июля 2002 года ст. 22 (3) была изменена следующим образом:

«Местные власти должны предоставлять членам парламента необходимую помощь в организации работы с избирателями. Для этой цели, они [местные власти] должны обеспечить доступ к зданиям и другим общественным местам, предоставить оборудование и любую необходимую информацию и одновременно информировать избирателей о месте и времени встречи с членами парламента».

26 июля 2002 года была введена новая ст. 22 (1):

«Члены парламента имеют право организовывать демонстрации, митинги, шествия и другие мирные собрания в соответствии с Законом «О собраниях»».

Ст. 23

«1. Члены парламента, в качестве представителей высшей законодательной власти, имеют право на месте выдвинуть требование об осуществлении действий, направленных на устранении нарушения закона <...>».

36. Соответствующие положение Закона «О собраниях» от 21 июня 1995 г. имеет следующие ст.:

Ст. 5

«Собрания могут проводиться только после того, как организаторы уведомили местный совет».

Ст. 6

«1. Собрания проводятся мирно, без какого-либо оружия, и должны обеспечить защиту участников и окружающей среды, без препятствий к нормальному использованию общественных дорог, дорожного движения и эксплуатации хозяйственных мероприятий и не должны перерасти в насильственные действия, способные поставить под угрозу общественный порядок и личную неприкосновенность и жизнь людей или их имущество».

26 июля 2002 г. следующее положение было добавлено в статью:
«2. Преподаватели или другие сотрудники школы не должны вовлекать учеников в несанкционированные собрания».

Ст. 7

«Собрание должно быть приостановлено в следующих случаях:

- (а) оспаривания и опорочивания государства и народа;
- (б) призывов к агрессивной войне, национальной, расовой или религиозной розни;
- (в) подстрекательства к дискриминации, территориальному сепаратизму, общественному насилию;
- (г) действий, посягающие на конституционный режим».

Ст. 8

«1. Собрания могут проводиться на площадях, улицах, в парках и других общественных местах в городах, поселках и деревнях, а также в общественных зданиях.

2. Запрещено проведение собраний в зданиях органов государственной власти, местных органов власти, прокуратуры, судов и компаний с вооруженной охраной.

3. Запрещено проведение собраний:

(а) в пятидесяти метрах от здания парламента, резиденции президента Республики Молдова, резиденции правительства, Конституционного суда и Верховного суда;

(б) в двадцати пяти метрах от зданий центральной административной власти, органов местного управления, судов, прокуратуры, полиции, тюрем и социальных реабилитационных учреждений, военных сооружений, железнодорожных вокзалов, аэропортов, больниц, компаний, которые используют опасное оборудование и механизмы и дипломатических учреждений.

(4) Свободный доступ в помещения учреждений, перечисленных в п. 3, должен быть гарантирован.

(5) Местные органы власти могут, в случае согласия организаторов, установить места или здания для постоянных собраний».

Ст. 9

«Дата и время проведения собрания должны быть согласованы организатором и местным советом города, поселка или деревни».

Ст. 11

«1. Не позднее чем за пятнадцать дней до даты собрания организатор обязан подать уведомление в муниципальный совет, образец которого приводится в приложении, являющимся неотъемлемой частью настоящего Закона.

2. В предварительном уведомлении должны быть указаны:

- (а) имя организатора собрания и цели собрания;
- (б) дата, время начала и время окончания собрания;
- (в) место проведения собрания, маршрут движения;
- (г) форма собрания;
- (д) приблизительное количество участников;
- (е) ответственные, обеспечивающие правильное поведение собрания;
- (ж) услуг, об оказании которых организатор собрания просит муниципальный совет;

3. Если того требует ситуация, муниципальный совет вправе изменить некоторые аспекты предварительного уведомления по согласованию с организатором собрания».

Ст. 12

«2. На очередном или внеочередном заседании муниципального совета рассматривается форма, расписание, место и другие условия предварительного уведомления и решение принимается с учетом конкретной ситуации».

37. Соответствующие части «Закона о партиях и других общественно-политических организациях» от 17 сентября 1991 г. предусматривают:

Ст.Ст. 27

«<...> В случае выявления в деятельности партии или другой общественно-политической организации нарушений уставных или законодательных норм, Министерство юстиции направляет ее руководству предупреждение с требованием устранить в установленный срок эти нарушения».

Ст.Ст. 29

«Министерство юстиции приостанавливает деятельность партии или другой общественно-политической организации в случае нарушения ими Конституции, данного Закона, или невыполнения требования, предупреждения».

21 ноября 2003 г. этот параграф был изменен следующим образом:

«Министерство юстиции приостанавливает деятельность партии или другой общественно-политической организации в случае нарушения ими Конституции.

Министерство юстиции письменно извещает об этом руководящие органы соответствующей или другой общественно-политической организации, указав на нарушения требований закона и определив срок их устранения.

В период избирательной кампании деятельность партий и других общественно-политических организаций может быть приостановлена только Верховным судом.

В период приостановления деятельности партии, запрещаются использование ею средств массовой информации, пропаганды, агитации, осуществление банковских операций или других операций, связанных с имуществом, а также участие ее в выборах.

После устранения нарушений требований закона партия, другая общественно-политическая организация извещает об этом Министерство юстиции, которое в пятидневный срок выдает разрешение на возобновление деятельности партии, другой общественно-политической организации.

Деятельность партии или другой общественно-политической организации может быть приостановлена на срок до шести месяцев. В случае, если нарушения требований закона не устранены или в течение одного года со дня приостановления их деятельности допущены новые нарушения закона, деятельность приостанавливается на один год».

38. Соответствующие положения Международной конвенции о правах ребенка от 20 ноября 1989 г. содержат следующее:

Ст.Ст. 15

1. Государства-участники признают право ребенка на свободу ассоциации и свободу мирных собраний.

2. Не могут быть установлены ограничения на осуществление этих прав, кроме тех, которые налагаются в соответствии с законом и которые необходимы в демократическом обществе в интересах государственной безопасности или общественной безопасности, общественного порядка, защиты общественного здоровья или нравственности населения или защиты прав и свобод других лиц».

39. Соответствующие части Закона «О защите детей» от 15 декабря 1994 г. устанавливают:

Ст.Ст. 13

«1. Дети имеют право на членство неправительственных организациях в соответствии с законом.

2. Государство обеспечивает детские неправительственные организации финансовой поддержкой, помещением и предоставлением им налоговых стимулов.

3. Вовлечение детей в политику и их членство в политических партиях запрещено».

40. Соответствующие разделы Закона об образовании от 21 июля 1995 г. устанавливают:

Ст.Ст. 56

«Обязанностью преподавателей является...

(Г) не вовлекать детей в уличные акции (митинги, демонстрации, пикеты и т.д.).»

41. Соответствующая часть Кодекса об административных правонарушениях от 29 марта 1985 г. гласит:

Ст.Ст. 174 (1)

«2. Организация и проведение собрания без предварительного уведомления Муниципального совета или без санкции Совета, или нарушение условий (форма, место, время) проведения собрания вопреки указанному в разрешении, наказывается штрафом, налагаемым на организатора (лидера) собрания в размере от десяти до двадцати пяти минимальных месячных заработных плат. <...>

4. Активное участие в собрании, упомянутое в п.е 2 настоящей ст., наказывается штрафом в размере от 180 лей и 450 лей».

26 июля 2002 года следующее положение было добавлено в Кодекс:

«7. Вовлечение детей в несанкционированные собрания наказывается штрафом в размере от 180 лей и 360 лей.»

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 11 КОНВЕНЦИИ

42. Заявитель жалуется, что временный запрет нарушил его право на свободу мирных собраний и объединений, гарантированную ст. 11 Конвенции, которая гласит:

«1. Каждый имеет право на свободу мирных собраний и на свободу объединения с другими, включая право создавать профессиональные союзы и вступать в таковые для защиты своих интересов.

2. Осуществление этих прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц. Настоящая ст. не препятствует введению законных ограничений на осуществление этих прав лицами, входящими в состав вооруженных сил, полиции или административных органов государства».

A. Применимость ст. 11 Конвенции

43. В предварительном порядке Правительство подняло вопрос о применимости ст. 11 к настоящему делу. В своих возражениях оно ограничилось утверждением, что она не может быть применена, по-

сколько встречи, организованные ХДНП не были мирными и разрешенными в соответствии с законом.

44. Заявитель не согласился и указал, что на видео собраний, представленных Правительством, не было никаких признаков насилия.

45. Суд предварительно отмечает, что Правительству не удалось обосновать свои обвинения в насилии. Национальные суды дважды рассматривали вопрос о законности собрания ХДНП (*см. разбирательство, которое завершилось окончательным решением Верховного суда от 15 марта 2002 г. и 17 мая 2002 г.*) и не обнаружили, что они были сопряжены с насилием. Тем более о мирном характере собраний свидетельствует видео, представленное Правительством.

46. Из этого следует, что возражения Правительства должны быть отклонены.

В. Предполагаемое нарушение ст. 11 Конвенции

1. Имело ли место вмешательство в право

47. Стороны согласились, что введение временного запрета на деятельность заявителя является вмешательством в право ХДНП, гарантированное ст. 11. Это мнение разделяет и Суд.

2. Оправдано ли вмешательство

48. Подобного рода вмешательство будет являться нарушением ст. 11, если оно не было «предусмотрено законом», не преследовало одну или более законных целей в соответствии с п. 2, и не было «необходимым в демократическом обществе» для достижения этих целей.

(а) «Предусмотрено законом»

49. Суд отмечает, что Министерство юстиции ввело временный запрет на деятельность ХДНП на основании ст. 29 Закона «О партиях и других общественно-политических организациях» (*см. п. 37 выше*).

50. Как следует из этого положения, Министерство юстиции было вправе запретить деятельность ХДНП, если партия не выполнила официальное предупреждение от 14 января 2002 г.

51. В предупредительном письме от 14 января 2002г . указываетя, что ХДНП не выполнила условий разрешения, выданного Муниципальным Советом от 3 января 2002 г. (*см. п. 12 выше*) и провела несанкционированные демонстрации 9, 10, 11 и 13 января 2002 г. В нем объясняется и приказывается прекратить действия «несовместимые с Конституцией и законодательством Республики Молдова».

52. Только в своем решении от 18 января 2002 г. о введении временного запрета на деятельность ХДНП (см. п. 18 выше) Министерство юстиции указало на новые основания, такие как участие детей в уличной акции, призывы к насилию и действия посягающие, на конституционный порядок (см. пп. 22-23 выше).

53. Заявитель, таким образом, не был проинформирован в предупредительном письме обо всех действиях, вмененных ему, что снизило его способность предвидеть все последствия, которые могут возникнуть в случае продолжения проведения собраний. Это само по себе может быть достаточным основанием для вывода о том, что оспариваемые меры не были «предусмотрены законом». Однако Суд не считает необходимым решить этот вопрос с учетом выводов, изложенных ниже.

(в) Законная цель

54. Правительство не приводит каких-либо конкретных доводов в этом отношении и заявитель согласился с тем, что вмешательство не преследует законную цель. Суд, по причинам, изложенным ниже, также не считает необходимым решить этот вопрос.

(с) «Необходимость в демократическом обществе»

(i) Объяснения сторон

(а) Заявитель

55. Заявитель утверждал, что встречи ХДНП имели целью продвижение своих политических убеждений в связи с инициативой правительства ввести обязательное обучение русскому языку в школах. Согласно пояснениям заявителя, организация не имела никакого доступа к средствам массовой информации и возможности дискуссий в парламенте в связи с абсолютным большинством голосов членов Коммунистической партии. В таких обстоятельствах единственным способом высказать свое мнение и критиковать политику правительства является, в том числе, организация встреч на Площади Великого Национального собрания.

56. Встречи проводились мирно, без подстрекательства к публичному насилию и участники не имели при себе оружия. Они призывали к досрочным выборам, европейским демократическим ценностям и демократическому диалогу.

(b) Правительство

57. Правительство утверждало, что ХДНП нарушила положения стст. 5, 6 Закона «О собраниях», стст. 13, 15 Закона «О защите детей» и ст. 56 Закона «Об образовании».

58. Встречи, организованные ХДНП не могут считаться встречами с избирателями, поскольку в них принимали участие несовершеннолетние, а, в соответствии с молдавским законодательством, несовершеннолетние не могут голосовать, а значит не рассматриваются в качестве избирателей. Кроме того, вовлечение несовершеннолетних в политическую деятельность запрещено по законодательству Молдовы.

59. Предпринятые к заявителю меры введены также за несоблюдение сроков дачи ответа на официальное предупреждение Министерства юстиции от 14 января 2002 г.

60. По решению муниципального совета заявителю было разрешено организовать собрание 9 января 2002 года на Национальной оперной площади, которая является общественным местом, расположенным на расстоянии нескольких сотен метров от площади Великого национального собрания и от зданий правительства, президента и парламента. Заявитель не выполнил решение муниципального совета и не оспорил его в суде.

61. Заявитель не выполнил требования и продолжал свою деятельность и проведение запрещенных собраний. Соответственно, правительство действовало в пределах свободы усмотрения и применило к партии санкцию, которая была пропорциональна преследуемой законной цели.

(ii) Оценка Суда

(a) Общие принципы

62. Суд повторяет, что, несмотря на свою самостоятельную роль и конкретную сферу применения, ст. 11 также должна быть рассмотрена в свете ст. 10. Защита мнений и свободы их выражения является одной из целей свободы собраний и ассоциаций, закрепленной в ст. 11. Тем более это относится к политическим партиям с учетом их важной роли в обеспечении плюрализма и должного функционирования демократии (см. «Объединенная коммунистическая партия Турции и другие против Турции» (*United communist party of Turkey and others v. Turkey*), 30 января 1998, пп. 42-43, отчеты 1998-I).

63. Не только политическая демократия является основной чертой европейского общественного порядка. Конвенция была разработана в целях поощрения и поддержания идеалов и ценностей демократического общества. Демократия, подчеркивает Суд, является единственной политической моделью, предусмотренной в Конвенции, и только она с ней совместима. В силу формулировки 2 п. ст. 11, а также стст. 8, 9 и 10 Конвенции, единственная необходимость,

которая может оправдать вмешательство в какие-либо права, закрепленные в этих ст.х, должна проистекать из понятия «демократическое общество» (см. приведенное выше дело «Объединенная коммунистическая партия Турции и другие», пп. 43-45).

64. Обращаясь к критерию «демократического общества», Суд придает особое значение плюрализму, толерантности и широте взглядов. В этом контексте он отметил, что, хотя отдельные интересы в отдельных случаях должны быть подчинены интересам группы, демократия не может означать, что всегда должно преобладать мнение большинства: должно быть достигнуто равновесие, которое обеспечивается справедливым и надлежащим отношением к меньшинствам и исключает любые злоупотребления доминирующим положением (см. «Янг, Джеймс и Вебстер против Соединенного Королевства» (*Young, James and Webster v. United Kingdom*), 13 августа 1981 г., п. 63, Серия А, с. 44, и «Шассанью и другие против Франции» (*Chassagnou and others v. France*), жалобы № 25088/94, 28331/95 и 28443/95, п. 112, отчеты 1999-III).

65. Из этого следует, что пределы допустимой критики шире в отношении правительства, чем в отношении частного лица или даже политика. В демократической системе действия или бездействия правительства должны быть предметом пристального внимания не только законодательной и судебной властей, а также прессы и общественного мнения. Кроме того, доминирующее положение, которое занимает правительство должно вынуждать проявлять сдержанность при применении уголовной ответственности, особенно там, где доступны другие средства для ответа на неоправданные нападения и критику со стороны его противников или средств массовой информации (см. «Кастеллс против Испании» (*Castells v. Spain*), 23 апреля 1992 г., п. 46, Серия А, с. 236).

66. В деле «Информационсферайн Лентия и другие против Австрии» (*Informationsverein Lentia and others v. Austria*, 24 ноября 1993 года, серия А № 276) Суд описал государство как главного гаранта принципа плюрализма (п. 38). В политической сфере эта ответственность означает, что государство обязано, помимо прочего, проводить, в соответствии со ст. 3 Протокола № 1, свободные выборы с разумной периодичностью путем тайного голосования в условиях, которые обеспечивали бы свободное выражение мнения народа в выборе законодательной власти. Такое выражение немыслимо без участия множества политических партий, представляющих различные мнения населения страны. Распространяя широкий диапазон мнений не только в рамках политических институтов, но также с помощью средств массовой информации на всех уровнях соци-

альной жизни, политические партии делают незаменимый вклад в политическую дискуссию, которая является самой сутью понятия демократического общества (см. «Лингенсом против Австрии» (*Lingens v. Austria*), 8 июля 1986 г., п. 42, Серия А № 103).

67. Хотя свобода выражения мнения является важной для всех, это особенно актуально для избранного представителя народа. Он представляет свой электорат, привлекает внимание к их проблемам и защищает их интересы. Соответственно, вмешательство в свободу выражения мнения оппозиционного члена парламента требует самого пристального внимания со стороны Суда (см. *дело Кастеллс, приведенное выше*, п. 42).

68. Ввиду важной роли, которую играют политические партии в надлежащем функционировании демократии, исключения, изложенные в ст. 11, когда речь идет о политических партиях, рассматриваются тщательно; только убедительные и веские причины могут оправдать ограничения права на «свободу собраний». При определении существования необходимости применения п. 2 ст. 11, Договаривающиеся государства имеют лишь ограниченное усмотрение, которое идет рука об руку со строгим европейским надзором (см. «Социалистическая партия и другие против Турции» (*Socialist party and others v. Turkey*), 25 мая 1998 г., п. 50, отчет 1998-III). Отсюда следует, что суд должен тщательно проверять необходимость введения запрета на деятельность политических партий, даже если запрет длится короткое время.

69. Свобода объединений и политических дискуссий не является абсолютной, однако необходимо признать, что если объединение в рамках своей деятельности или заявлений представляет угрозу безопасности государства или правам и свободам других лиц, ст. 11 не лишает государство права защищать эти институты и граждан. Именно Суд принимает окончательное решение по вопросу о совместимости таких мер с правом на свободу выражения мнения, закрепленным в ст. 10 (см. ««Обсервер» и «Гардиан» против Соединенного Королевства» (*«Observer» and «Gardian» v. United Kingdom*), 26 ноября 1991 г., п. 59, Серия А, с. 216).

70. Когда Суд осуществляет проверку, его задача заключается в рассмотрении принятых государствами-ответчиками решений в соответствии со ст. 11 с учетом дискреционных полномочий. Это не означает, что Суд должен ограничиться выяснением, применило ли государство-ответчик вмешательство разумно, тщательно и добросовестно; он должен смотреть на обжалуемое вмешательство в свете всего дела в целом и определить было ли ограничение «пропорциональным преследуемой законной цели» и были ли доводы, приве-

денные Правительством в свое оправдание, «соответствующими и достаточными». При этом суд должен убедиться, что Правительство применило нормы в соответствии с принципами, закрепленными в ст. 11 и, оно основывало свои решения на приемлемой оценке соответствующих фактов (см. «Ерсилль против Дании» (*Jersild v. Denmark*), 23 сентября 1994 г., п. 31, Серия А, с. 298).

(b) Применение вышеуказанных принципов к настоящему делу

71. Суд отмечает, что на рассматриваемый момент времени ХДНП была оппозицией парламентского меньшинства, занимающей около 10% мест в парламенте, а большинство – Коммунистическая партия – имела около 70%. Запрет, введенный на деятельность партии-заявителя был введен в связи с собраниями, организованными для выражения несогласия и протеста против планов правительства по введению обязательного обучения русскому языку – в то время предмет горячих обсуждений в молдавском обществе. Принимая во внимание заинтересованность общественности в свободном выражении мнений в этих обстоятельствах и того факта, что заявитель являлся партией парламентской оппозиции, Суд считает, что усмотрение государства было соответственно ограничено и что только очень веские причины могли бы оправдать вмешательство в право ХДНП на свободу выражения мнения и собраний (см. п. 68 выше).

72. Министерство юстиции, а затем и национальные суды, в обосновании временного запрета на деятельность ХДНП указывали три момента: ХДНП не получила разрешения на проведение собраний в соответствии с Законом «О собраниях», дети присутствовали на собраниях, некоторые заявления, сделанные на собраниях, являлись публичным призывом к социальному насилию.

73. Что касается первого основания, Суд отмечает, что существовали сомнения по поводу применения положений Закона «О собраниях» к встречам, организованным ХДНП. Муниципальный совет, который является единственным органом, уполномоченным выдавать разрешение по этому закону, посчитал, что законодательство неясно и отказался применять его к ХДНП пока парламент не даст официальное толкование (см. п. 13 выше). Представляется сомнительным, чтобы несоблюдение законодательства в этих обстоятельствах оправдывало бы такие серьезные меры, как временный запрет. Однако, даже если предположить, что законодательство было ясно, Суд не убежден, что его нарушение, которое в другом случае привело бы к административному штрафу в размере 180-450 леев (16-40 евро) (см. п. 41 выше), может рассматриваться как допустимое и достаточное основание для введения временного запрета на деятельность оппозиционной партии.

74. Что касается присутствия детей, Суд отмечает, что национальными судами не было установлено, что их присутствие является результатом действий или политики со стороны заявителя. Поскольку собрания проводились в общественном месте, любой, включая детей, мог присутствовать на них. Кроме того, по мнению Суда, это был скорее вопрос личного выбора родителей позволять детям участвовать в собраниях, и запрет посещения ими подобных мероприятий выглядел бы противоречащим праву на свободу собраний детей и родителей, с учетом того, что данные собрания были посвящены протесту против государственной политики в области школьного образования. Соответственно, Суд не считает этот довод допустимым и достаточным.

75. Что касается третьего основания для запрета, Суд не убежден, что пение достаточно умеренной студенческой песни можно истолковать как призыв к насилию в обществе. Ни Министерство юстиции, ни национальные суды не пытались объяснить, каким образом вменяемая строчка припева песни призывала к насилию. Следовательно, эта причина не может считаться ни допустимой, ни достаточной.

76. Суд повторяет, что только очень серьезные нарушения, которые создают угрозу политическому плюрализму или фундаментальным демократическим принципам, могут оправдать запрет на деятельность политических партий. Поскольку собрания ХДНП были вполне мирными, не было никаких призывов к насильственному свержению правительства или любых других действий, подрывающих принципы плюрализма и демократии, не было бы разумным утверждение о том, что примененная мера была пропорциональна преследуемой цели и отвечала «насущной социальной потребности».

77. Временный характер запрета не имеет решающего значения при рассмотрении вопроса о соразмерности мер, поскольку есть основания утверждать, что даже временный запрет может иметь «негативное воздействие» на право партии осуществлять свободу выражения мнений и достигать свои политические цели, тем более если он введен в преддверии местных выборов.

78. Суд с удовлетворением отметил готовность молдавских властей снять запрет в ответ на запрос Генерального секретаря в соответствии со ст. 52 Конвенции (*см. п. 25 выше*). Несмотря на это, Суд считает, что временный запрет на деятельность ХДНП не был основан на соответствующих и достаточных основаниях и не был необходимым в демократическом обществе. Соответственно, имело место нарушение ст. 11 Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 10 КОНВЕНЦИИ

79. Заявитель также жаловался на нарушение ст. 10 Конвенции. Поскольку эта жалоба касается того же вопроса, который рассматривается в соответствии со ст. 11, Суд не считает необходимым рассматривать его отдельно.

III. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

80. Ст. 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Ущерб

81. Заявитель не потребовал возмещения материального или нематериального ущерба.

В. Судебные издержки и расходы

82. Заявитель потребовал 8235 евро на оплату услуг адвокатов, из которых 3960 евро причитается в пользу г-на Нагачевского и 4275 евро в пользу г-на Грибинча. Заявитель представил подробное расписание и договор, согласно которому почасовые ставки адвокатов составляли 80 евро и 60 евро соответственно.

В обоснование своих требований, заявитель ссылается на дело «Объединенная коммунистическая партия Турции и другие», упомянутое выше, в котором заявителю было присуждено 120000 французских франков (FRF) для покрытия расходов на двух адвокатов, «Социалистическая партия и другие», упомянутое выше, в котором заявителю предложили 57187 французских франков в качестве правовой помощи, оплаченной Советом Европы за двух адвокатов, «Маэстри против Италии» (*Maestri v. Italy*), жалоба № 39748/98, отчет 2004-I, в котором заявителю было присуждено 10000 евро за издержки и расходы, и «Партия свободы и демократии (ÖZDEP) против Турции» (*Freedom and Democracy Party (ÖZDEP) v. Turkey*), жалоба № 23885/94, отчет 1999-VIII, в котором заявитель получил 40000 FRF за расходы и издержки.

Заявитель утверждал, что почасовые ставки, утвержденные его адвокатами, не были чрезмерными и предоставил сведения о стоимости юридических услуг в Кишиневе в размере от 120 евро до 200 евро за час.

83. Правительство не согласилось с заявленной суммой, указав, что стороне заявителя не удалось доказать упомянутые расходы на представительство. По мнению Правительства, сумма, запрашиваемая стороной заявителя, были слишком высокой по сравнению со средней месячной заработной платой в Республике Молдова. Правительство согласилось с тем, что существуют юридические фирмы, которые взимают с предприятий 120 евро в час, однако, по их мнению, такие ставки не должны применяться к политической партии, поскольку она может оказаться не в состоянии платить такие суммы. Согласно мнению Правительства, сторона заявителя не имела права на любые издержки и расходы, поскольку дело не было сложным, и ХДНП не понесла какого-либо реального ущерба, направив жалобу исключительно в целях получения «бесплатного паблисити».

84. Суд повторяет, что для того, чтобы была произведена компенсация издержек и расходов на основании ст. 41, должно быть установлено, что они были фактически понесены, и были необходимы и разумны в отношении суммы (см. «Нильсен и Йонсен против Норвегии» (*Nielsen and Johnsen v. Norway*), жалоба №. 23118/93, п. 62, отчет 1999-VIII).

85. В данном случае, с учетом подробного перечня, представленного стороной заявителя, указанных выше критериев сложности и важности этого дела, Суд присуждает 4000 евро.

С. Процентная ставка

86. Суд считает целесообразным, чтобы процентная ставка была основана на предельной ставке кредитования Европейского центрального банка, к чему следует добавить три процентных п.а.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД:

1. Отклонил единогласно предварительное возражение правительства.

2. Постановил шестью голосами против одного, что имело место нарушение с. 11 Конвенции.

3. Постановил единогласно, что нет необходимости определять, имело ли место нарушение ст. 10 Конвенции.

4. Постановил шестью голосами против одного:

а) в трехмесячный срок с момента вступления Постановления в силу Правительство должно выплатить стороне заявителя (в соответствии с п.2 ст. 44 Конвенции), 4000 евро (четыре тысячи евро) в счет издержек

и расходов, в национальной валюте государства-ответчика по курсу на день выплаты, плюс любой налог, который может быть применен;

(б) по истечении вышеупомянутых трех месяцев, простые проценты будут выплачены на вышеуказанную сумму по ставке, равной предельной ставке кредитования Европейского Центрального Банка в течение периода, плюс три процентных п.а;

5. Отклонил единогласно остальные требования стороны заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке и зарегистрировано в письменной форме 14 февраля 2006 г. в соответствии с пп. 2, 3 ст. 77 Регламента Суда.

Николас Братца
Председатель

Майкл О'Бойл
Секретарь

В соответствии с п. 2 ст. 45 Конвенции и п. 2 ст. 74 Регламента Суда, следующие отдельные мнения прилагаются к настоящему решению:

- а) частично совпадающее и частично несовпадающее особое мнение судьи Павловского;
- б) несовпадающее особое мнение судьи Боррего Боррего.

Николас Братца, Майкл О'Бойл.

ЧАСТИЧНО СОВПАДАЮЩЕЕ И ЧАСТИЧНО НЕСОВПАДАЮЩЕЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ПАВЛОВСКОГО

В настоящем деле, после долгих колебаний, я решил, как и большинство, голосовать в пользу установления нарушения ст. 11, хотя линия моих рассуждений в корне отличается от принятой большинством.

А. Некоторые замечания общего характера

Настоящий случай уникален во многих отношениях.

Хотя суд имеет значительный опыт прецедентного права в отношении запрещения и принудительного роспуска политических партий, мы впервые имеем дело не с запрещением или роспуском, а с решением о временном приостановлении деятельности политической партии, более того, только четырех форм деятельности, а не всех. Более важным фактором является то, что решение о временном приостановлении никогда не было реализовано, и, более того, через некоторое время (двадцать дней) оно было отменено национальными властями.

В рассматриваемом деле перед нами ситуация, когда разногласия между политической оппозицией и правящими силами, которые на первый взгляд могут показаться абсолютно непримиримыми, и которые привели к глубокому политическому кризису, были трансформированы, благодаря посредничеству Совета Европы, в стратегическое партнерство, основанное на принципах европейской демократии, взаимного уважения и общего понимания будущего Республики Молдова в Европе. Мы имеем дело с ситуацией, когда, благодаря Генеральному секретарю, Парламентской ассамблее и Комитету министров Совета Европы, а также доброй воле как молдавской оппозиции, так и правящей политической силы, был создан постоянный «круглый стол». Все основные политические партии Молдовы получили возможность открыто обсудить вопросы, имеющие общее значение для страны.

Для того, чтобы стороны, вовлеченные в конфликт, нашли демократические решения стоящих перед ними проблем, в Молдове была создана и эффективно работает Канцелярия Специального представителя Генерального секретаря Совета Европы.

Наконец, мы имеем дело с ситуацией, когда лидер ХДНП – главной оппозиционной партии Молдовы – был избран заместителем председателя парламента Республики Молдова и когда члены парламента, принадлежащие к партиям-бывшим политическим соперникам – ХДНП и Коммунистической партии Молдовы – совместно проголосовали за одного и того же кандидата на пост президента.

Мое понимание состоит в следующем: оба бывших соперника продемонстрировали свою политическую зрелость, желание и готовность прийти к консенсусу ради общих интересов общества и на благо народа Молдовы.

По моему мнению, все эти новые изменения имеют большое значение для верховенства закона и демократии не только для Молдовы, но также и для всей Европы. Они чрезвычайно важны, как положительный прецедент плодотворного сотрудничества между политическими партиями, которые, несмотря на различные политические идеалы и взгляды, несмотря на свои страхи и подозрения, продемонстрировали свою способность преодолеть противоречия, найти точки соприкосновения и вести совместную работу в интересах европейской интеграции и на основе принципов демократии. ХДНП и Коммунистическая партия Молдовы в настоящее время совместно проводят очень серьезные законодательные усилия, направленные на приведение молдавского законодательства в соответствие с европейскими правовыми стандартами.¹

¹ См. «Comunicat cu ocazia desfasurarii Consiliului National Largit al Partidului Popular Crestin Democrat», <http://www.ppcd.md/ro/press/42.htm>

В докладе от 16 сентября 2005 г., адресованном Парламентской Ассамблее Совета Европы на тему «Функционирование демократических институтов в Молдове» (документ 10671, пп. 3-4), мы читаем:

«Находящаяся у власти Коммунистическая партия с 2002 г. занимает последовательную проевропейскую позицию и, по-видимому, твердо решила ускорить процесс интеграции в Европу. После проведения парламентских выборов в марте 2005 г. президент также получил поддержку части оппозиции, в том числе <...> [Народной] Христианской Демократической Партии, при условии выполнения обязательства незамедлительно провести законодательные реформы. <...> Вновь избранный парламент Молдовы проявил исключительную инициативу и на своем первом пленарном заседании единогласно принял Декларацию о политическом партнерстве в достижении целей европейской интеграции. Политическая зрелость и ответственность молдавских политиков в глазах народа и страны будет также оцениваться критериями духа сотрудничества и теми демократическими реформами, которые они смогут осуществить <...>».

С учетом вышеупомянутых исключительных обстоятельств и событий, было бы уместным, если бы они нашли свое отражение в постановлении Суда. Вопрос об отклонении жалобы, также мог бы быть рассмотрен.

Я приветствую включение в решение (п. 78) заявления «Суд с удовлетворением отметил готовность молдавских властей снять запрет в ответ на запрос Генерального секретаря, в соответствии со ст. 52 Конвенции <...>», но это, на мой взгляд, не является достаточным.

Я очень сожалею, что большинство упустило очень хорошую возможность принять во внимание все последние события описанные выше, и даже не упомянуло о них в решении. Я не нахожу этот подход достаточно правильным, потому что, на мой взгляд, события, описанные в решении, рассматривались в отрыве друг от друга, и создали искаженную картину того, что было и до сих пор происходит в Молдове.

В. Причины несогласия с решением, принятым большинством

Решение в целом основано на доводе о том, что в настоящем деле имело место вмешательство в виде временного запрета на деятельность ХДНП (см. пп. 71-78).

С самого начала необходимо отметить, что в соответствии с молдавским законодательством, «бланкетный» или полный, абсолютный временный запрет на деятельность политической партии не допускается. Закон «О партиях и других общественно-политических организациях», предусматривает, что в период временного запрета, ограничения могут вводиться лишь на четыре вида деятельности: использование средств массовой информации, распространение пропаганды и агитации, проведение банковских операций или других операций в отношении активов, а также участие в выборах.

Другие формы как повседневной, так и политической деятельности (такие, как, например, деятельность в парламенте или в местных советах, работа по организации партийных собраний на местном и центральном уровнях, конференции, семинары, использование офисов, помещений, компьютеров и другие формы служебной деятельности) не могут быть ограничены даже в период временного запрета.

С моей точки зрения, вывод о том, что существовал запрет, в рассматриваемом случае, был получен, по крайней мере отчасти, из-за поверхностного – если не ошибочного и вводящего в заблуждение – толкования молдавского национального законодательства.

П. 37 Постановления, описывающий «соответствующие разделы» Закона «О партиях и других общественно-политических организациях» содержит следующее положение:

Ст.Ст. 29

«Министерство юстиции приостанавливает деятельность партии, или другой общественно-политической организации, в случае нарушения ею Конституции, данного Закона, или невыполнения требования предупреждения».

21 ноября 2003 г. этот параграф был изменен следующим образом:

«Министерство юстиции приостанавливает деятельность партии или другой общественно-политической организации, в случае нарушения ею Конституции.

Министерство юстиции письменно извещает об этом руководящие органы соответствующей или другой общественно-политической организации, указав на нарушения требований закона и определив срок их устранения.

В период избирательной кампании деятельность партий и других общественно-политических организаций может быть приостановлена только Высшей судебной палатой.

В период приостановления деятельности партии, запрещаются использование ею средств массовой информации, пропаганда, агитация, осуществление банковских операций или других операций, связанных с имуществом, а также участие ее в выборах.

После устранения нарушений требований закона партия, другая общественно-политическая организация извещает об этом Министерство юстиции, которое в пятидневный срок выдает разрешение на возобновление деятельности партии, другой общественно-политической организации.

Деятельность партии или другой общественно-политической организации может быть приостановлена на срок до шести месяцев. В случае, если нарушения требований закона не устранены или в течение одного года со дня приостановления их деятельности допущены новые нарушения закона, деятельность приостанавливается на один год».

Из-за не вполне ясного представления ст. 29 эта часть решения создает впечатление, что норма «в период приостановления деятельности партии, запрещаются использование ею средств массовой информации, пропаганда, агитация, осуществление банковских операций или других операций, связанных с имуществом, а также участие ее в выборах» не существовала в то время, когда деятельность ХДНП была якобы «запрещена».

Но это просто неверно.

Боюсь, что молдавское законодательство по данному вопросу, как я сказал, не было достаточно хорошо представлено.

В соответствующее время, ст. 29 вышеупомянутого Закона – то есть до поправок от 21 ноября 2003 г. – существовала в следующей версии:

«Министерство юстиции приостанавливает деятельность партий или другой общественно-политической организации в случае нарушения ими Конституции, данного Закона, или невыполнения требования предупреждения.

Министерство юстиции письменно извещает об этом руководящие органы соответствующей или другой общественно-политической организации, указав на нарушения требований закона и определив срок их устранения.

В период избирательной кампании деятельность партий и других общественно-политических организаций может быть приостановлена только Высшей судебной палатой.

В период приостановления деятельности партии, запрещаются использование ею средств массовой информации, пропаганда, агитация, осуществление банковских операций или других операций, связанных с имуществом, а также участие ее в выборах.

После устранения нарушений требований закона партия, другая общественно-политическая организация извещает об этом Министерство юстиции, которое в пятидневный срок выдает разрешение на возобновление деятельности партии, другой общественно-политической организации.

Деятельность партии или другой общественно-политической организации может быть приостановлена на срок до шести месяцев. В случае, если нарушения требований закона не устранены или в течение одного года со дня приостановления их деятельности допущены новые нарушения закона, деятельность приостанавливается на один год».

В результате дополнения от 21 ноября 2003 г., окончание первого параграфа... данного Закона, или невыполнения требования предупреждения...» было удалено, а остальная часть параграфа не изменилась.²

Соответственно, во время предполагаемого запрета» в январе и феврале 2002 г., в силе было следующее положение:

«В период приостановления деятельности партии, запрещаются использование ею средств массовой информации, пропаганда, агитация, осуществление банковских операций или других операций, связанных с имуществом, а также участие ее в выборах».

На мой взгляд, для того, чтобы установить запрет на деятельность ХДНП, большинство должно было убедиться в том, что в связи с решением министра юстиции, эта политическая партия была лишена возможности использовать средства массовой информации, пропаганды, агитации, осуществления банковских операций или других операций, связанных с имуществом, а также участия в выборах.

² См. Закон № 718, Privind partidele și alte organizații social-politice, http://www.justice.md/lex/document_rom.php?id=B68D3A82:A381C43A

Поскольку ХДНП проигнорировала решение, принятое министром, а министр, в свою очередь, демонстрируя добрую волю, решил не применять свое решение, мы можем сказать, что никаких негативных последствий для ХДНП не было.

Представители ХДНП оказались не в состоянии предоставить какие-либо доказательства того, что, в связи с решением министра юстиции, их клиенты были лишены возможности использовать средства массовой информации или распространения пропаганды и агитации, или того, что они имели банковские счета или другие активы, но потеряли возможность проводить операции с этими активами, или что они были лишены возможности участвовать в выборах.

Не существует никаких доказательств в материалах дела, которые бы указывали на то, что любое из вышеперечисленных негативных последствий имело место.

Все эти аргументы показывают, что *de facto* запрета на деятельность ХДНП не было. В настоящем деле мы имеем дело не с «фактическим запретом», а скорее с «решением о запрете», которое оставалось не введенным в действие, и через двадцать дней было отменено тем же государственным должностным лицом.

Я считаю, что в этих обстоятельствах правильно и оправданно говорить об оставленных попытках приостановить деятельность ХДНП.

По моему мнению, в настоящем деле мы должны были обсудить вмешательство неясной правовой нормы – оставленную попытку приостановить деятельность ХДНП путем не введенного в действие решения, а не «запрещение», которое, как я уже говорил, не вступало в силу.

Проблема «необходимости вмешательства» в том виде, в каком оно представлено в решении, создает для меня дополнительные трудности.

Этот вопрос, о необходимости вмешательства, не может быть проанализирован абстрактно и тесно связан с проблемами законности вмешательства, наличием насущных социальных потребностей и законности цели вмешательства. Характер вмешательства и пропорциональность преследуемым законным целям, имеют решающее значение для определения, имело ли место нарушение.

Я полностью согласен с заявлением большинства в п. 48 постановления, что вмешательство будет являться нарушением ст. 11, если оно не было «предусмотрено законом», не преследовало одну или более законную цель в соответствии с п. 2, и не было «необходимым в демократическом обществе».

К сожалению, большинство, вопреки вышеупомянутому заявлению, решило не рассматривать вопроса о законности вмешательства и характера поставленных целей. На мой взгляд, критерий «необходимы в демократическом обществе» просто невозможно оценить без

предварительной оценки правового характера принятых мер и целей, преследовавшихся правительством. Для того, чтобы быть «необходимым», вмешательство должно быть соразмерно «насушной социальной потребности». «Насущная социальная потребность» в свою очередь, определяет характер поставленных задач. Таким образом, все вышеупомянутые элементы должны быть рассмотрены совместно, начиная, конечно, с определения правомерности вмешательства.

С. Причины голосования в пользу вывода о нарушении в данном случае

На мой взгляд, вынесение решения о приостановлении деятельности политической партии, которое никогда не было введено в действие, не имело каких-либо негативных последствий, было просто проигнорировано партией, а через двадцать дней было отменено тем же государственным должностным лицом, которое вынесло его ранее, не могло бы привести к такому серьезному обращению к международной защите, если оно не было издано в нарушение закона.

И тут я вижу проблему. Я сомневаюсь, что вынесение настоящего решения было осуществлено в соответствии с законом.

В соответствии с практикой Суда, норма не может рассматриваться как «закон», если она не сформулирована с достаточной точностью, позволяющей гражданину регулировать свое поведение: он должен быть в состоянии – в случае необходимости, при соответствующей консультации – предвидеть, до определенной степени, разумной в данных обстоятельствах, последствия, которые данная акция может повлечь за собой (см. «Санди Таймс» против Соединенного Королевства» (№1) (*Sunday Times v. the United Kingdom (no.1)*), 26 апреля 1979 г., п. 49, серия А, с. 30).

Здесь стоит отметить, что Закон «О партиях и других общественно-политических организациях» не предусматривает ответственности юридических лиц; другими словами, не предусмотрена ответственность партии за любые действия, совершенные ее членами. Отсутствие правовых норм, регулирующих ответственность партии за действия некоторых из её членов делает невозможным предвидеть в практическом плане применение ограничений, предусмотренных законодательством.

Эта причина сама по себе могла бы представить данное решение необоснованным с правовой точки зрения, что позволило бы нам обнаружить, что вмешательство не было «предусмотрено законом».

³ См. Принципы относительно запрещения и роспуска политических партий и аналогичных мер, [http://www.venice.coe.int/docs/2000/CDL-INF\(2000\)001-e.asp](http://www.venice.coe.int/docs/2000/CDL-INF(2000)001-e.asp)

И здесь я должен отметить, что этот аргумент был, по существу, одним из тех, на которых основывалась сторона заявителя, заявившая, что все эти собрания и демонстрации были организованы членами парламента от ХДНП, а не самой ХДНП.

В этом я согласен с представителями стороны заявителя. Действительно, в деле нет ничего, указывающего на то, что ХДНП как политическое образование имеет какую-либо связь с собраниями, которые имели место на главной площади молдавской столицы.

Все доводы, изложенные в решении, были бы действительны, если бы государственные органы применили ограничения к отдельным частным лицам. В таком случае я бы согласился, что вмешательство было предписано законом и имело законную цель, но возможно, и не было необходимым в демократическом обществе, но это было не так.

Настоящее дело касается юридического лица, а не частного лица. Закон «О партиях и других общественно-политические организациях» не содержал и до сих пор не содержит прямых правовых положений, устанавливающих с достаточной ясностью ответственность политических партий (юридических лиц) за деяния, совершенные их членами (частные лица).

На своем 41-м пленарном заседании 10 и 11 декабря 1999 г. Венецианская комиссия приняла принципы относительно запрещения и роспуска политических партий и аналогичных мер.

В соответствии с этими принципами, политическая партия в целом не может нести ответственность за индивидуальное поведение своих членов, не уполномоченных партией в рамках политической/общественной и партийной деятельности.³

Это тот случай, когда это касалось законодательства Республики Молдова.

Кроме того, ст. 20 Закона «О собраниях» предусматривает, что административные или уголовные санкции могут быть наложены на организаторов или участников собрания, которые нарушают положения закона. Закон не предусматривает никакой ответственности политической партии за его нарушения, совершенные в ходе собрания, созданного ею.

Ни Закон «О банках и других финансовых учреждениях», ни Закон «О собственности» не предусматривают любую возможность замораживания активов политической партии в случае временно-го приостановления её деятельности. Также Закон «О печати и аудиовизуальных средствах массовой информации» не представляет каких-либо правовых оснований для ограничения на использование таких средств массовой информации для одной из политических партий в период временной приостановки деятельности партии.

С учетом всех этих явных пробелов в законодательстве, применение «временного приостановления», влекущего за собой ограничения, упомянутые в ст. 29 Закона «О партиях и других общественно-политических организациях» (а именно «В период приостановления деятельности партии, запрещаются использование ею средств массовой информации, пропаганда, агитация, осуществление банковских операций или других операций, связанных с имуществом, а также участие ее в выборах») является незаконным и с точки зрения Конвенции, и с точки зрения молдавского национального законодательства.

Подвожу итог: на мой взгляд, в данном случае вмешательство не было предписано законом. В результате произошло нарушение ст. 11 Конвенции и, следовательно, нет необходимости рассматривать вопрос о соразмерности такого вмешательства.

Д. Чрезмерность гонораров юристов

Существует еще один аспект данного дела, с которым я не могу согласиться: сумма, присужденная как компенсация гонорара юристов – 4000 евро (EUR). Я считаю эту сумму чрезмерной, несоответствующей ни произведенной работе, ни практике Суда.

Я бы охотно принял эту сумму в счет покрытия расходов, если бы юристы внесли вклад в установление истины в настоящем деле, но это было не так. Я уже говорил, что не было представлено никаких доказательств того, что запрет на самом деле был применен к ХДНП. Это, в практическом плане, поставило Суд в такое положение, когда, в отсутствие доказательств, он должен был принять доказанным фактическое применение этого запрета.

Кроме того, в своей первоначальной жалобе представители заявительной партии опирались на стст. 6, 10 и 11 Конвенции, а также ст. 1 Протокола № 1. Через некоторое время они решили отозвать свои жалобы по ст. 6 Конвенции и ст. 1 Протокола № 1. В свою очередь, суд решил не рассматривать их жалобы по ст. 10. Из этих четырех Суд установил нарушение только одного из положений Конвенции – ст. 11.

Уменьшение компенсации издержек и расходов в соответствии с числом установленных нарушений является давней практикой Суда.

В деле «*Николова против Болгарии*» (*Nikolova v. Bulgaria*), жалоба №31195/96, п. 79, отчет 1999-II) Суд установил:

«Суд напоминает, что для того, чтобы расходы были включены в решение, в соответствии со ст. 41 Конвенции, должно быть установлено, что они были фактически понесены, и были необходимы и разумны в отношении суммы (см. Постановление «*Кэмпбелл и Фелл против Соединенного Королевства*» (*Campbell and Fell v. United Kingdom*), от 28 июня 1984 г., Серия А, с. 80, nn. 55-56, 143).

Суд отмечает, что часть гонорара юриста покрывала защиту заявителя от уголовных обвинений внутри страны и ее жалоба на их предполагаемую несправедливость была признана Комиссией неприемлемой. Эти гонорары не являются необходимыми расходами, понесенными в процессе судебной попытки возмещения ущерба за нарушения Конвенции, установленные в настоящем деле (см. Постановление «Матс Якобссон против Швеции» от 28 июня 1990 г., серия А, отчет 180-А, с. 16, п. 46). Количество часов, которые, якобы, были потрачены юристом по делу, также представляется чрезмерным <...>».

В деле «Дебонно против Мальты» (*Debono v. Malta*), № 34539/02, п. 54, от 7 февраля 2006 г. суд также заявил, что жалобы заявителя, кроме одной, касающейся нарушения принципа «разумных сроков», были признаны неприемлемыми. Поэтому он посчитал целесообразным возместить только часть расходов, о которых заявил заявитель.

Я считаю, что подобный подход должен был быть принят и в данном случае.

Кроме того, адвокатами стороны заявителя в настоящем деле являются представители организации «Юристы за права человека». У меня есть особое уважение к этой организации, которая ведет активную деятельность в области защиты прав человека и представила довольно значительное число обращений в Суд, касающихся вопросов, которые являются и серьезными с точки зрения защиты прав человека, и очень интересным с правовой точки зрения. Однако проблема в следующем: эта организация является неправительственной организацией (НПО), действующей на основании Закона «О неправительственных общественных объединениях»⁴. Согласно этому закону, все молдавские неправительственные организации являются некоммерческими организациями, и я очень сомневаюсь, что некоммерческим НПО следует применять ставки, которые превышают те, которые применяются для юристов, работающих в Молдавской ассоциации адвокатов. Я боюсь, что применение НПО ставки, которая, в теории, может относиться к профессиональным коммерческим организациям, может исказить саму природу гражданских идеалов общества.

Стоит также отметить, что НПО «Юристы за права человека», наряду с Хельсинкскими комитетами, LADOM и другими, позиционирует себя как организация, оказывающая юридические услуги бесплатно.⁵

⁴ См. Закон № 837, Cu privire la asociațiile obștești, http://www.justice.md/lex/document_rom.php?id=7640AE7B:3577A0B0

⁵ См. Интернет-газету «Пресс обозрение», «Не молчи»: в Молдове пройдет информационная кампания по правам человека, «... в рамках кампании гражданам будут раздаваться информационные материалы о правах человека, а также листовки с адресами и контактной информацией организаций, которые предоставляют бесплатные юридические услуги. Среди них числятся пять юридических учреждений при Государственном университете Молдовы, Центр по защите прав человека и неправительственные организации «Юристы за права человека», «Институт уголовных реформ», Комитет Хельсинки в Молдове, «LADOM» и «Promo-lex». ...», <http://press.try.md/view.php?id=67252&iddb=Society>

Я нахожу, что очень трудно считать ставки в 60 и 80 евро в час, заявленные представителями стороны заявителя, бесплатным оказанием юридических услуг или «некоммерческой» деятельностью.

Соответственно, если мы примем во внимание тот факт, что только одна из четырех жалоб была признана приемлемой и только одно нарушение было установлено, а также некоммерческий статус НПО «Юристы за права человека», суммы, присужденные для компенсации издержек и расходов должны были быть сокращены вдвое, и должны были быть на уровне 2000 евро, с тем, чтобы полностью компенсировать представителям стороны заявителя расходы, которые были фактически понесены, а не гипотетические или спекулятивные расходы и, кроме того, обеспечить им очень комфортный уровень жизни, по крайней мере, на пару месяцев.

Именно в этом я, с уважением, не соглашаюсь с большинством.

НЕСОВПАДАЮЩЕЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ БОРРЕГО БОРРЕГО (Перевод)

К сожалению, я не могу согласиться с аргументами большинства в Палате.

В данном случае мы можем провести разделение, очень кратко, между двумя аспектами: действием и реакцией.

Что касается действия, мирные демонстрации проходили в течение восьми дней перед зданием Национальной ассамблеи (см. пп. 19 и 33 решения), без соблюдения формальных требований, изложенных в Законе «О собраниях». Ответственность за эти демонстрации должна быть возложена на политическую партию-заявителя (см. *Refah partisi (Партия благоденствия) и другие против Турции (Refah Partisi (the Welfare Party) and Others v. Turkey)*, № 41340/98, 41342/98, 41343/98 и 41344/98, п. 115, ЕСПЧ 2003-II).

Что касается реакции со стороны властей Молдовы, то был введен месячный запрет соответствующей партии. С учетом Конвенции, обстоятельств данного дела и того факта, что должны были состояться местные выборы, этот временный запрет политической партии должен рассматриваться как мера, которая не была необходимой в демократическом обществе.

Однако, несмотря на все это, я считаю, что в настоящем деле не было никакого нарушения Конвенции. Почему?

На мой взгляд, потому что в настоящем деле содержится два очень важных факта, которым суд не уделил должного внимания.

Во-первых, в ответ на письмо, направленное Генеральным секретарем Совета Европы молдавским властям в соответствии со ст. 52 Конвенции, министр юстиции отменил временный запрет на деятельность партии (см. п. 25 решения).

Как я понимаю, Конвенция образует единое целое: ст. 11 является её частью, как и Раздел II и ст. 52. Цель Конвенции, как целого, заключается в защите прав человека. К праву, гарантированному ст. 11, было проявлено уважение в результате применения мер, предусмотренных ст. 52, задолго до вынесения решения Суда.

Во-вторых, временного запрета на заявителя сторона «не имел никаких негативных последствий для ХДНП, поскольку оно не было приведено в действие, счета ХДНП не были заморожены, и партия могла продолжать свою деятельность беспрепятственно», как постановил Верховный суд (см. п. 28).

Одним словом, я считаю, что, поскольку временный запрет был отменен и никогда не был применен, нарушения Конвенции в настоящем деле не было.

ОЙА АТАМАН ПРОТИВ ТУРЦИИ
OYA ATAMAN v. TURKEY

Жалоба № 74552/01

Постановление Суда
Страсбург

5 декабря 2006 г.

Перевод с английского – Павел Манжос

Уведомительная процедура § 39

Применение силы во время прекращения мероприятий § 23, 42

Недопустимость ограничительного толкования права § 36

Мирный/насильственный характер акции § 42

Необходимая терпимость власти к помехам, создаваемым акциями § 42

Прекращение мероприятий § 41

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ СУТИ ДЕЛА

22 апреля 2000 г. заявительница – член комиссии Стамбульской Ассоциации по правам человека – в знак протеста против планов по созданию тюрем так называемого «Ф-типа» организовала на площади Султанхамета Стамбула демонстрацию в форме шествия, с заявлением для прессы. Полиция попросила группу разойтись и прекратить собираться, сообщив в мегафон, что не заявленная официально демонстрация проводится незаконно. Демонстранты попытались продолжить шествие. Полиция разогнала группу с применением слезоточивого газа (перцовый спрей), а также задержала нескольких участников. После выяснения личности заявительница была освобождена.

Заявительница обжаловала применение слезоточивого газа, проведение незаконного задержания и лишение возможности сделать публичное заявление по окончании демонстрации. Сначала прокуратура не усмотрела в действиях властей нарушения закона, а затем суд не усмотрел оснований для подачи жалобы.

ЕСПЧ полагает, что имело место нарушение статей 3, 11 Конвенции.

С точки зрения Суда, там, где демонстранты не вовлечены в акты насилия, важно, чтобы власти в определенной степени проявляли толерантность по отношению к мирным собраниям. Суд полагает, что в этом деле силовое вмешательство полиции было диспропорциональным и не являлось необходимым для предотвращения нарушения общественного порядка в рамках смысла ст. 11 Конвенции.

По делу «Ойа Атаман против Турции» Европейский Суд по правам человека (Вторая секция), заседая Палатой в составе:

Ж.-П. Коста (*J.-P. Costa*), *Председатель*,

А. Бака (*A. Baka*),

Р. Тюрмен (*R. Turmen*),

М. Угрехелидзе (*M. Ugrehelidze*),

Е. Фура-Сандстрём (*E. Fura-Sandsrem*),

Д. Йочиен (*D. Jochien*),

Д. Попович (*D. Popovich*),

а также С. Нейсмит (*S. Nejsmit*), *Секретарь*,

проведя 14 ноября 2006 г. закрытое заседание, вынес следующее Постановление, принятое в тот же день:

ПРОЦЕДУРА

1. Настоящее дело инициировано жалобой № 74552/01, поданной 15 марта 2001 г. гражданкой Турции Ойа Атаман (далее – «заявительница») против Республики Турция, в соответствии со ст. 34 Европейской Конвенции по правам и свободам человека (далее – «Конвенция»).

2. Заявительница изъявила желание участвовать в заседании и назначила своим представителем г-на Г. Шана, адвоката Стамбульской адвокатуры. Турецкое правительство (далее – «Правительство») не назначило своего представителя для участия в судебных заседаниях.

3. 8 марта 2005 г. суд признал заявление частично приемлемым к рассмотрению и в соответствии со стст. 3, 11 Конвенции решил направить данные жалобы правительству. Согласно ст. 29 п. 3 Конвенции, Суд решил рассмотреть заявление по существу и одновременно на предмет его приемлемости.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

4. Заявительница родилась в 1970 г. и живет в Стамбуле.

5. 22 апреля 2000 г. заявительница и член комиссии Стамбульской Ассоциации по правам человека, в знак протеста против планов по созданию тюрем так называемого «Ф-типа» организовала на площади Султанхамета демонстрацию в форме шествия, с заявлением для прессы.

6. Около полудня на площади собралась группа из 40-50 человек под руководством заявительницы и адвоката, президента Стамбульской ассоциации по правам человека Эрен Кескин, с плакатами и агитационными знаками в руках. Полиция попросила группу разойтись и прекратить собираться, сообщив в мегафон, что демонстрация, о которой не было предварительно заявлено, является незаконной и может вызвать проблемы с обеспечением соблюдения общественного порядка в столь оживленное время.

7. Демонстранты отказались подчиниться и попытались продолжить шествие в направлении сил полиции, которая разогнала группу с применением слезоточивого газа разновидности, известной как перцовый спрей.

8. После выяснения личности и в связи с выполнением адвокатом профессиональных обязанностей заявительница была освобождена в 12 ч.45 м.

9. 26 апреля 2000 г. заявительница, совместно с прокуратурой в Бейоглу обвинила начальника Стамбульской полиции общественного порядка, а также офицеров, имеющих отношение к данному делу, в совершении преступления, заявила, что была подвергнута жестокому обращению, выразившемся в применении к ней перцового спрея, незаконном задержании и лишении возможности сделать публичное заявление во время завершения демонстрации.

10. 29 июня 2000 г. прокуратура прекратила рассмотрение жалобы на том основании, что в деле заявительницы закон не был нарушен.

11. 25 июля 2000 г. заявительница обратилась с заявлением в суд Бейоглу Ассизе с требованием отмены этого решения.

12. 25 сентября 2000 г. суд Ассизе вынес решение, что в деле не достаточно оснований для судебного производства.

II. СООТВЕТСТВУЮЩИЙ ЗАКОН И ПРАКТИКА

A. Внутригосударственное законодательство, регулирующее свободу собраний

1. Конституционные гарантии

13. Ст. 34

«Каждый имеет право проводить мирные собрания без оружия и демонстрационные шествия без предварительного разрешения.

<...> Формальности, условия и процедуры, регулирующие реализацию права на проведение митингов и демонстрационных шествий, должны быть установлены законом».

2. Законодательные акты об организации демонстраций

14. В процессе рассмотрения документов и материалов раздел 10 Акта о проведении демонстраций и шествий был оформлен следующим образом:

«Для того, чтобы митинг состоялся, учреждение государственной власти или руководство района, где планируется провести демонстрацию, должно быть заранее проинформировано об этом в час его открытия и, по крайней мере, за 72 часа до начала митинга путем подачи уведомления с подписями всех членов инициативной группы <...>».

15. Раздел 22 того же акта запрещает проведение демонстраций и шествий на улицах, в парках, местах культового поклонения и зданиях, в которых размещаются социальные службы. Демонстрации, организованные на площадях, должны проводиться в соответствии с инструкциями по безопасности проведения подобных акций и не мешать продвижению граждан и транспорта. Наконец, раздел 24 предусматривает, что шествия, которые проводятся без соблюдения требований этого закона, могут быть разогнаны силой по приказу учреждения власти и после предупреждения демонстрантов.

В. Заключение Комиссии

16. Комиссия за демократию через право (Венецианская комиссия) на своем 64-м пленарном заседании (21 – 22 октября 2005 г.) вынесла заключение, интерпретирующее основные положения БДИПЧ/ОБСЕ по разработке проектов законов в отношении правил проведения митингов. Она определила подход к этой сфере, частично – в отношении подачи предварительного уведомления о проведении демонстраций в публичных местах:

«29. Установление порядка подачи предварительного уведомления о проведении мирного собрания не обязательно подразумевает ограничение данного права. В действительности, такой порядок существует в нескольких европейских странах. Необходимость подачи предварительного уведомления главным образом возникает в отношении определенных митингов или собраний. Например, когда планируется провести шествие на автотрассе с интенсивным движением транспорта или локальное собрание граждан на площади, которое требует от полиции и властей сделать возможным само проведение акции, и не применять при этом факторы (такие, например, как регулируемое движение транспорта), которые могли бы воспрепятствовать его проведению».

Тем не менее, Венецианская комиссия ясно подчеркнула, что порядок предварительного уведомления ни при каких обстоятельствах не должен косвенным образом ограничивать право на проведение мирных митингов, например, посредством предъявления слишком детализированных и усложненных требований к участникам акции (п. 30 заключения).

С. Международные правила применения слезоточивого газа.

17. В соответствии со ст.1 (5) Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении от 13 января 1993 г. (*«the CWC»*) «Каждое государство – участник обязуется не использовать химические средства борьбы с беспорядками в качестве средства ведения войны». Слезоточивый газ, или, так называемый, перцовый спрей, к химическому оружию не относится (Комиссия приняла приложение, содержащее перечень названий запрещенных химических веществ). Использование таких методов санкционировано в правоохранительных целях для усиления действия закона, включая внутригосударственные законодательные акты по борьбе с беспорядками в стране (ст. II (9) (d)).

В отношении Турции постановление Комиссии вошло в силу 11 июня 1997 г.

18. Однако общепризнанно, что применение этого вещества может вызвать такие эффекты, как проблемы с дыханием, тошноту, рвоту, раздражение дыхательных путей, слезных каналов и глаз, спазмы, боли в груди, дерматит или аллергию. В сильных дозах он может вызвать отмирание тканей дыхательных органов и пищеварительного тракта, отек легких или внутреннее кровоизлияние (кровоизлияние надпочечников).

ПРАВО

I. ПРИЕМЛЕМОСТЬ

19. В свете доводов сторон Суд полагает, что данное заявление поднимает сложные вопросы закона и правоприменительной практики, которые требуют рассмотрения дела по существу; соответственно, оно может быть признано приемлемым.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

20. Заявительница в своей жалобе указала, что слезоточивый газ, известный как перцовый спрей, был применен для разгона группы демонстрантов, вызвав проблемы с их физическим состоянием, такие, как слезотечение и затрудненность дыхания. Ссылаясь на ст. 3 Конвенции, которая гласит:

«Никто не должен подвергаться пыткам, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

21. Правительство отметило, что газ использовался для разгона демонстрантов с соблюдением норм по сохранению здоровья людей и требований международных конвенций.

22. Заявительница оспорила заявление правительства.

23. Суд подчеркнул, что, в соответствии с действующим законодательством, чтобы подпасть под действие ст. 3 настоящей Конвенции, жестокое обращение должно достичь минимального уровня жестокости. Обращение с человеком считается негуманным, если, например, оно было предумышленным, применялось на протяжении многих часов и нанесло ущерб либо ослабление физического или умственного состояния. Более того, суд установит, был ли человек подвергнут унижительному обращению в рамках ст. 3 и, поскольку последствия наступили, был ли факт неблагоприятного воздействия на его или ее личность в степени, совместимой с требованиями ст. 3 (см. дело «Кудла против Польши» (*Kudla v. Poland*), жалоба №30210/96, п. 92, ECHR 2000-XI).

24. Суд исследует факты в свете укоренившегося превентивного судопроизводства (см. дела «Асенов и другие против Болгарии» (*Asenov and Others v. Bulgaria*), постановление от 28 октября 1998 г., отчеты августа 1998 г., с. 3288, п. 93, «Селмони против Франции» (*Selmoni v. France*), жалоба № 25803/94, п. 95, ECHR 1999-V, «Ранинен против Финляндии» (*Raninen v. Finland*), от 16 декабря 1997 г., Отчеты от августа 1997 г., с. 2821 – 2822, п. 55, «V. против Объединенного Королевства» (*V. v. the United Kingdom*), жалоба № 24888/94, п. 71, ECHR 1999-IX, «Чахал против Соединенного Королевства» (*Chahal v. the United Kingdom*), от 15 ноября 1996, Отчеты 1996-V, с. 1855, п. 79, «Клаас против Германии» (*Klaas v. Germany*), от 22 сентября 1993 г., Серия А № 269, с. 17, 18, п. 30, «Лабита против Италии» (*Labita v. Italy*), жалоба № 26772/95, п. 120, ECHR 1999-IV).

25. Прежде всего, Суд исследует вопрос применения перцового спрея. Он отмечает, что этот газ, использующийся в некоторых государствах Совета Европы для того, чтобы держать демонстрации под контролем или применять его в тех случаях, когда они становятся неуправляемыми, не относится к токсичным газам, перечисленным в приложении к Конвенции CWC. Однако он отмечает, что применение этого газа может вызвать побочные эффекты, такие, как проблемы с дыханием, тошноту, рвоту, раздражение органов дыхания, слезных каналов и глаз, спазмы, боль в груди, дерматит или аллергию (см. выше – п. 18).

26. Однако Суд констатирует, что заявительница не представила никаких медицинских отчетов для доказательства вредного воздействия на нее данного газа. Заявительница, будучи освобождена вскоре после того, как была задержана, также не обратилась за медицинским обследованием (см. «*Киличгедик против Турции*», жалоба № 55982/00, 1 июня 2004 г.). В кратце, нет ни малейшего свидетельства о том, что ее заявление о жестоком обращении противоречит ст. 3 Конвенции.

27. Поэтому Суд придерживается мнения, что нарушение ст. 3 Конвенции не имело места.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 11 КОНВЕНЦИИ

28. Заявительница обратилась с жалобой на ограничение ее права на свободу выражения мнения и свободу собраний, выразившееся в том, что <...> демонстрация и выступление с заявлением для прессы были фактически запрещены полицией.

Суд отмечает, что в этом частичном решении о приемлемости данной жалобы он заявляет намерение исследовать жалобу в рамках ст. 11 Конвенции, соответствующая часть которой гласит:

«1. Каждый имеет право на свободу мирных собраний и на свободу объединения с другими.

2. Осуществление этих прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц».

29. Правительство заявило, что митинг, по существу, был проведен незаконно в том смысле, что в соответствующий орган власти не было подано предварительное уведомление на его проведение.

30. Вначале Суд заметил, что не подлежит обсуждению вопрос, можно или нет вмешиваться в право заявителя на мирное собрание. Такое вмешательство имеет под собой законную основу, а именно: раздел 22 Акта о собраниях и шествиях (Закон № 2911), и, таким образом, «предусмотрено законом» в рамках ст. 11 п. 2 Конвенции. Но остается вопрос, преследовало ли это вмешательство законную цель и было ли оно необходимо ли в демократическом обществе.

1. Законная цель

31. Правительство заявило, что это вмешательство имело под собой законные цели, включая предотвращение беспорядков и защиту прав других лиц.

32. Суд полагает, что оспариваемая мера может быть расценена как преследовавшая, по крайней мере, две законные цели – предотвращение нарушения общественного порядка и защиту прав других лиц, особенно права свободно, без ограничений, передвигаться в общественном месте.

2. «Необходимо в демократическом обществе»

33. С точки зрения правительства, заявительница принимала участие в демонстрации, проводимой на площади без предварительного уведомления, и тем самым противоречащей государственному законодательству. Правительство также отметило, что вместе с другими демонстрантами заявительница не подчинилась приказу разойтись. При таких обстоятельствах и, принимая во внимание высокий уровень требований по отношению к государственной власти в этой сфере, правительство сочло, что риск возникновения беспорядков, которые могли бы угрожать гражданам, находившимся в парке в оживленное время дня, и сопротивление демонстрантов, по существу, дали законные основания к разгону собравшихся. По мнению правительства, вмешательство полиции было необходимой мерой в рамках п. 2 ст. 11 Конвенции.

34. Заявительница отметила, что полиция вмешалась в ход акции, не подождав, когда будет зачитано публичное заявление, под предлогом того, что митинг нарушал общественный порядок.

35. Суд, в первую очередь, ссылается на фундаментальные принципы, лежащие в основе его постановлений в соответствии со ст. 11 (см. «Джавит Ан против Турции» (*Djavit An v. Turkey*), № 20652/92, пп. 56, 57, ЕCHR 2003-III, «Пьермон против Франции» (*Piermont v. France*), от 27 апреля 1995 г., Серия А, № 314, пп. 76, 77, «Платформа «Врачи за жизнь» против Австрии» (*Plattform «Arzte fur das Leben» v. Austria*), от 21 июня 1988 г., Серия А, № 139, с. 12).

36. Суд также отмечает, что государственные власти не должны защищать только лишь право мирно собираться – они также должны воздержаться от беспричинных косвенных ограничений в отношении этого права. Наконец, суд считает, что, хотя основным предметом ст. 11 является защита гражданина от произвольного вмешательства властей в процессе реализации защищаемых прав, помимо этого, должны быть соблюдены обязательства по эффективному осуществлению этих прав (см. выше: «Джавит Ан против Турции», п. 57).

37. Прежде всего, Суд полагает, что данные принципы также приложимы к вопросу о демонстрациях и шествиях, организуемых в общественных местах. Он, однако, обращает внимание на то, что не противоречит духу ст. 11 то обстоятельство, что в целях защиты

общественного порядка и национальной безопасности высокая договаривающаяся сторона требует, чтобы проведение митингов было предметом администрирования, и регламентирует деятельность ассоциаций (см. выше «Джавит Ан против Турции», §§ 66 67).

38. Защищая государственное законодательство, Суд констатирует, что для проведения демонстраций никакого администрирования не требуется. В период работы с материалами, однако, установлено требование, чтобы заявка о предстоящем митинге была подана за 72 часа до его начала. В общем и целом, правила подобного рода, не должны представлять собой препятствие на пути к осуществлению свободы мирных собраний, поскольку это запрещено Конвенцией. Само собой разумеется, что любая демонстрация, проводимая в общественном месте, до определенной степени может вызвать нарушение общественного порядка и столкновения с элементами враждебности. Учитывая это, важно, чтобы ассоциации и другие лица, организующие демонстрации, являясь действующими лицами демократического процесса, уважали правила, регулирующие данный процесс, соблюдая действующие нормы и положения.

39. Суд полагает, что при отсутствии предварительного уведомления демонстрация была незаконной, – факт, который заявительница не оспаривает. Однако он отмечает, что незаконность демонстрации не оправдывает ограничения свободы собраний (см. «Сиссе против Франции» (*Cisse v. France*), жалоба № 51346/99, п 50, ECHR 2002-III). В настоящем деле, однако, уведомление могло бы побудить власти свести к минимуму нарушение общественного порядка путем воспрепятствования движению транспорта, которое демонстрация могла вызвать в «час пик». По мнению Суда, для того чтобы обеспечить нормальное проведение демонстрации в любой момент – будь то митинг или какое-либо другое собрание граждан, политического, культурного или иного характера, – важно предпринять превентивные меры по соблюдению безопасности, такие, например, как присутствие в местах проведения демонстраций служб оказания первой помощи.

40. Из свидетельских показаний, данных в ходе судебного заседания, явствует, что группу демонстрантов несколько раз проинформировали о том, что их шествие является незаконным и может вызвать нарушение общественного порядка в оживленное время дня, и что демонстрантам было приказано разойтись. Заявительница и другие демонстранты не подчинились приказам сил безопасности и попытались пройти.

41. Тем не менее, отсутствует свидетельство того, что рассматриваемая группа представляла опасность для общественного порядка. Она находилась вдалеке от мест, где возможно воспрепятствование

движению транспорта. Группа состояла из 50 человек, которые хотели привлечь внимание общественности к местной проблеме. Суд констатирует, что акция началась около полудня и закончилась задержанием группы демонстрантов через полчаса после ее начала. Мероприятие было разогнано отчасти из-за проявлений нетерпимости со стороны властей, желающих как можно скорее завершить проведение демонстрации, организованной под эгидой Ассоциации по правам человека.

42. С точки зрения Суда, там, где демонстранты не вовлечены в акты насилия, важно, чтобы власти в определенной степени проявляли толерантность по отношению к мирным собраниям граждан, если свобода собраний, гарантируемая в ст. 11 Конвенции, не лишена своей сути.

43. Суд полагает, что в настоящем деле силовое вмешательство полиции было диспропорциональным и не являлось необходимым для предотвращения нарушения общественного порядка в рамках ст. 11 Конвенции.

44. Соответственно, имело место нарушение этой нормы.

IV. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

45. Ст. 41

Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне.

А. Нанесенный вред

46. Заявительница потребовала 1190,83 евро в качестве возмещения вреда, нанесенного за невозможность выполнять свою работу в день проведения демонстрации и 20 000 евро в возмещение неучитываемого в финансовом измерении вреда который, по ее утверждению, был причинен.

47. Правительство опротестовало эти суммы.

48. Суд не находит причинной связи между установленным нарушением и заявленным финансовым ущербом. Он полагает, что заявительница в достаточной мере получила компенсацию в результате признания нарушения ст. 11 Конвенции.

В. Затраты и издержки

49. Заявительница также потребовала 8051,77 евро в качестве возмещения судебных издержек.

50. Правительство сочло эту сумму завышенной.

51. В соответствии с законодательством, которое практикуется Судом, возмещение издержек может быть осуществлено лишь настолько, насколько они были в действительности и в необходимой мере понесены заявителем, а также те, которые поддаются подсчету (см. «*Николова против Болгарии*» (*Nikolova v. Bulgaria*), № 31195/96, п. 79, ECHR 1999-II).

С. Пеня

52. Суд полагает приемлемым, что начисление пени должно основываться на предельном (имеющем наименьшее значение) ссудном проценте Европейского Центрального Банка, к которому должны добавляться три процентных пункта.

НА ОСНОВАНИИ ЭТОГО, СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1. признает в данной части иск приемлемым;
2. полагает, что не имело место нарушение ст. 3 Конвенции;
3. полагает, что имело место нарушение ст. 11 Конвенции;
4. полагает, что данное нарушение, как таковое, предполагает достаточно справедливым удовлетворение понесенного заявителем вреда, не выраженного в денежных суммах;

5. полагает, что:

а) в соответствии со ст. 44 п. 2 Конвенции государство-ответчик в течение трех месяцев со дня окончательного постановления Суда обязано выплатить заявительнице 1000 евро (одну тысячу евро) в качестве компенсации затрат и издержек плюс любой налог, которым может быть обложена эта сумма для дальнейшего конвертирования в новые турецкие лиры по курсу, существующему на дату расчета;

б) по истечении вышеупомянутого трехмесячного срока должен быть выплачен простой процент (исчисляемый от вышеуказанной суммы по предельному курсу, равному предельному – имеющему наименьшее значение – Европейского Центрального Банка);

6. суд оставляет другие требования заявительницы без удовлетворения.

Записано на французском языке 5 декабря 2006 г., в соответствии с пп. 2, 3 ст. 77 Регламента Суда.

Ж.-П. Коста
Председатель

С. Найсмит
Секретарь

БАЧКОВСКИЙ И ДРУГИЕ ПРОТИВ ПОЛЬШИ BACZKOWSKI AND OTHERS v. POLAND

Жалоба № 1543/06

Постановление Суда
Страсбург

3 мая 2007 г.

Перевод с английского –
Нижегородский Правозащитный Союз

Уведомительная процедура § 83

Запреты мероприятий с неудобной тематикой
§ 98, 100

Проблемы обеспечения безопасности участников
акций со стороны правоохранительных органов
§ 96

Дискриминация при реализации права
§ 96, 98, 100, 95, 80

Идеалы и ценности демократического общества
§ 99, 61

Запреты на проведение публичных мероприятий
§ 67, 68

Контрдемонстрации § 96

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ СУТИ ДЕЛА

Заявитель, группа граждан и Фонд равенства, хотели провести в Варшаве в рамках Дней равенства 10-12 июня 2005 г. марш с целью привлечения внимания общественности к проблеме дискриминации меньшинств – сексуальной, национальной, этнической и религиозной – а также к дискриминации женщин и инвалидов. Организаторы обратились в Управление дорожного движения городской администрации за разрешением на организацию марша. В проведении марша было отказано со ссылкой на непредставление организаторами «плана организации движения».

Уже после начала процесса получения разрешения было опубликовано интервью с мэром, в котором он заявил, что откажет в разрешении на проведение собраний с тематикой в защиту секс-меньшинств.

Несмотря на решение об отказе, марш состоялся при участии приблизительно 3000 человек и под охраной полиции.

Одновременно заявители уведомили мэра Варшавы о проведении нескольких митингов на семи различных площадях Варшавы с протестами против дискриминации различных меньшинств. Мэр отдал распоряжения, запрещающие проведение митингов, организуемых Бачковским и другими. В своем распоряжении, мэр упомянул, что ми-

тинги должны организовываться в стороне от дорог, а к шествиям применяются более строгие правила. Кроме того, в разрешении было также отказано под предлогом избежания возможных столкновений между участниками демонстраций с контртребованиями. При этом власти разрешили три акции, в теме которых значилась только дискриминация женщин, а также шесть мероприятий других организаторов с темами «За ужесточение мер против лиц, обвиненных в педофилии», «Против усыновления детей гомосексуальными парами» и т.д.

Заявители обратились в кассационную палату местного органа власти с жалобой против решения об отказе в разрешении на проведение марша. В ней указывалось, что требование о предоставлении «плана организации движения» не имеет законного основания, и что от заявителей никогда не требовалось предоставление такого документа вплоть до даты отказа. В удовлетворении жалобы было отказано.

Суд придерживается мнения, что имело место нарушение статей 13, 14 в соединении со статьей 11 Конвенции.

Суд подчеркивает, что решения, о которых идет речь, принимались муниципальными властями, действующими от имени мэра, после того, как он сообщил публике свое мнение об осуществлении свободы собраний и о «пропаганде гомосексуализма». Точка зрения мэра могла повлиять на решение муниципальных властей.

Осуществляя свободу выражения мнения, избранные политические деятели, которые в то же самое время находятся на государственных должностях исполнительной ветви власти, обязаны демонстрировать сдержанность, принимая во внимание, что их взгляды могут быть расценены как указания государственным служащим, чьи рабочие места и карьеры зависят от их одобрения.

По делу «Бачковский и другие против Польши», Европейский Суд по правам человека (Четвертая секция), заседая Палатой в составе:

Н. Братца (*N. Bratza*), *Председатель*,
Ж. Касадеваль (*J. Casadevall*),
С. Павловский (*S. Pavlovski*),
Л. Гарлицкий (*L. Garlicski*),
Л. Мийович (*L. Mijovich*),

Я. Сикута (*J. Sikuta*),
П. Хирвел (*P. Hirvell*), судей
а также Т.-Л. Эрли (*T.-L. Erli*), Секретарь,

проведя 3 апреля 2007 г. закрытое заседание, вынес следующее постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано на основании жалобы № 1543/06, поданной 16 декабря 2005 г. Томашом Бачковским, Робертом Бидроном, Кржиштофом Клижцинским, Ингой Костржевой, Томашом Жипула и Фондом равенства (далее – «заявители») в Европейский Суд по правам человека против Республики Польша, в соответствии со ст. 34 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – «Конвенция»).

2. Заявители пожелали участвовать в разбирательстве и назначили своим представителем в Суде профессора Збигнева Хольда, юриста из Варшавы.

3. Власти Польши (далее – «Правительство») были представлены Якубом Волашевичем, представителем Министерства иностранных дел Польши.

4. Заявители жаловались на то, что их право на проведение мирного собрания было нарушено с использованием методов, при осуществлении которых национальные власти опирались на национальную правовую норму, распространенную на данное мероприятие. Они утверждали, что в их распоряжении не было какой-либо процедуры, которая позволяла бы им получить окончательное решение до даты проведения запланированных митингов. Они также жаловались на то, что к ним были применены дискриминационные меры, которые выразились в том, что им было отказано в разрешении организовать митинги, тогда как другие лица получили такие разрешения.

5. Своим постановлением от 5 декабря 2006 г., Суд признал жалобу приемлемой для рассмотрения по существу. Суд также принял решение о включении предварительных возражений властей в материалы дела при рассмотрении жалобы по существу.

6. Заявители представили свои письменные замечания по существу дела (п. 1 ст. 59 Регламента Суда).

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

1. Подготовка митингов

7. Заявители, группа граждан и Фонд равенства (членом исполнительного комитета которого также является первый заявитель, уполномоченный действовать от его имени в этом деле), хотели провести в рамках Дней равенства, акции, организованные Фондом и запланированные на 10-12 июня 2005 г., митинги и марш в Варшаве с целью привлечения внимания общественности к проблеме дискриминации меньшинств – сексуальных, национальных, этнических и религиозных – а также к проблеме дискриминации женщин и инвалидов.

8. 10 мая 2005 г. у организаторов состоялась встреча с директором Управления по вопросам безопасности и контроля в чрезвычайных ситуациях городской администрации Варшавы. На встрече была достигнута предварительная договоренность о маршруте запланированного марша.

9. 11 мая 2005 г. Бачковский получил указание от муниципального совета при мэре Варшавы о «требованиях, которые организаторы публичных собраний должны выполнить в соответствии с Законом о дорожном движении», если собрание будет расцениваться как «происшествие» по смыслу значения ст. 65 этого закона.

10. 12 мая 2005 г. организаторы обратились в Управление дорожного движения городской администрации за разрешением на организацию марша, маршрут которого будет пролегать от зданий Парламента (Сейма) к площади Дефилад, традиционному месту проведения собраний в центре Варшавы.

11. 3 июня 2005 г. начальник Управления дорожного движения, действующий от имени мэра Варшавы, отказался от выдачи разрешения на марш, сославшись на непредставление организаторами «плана организации движения», необходимого по смыслу значения ст. 65(а) закона о Дорожном движении, который им, как утверждалось, было указано представить.

12. В тот же день заявители уведомили мэра Варшавы о проведении стационарных митингов (без шествий), которые они намеревались провести 12 июня 2005 г. на семи различных площадях Варшавы. Четыре таких митинга имели целью выразить протест против дискриминации различных меньшинств и поддержку действий

групп и организаций, выступающих против дискриминации. Три других запланированных митинга должны были быть направлены против дискриминации женщин.

13. 9 июня 2005 г. мэр отдал распоряжения, запрещающие проведение стационарных митингов, организуемых Бачковским, Бидроном, Клижцинским, Костржевой, Жипула и еще одним лицом N (не являющимся заявителем), которое принимает активное участие в деятельности различных некоммерческих организаций, действующих в защиту интересов лиц гомосексуальной ориентации. В своем распоряжении, мэр привел такой аргумент, что митинги, организуемые в соответствии с положениями Закона о собраниях 1990 г., должны проводиться в стороне от дорог, используемых для движения транспорта. В случае использования дорог для их проведения, применяются иные правила, предполагающие более строгие требования. Организаторы хотели использовать автомобили с громкоговорителями. Они не указали, где и как эти автомобили будут припаркованы во время митингов, чтобы не препятствовать движению, и как будут организованы маршруты людей и этих автомобилей между местами проведения митингов.

14. Кроме того, поскольку на этот день было подано много других уведомлений о проведении митингов, противоположных по смыслу, идеям и целям заявителей, в согласовании им было отказано под предлогом избежания любых возможных насильственных столкновений между участниками различных демонстраций.

15. В этот же день муниципальные власти, действующие от имени мэра, согласовали проведение трех запланированных заявителями митингов против дискриминации женщин.

16. В этот же день те же власти согласовали проведение шести других демонстраций на 12 июня 2005 г. Темы этих собраний были следующими: «За ужесточение мер ответственности для лиц, обвиненных в педофилии», «Против любых попыток нормотворческой деятельности в связи с законом о товариществах», «Против пропаганды товариществ», «Воспитание христианских ценностей – гарантия морального общества», «Христиане, почитающие законы Бога и природы – граждане первого разряда», «Против усыновления детей гомосексуальными парами».

2. Митинги 11 июня 2005 г.

17. 11 июня 2005 г., несмотря на решение, принятое 3 июня 2005 г., марш состоялся. Он проходил по маршруту, запланированному в первоначальном запросе от 12 мая 2006 г. Марш, в котором приняло участие приблизительно 3000 человек, охраняла полиция.

18. Кроме этого марша, в этот же день были проведены девять стационарных митингов, согласованных мэром 9 июня 2005 г. (см. *пп. 15-16 выше*).

3. Рассмотрение дела в кассационной инстанции

а) Марш

19. 28 июня 2005 г. Фонд заявителя обратился в кассационную палату местного органа власти с жалобой на решение от 3 июня 2005 г. об отказе в разрешении на проведение марша. В ней указывалось, что требование о предоставлении «плана организации движения» не имеет законного основания, и что от заявителей никогда не требовалось предоставление такого документа вплоть до даты отказа. Также утверждалось, что такое решение образует непредусмотренное ограничение свободы проведения собраний, и что такое решение было продиктовано идеологическими причинами, несовместимыми с принципами демократии.

20. 22 августа 2005 г. кассационная палата отменила оспариваемое решение, постановив, что оно было незаконным. Кассационная палата отметила, что по действующим положениям административного кодекса, власти были обязаны гарантировать, чтобы у сторон, участвующих в административном производстве, имелась возможность эффективного участия в нем. В деле заявителя это обязательство не было соблюдено, в досье дела не оказалось никакого доказательства, которое указывало бы на то, что Фонду заявителя было разъяснено его процедурное право иметь доступ к досье дела.

Далее в постановлении кассационной палаты указывается:

«В письменных основаниях на обжалуемое решение, власти первой инстанции ссылаются на то обстоятельство, что план организации движения не должен находиться в досье дела. В соответствии с п. 3 (9) ч. 65 (а), организатор демонстрации обязан разработать совместно с полицией, такой проект, если он или она обязаны так действовать по распоряжению властей. Однако, в досье дела содержится только упоминание о том, что организаторы были обязаны представить такой проект. <...> В документе о порядке получения разрешения для организации мероприятия, который был направлен организаторам, также не содержится информация о таком обязательстве.

С учетом того, что запрос организаторов касался марша, который должен был состояться 11 июня 2005 г., а также, принимая во внимание обстоятельство, кассационная жалоба была получена кассационной инстанцией [вместе с досье дела] 28 июня 2005 г., производство по делу в указанную дату оказалось лишенным смысла».

б) Митинги

21. 10 июня 2005 г. заявители направили жалобу губернатору области Мазовия в отношении отказов мэра от 9 июня 2005 г. в согласовании шести из восьми запланированных митингов. Они

утверждали, что запрещение митингов нарушает их право на свободу собраний, гарантируемое Конституцией, и что митинги носят полностью мирный характер. Они заявляли, что эти собрания не создавали никакой угрозы общественному порядку или нравственности. Заявители оспаривали довод, на который имелась ссылка в решении, что они были обязаны предоставить документ о запланированном маршруте между местами, где должны были состояться митинги, и утверждали, что они намеревались организовать только стационарные митинги, без какого-либо перемещения людей между местами их проведения, и что они не должны нести ответственность за какую-либо организацию или контроль такого перемещения.

22. 17 июня 2005 г. губернатор области Мазовия вынес шесть идентичных постановлений, в которых он аннулировал оспариваемые отказы в согласовании митингов, принятые 9 июня 2005 г.

Во-первых, было подчеркнуто, что эти решения нарушают закон, в котором сторонам были направлены только копии решений, а не оригиналы, как это требуется по закону об административном производстве. Во-вторых, было подчеркнуто, что мэр информировал средства массовой информации о своих решениях до того, как они были направлены заявителям, что явно находится в противоречии с принципами административного производства.

23. Далее было подчеркнуто, что Закон о собраниях 1990 г. гарантирует свободу собраний, как в отношении организации собраний, так и участия в них. Конституция ясно гарантирует свободу собраний, а не право. Обязанность государства состоит не в предоставлении права на собрание; его обязанности ограничиваются обеспечением того, чтобы собрания проводились без нарушения общественного порядка. В этом смысле реализация права не предусматривает получение какого-либо разрешения на проведение собрания.

24. Губернатор отметил, что требование о предоставлении разрешения на занятие части дороги со ссылкой на положения Закона о дорожном движении не имеет законного основания согласно положениям Закона о собраниях. Мэр посчитал, что демонстрация займет часть дороги, но не предпринял никаких мер для разъяснений, было ли это действительно намерением организаторов, при том, что он был обязан сделать это по закону.

Далее подчеркивалось, что решение о запрещении собрания должно расцениваться как крайняя мера, поскольку это радикально ограничивает свободу самовыражения. Принцип пропорциональности требует, чтобы любое ограничение свобод, защищенных Конституцией, разрешался только тогда, когда это продиктовано конкретными обстоятельствами в особом случае.

25. Губернатор отметил в связи с этим, что уверенность мэра в наличии угрозы насилия между акциями, организуемыми заявителями, и демонстрациями их противников, запланированными в один день, не заслуживает моральной поддержки. Это было бы адекватно признанию администрацией намерений организаций, которые явно и умышленно намеревались нарушить общественный порядок, в то время как основной задачей государственных органов власти должна быть защита свободы самовыражения, гарантированной Законом о собраниях.

26. Далее Губернатор прекратил рассмотрение дела, поскольку это было лишено смысла в отношении собраний, которые должны были состояться 11 июня 2005 г.

4. Перевод интервью с мэром Варшавы, которое было опубликовано в «Gazeta Wyborcza» 20 мая 2005 г.:

27. Корреспондент Е.Сидлека (*E. Siedlecka*): Закон о собраниях гласит, что свобода собраний может быть ограничена только в том случае, если демонстрация может повлечь за собой опасность для жизни и здоровья людей, или создать серьезную опасность имущественным интересам. Есть ли в запросе организаторов марша нечто, что могло бы указывать, что такая опасность присутствует?

Мэр Варшавы: я не знаю, я не читал запрос. Но я запрещаю эту демонстрацию, независимо от того, что они там написали. Я не за дискриминацию на основании сексуальной ориентации, например, путем разрушения профессиональной карьеры людей. Но никакой публичной пропаганды гомосексуализма не будет.

Корр.: Но то, что вы делаете в этом случае, точно дискриминация: Вы лишаете людей возможности пользоваться своими свободами только потому, что у них определенная сексуальная ориентация.

Мэр: я не запрещаю им участвовать в демонстрации, если они хотят это делать как граждане, а не как гомосексуалисты.

Корр.: Все, кажется, идет к тому, что, как в прошлом году, губернатор отменит Ваш запрет. А если организаторы обратятся в административный суд, то они победят, поскольку превентивные ограничения свободы собраний являются незаконными. Но кассационное производство продлится некоторое время и дата, на которую намечен марш, пройдет. Вы именно этого хотите?

Мэр: Мы посмотрим, победят они или проиграют. Я не позволю убедить себя дать разрешение на подобную демонстрацию.

Корр.: А разве правильно, что реализация конституционных прав людей зависит от представлений власть имущих?

Мэр: По моему мнению, пропаганда гомосексуализма не является адекватной реализации чьего-либо права на свободу собраний».

II. НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАВОПРИ- МЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

1. Применимые положения Конституции.

28. Ст. 57

«Каждому должна быть обеспечена свобода организации мирных собраний и участия в таких собраниях. Ограничения на эти свободы могут быть установлены соответствующим законом».

29. П. 1 Ст. 79

«В соответствии с принципами, определенными в законе, каждый, чьи конституционные свободы или права были нарушены, имеет право обратиться в Конституционный Суд для принятия постановления о соответствии Конституции закона или иного нормативного акта, на основании которого суд или административный орган власти должен принять окончательное решение о его свободах, правах или о его обязанностях, указанных в Конституции».

30. Ст. 190

«1. Постановления Конституционного Суда являются окончательными и имеющими обязательную силу во всех случаях.

2. Постановления Конституционного Суда <...> должны публиковаться без задержки.

3. Постановление Конституционного Суда вступает в силу со дня его опубликования; вместе с тем, Конституционный Суд может определить другую дату прекращения обязательного действия нормативного акта. Такой срок не может превышать 18 месяцев в отношении закона или 12 месяцев в отношении любого другого нормативного акта <...>».

2. Закон о собраниях

31. В соответствии с ч. 1 Закона о собраниях 1990 г., каждый имеет право на свободу проведения мирного собрания. Собрание не менее пятнадцати человек, созванных для участия в общественных дебатах или выражения мнения по данной проблеме, считается собранием по смыслу закона.

32. В соответствии с ч. 2, свобода собраний может быть ограничена только в соответствии с законами и в случае, когда это необходимо для защиты национальной безопасности или общественной безопасности, для защиты здоровья или нравственности или для защиты прав и свобод других лиц.

33. Все решения, касающиеся осуществления свободы собраний, принимаются муниципалитетами по месту проведения собрания. Эти решения могут быть обжалованы у губернатора.

34. В соответствии с ч. 3 закона, муниципалитет должен быть проинформирован организаторами о намерении проведения публичного мероприятия, организуемого под открытым небом для

неопределенного числа участников. В соответствии с ч. 7, такая информация должна быть представлена в муниципалитет не ранее тридцати дней до запланированной даты демонстрации и не позже трех дней до ее проведения. Такая информация должна содержать фамилии (названия организаций) и адреса организаторов, цель и программу демонстрации, место, дату и время ее проведения, а также информацию о маршруте, если демонстрация предусматривает движение из одного места в другое.

35. В соответствии с ч. 8, муниципалитет может отказать в разрешении на проведение демонстрации, если ее цель идет в нарушение самого Закона или положений Уголовного кодекса, или если демонстрация может повлечь за собой опасность для жизни или здоровья людей, или создать серьезную опасность имущественным интересам.

36. Отказ первой инстанции в выдаче разрешения на проведение демонстрации должен вручаться организаторам в течение трех дней с даты, в которую было подано соответствующее уведомление, и не позднее трех дней до запланированной даты проведения демонстрации. Апелляционная жалоба на такой отказ должна быть подана в течение трех дней с даты его получения. Подача апелляции не имеет приостанавливающей юридической силы на отказ в согласовании проведения демонстрации.

37. Решение, принятое апелляционной инстанцией, должно быть вручено организаторам в течение трех дней с даты, в которую была представлена апелляционная жалоба.

3. Закон о дорожном движении

38. В соответствии с ч. 65 Закона о дорожном движении 1997 г., с поправками 2003 г., организаторы спортивных мероприятий, соревнований, собраний и иных мероприятий, которые могут затруднять дорожное движение, обязаны получить разрешение для организации таких мероприятий.

39. В соответствии с ч. 65, рассматриваемой вместе с ч. 65(а) Закона, организаторы таких мероприятий обязаны выполнить различные административные требования, указанные в перечне, приведенном в этой ст. и состоящем из девятнадцати пунктов, включая обязательство о представлении властям плана организации движения.

40. Эти положения были аннулированы постановлением Конституционного Суда, указанным ниже.

4. Постановление Конституционного Суда от 18 января 2006 г.

41. В своем постановлении от 18 января 2006 г. Конституционный Суд рассмотрел запрос, представленный в Суд уполномоченным по рассмотрению жалоб, для определения соответствия положениям Конституции требований, установленных для организаторов общественных мероприятий положениями Закона о дорожном движении, в той мере, в какой они посягают на свободу собраний, утверждая, что они чрезмерно ограничивают эту свободу.

42. Конституционный Суд отметил, что существо конституционной проблемы заключается в том, соответствуют ли требования, установленные ч. 65 Закона, свободе выражения, сформулированной в Конституции, и развитой в Законе о собраниях. Было отмечено, что Закон о собраниях 1990 г. был основан на констатации факта, что осуществление этой свободы не требует каких-либо разрешений или лицензий, выдаваемых государством. Поскольку это свобода, государство обязано воздержаться от препятствий в реализации этого права и гарантировать, чтобы этим правом обладали различные группы, несмотря на то, что их взгляды могут не разделяться большинством.

43. Соответственно, Закон о собраниях предусматривает систему, основанную ни на чем ином, как на уведомлении о проводимом собрании.

Конституционный Суд отметил, что впоследствии законодательный орган, принимая Закон о дорожном движении, включил различные административные требования, которые были трудно выполнимы по процедуре, предусмотренной для организации спортивных мероприятий, соревнований и собраний, заменяя, таким образом, уведомительную систему системой, основанной на разрешении. При этом, законодательный орган приравнял собрания в рамках значения Закона о собраниях к мероприятиям коммерческого характера или организованным в развлекательных целях. Такой подход является несовместимым с особым положением, которое свобода выражения занимает в демократическом обществе; он делает недействительным особое место, которое собрания занимают в юридической системе по Конституции и Закону о собраниях. Суд также обратил внимание на факт, что список требований, установленных Законом о дорожном движении, содержит девятнадцать различных административных требований. Ограничения на свободу собраний, установленные этим законом, идут в разрез с требованием пропорциональности, применяемым ко всем ограничениям, налагаемым на права, которые гарантируются в соответствии с Конституцией.

44. Суд заключил, что ч. 65 Закона о дорожном движении несовместима с Конституцией, в той части, что относится к собраниям.

ПРАВО

I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВОЗРАЖЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА

A. Могут ли заявители утверждать, что имеют статус жертв?

45. В предварительных заявлениях Правительство утверждало, что заявители не могут считаться жертвами нарушения Конвенции по смыслу значения ст. 34. Это вытекает из письменных обоснований административных решений второй инстанции, т.к. апелляционный орган полностью разделил доводы заявителей и полностью аннулировал оспариваемые решения. Губернатор, в своем решении от 17 июня 2005 г. (*см. п. 22 выше*), даже пошел далее. В своем решении он подчеркнул, что запрещение собрания по причине угрозы насилия между участниками одной демонстрации над участниками другой демонстрации будет адекватно признанию факта, что власти подтверждают намерения организаций, которые умышленно намереваются нарушить общественный порядок. Аннулировав оспариваемые решения, апелляционная инстанция заявила, что ее решение было принято с учетом права заявителей на свободу собраний. Поскольку, в конечном счете, указанные решения были признаны необоснованными, заявители не могут рассматриваться как имеющие статус жертв.

46. Власти придерживались точки зрения, что поскольку заявители не утверждали, что они понесли какой-либо ущерб материального или нематериального характера, у национальных властей не было обязательства предложить им какое-либо возмещение. Решение или мера, удовлетворяющая заявителя, была в принципе недостаточной, чтобы лишить его статуса «жертвы», пока национальные власти не признали, явно или в материальной форме, а затем не предоставили возмещение за нарушение Конвенции (*дело «Экле против Германии» (Eckle v. Germany), от 15 июля 1982 г., серия А, № 51, п. 66*).

47. Заявители утверждали, что доказательства, на которые ссылаются власти, дело Экле против Германии, имеют небольшую значимость для рассматриваемого дела. Они повторили, что это соответствует только случаю, когда при кумулятивном удовлетворении этих двух условий, субсидиарный характер защитного механизма Конвенции препятствует рассмотрению жалобы (*см. дело «Скордино против Италии» (Scordino v. Italy), жалоба № 36813/97 от 27 марта 2003 г.*). В их деле, нельзя сказать, что эти два условия были удовлетворены. Ни по одному нарушению Конвенции, предполагаемому в их жалобе, на национальном уровне никакое возмещение никогда не предоставлялось.

48. Суд повторяет при рассмотрении дела по существу, как и при вынесении решения о приемлемости жалобы, что заявители могут считаться жертвами нарушения их прав (см. п. 5 выше). Суд подтверждает свой подход.

В. Исчерпание национальных средств правовой защиты

49. Власти утверждали, что в распоряжении заявителей имелись процедуры, способные обеспечить правовую защиту предполагаемого нарушения их свободы собраний. В ч. 7 Закона о собраниях предусмотрены сроки, которые должны соблюдаться лицами, желающими организовать собрание в соответствии с требованиями этого Закона. Уведомление о проведении собрания должно быть представлено в муниципалитет не ранее тридцати дней до запланированной даты демонстрации и не позднее трех дней до проведения мероприятия.

50. Если заявители считали, что те положения, на основании которых в их случае были приняты решения национальными властями, были несовместимы с Конституцией, у них были возможности оспорить эти положения, направив жалобу в Конституционный Суд Польши, в порядке, предусмотренном ст. 79 Конституции. Таким образом, заявители могли добиться цели, которой они стремятся добиться в Европейском Суде, а именно, оценки того, нарушают ли в этом деле оспариваемые регламенты их права, гарантированные Конвенцией.

51. Правительство напомнило, что Суд согласился с тем, что жалоба в Конституционный Суд Польши могла быть признана в качестве эффективного средства правовой защиты, если было принято индивидуальное решение, которое предположительно нарушило Конвенцию, по прямой жалобе на неконституционные положения национального законодательства (*дело «Шотт-Медынска против Польши» (Szott-Medyńska v. Poland)*, жалоба № 47414/99 от 9 октября 2003 г.). Правительство пришло к выводу, что заявители должны были прибегнуть к этому средству.

52. Заявители не согласились с таким утверждением. Они объяснили, что из-за определенного характера их дела, средство правовой защиты, которое оказалось неспособно предоставить им судебный или административный пересмотр запрещения на проведение их собраний до 11 июня 2005 г., не может расцениваться как эффективное. Поэтому, любой последующий пересмотр Конституционным Судом не отвечал бы никакой практической цели.

53. В любом случае, даже если признать, что пересмотр может иметь обратную силу, его можно было считать средством правовой защиты, которое можно было использовать в их деле, заявители придерживаются точки зрения, что оно было бы неэффективным также по другим причинам. Жалоба в Конституционный Суд по польскому законодательству является средством правовой защиты, разрешенным только тогда, когда существовала возможность просить о возобновлении первоначальных слушаний в свете благоприятного постановления Конституционного Суда. Это условие отдельно сделало бы это средство неэффективным, поскольку, ввиду определенного и конкретного характера возмещения, которого добиваются заявители, возобновление их дела было бы полностью лишеным практического смысла и являлось бы несвоевременным решением. Кроме того, аннулирование заключительных решений было бы бесполезным, поскольку решения от 3 и 9 июня 2005 г. уже были аннулированы Апелляционной палатой местного самоуправления и губернатором области Мазовия 22 августа и 17 июня 2005 г., соответственно.

54. Суд повторяет, что в своем решении о приемлемости, он присоединился к рассмотрению дела по существу, поскольку средства правовой защиты на национальном уровне были исчерпаны (*см. п. 5 выше*). Суд подтверждает свое отношение к проблеме исчерпания средств правовой защиты.

II. КОНКРЕТНЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

А. Предполагаемое нарушение статьи 11 Конвенции

55. Заявители жаловались, что их право на мирные собрания было нарушено путем применения национальными властями уместного национального закона к их случаю. Они сослались на ст. 11 Конвенции, которая гласит:

«1. Каждый имеет право на свободу мирных собраний и на свободу объединения с другими, включая право создавать профессиональные союзы и вступать в таковые для защиты своих интересов.

2. Осуществление этих прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц. Настоящая статья не препятствует введению законных ограничений на осуществление этих прав лицами, входящими в состав вооруженных сил, полиции или административных органов государства».

1. Аргументы сторон.

56. Правительство придерживается точки зрения, что не было никакого вмешательства в права заявителей, гарантированные ст. 11 Конвенции. Они ссылаются в данном случае на свои доводы в отношении статуса жертв заявителей (*см. пп. 45-48 выше*).

57. Правительство не оспаривает факт, что решения второй инстанции национальных властей были приняты после даты, на которую были запланированы собрания. Вместе с тем, заявители знали о сроках, предусмотренных действующим законодательством для подачи уведомлений о проведении собраний.

58. Заявители жаловались, что их право на проведение мирных собраний было нарушено путем применения национальными властями к их случаю соответствующего национального закона. Из самой буквы свободы собраний следует, что требования, которые налагаются законом на организаторов общественных собраний, должны быть ограничены до разумного минимума и должны носить технический характер.

59. Согласно Закону о собраниях 1990 г., власти могут запретить организацию собрания только в том случае, когда его цель находится в противоречии с положениями уголовного права, или когда это может повлечь за собой опасность для жизни и здоровья или угрозу существенного материального ущерба. С другой стороны, требования, которые могут быть установлены для организаторов собраний, если власти, классифицировали проводимое собрание как «проецирование» по Закону о дорожном движении, заходят очень далеко. Им недостает точности; решение о том, отвечают ли этим требованиям организаторы в полной мере, оставляется на усмотрение властей.

60. По мнению заявителей, в отказах мэра отсутствует правильная мотивация. Собрания, которые должны были состояться, имели мирный характер. Их целью было привлечение внимания общества к положению различных групп лиц, к которым предвзято относятся, в частности, к лицам с гомосексуальной ориентацией. Соответствующие уведомления требовали соблюдения очень ограниченных требований, установленных Законом о собраниях. В отношении Марша Равенства, отказ был мотивирован предполагаемым отказом заявителей представить проект организации движения, который власти никогда не требовали представлять до данного отказа. Эти собрания имели законные цели, и не было никаких особых оснований, например, серьезной опасности материального плана или угрозы жизни и здоровью людей, которые могли бы оправдать эти отказы.

2. Мнение Европейского Суда

61. Как неоднократно заявлялось в постановлениях Суда, демократия является основополагающим принципом устройства европейского общества, а Конвенция призвана развивать и поддерживать идеалы и ценности демократического общества. Демократия, подчеркнул Суд, является единственной политической моделью, предусмотренной Конвенцией и единственной моделью, совместимой с ней. Исходя из формулировки второго п. ст. 11, и аналогично стст. 8, 9, 10 Конвенции, единственной необходимостью, способной оправдать вмешательства в любые права, указанные в этих статьях, является обстоятельство, о котором можно утверждать, что оно возникло «из необходимости в демократическом обществе» (см. дело «Партия благоденствия [Refah Partisi] и другие против Турции» (*Refah Partisi (the Welfare Party) and Others v. Turkey*), жалобы № 41340/98, 41342/98, 41343/98 и 41344/98, пп. 86-89, ECHR 2003-II; дело «Христианская демократическая народная партия против Молдовы» (*Christian Democratic Peoples Party v. Moldova*), жалоба № 28793/02 от 14 мая 2006 г.).

62. В контексте ст. 11 Суд часто указывал на существенную роль, которую играют политические партии в обеспечении плюрализма и демократии; для надлежащего функционирования демократии также важны объединения, образованные в других целях. В основе плюрализма также лежит подлинное признание и уважение разнообразия и динамики культурных традиций, этнических и культурных тождеств, религиозных вероисповеданий, художественных, литературных и социально-экономических идей и концепций. Гармоничная взаимосвязь лиц и групп с различными тождествами является основополагающим фактором для достижения социального единства. Естественно там, где в гражданском обществе действуют здоровые силы, участие граждан в демократическом процессе в большей степени достигается через принадлежность к ассоциациям, в которых они могут объединяться друг с другом и вместе преследовать общие цели (см. дело «Горзеллик и другие против Польши» (*Gorzelik and Others v. Poland*), жалоба № 44158/98, § 92, от 17 февраля 2004 г.).

63. Что касается признаков «демократического общества», Суд подчеркнул особую важность плюрализма, толерантности и широты взглядов. В этом контексте, подчеркивается, что хотя личные интересы должны в определенных обстоятельствах быть подчинены групповым интересам, демократия вовсе не означает, что точка зрения большинства должна всегда преобладать: должно достигаться равновесие, которое гарантирует справедливое и правильное отношение к меньшинствам и избегает любого злоупотребления доминирующим положением (см. дела «Янг, Джеймс и Вебстер против

Великобритании» (*Young, James and Webster v. the United Kingdom*), 13 августа 1981 г., серия А, № 44, с. 25, п. 63, «Шассан и другие против Франции» (*Chassagnou and Others v. France*), № 25088/95 и 28443/95, ECHR1999-III, с. 65, п. 112).

64. В деле Информационного союза Лентия («Информационный союз Лентия и другие против Австрии» (*Informationsverein Lentia and Others v. Austria*), от 24 ноября 1993 г., серия А, № 276, с. 16, п. 38), Суд определил государство в качестве окончательного гаранта принципа плюрализма. Подлинное и эффективное уважение свободы объединений и собраний не может быть сокращено до простой обязанности невмешательства со стороны государства; просто отрицательная концепция была бы несовместимой как с целью ст. 11, так и с целью Конвенции в целом. Таким образом, должны быть положительные обязательства для обеспечения эффективного осуществления этих свобод (см. дела «Вильсон и Национальный союз журналистов и другие против Великобритании» (*Wilson & the National Union of Journalists and Others v. the United Kingdom*), № 30668/96, 30671/96 и 30678/96, п. 41, ECHR 2002-V, «Аурацио Токсо против Греции» (*Ouranio Toxo v. Greece*), № 74989/01, 20 октября 2005 г., п. 37). Это обязательство имеет особое значение для лиц, придерживающихся непопулярных точек зрения или принадлежащих к меньшинствам, потому что они более уязвимы к преследованиям и издевательствам.

65. Суд повторяет, что, согласно неизменному подходу органов Конвенции, слово «жертва» нарушения прав или свобод обозначает лицо, непосредственно затронутое действием или бездействием, которое подлежит обсуждению (см. дела «Марк против Бельгии» (*Marckx v. Belgium*), от 13 июня 1979 г., серия А № 31, п. 27, «Даджен против Великобритании» (*Dudgeon v. the United Kingdom*), от 22 октября 1981 г., серия А № 45, п. 41).

66. Обращаясь к обстоятельствам данного дела, Суд отмечает, что власти фактически запретили запланированный марш и шесть стационарных (без шествий) собраний. Власти апелляционной инстанции, в своих решениях от 17 июня и 22 августа 2005 г., отменили решения первой инстанции и критиковали ее за необоснованность и нарушение действующего законодательства. Эти решения были приняты после дат, на которые заявителями было запланировано проведение демонстраций.

67. Суд признает, что собрания были, в конечном счете, проведены в запланированные даты. Однако, заявители взяли на себя риск их проведения, несмотря на то, что официальное запрещение было тогда в силе. Собрания были проведены без презумпции за-

конности, такая презумпция составляет жизненноважный аспект эффективного и беспрепятственного осуществления свободы собраний и свободы выражения мнений. Суд отмечает, что отказы в согласовании, возможно, могли оказать запугивающее воздействие на заявителей и других участников собраний. Это, возможно, также отвратило других лиц от участия в собраниях по той причине, что они не были официально согласованы, и потому, что власти не будут обеспечивать никакой официальной защиты от возможных враждебных действий со стороны участников контрдемонстраций.

68. Поэтому Суд придерживается мнения, что когда собрания состоялись, заявители находились под негативным воздействием отказов в согласовании и разрешении. Суд отмечает, что доступные им средства правовой защиты не могли улучшить их положение, поскольку соответствующие решения были приняты апелляционной инстанцией после запланированной даты проведения митингов. Суд делает вывод, ссылаясь на ст. 13 Конвенции (*см. п. 84 ниже*), что имело место вмешательство в права заявителей, гарантируемых ст. 11 Конвенции.

69. Вмешательство образует состав нарушения ст. 11, если оно «не установлено законом», не преследует одну или несколько законных целей, согласно п 2, и не является «необходимым в демократическом обществе» для достижения этих целей.

70. В связи с этим, Суд отмечает, что 22 августа 2005 г. апелляционная палата местного органа власти установила, что решение от 3 июня 2005 г. является незаконным (*см. п. 20 выше*). Аналогичным образом, 17 июня 2005 г. губернатор области Мазовия отменил отказы от 9 июня 2005 г., постановив, что они нарушают свободу заявителей на проведение собраний (*см. пп. 22 – 26*). Поэтому, Суд делает вывод, что вмешательство в право заявителей на свободу проведения мирного собрания не основано на законе.

71. В контексте рассмотрения законности обжалуемого вмешательства, Суд отмечает, кроме того, уместность постановления Конституционного Суда от 18 января 2006 г. В этом постановлении Конституционного Суда было указано, что положения Закона о дорожном движении, примененные также в деле заявителей, являются несовместимыми с конституционными гарантиями свободы собраний. Подчеркнуто, что ограничения на осуществление этой свободы, установленные подвергаемыми сомнению положениями, нарушают принцип пропорциональности, применяемый ко всем ограничениям, налагаемым на осуществление прав, гарантируемых Конституцией (*см. пп. 39-42 выше*).

Суд отдает себе отчет в том, что согласно применимым положениям Конституции гарантии теряют свою обязательную силу после событий, о которых идет речь в данном деле (см. п. 30 выше). Вместе с тем, согласно постановлению Конституционного Суда, подвергаемые сомнению положения, которые являются несовместимыми со свободой собраний, гарантируемой Конституцией, приводят к ответственному заключению выше, касающемуся законности обжалуемого вмешательства в данном деле.

72. В отношении этого заключения Суду не требуется проверять, были ли выполнены два других требования (законная цель и необходимость вмешательства), установленные в п. 2 ст. 11.

73. Суд отклоняет предварительные возражения Правительства о предполагаемом отсутствии статуса жертв у заявителей и делает вывод о том, что имело место нарушение ст. 11 Конвенции.

В. Предполагаемое нарушение статьи 13 Конвенции

74. Также, заявители жаловались, что в их случае была нарушена ст. 13 Конвенции, потому что в их распоряжении не было никакой процедуры, которая позволяла бы им получить окончательное решение до даты запланированных демонстраций.

Ст. 13

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

1. Аргументы сторон.

75. Правительство повторило свои доводы, касающиеся вопроса использования средств правовой защиты на национальном уровне. В частности, заявители должны были направить жалобу в Конституционный суд, чтобы оспорить положения, на основании которых были приняты решения по их делу.

76. Заявители жаловались, что когда по решению первой инстанции им было запрещено проводить собрания, в их распоряжении не оказалась никакой процедуры, которая позволила бы им получить окончательное решение до даты, на которую было запланировано проведение акций. Это происходит потому, что в случае отказа, власти второй инстанции могут только аннулировать это решение, но не могут выдать новое решение. Это означает, что организаторы должны были начинать процедуру с самого начала. Фактически, именно так, в деле заявителей были использованы соответствующие процессуальные положения.

77. Заявители утверждали, что в соответствии с ч. 7 Закона о собраниях, уведомление о собрании может быть представлено не ранее тридцати дней до запланированной даты. Согласно польскому законодательству, если власти полагают, что запланированное собрание может расцениваться как «происшествие», в соответствии с положениями Закона о дорожном движении, в целом невозможно уложиться в тридцатидневный срок, учитывая необоснованно обременительные требования в части представления многочисленных документов, касающихся вопросов организации движения такого собрания, которые могут быть установлены для организаторов по этому закону.

78. Заявители пришли к выводу, что в любом случае, государство должно выработать такую процедуру, а если потребуется, то специальную процедуру, которая позволяла бы организаторам общественных собраний завершить все действия в течение срока, установленного в законе, т.е. от 30 до 3 дней до запланированной даты, и, что важно, до дня, на который было запланировано проведение собрания.

2. Оценка Суда.

79. Суд повторяет, что юридическое действие ст. 13 состоит в требовании предоставления средств правовой защиты на национальном уровне, дающих возможность компетентному национальному полномочному органу одновременно рассматривать по существу соответствующую жалобу со ссылкой на Конвенцию и предоставлять соответствующую помощь, хотя договаривающимся государствам предоставлено право самостоятельно определять способы выполнения своих обязательств по этому положению (см. дело «Чahal против Великобритании» (*Chahal v. United Kingdom*), постановление Суда от 15 ноября 1996 г., 1996-V, стр. 1869-70, п. 145).

В данном деле Суд пришел к выводу, что по ст. 11 права заявителей были нарушены (см. п. 73 выше). Поэтому, они направили жалобу по смыслу значения прецедентного права Суда, и, таким образом, они обратились за средством правовой защиты, удовлетворяющим требования ст. 13.

80. Что касается ссылки Правительства на индивидуальные жалобы в Конституционный суд, Европейский Суд в первую очередь отмечает, что в контексте административного процесса в Польше, разрешается двухступенчатый пересмотр в судебном порядке административных решений второй инстанции. Считается, что только постановление Верховного административного суда является оконча-

тельным решением, в связи с которым разрешается конституционная жалоба. В данном деле, заявители, получив в административных органах второй инстанции решения по существу в их пользу, в которых был отменен отказ в согласовании, не располагали никаким признаваемым правом опротестования этих решений в административных судах. Поэтому, путь в Конституционный суд для них не был открыт.

81. Суд констатирует, что административные органы, в конечном счете, признали, что решения первой инстанции, принятые по делу заявителей, были приняты в нарушении действующего законодательства. Вместе с тем, Суд подчеркивает, что административные органы приняли это решение после дат, на которые заявители планировали проведение демонстраций. Суд отмечает, что данный случай является аналогичным делу «Станков и Объединенная македонская организация «Илинден» против Болгарии» (*Stankov and the United Macedonian Organisation «Ilinden» v. Bulgaria*, № 29221/95 и 29225/95, решение Комиссии по правам человека от 29 июня 1998 г.), в отношении которого Комиссия приняла решение, что «это дело [было] бесспорным, потому что заявители пытались [подать апелляционную жалобу на отказ окружного суда рассмотреть апелляцию в отношении запрета мэра], судебные разбирательства длились бы в течение нескольких месяцев, и любой благоприятный результат ожидался бы после даты запланированного собрания или манифестации». Иными словами, принимая во внимание, что выбор времени собраний был критическим для их организаторов и участников, и что организаторы направили своевременные уведомления компетентным властям, Суд считает, что в сложившейся ситуации, понятие эффективного средства правовой защиты подразумевает возможность получения решения до времени запланированных мероприятий.

82. В этой связи, Суд придерживается точки зрения, что по характеру демократических дебатов, выбор времени общественных собраний, которые проводятся для высказывания определенных мнений, является критическим фактором для политического и социального значения такого собрания. Поэтому, государственные власти, при определенных обстоятельствах, могут отказать в выдаче разрешения на проведения демонстрации, если такой отказ совместим с требованиями ст. 11 Конвенции, но не могут изменить дату, на которую организаторы планируют ее проведение. Если общественное собрание организуется после того, как данная социальная проблема теряет свою уместность или важность для текущих социальных или политических дебатов, влияние собрания может быть серьезно уменьшено. Свобода собрания, сдержанная в осуществлении в желаемое время, полностью становится бессмысленной.

83. Поэтому, Суд придерживается точки зрения, что для эффективной реализации свободы собраний важно, чтобы действующее законодательство предусматривало разумные сроки, в пределах которых государственные власти должны действовать, принимая уместные решения. Действующее законодательство предусматривает сроки подачи заявителями своих уведомлений о проведении собраний. В противоположность этому, для властей законом не установлено никаких обязательных сроков в части выдачи окончательного решения до запланированной даты демонстрации. Суд считает, что средства правовой защиты, имеющие *постфактумный* характер, которыми располагали заявители в данном деле, не могли обеспечить адекватное исправление предполагаемых нарушений Конвенции.

84. Суд считает, что заявителям было отказано в эффективном средстве правовой защиты на национальном уровне в связи с их жалобой о нарушении свободы собраний. Суд отклоняет предварительное возражение властей о предполагаемом неиспользовании средств правовой защиты на национальном уровне и делает вывод о том, что имело место нарушение ст. 13 в соединении со ст. 11 Конвенции.

С. Предполагаемое нарушение статьи 14 в соединении со статьей 11 Конвенции

85. Заявители жаловались, что с ними обошлись дискриминационным способом в том, что им отказали в разрешении организовать марш и в согласовании проведения некоторых митингов. Они сослались на ст. 11 в соединении со ст. 14 Конвенции, которая гласит:

«Пользование правами и свободами, признанными в настоящей Конвенции, должно быть обеспечено без какой бы то ни было дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или по любым иным признакам».

1. Аргументы сторон.

86. Правительство утверждало, что заявители обратились за административными решениями, принятыми в их случаях, 3 и 9 июня 2005 г. В первом случае, начальник Управления дорожного движения, действующий от имени мэра Варшавы, отказался выдать разрешение для проведения марша, сославшись на отказ организаторов представить «план организации движения» по смыслу ч. 65(а) Закона о дорожном движении. Во второй раз, мэр сослался на то, что заявители оказались не в состоянии выполнить более строгие требования, установленные законом для организаторов публичных мероприятий, проводимых на дорогах.

87. Правительство придерживалось точки зрения, что эти решения были достаточно мотивированы, а их доводы были основаны на положениях ст. 65 Закона о дорожном движении. По их мнению, нельзя считать, что решения о запрете собраний были приняты под влиянием личного мнения, которого придерживается мэр Варшавы, и которое выражено в интервью, опубликованном в издании «*Gazeta Wyborcza*» от 20 мая 2005 г. Фактами дела не доказано существование какой-либо связи между взглядами мэра, высказанными в прессе, и официальными решениями, принятыми по делу заявителей.

88. Власти утверждали, что в данном случае не было никаких условий, действий или бездействия государственных органов, позволяющих говорить о менее благоприятном отношении к заявителям по сравнению с отношением к другим лицам в аналогичной ситуации. Нет никаких признаков того, что это отношение строилось на какой-либо запретительной основе. Поэтому, заявители не испытывали дискриминацию в осуществлении своей свободы собраний вопреки ст. 14 Конвенции.

89. Заявители подчеркнули, что они были обязаны представить «план организации движения», в то время как от других организаций этого не требовалось. При отсутствии определенных и оправданных веских причин и при отсутствии каких-либо причин, указанных властями для такого дифференцированного отношения, выборочное направление требования о предоставлении такого плана достаточно демонстрирует, что к ним отнеслись предвзято.

90. Заявители далее утверждали, что к ним отнеслись предвзято, потому что им было отказано в разрешении организовать демонстрации 12 июня 2005 г., в то время как другие организации и лица получили соответствующие разрешения. Такой дифференцированный подход не является законным, более того, мэр и его сотрудники однозначно дали понять публике, что они запретят демонстрации из-за гомосексуальной ориентации организаторов, независимо от каких-либо законных оснований.

91. Заявители далее утверждали, что решения от 3 и 9 июня 2005 г. были формально выданы от имени мэра Варшавы. Они сослались на интервью с мэром, опубликованным в мае 2005 г., в котором он заявил, что он запретит проведение собраний независимо от того, что указали организаторы в своих запросах на получение разрешений. Заявители утверждали, что нельзя разумно отрицать, что не было никакой связи между заявлениями, сделанными мэром, и решениями, принятыми впоследствии от его имени. Они подчеркнули, что практический результат разбирательств по их делу совпадал с духом заявлений мэра.

92. Заявители подчеркнули, что аргумент властей об отсутствии причинной связи между мнениями, публично выраженными мэром, и административными решениями, принятыми от его имени, подразумевает, что решения в администрации мэра в определенное время принимаются без учета его мнений, выраженных публично в должности главы муниципальной администрации.

2. Оценка Суда

93. Суд неоднократно придерживался мнения, что ст. 14 не является автономной, а имеет юридическую силу только в отношении других прав Конвенции. Ее положения дополняют другие основные положения Конвенции и дополнительных протоколов. Эта статья не имеет никакого независимого существования, поскольку она имеет юридическую силу исключительно в отношении «осуществления прав и свобод», гарантированных в соответствии с ее положениями. Хотя применение ст. 14 не предполагает нарушение этих положений – и в этой степени она является автономной – не может быть никакого основания для ее применения, пока спорные вопросы не окажутся под юрисдикцией одной или нескольких последующих стст. (см. дела «*Ван Раалт против Нидерландов*» (*Van Raalte v. Netherlands*), постановление Суда от 21 февраля 1997 г., 1997-I, стр. 184, п. 33, «*Гайгусуза против Австрии*» (*Gaugusuz v. Austria*), от 16 сентября 1996г., сборник судебных решений 1996-IV, п. 36).

94. Общими точками соприкосновения между сторонами является то, что факты дела попадают в сферу применения ст. 11 Конвенции. Следовательно, к обстоятельствам дела применяется ст 14.

95. Прежде всего, Суд отмечает, что административные решения первой инстанции, касающиеся данного дела, не относятся к какому-либо прямому мотиву, который можно было бы квалифицировать в качестве одной из запретных тем для дискриминации по смыслу этого термина в Конвенции. Эти решения сосредоточены на технических аспектах организации собраний и на соответствии этим требованиям (см. *пп. 11 и 13 выше*). Было установлено, что при рассмотрении вопроса начальником Управления дорожного движения от заявителей требовали представления «плана организации движения», и что на их запрос был дан отказ из-за непредставления такого плана. В то же самое время, Суд отмечает, что не было доказано или аргументировано, что от других организаторов аналогично требовалось то же самое.

96. Суд далее отмечает, что решение от 3 июня 2005 г. с отказом в разрешении на проведение марша, организованного заявителями, было принято начальником Управления дорожного движения, действующим

щим от имени мэра Варшавы. 9 июня 2005 г. муниципальные власти, действующие от имени мэра, приняли решения, запрещающие стационарные собрания, которые организовывались первыми пятью заявителями, ссылаясь на необходимость избежать возможных столкновений между участниками различных демонстраций, которые должны были проводиться 12 июня 2005 г. Также не оспаривается тот факт, что в этот же день те же власти дали разрешение другим группам для организации шести демонстраций противоположной тематики на ту же дату.

97. Суд не может предполагать существование каких-либо иных мотивов, кроме явно указанных в обжалуемых административных решениях, для отказов в проведении собраний, о которых идет речь в данном случае. Вместе с тем, Суд не может обойти вниманием тот факт, что 20 мая 2005 г. было опубликовано интервью с мэром, в котором он заявил, что откажет в разрешении на проведение собраний (см. п. 27 выше).

98. Суд повторяет, что п. 2 ст. 10 Конвенции предусматривается ограниченное число случаев в части ограничений политических выступлений или дебатов по вопросам, представляющим общественный интерес, в особенности в том, что касается непосредственно политических деятелей (см. дела «Сюрек против Турции (№1)» (*Süreke v. Turkey №1*), № 26682/95, п. 61, ECHR 1999-IV, «Кастелис против Испании» (*Castells v. Spain*), от 23 апреля 1992, Серия А, № 236). Однако, осуществление права свободы выражения избранными политическими деятелями, которые в то же самое время находятся на государственных должностях исполнительной ветви власти, влечет за собой конкретную ответственность. В некоторых случаях, частью обычных обязанностей таких государственных чиновников является принятие ими лично административных решений, которые могут затрагивать осуществление прав граждан, или что такие решения принимаются государственными служащими, действующими от их имени. Поэтому, осуществление свободы выражения такими чиновниками может незаконно посягать на осуществление других прав, гарантируемых в соответствии с Конвенцией (в части заявлений государственных чиновников, заявляющих о виновности лица, против которого возбуждено уголовное дело (см. дела «Буткевичюс против Литвы» (*Butkevičius v. Lithuania*), № 48297/99, п. 53, ECHR 2002-II, «Алленет де Рибемон против Франции» (*Allenet de Ribemont v. France*), от 10 февраля 1995, Серия А № 308, с. 16, пп. 35-36, «Дактарас против Литвы» (*Daktaras v. Lithuania*), № 42095/98, пп. 41-44, ECHR 2000-X). Осуществляя свободу выражения мнения, они обязаны демонстрировать сдержанность, принимая во внимание, что их взгляды могут быть расценены как указания государственными служащими, чьи рабочие места и карьеры зависят от их одобрения.

99. С учетом важной роли, которую играет свобода собраний и объединений в демократическом обществе, где даже внешние проявления могут иметь определенное значение в административном производстве, когда исполнительные полномочия реализуют свои функции в отношении осуществления этих свобод (см. дело «Де Куббер против Бельгии» (*De Cubber v. Belgium*), от 26 октября 1984 г., Серия А № 86, с. 14, п. 26). Суд учитывает различия между административным и судебным производством. Также справедливо, что только в отношении судебного производства, в ст. 6 Конвенции предусматривается требование, чтобы суд, выносящий решение по делу был беспристрастным с субъективной и объективной точек зрения (см. дело «Финдли против Великобритании» (*Findlay v. the United Kingdom*), от 25 февраля 1997 г., сборник судебных решений 1997-I, п. 73, «Варзика против Польши» (*Warsicka v. Poland*), nn. 34-37, № 2065/03, 16 января 2007 г.).

100. Вместе с тем, в существующем деле Суд считает, что при оценке дела нельзя игнорировать серьезные личные мнения, публично выраженные мэром по вопросам, непосредственно относящимся к принятию решений об осуществлении свободы собраний. Суд подчеркивает, что решения, о которых идет речь, принимались муниципальными властями, действующими от имени мэра, после того, как он сообщил публике свое мнение об осуществлении свободы собраний и «пропаганде гомосексуализма» (см. п. 27 выше). Далее Суд отмечает, что мэр высказал эту точку зрения, когда запрос о предоставлении разрешения на проведение собраний уже находился на рассмотрении муниципальных властей. Суд придерживается точки зрения, что можно разумно предположить, что его мнение могло повлиять на процесс принятия решения в данном деле, а в результате, посягнуло на право заявителей на свободу собраний дискриминационным образом.

101. Рассмотрев обстоятельства дела по существу, Суд придерживается мнения, что имело место нарушение ст. 14 в соединении со ст. 11 Конвенции.

III. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ.

102.

Ст. 41

«Если Судом будет установлено, что имело место нарушение Конвенции или протоколов к ней, и если национальное законодательство Высокой Договаривающейся Стороны, чьи интересы были затронуты, допускает обеспечение только частичной компенсации, то, в случае необходимости, такое возмещение потерпевшей стороне обязан предоставить Суд».

103. Заявители не требовали никакой компенсации ущерба в связи с нарушением Конвенции.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ, СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1. отклонил предварительные возражения Правительства;
2. постановил, что имело место нарушение ст. 11 Конвенции;
3. постановил, что имело место нарушение ст. 13 в соединении со ст.11 Конвенции;
4. постановил, что имело место нарушение ст. 14 в соединении со ст. 11 Конвенции.

Совершено на английском языке и зарегистрировано в письменной форме 3 мая 2007 г., в соответствии с пп. 2, 3 ст. 77 Регламента Суда.

Николас Братца
Председатель

Т.Л. Эрли
Секретарь

БАРАНКЕВИЧ ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
BARANKEVICH v. RUSSIA

Жалоба № 10519/03

Постановление Суда
Страсбург

26 июля 2007 г.

Перевод с английского – Роман Маранов

Понятие свободы собраний § 25

Уведомительная процедура § 28

Запреты мероприятий с неудобной тематикой § 32

«Предотвращение» публичных мероприятий § 25

Проблемы обеспечения безопасности участников
акций со стороны правоохранительных органов
§ 32

Дискриминация при реализации права § 31, 37

Идеалы и ценности демократического общества §
24, 25

Позитивные обязательства государства § 27

Вмешательство должно быть оправдано или недо-
пустимо § 25

Мирный/насильственный характер акции § 32

Контрдемонстрации § 33

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ СУТИ ДЕЛА

Заявитель – П.И. Баранкевич, пастор Церкви Евангелистских Христиан «Благодать Христа» – обратился в администрацию г. Чехов Московской области за разрешением на проведение публичного богослужения в сентябре 2002 г. Заместитель главы администрации отказал в разрешении, в частности, сославшись на то, что администрация города неоднократно информировала заявителя о невозможности проведения публичного богослужения в общественных местах (площади, улицы, парки и т. п.). Заявителю было рекомендовано проводить службы и другие религиозные обряды по юридическому адресу церкви или в других помещениях, находящихся в собственности или пользовании членов церкви.

Заявитель от имени церкви обжаловал отказ городской администрации в суд. Чеховский городской суд Московской области рассмотрел жалобу заявителя и отклонил ее. Суд постановил, что, согласно национальному законодательству, на проведение публичных богослужений и других религиозных обрядов требуется разрешение муниципального органа власти. Также в решении было указано, что церковь евангельских христиан исповедует религию, отличную от религии,

исповедуемой большинством населения данной местности, что может привести к недовольству лиц, принадлежащих к другой конфессии, и к общественным беспорядкам.

Суд установил нарушение статьи 11 Европейской Конвенции в связи со статьей 9.

В данном постановлении Суд обратил внимание на то, что ст. 11 Конвенции защищает массовые акции, которые, возможно, раздражают кого-либо. Однако именно на публичные власти возлагается обязанность поддерживать общественный порядок, предпринимать соответствующие разумные меры предоставляющие возможность проводить мирные массовые акции, а не запрещать их. Суд обращает внимание, что местные власти имели широкие возможности в выборе средств, которые могли бы обеспечить проведение планируемого религиозного собрания. Тем не менее, нет никаких данных о том, что в процессе принятия своего решения власти изучали свои возможности, необходимые для нейтрализации такой угрозы. Вместо того, чтобы рассмотреть меры, которые позволили бы пройти религиозному собранию мирно, власти наложили запрет на его проведение. Они прибегли к самому радикальному средству, отказывая заявителю в самой возможности реализации его права на свободу вероисповедания и собраний. Более того, из формулировки отказа на запрос заявителя о разрешении проведения публичного богослужения явствует, что заявитель и ранее неоднократно получал подобный отказ без каких-либо объяснений причин. Такой полный запрет не может быть оправдан.

По делу «Баранкевич против России», Европейский Суд по правам человека (Первая секция), заседая Палатой в составе:

К. Розакис (*K. Rozakis*), *Председатель*,

Н. Вайич (*N. Vajich*),

А. Ковлер (*A. Kovler*),

Э. Штайнер (*E. Shainer*),

Г. Хаджиев (*H. Hadjiev*),

Д. Шпильманн (*D. Spielmann*),

С. Йебенс (*S. Jebens*), *судей*

а также С. Нильсен (*S. Nielsen*), *Секретарь*,

проведя 5 июля 2007 г. закрытое заседание, вынес следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело инициировано жалобой № 10519/03, поданной 23 февраля 2003 г. Петром Ивановичем Баранкевичем (далее – «заявитель») против Российской Федерации, в соответствии со ст. 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – «Конвенция»).

2. Заявитель изъявил желание участвовать в заседании и назначил своим представителем адвоката Сергея Сычева, практикующего в г. Москва. Власти Российской Федерации были представлены своим Уполномоченным при Европейском Суде по правам человека П.А.Лаптевым (далее – «Правительство»).

3. Заявитель жалуется на нарушение его права на свободу совести и свободу мирных собраний.

4. Решением от 20 октября 2005 г. Суд признал жалобу приемлемой.

5. Правительство представило письменные объяснения (ст. 59 п. 1). Суд решил, после консультаций со сторонами, что не требуется проведения устных слушаний по существу дела.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

6. Заявитель, г-н Петр Иванович Баранкевич, – гражданин России 1960 г. р., который проживает в г. Чехове Московской области. Он является пастором Церкви евангельских христиан «Благодать Христова».

7. 9 сентября 2002 г. заявитель от имени своей церкви обратился в Чеховскую городскую администрацию за разрешением на проведение публичного богослужения с 11 утра до 1 часа дня 29 сентября 2002 г.

8. 20 сентября 2002 г. зам. главы Чеховской городской администрации отказал в разрешении. В частности, он указал, что Администрация г. Чехова неоднократно информировала заявителя о невозможности проведения публичного богослужения на городских территориях общего пользования (площадях, улицах, парках и т. п.). Заявителю было рекомендовано проводить службы и другие религиозные обряды по юридическому адресу церкви или в других помещениях, находящихся в собственности или пользовании членов церкви.

9. 26 сентября 2002 г. заявитель от имени церкви обжаловал отказ городской администрации в суд. Он утверждал, что было допущено нарушение права на свободу религии и собраний.

10. 11 октября 2002 г. Чеховский городской суд Московской области рассмотрел жалобу заявителя и отклонил ее. Суд постановил, что, согласно национальному законодательству, на проведение публичных богослужений и других религиозных обрядов требуется разрешение муниципального органа власти. Далее в решении указывалось:

«Обжалуемый отказ является законным, поскольку он оправдан. Поскольку церковь евангельских христиан исповедует религию, отличную от религии, исповедуемой большинством населения данной местности, и с учетом того, что в Чеховском районе действует более 20 религиозных организаций различных конфессий, проведение одной из них публичного богослужения в общественном месте может привести к... недовольству лиц, принадлежащих к другой конфессии, и к общественным беспорядкам.

При таких обстоятельствах невозможно признать, что обжалуемые действия Чеховской городской администрации нарушают права церкви евангельских христиан «Благ.ть Христова», поскольку они не препятствуют ей в проведении богослужений в культовых зданиях и других помещениях, предназначенных для этой цели».

11. Заявитель обжаловал решение суда. 4 ноября 2002 г. Московский областной суд оставил без изменения решение от 11 октября 2002 г.

II. ВНУТРЕННЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

12. Закон РФ «О свободе совести и религиозных объединениях» (№ 125-ФЗ от 26 сентября 1997 г.) устанавливает, что публичные богослужения, другие религиозные обряды и церемонии осуществляются в порядке, установленном для проведения митингов, шествий и демонстраций (ст. 16).

13. Постановление Президиума Верховного Совета СССР № 9306-XI от 28 июля 1988 г. (действовавшее во время событий, рассматриваемых в деле, соответствующее Указу Президента №524 от 25 мая 1992 г.) предусматривало, что организаторы мероприятия должны подать письменное уведомление в местный орган власти не позднее, чем за 10 дней до планируемого мероприятия (ст. 2). Орган власти обязан дать ответ не позднее, чем за пять дней до мероприятия (ст. 3). Проведение мероприятия может быть запрещено, если его цель противоречит Конституции или угрожает общественному порядку или безопасности граждан.

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЕЙ 9 И 11 КОНВЕНЦИИ

14. Заявитель жалуется по статьям 9 и 11 Конвенции на то, что ему не было разрешено провести публичное богослужение в городском парке.

15. Суд отмечает, что согласно российскому законодательству публичные богослужения должны проводиться в порядке, установленном для проведения публичных собраний (см. п. 12 выше). Запрет был наложен в соответствии с правилами и процедурами, устанавливающими ограничения на свободу собраний. В данном деле вопрос свободы вероисповедания не может быть рассмотрен отдельно от свободы собраний. Таким образом, Суд полагает, что ст. 11 является преимущественной как специальная норма для собраний, и будет рассматривать данное дело главным образом по ст. 11, толкуя ее в свете ст. 9 (см. «Пендрагон против Соединенного Королевства» (*Pendragon v. the United Kingdom*), № 31416/96, от 19 октября 1998 г., «Rai, Allmond и «Negotiate Now» против Соединенного Королевства» (*Rai, Allmond and «Negotiate Now» v. the United Kingdom*), № 25522/94, от 6 апреля 1995 г., «Платформа «Врачи за жизнь» против Австрии» (*Plattform «Ärzte für das Leben»*), № 10126/82, от 17 октября 1985 г.).

16. Стст. 9 и 11 Конвенции гласят:

Ст. 9

«1. Каждый имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как индивидуально, так и сообща с другими, публичным или частным порядком, в богослужении, обучении, отправлении религиозных и культовых обрядов.

2. Свобода исповедовать свою религию или убеждения подлежит лишь ограничениям, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах общественной безопасности, для охраны общественного порядка, здоровья или нравственности или для защиты прав и свобод других лиц».

Ст. 11

«1. Каждый имеет право на свободу мирных собраний и на свободу объединения с другими...

2. Осуществление этих прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц <...>»

А. Было ли вмешательство со стороны государства

17. Заявитель жаловался, что отказ в разрешении на проведение публичного богослужения является нарушением его права на свободу религии и мирных собраний согласно стст. 9 и 11 Конвенции.

18. Правительство возражало, что заявитель не был лишен возможности проводить богослужение в культовых зданиях либо других помещениях, предназначенных для этих целей. Ему было лишь отказано в проведении богослужения в публичном месте.

19. Суд обращает внимание, что заявитель в основном жалуется по поводу отказа в разрешении провести службу в городском парке 22 и 29 сентября 2002 г., а не о каких-либо общих ограничениях его права исповедовать религию. При таких обстоятельствах аргументы Правительства о том, что заявитель мог проводить службы в культовых зданиях или других помещениях, специально предназначенных для этих целей, не имеет отношения к настоящему делу.

20. Заявитель пытался организовать религиозное собрание в городском парке. Он обратился в районную администрацию за разрешением. Тем не менее, администрация района отказала в разрешении. Отказ в разрешении организовать собрание содержит вмешательство в права заявителя по ст. 11, истолкованной в свете ст. 9.

В. Было ли вмешательство оправданным

1. Аргументы сторон

21. Заявитель утверждает, что вмешательство в его право на свободу совести и собраний не было предусмотрено законом, поскольку заместитель главы Администрации Чеховского района не указал причин для такого отказа. Если власти считали, что проведение собрания в данном месте, которое он предлагал, могло нарушить общественный порядок, власти бы могли предложить другое место или время. Абсолютный запрет на проведение богослужений в публичных местах является несоразмерным. Далее заявитель утверждал, что опасение властей, что мирное собрание могло нарушить общественный порядок, было безосновательным. В 1998 г. Церковь уже проводила службы в общественных местах в городе Чехове, которые не причинили какого-либо беспокойства. Другим конфессиям, таким как Русская православная церковь, было разрешено проведение богослужений в публичных местах, и подобные службы также не спровоцировали каких-либо беспорядков в городе.

22. Правительство утверждало, что в то время национальное законодательство предусматривало, что лицо, желающее провести собрание или богослужение в общественном месте должно было получить предварительное разрешение от властей. В данном деле решение об отказе в разрешении было рассмотрено национальными судами, которые установили, что решение о запрете было законным и обоснованным. В любом случае, в 2004 г. был введен в действие новый закон о собраниях, митингах, шествиях и пикетированиях, и требование о разрешении было заменено простым уведомлением.

23. Правительство далее утверждало, что богослужение вне культовых зданий было нацелено на то, чтобы повлиять на вероисповедание других. Большинство населения Чеховского района исповедует другие религии и власти должны были защитить их свободу совести и вероисповедания. Правительство ссылалось на дело *Kokkinakis*, в котором суд поддержал, что в демократических обществах, в которых сосуществует несколько религий внутри одного сообщества, может быть необходимым установить ограничения свободы вероисповедания для того, чтобы примирить интересы различных групп и гарантировать, что вероисповедание каждого человека уважается (см. *«Kokkinakis против Греции»*, от 25 мая 1993 г., Series A no. 260-A, с.18,п. 33). В Чеховском районе существует восемнадцать религиозных организаций разных конфессий, и проведение службы на общественной территории, проводимое одной из них, могло повлечь недовольство лиц других вероисповеданий и общественные беспорядки.

2. Оценка суда

(а) Общие принципы

24. Суд признал, что право на мирные собрания, закрепленное в статье 11 – фундаментальное право в демократическом обществе и, как право на свободу мысли, совести и религии, является основой такого общества (см. *«Джавит Ан против Турции»*, №. 20652/92, п. 56, ECHR 2003 III, *«Kokkinakis»*, цитированное выше с. 17, п. 31). Как неоднократно указывалось в решениях Суда, демократия не просто является основополагающей особенностью европейского общественного порядка, но и сама Конвенция была разработана с целью содействия идеалам и ценностям демократического общества и их поддержки. Демократия, подчеркнул Суд, есть единственная политическая модель, рассматриваемая в Конвенции и единственная, совместимая с ней. Посредством формулировки второго параграфа ст. 11, также как ст. 9 Конвенции, единственной необходимостью, способной оправдать вмешательство в любое из прав, закрепленных в этих ст.х, является та, которая способна претендовать на то, что она

проистекает из «демократического общества». (см. «Христианская демократическая партия против Молдовы» (*Christian Democratic People's Party v. Moldova*), № 28793/02, пп. 62-63, ECHR 2006).

25. Право на свободу собраний охватывает как закрытые (*private*) митинги, так и митинги на улице, также как и неподвижные митинги и общественные шествия; в дополнение, таким правом пользуются индивидуальные участники собраний и те, кто их организует (см. *Adali против Турции*, №. 38187/97, п. 266, 31 марта 2005 г.). Государства должны воздерживаться от применения произвольных мер, которые могут помешать праву мирных собраний. С точки зрения самой сущности свободы собраний и объединений и их близкого отношения к демократии, должны быть убедительные и неопровержимые причины оправдать вмешательство в это право (см. «Оураньо Токсо и другие против Греции» (*Ouranio Toxo and others v. Greece*), №. 74989/01, п. 36, 20 октября 2005 г.).

26. При проведении своего расследования оспариваемого вмешательства, Суд должен выявить, использовало ли государство-ответчик свою свободу усмотрения обоснованно, разумно и добросовестно. Необходимо также взглянуть на обжалуемое вмешательство в свете данного дела в целом и определить, было ли оно «пропорционально преследуемой легитимной цели», были ли причины, предъявленные властями для оправдания вмешательства, «уместными и достаточными». Действуя таким образом, Суд должен согласиться, что национальные власти применяли нормы, которые соответствовали принципам, сформулированным в ст. 11 и, более того, что они основывали свои решения на приемлемой оценке соответствующих фактов (см. «Христианская демократическая народная партия», п. 70).

27. Более того, хотя главная цель ст. 11 – защита личности от произвольного вмешательства со стороны публичных властей в осуществление защищаемых прав, в дополнение может существовать позитивное обязательство государства обеспечить эффективное использование этих прав (см. «Уилсон, Национальный союз журналистов и другие против Соединенного Королевства» (*Wilson, National Union of Journalists and others v. UK*), №. 30668/96, 30671/96 и 30678/96, п. 41, ECHR 2002 V).

(b) Применение вышеперечисленных принципов к настоящему делу

28. Суд приветствует принятие в 2004 г. закона о публичных собраниях, на которое ссылается Правительство, посредством которого требование предварительного разрешения было заменено на простое уведомление о предстоящем собрании. Тем не менее, Суд обращает внимание, что эти изменения произошли после событий, лежащих в

основе данного дела. Во время, относящееся к данному делу, действовал Указ 1988 г., который уполномочивал власти запрещать собрания, которые могли угрожать общественному порядку или безопасности граждан. В рассматриваемом деле городская администрация использовала такие полномочия и отказалась разрешить заявителю проведение собрания. Суд соглашается, что вмешательство было предусмотрено законом и что оно преследовало легитимную цель в рамках значения п. 2 стст. 9, 11 для предотвращения беспорядков. Остается определить было ли это «необходимо в демократическом обществе».

29. Национальные суды оправдали необходимость вмешательства, ссылаясь на тот факт, что церковь заявителя исповедовала религию, которая была отличной от других религий, которые исповедовало большинство местных жителей. Власти рассматривали, что публичное религиозное собрание, организованное церковью «Благодать Христова» могло вызвать недовольство среди сторонников других религиозных конфессий и спровоцировать общественные беспорядки. Суд не соглашается с данным аргументом.

30. Ссылаясь на признак «демократического общества», Суд придает практическую важность плюрализму, толерантности и способности широко смотреть на вещи. В таком контексте, Суд поддержал, что хотя в каких-то случаях интересы личности могут быть поставлены в зависимость от группы, демократия не сводится к тому, что взгляды большинства должны обязательно превалировать: должен быть достигнут баланс, который обеспечивал бы честное и правильное отношение к меньшинствам и исключал бы любые злоупотребления со стороны доминирующей группы (см. *«Горзелик и другие против Польши» (Gorzelik and Others v Poland)*, № 44158/98, п. 90, 17 февраля 2004 г.). Суд далее напоминает, что в демократическом обществе, в котором сосуществуют несколько религий внутри одного и того же сообщества, могут быть необходимыми ограничения на «свободу выражения религии или вероисповедания» для того, чтобы примирить интересы различных групп и гарантировать, что верование каждого лица уважается. Однако, при реализации своих властных полномочий в этой сфере и в отношениях внутри различных религий, конфессий и вероисповеданий, Государство обязано оставаться нейтральным и беспристрастным. Для сохранения плюрализма и правильного функционирования демократии, роль властей в данных обстоятельствах сводится не к устранению причин напряженности посредством исключения самого плюрализма, а к тому, чтобы обеспечивать толерантное отношение конкурирующих групп друг к другу (см. *«Бессарабская Церковь и другие против Молдовы» (Metropolitan Church of Bessarabia and Others v. Moldova)*, жалоба № 45701/99, пп. 115, 116, ECHR 2001 XII).

31. В свете вышеперечисленных принципов, Суд подчеркивает, что лишь тот факт, что вероисповедания евангельских христиан придерживается меньшинство жителей города, не способен оправдать вмешательства в права последователей данного вероисповедания (см. «*Станков и объединенная организация «Илinden» против Болгарии» (Stankov i United Macedonian Organisation Ilinden v. Bulgaria)*, №. 29221/95 и 29225/95, п. 89, ECHR 2001-IX). Это было бы несовместимым с лежащими в основе Конвенции ценностями, если бы использование меньшинствами прав, закрепленных в Конвенции, зависело бы от одобрения большинства. Тогда права меньшинств на свободу вероисповедания, выражения мнения и свободу собраний стало бы лишь теоретическим, а не практическим и эффективным как того требует Конвенция (см. «*Артико против Италии» (Artico v. Italy)*, от 13 мая 1980 г., Серия А, № 37, с. 15-16, п. 33).

32. Суд, далее, отмечает неоспоримость мирного характера религиозного собрания, планируемого заявителем. Не имеется доказательств, что кто-либо из участников мог бы спровоцировать насилие или прибегнуть к нему. Таким образом, общественные беспорядки могли бы быть спровоцированы теми горожанами, кто собирався насильственно воспрепятствовать собранию евангельских христиан в городском парке и выгнать последователей этой религии с общественного места путем угроз и насилия. Суд подчеркивает в этой связи, что свобода собраний, закрепленная в ст. 11 Конвенции, защищает демонстрации, которые могут причинить беспокойство либо нанести оскорбление лицам, которые придерживаются противоположных идей или требований (см. *Stankov, цитированное выше*, п. 90). Участники демонстрации должны иметь возможность проводить ее, не опасаясь, что они будут подвергнуты физическому насилию со стороны их оппонентов. Таким образом, это обязанность Договаривающегося государства принять обоснованные и соразмерные меры для обеспечения законных демонстраций, чтобы те проходили мирно (см. «*Платформа «Врачи за жизнь» против Австрии» (Plattform «ÄrztefürdasLeben» v. Austria)*, от 21 июня 1988, Серия А, № 139, с. 12, пп. 32, 34).

33. Оценивая тот факт, что существовала угроза насильственной контрдемонстрации, Суд обращает внимание, что местные власти имели широкие возможности в выборе средств, которые могли бы обеспечить проведение религиозного собрания, которое планировалось заявителем, без причинения беспокойства другим (см. *Plattform, loc. cit.*). Тем не менее, нет никаких данных о том, что в процессе принятия своего решения власти изучали свои возможности, необходимые для нейтрализации такой угрозы. Вместо того,

чтобы рассмотреть меры, которые позволили бы пройти религиозному собранию мирно, власти наложили запрет на его проведение. Они прибегли к самому радикальному средству, отказывая заявителю в самой возможности реализации его права на свободу вероисповедания и собраний. Более того, из формулировки отказа на запрос заявителя о разрешении проведения публичного богослужения явствует, что заявитель и ранее неоднократно получал подобный отказ без каких-либо объяснений причин отказа (см. п. 8 *выше*). Такой полный запрет не может быть оправдан.

34. Помимо всего прочего, Суд не убедили аргументы Правительства о том, что было необходимо ограничить права заявителя на свободу собраний и вероисповедания, чтобы защитить тех, кого заявитель предположительно пытался обратить в свою веру. Согласно ст. 9 свобода выражения вероисповедания включает право пытаться убедить своего ближнего [принять веру], за неимением которого, сама «свобода менять свои убеждения или вероисповедание», закрепленная в той статье, оставалась бы, скорее всего, мертвой буквой (см. «*Kokkinakis*», цитированное *выше*, с. 17, п. 31). Суду не было доказано, что заявителем использовались или могли использоваться незаконные способы обращения в веру (сравни Станков, процитированное *выше* п. 105). В любом случае, этот аргумент не был положен в основу решения местных властей.

35. Суд приходит к выводу, что запрет религиозного собрания, которое планировалось заявителем, не был «необходим в демократическом обществе». Соответственно было нарушение ст. 11 Конвенции, истолкованной в свете ст. 9.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 14 КОНВЕНЦИИ В СОВОКУПНОСТИ СО СТАТЬЯМИ 9 и 11

36. Заявитель жалуется, что отношение к нему было иным, чем к представителям других религиозных конфессий. Суд полагает, что данная жалоба должна быть рассмотрена по ст. 14, в совокупности со стст. 9 и 11.

Ст. 14

«Пользование правами и свободами, признанными в настоящей Конвенции, должно быть обеспечено без какой бы то ни было дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или по любым иным признакам».

37. Правительство утверждало, что аргумент заявителя о том, что другие конфессии имели неограниченное право проведения публич-

ных богослужений является домыслом, не подкрепленным никакими доказательствами. В 2002 г. в Чеховском районе не проводилось ни одного публичного богослужения какими-либо конфессиями.

38. Заявитель утверждает, что другие конфессии, такие как Русская православная церковь, пользовались неограниченным правом проведения публичных богослужений.

39. Суд напоминает, что ст. 14 не применяется самостоятельно, однако играет важную роль при применении других положений Конвенции и протоколов к ней, так как эта ст. защищает лиц, попавших в одинаковые ситуации от всякой дискриминации в пользовании правами, установленными в иных положениях Конвенции. Там, где соответствующая ст. Конвенции или ее протокола была вовлечена сама по себе либо в совокупности со ст. 14 и было установлено отдельное нарушение соответствующей ст., то у Суда нет, как правило, необходимости рассматривать такое дело также по ст. 14 (см. *«Московское отделение Армии спасения против России» (Moscow branch of the Salvation Army v. Russia)*, № 72881/01, п. 100, ECHR 2006).

40. Исходя из вывода Суда о том, что было нарушение ст. 11 Конвенции в свете ст. 9, не требуется отдельной проверки жалобы по ст. 14 Конвенции (см. *«Бессарабская Церковь против Молдовы»*, п. 134, *«Сидиропулос и другие против Греции» (Sidirooulos and Others v. Greece)*, от 10 июля 1998 г, 1998 IV, с. 1619, п. 52).

III. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

41.

Ст. 41

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Ущерб

42. Заявитель просит 100 000 Евро в качестве компенсации морального вреда.

43. Правительство считает, что данное требование является надуманным, необоснованным и без сомнения баснословным. Установление нарушения само по себе следовало бы признать достаточной компенсацией.

44. Суд признает, что заявитель испытывал моральный вред, в частности стресс и фрустрацию, что явилось следствием отказа в

проведении религиозного собрания в нарушении ст. 11 в свете ст. 9 – что не может быть компенсированным в полной мере лишь путем признания такого нарушения. Тем не менее, Суд полагает, что сумма, требуемая заявителем, чрезмерна. Делая свою оценку на основе принципа справедливости суд присуждает заявителю 6000 Евро плюс налоги, которые могут быть уплачены с этой суммы.

В. Судебные издержки и расходы

45. Заявитель не требовал возмещения каких-либо издержек и расходов. Соответственно, нет необходимости что-либо выплачивать по этой статье.

С. Пеня

46. Суд считает, что размер пени по выплате компенсации должен быть установлен в размере предельной г.ой процентной ставки по займам Европейского центрального банка плюс три процента.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1. постановил, что имело место нарушение ст. 11 Конвенции, истолкованной в свете ст. 9;

2. постановил, что нет необходимости рассматривать жалобу заявителя по ст. 14;

3. постановил,

(а) государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня вступления Постановления в законную силу в соответствии с п. 2 ст. 44 Конвенции выплатить заявителю в возмещение морального вреда 6000 (шесть тысяч) евро, подлежащие переводу в российские рубли по курсу на день выплаты, а также любой налог, начисляемый на вышеуказанную сумму;

(б) простые проценты по предельным г.ым ставкам по займам Европейского центрального банка плюс три процента подлежат выплате по истечении вышеупомянутых трех месяцев и до момента выплаты.

4. отклонил остальные требования заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке. Уведомление о Постановлении направлено в письменном виде 26 июля 2007 г. в соответствии с пп. 2, 3 ст. 77 Регламента Суда.

Сёрен Нильсен
Председатель

Кристос Розакис
Секретарь

МАХМУДОВ ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ MAKHMUDOV v. RUSSIA FEDERATION

Жалоба № 35082/04

Постановление Суда
Страсбург

26 Июля 2007 г.

Перевод с английского -
Нижегородский Правозащитный Союз

Уведомительная процедура § 70

Несоответствие по искусственно созданным и неожиданно открывшимся обстоятельствам § 71

Требования о подтверждении несовершения экстремистских действий § 80

Прекращение мероприятий, проводимых с уведомлением властей. Задержания участников. § 80, 82

Дискриминация при реализации права § 72

Идеалы и ценности демократического общества § 63, 64

Вмешательство должно быть оправдано или недопустимо § 64

Запреты на проведение публичных мероприятий § 72

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ СУТИ ДЕЛА

Летом 2003 г. Рустам Махмудов в числе инициативной группы подал в префектуру Западного административного округа Москвы уведомление о проведении пикета, на котором планировалось потребовать участия граждан в планировании градостроительной деятельности. Префектура сначала пикет разрешила, а затем аннулировала свое же решение в связи с «угрозой террористической деятельности». В результате акцию протеста разогнали. Чуть позже Махмудова задержали, когда тот ехал на своей машине. Его обвинили в неповиновении сотрудникам правоохранительных органов и в организации несогласованного пикета.

Европейский Суд признал, что российское государство нарушило статьи 11, 5 п. 1, 5 п. 5 Конвенции.

Суд учел «неспособность Правительства предоставить доказательства, способные подтвердить факт «террористической угрозы» как основание для отказа заявителю в проведении собрания», в совокупности с тем, что «собрание было напрямую направлено против интересов Московского правительства». Суд также учел, что «собрание не было согласовано, в то время как общественные мероприятия, организованные Московским правительством были согласованы, несмотря на «террористическую угрозу». Суд счел, «что отменив указанное собрание, местные

власти вели себя деспотично», поскольку не было основания для вмешательства в на право на свободу собраний.

Одним из наиболее важных моментов этого дела стало признание факта применения к активисту ненадлежащей ст. 19.3 «неповиновение законному распоряжению сотрудника милиции». В частности Суд отметил, что: «Милиция, которая официально назвала неповиновение законному приказу основанием для его ареста, была неспособна назвать национальным судам любые факты или информацию о нарушении, вменяемом заявителю, не говоря о каком-либо его доказательстве. Представители власти, проводившие задержание сообщили обвинителю, что они задержали заявителя и доставили его в участок милиции для выяснения правового основания проведения митинга, а не за неповиновение приказам милиции. Они также не упомянули каких-либо приказов, которые заявитель мог нарушить. Фактически, предположение о неповиновении было упомянуто впервые начальником отдела милиции, который приказал дежурному милиционеру, не присутствовавшему при аресте заявителя, составить протокол об административном правонарушении, предположительно совершенном заявителем.

Суд пришел к выводу, что задержание заявителя 4 сентября 2003 г. не было «достаточно обосновано». При этом Европейский Суд отметил, что «если у сотрудников милиции были подозрения об участии заявителя в совершении правонарушения, они были обязаны провести расследование с целью подтверждения или опровержения подозрения, лежащего в основе задержания заявителя. Однако такого расследования проведено не было».

По мнению Суда, «при рассмотрении заявления Рустама Махмудова о нарушении его прав и компенсации, внутренние суды ограничились своим рассмотрением соблюдением представителями властей и правоохранительных органов формальных требований к процедурам, применимым во время административного задержания и ареста, оставив за рамками разбирательства причины и основания необходимости применения таких мер как задержание и арест. Указав, что административное дело против заявителя было прекращено в связи с истечением сроков давности, а не в связи с признанием невиновности, российские власти приняли решение о том, что арест заявителя и последующее его содержание под стражей были законными, что не восстановило прав Махмудова.

По делу «Махмудов против России» Европейский Суд по правам человека, заседая составе:

К. Розакис (*C. Rozakis*), *Председатель*,

А. Ковлер (*A. Kovler*),

Е. Штайнер (*E. Shtajner*),

Г. Хаджиев (*H. Hadjiev*),

А. Шпильман (*A. Spielmann*),

С. Йебенс (*C. Jebens*),

Г. Малинверни (*H. Malinverni*), *судья*,

а также С. Нилсен (*S. Nielsen*), *Секретарь*

проведя 5 июля 2007 г. закрытое заседание, вынес следующее Постановление, утвержденное в тот же день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело инициировано жалобой № 35082/04, поданной 27 сентября 2004 г. Рустамом Хамидовичем Махмудовым (далее – «заявитель») против Российской Федерации, в соответствие со ст. 34 Конвенции по защите прав человека и основных свобод (далее – «Конвенция»).

2. Заявитель пожелал участвовать в разбирательстве и назначил своим представителем И. Пузанова, практикующего адвоката из Москвы. Российское правительство (Далее – «Правительство») представлял мистер П. Лаптев.

3. Заявитель заявил, в частности, о нарушении его права на свободу собраний, о незаконном содержании в камере в нечеловеческих условиях и об отсутствии в результате этого какой-либо компенсации.

4. 9 марта 2006 г. Суд принял решение уведомить Правительство о поданной жалобе. Согласно положениям ст. 29 п. 3 Конвенции Суд решил рассмотреть обстоятельства дела, а также вопрос о приемлемости жалобы.

5. Правительство выступило против одновременного рассмотрения вопроса о приемлемости и жалобы по существу. Рассмотрев возражение Правительства, Суд его отклонил.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

6. Заявитель родился в 1950 г. и жил в Москве, последнее время занимая должность муниципального советника.

А. Публичное мероприятие 4 сентября 2003 г.

7. 21 августа 2003 г. неправительственная организация «Городской общественный совет в защиту прав граждан при планировании города и по защите окружающей среды» решил провести собрание жителей района Крылатское на площади Защитников Неба в Москве.

Цели собрания были следующими:

- (1) выразить недовольство неспособностью мэра г. Москвы отреагировать на решения собрания, пошедшего в мае 2003 г.;
- (2) выразить протест против планов строительства нескольких элитных домов на месте, где расположены спортивные и детские площадки;
- (3) выразить вотум недоверия в городским властям и потребовать их отставки;
- (4) обсудить вопросы местного самоуправления.

8. 25 августа 2003 г. заявитель вместе с 3 другими организаторами митинга известили префектуру Западного административного округа Москвы – жилой район Крылатское в его юрисдикции – о дате, времени, месте и цели акции. Мероприятие было запланировано на время с 18.30 до 20.30 в четверг, 4 сентября 2003 г., с участием около 100 человек.

9. 29 августа 2003 г. префект Западного административного округа Москвы принял решение принять уведомление и отдал милиции распоряжение обеспечить общественный порядок и безопасность граждан во время собрания.

10. Заявитель и организаторы проинформировали жителей района Крылатское о намеченном мероприятии, расклеив объявления.

11. 3 сентября 2003 г. префект отменил свое предыдущее решение от 29 августа 2003 г. «в связи с оперативной информацией от правоохранительных органов об ожидающихся террористических актах в районе Крылатское и в целях обеспечения безопасности жителей района». Милиции было дано распоряжение «принять меры по предотвращению собрания, запланированного на 4 сентября 2003 г. на площади Защитников Неба».

12. 4 сентября 2003 г. несколько десятков жителей собрались на площади Защитников Неба, и заявитель был среди них. Не было выступлений и попыток создать массовое обсуждение. Тем не менее, милиция разогнала толпу.

13. 5, 6 и 7 сентября (в пятницу и в субботу) по всей Москве праздновался День города. Программа праздника была утверждена решением Правительства Москвы от 12 августа 2003 г. и включала 61 (шестьдесят одно) мероприятие. В частности такие мероприятия как «Всемирный чайный фестиваль», церемония открытия, «Парад фестивалей», Марафон с участием чемпионов Европы, Открытый чемпионат Москвы по мотокроссу, художественные и спортивные мероприятия, свето-музыкальное шоу, парад студентов и многие другие, – все они проводились на городских площадях. Заявитель представил ст. в СМИ, указывающие, что ни одно из запланированных городских мероприятий не было отменено, и что их посетили тысячи людей.

В. Задержание и содержание заявителя в отделении милиции ночью

14. Заявитель покинул площадь Защитников Неба на частной машине около 8 часов. На ближайшем светофоре милиция заблокировала его машину и, держа его под прицелом, силой вывела заявителя из машины, после чего его препроводили в ОВД района «Крылатское».

15. Согласно записям о доставленных в ОВД на 4 сентября 2003 г., заявитель был задержан за неповиновение законным требованиям сотрудников милиции.

16. По жалобе заявителя о незаконных действиях милиции, прокурор Кунцевского района опросил милиционеров, задержавших заявителя. Капитан Ф., офицер Д. и водитель Л. заявили, что они находились на месте собрания с 6 часов вечера. В 8 часов, когда люди начали расходиться, они задержали заявителя и препроводили его в участок для «выяснения фактов, а именно [законности] основания проведения митинга». Гражданин Н., который был дежурным в участке, засвидетельствовал, что в 8 часов вечера начальник отделения приказал ему составить протокол об административном правонарушении, заключающемся в неповиновении требованию сотрудника милиции и совершенном гражданином Махмудовым, который был «задержан за проведение несогласованного публичного мероприятия».

17. В отделении заявитель был помещен в камеру, где он пребывал, пока не предстал перед судом на следующий день (см. ниже). Камера была грязной и заплесанной; заявителю не дали ни еды, ни питья.

С. Дело об административном правонарушении в отношении заявителя

18. 5 сентября 2003 г. заявитель предстал перед судом Кунцевского районного г. Москвы. Его обвиняли в неповиновении законным требованиям сотрудников милиции и в организации несогласованного публичного мероприятия, что является административными правонарушениями согласно Ст.м 19.3 и 20.2 Кодекса об административных правонарушениях. Оба обвинения рассматривались отдельно.

1. Обвинение в неповиновении законным требованиям сотрудников милиции

19. Рассматривая обвинение в неповиновении законным требованиям сотрудников милиции, суд пришел к следующему заключению:

«Во время подготовки и рассмотрения административного дела был выявлен ряд нарушений Кодекса об административных правонарушениях, что является основанием для возврата дела начальнику отделения милиции<...>».

Из материалов дела не ясно, какова позиция заявителя относительно правонарушения вменяемого ему; из его заявления следует, что он не совершал никакого правонарушения; тем не менее, протокол не содержит списка свидетелей, которые могли бы подтвердить вину правонарушителя, что противоречит Ст. 28.2 Кодекса; а также нет любых других доказательств, подтверждающих незаконность действий заявителя или не подчинение приказам милиции. Кроме того, из решения о возбуждении административного производства выяснилось, что 5 сентября 2003 г., было назначено расследование, которое так и не было проведено, т.к. дело не содержит никаких письменных показаний или другого дополнительного материала, полученного в ходе расследования. Более того, согласно Ст. 28.2 ч. 2 КоАП, материалы дела об административном правонарушении должны быть представлены в суд сразу же по его составлению. Протокол о задержании Махмудова был подготовлен в 8 часов вечера 4 сентября 2003 г., но материалы были предоставлены суду только в 16.30 5 сентября 2003 г. Наконец, в протоколе не указано, кто из сотрудников милиции предъявил заявителю требование, где отдан приказ (номер дома) или какого рода требование это было. Протокол об административном задержании не содержит ссылки на Статью 19.3 КоАП, хотя нарушение именно данного положения явилось основанием для задержания заявителя; в протоколе не описаны личные вещи, одежда задержанного, наличие или отсутствие увечий, или о том, кто был уведомлен о его задержании. Информация по личностям свидетелей не полная, свидетель №2 не подписал протокол, а свидетели защиты не были опрошены».

20. Суд вернул материалы в отделение милиции Крылатское для исправления вышеуказанных нарушений и приказал освободить заявителя в 5 часов вечера.

21. 7 сентября 2003 г. милиция повторно передала дело в суд.

22. 29 октября 2003 г. Кунцевский районный суд решил, что милиция не исправила должным образом нарушения, указанные решением от 5 сентября 2003 г. Суд вынес следующее решение:

«Гражданин Махмудов однозначно заявил о своей невинности в предъявленных ему обвинениях и указал [девять] следующих свидетелей, готовых подтвердить, что он не совершал незаконных действий по отношению к сотрудникам милиции.

Принимая во внимание, что доступный материал недостаточен для вынесения решения о виновности в административном правонарушении гражданина Махмудова, суд принял меры для исправления нарушений в представленных материалах, а также для дополнения списка доказательств. Нарушения не были устранены, и суд решил, что все меры по выяснению виновности гражданина Махмудова в правонарушении исчерпали себя – т.к. представленного доказательства вины недостаточно, – в связи с чем суд вынес решение о необходимости прекратить судебное разбирательство».

23. Следуя жалобе заявителя на то, что правовая основа прекращения производства не была ясно выражена, 2 сентября 2003 г. это решение было отменено вышестоящим судом, и дело возобновили для дальнейшего разбирательства.

24. 19 декабря 2003 г. Кунцевский районный суд вынес решение о прекращении разбирательства на основании истечения двух месячного срока давности.

2. Обвинение в организации несогласованного собрания

25. Опросив свидетелей защиты, которые отрицали факт проведения собрания, и сотрудников милиции, которые выступали на стороне обвинения, суд постановил, что заявитель нарушил установленную процедуру организации публичных мероприятий. Заявителю было известно о том, что решение префекта от 29 августа 2003 г. было отменено, но, тем не менее, продолжил организовывать собрание. Суд назначил штраф в размере 1 000 рублей (около 30 евро).

26. 6 июля 2004 г. суд г. Москвы поддержал данное решение в ответ на апелляционную жалобу заявителя.

D. Судебное рассмотрение решения префекта от 3 сентября 2003 г.

27. Заявитель оспорил решение префекта от 3 сентября 2003 г. в Кунцевском районном суде. Он утверждал, что решение не имело законного основания, т.к. российское законодательство не позволяет отменить в любой момент согласованное собрание, что данное решение было принято с нарушением установленных сроков, вечером накануне запланированной даты акции и, что оно не могло быть основано на «оперативной информации». Он также требовал признать, что милиция незаконно разогнала собрание силой.

28. Районный суд попросил ОВД Крылатское и руководство Западного административного округа Москвы представить оперативную информацию, которая послужила основанием для отмены согласования проведения публичного мероприятия.

29. 6 декабря 2003 г. сотрудники ОВД Крылатское заявили, что в их распоряжении не было подобной информации.

30. 21 января 2004 г. руководство Западного административного округа заявило, что запрошенный материал значится под грифом «секретно» и не может быть представлен суду.

31. Заявитель попросил районный суд передать дело на рассмотрение в суд г. Москвы, который по национальному законодательству компетентен рассматривать дела с секретными материалами. По предварительному решению от 30 января 2004 г. районный суд отказал в удовлетворении данного ходатайства, ссылаясь на то, что целью разбирательства было установить, было ли решение префекта законным или нет, а не выяснить получил префект или нет информацию от правоохранительных органов.

32. По решению от 30 января 2004 г. Районный суд отклонил жалобу заявителя. Суд установил, что префект вынес оспариваемое решение, основываясь на письме от руководства милиции общественной безопасности Западного административного округа от 2 сентября 2003 г. В этом письме сотрудник милиции просил префекта отменить решение от 29 августа 2003 г., потому что управление «получило из различных источников информацию о возможных террористических актах в Москве в местах массового скопления людей». Районный суд заявил следующее:

«По мнению суда информация от правоохранительных органов о возможности подрывных и террористических актов в Москве в местах массового скопления людей подразумевает существование угрозы насилия по отношению не только к тем гражданам, которые намеревались принять участие в публичном мероприятии, но также против тех, кто не собирался воспользоваться своим конституционным правом на свободу собраний.

Никаких данных, противоречащих информации, содержащейся в письме от руководства милиции общественной безопасности Западного административного округа префекту Западного административного округа, суду представлено не было. Решение префекта от 3 сентября 2003 г. было принято не в связи с заявлением, сделанным организаторами собрания, а в связи с угрозой усиления террористической активности в местах массового скопления людей с целью обеспечения безопасности жителей района Крылатское...

Оценивая оспариваемое решение, суд нашел, что префект... действовал в рамках компетенции органа государственной власти и [его действия] отвечали предполагаемой угрозе и соответствовали российской Конституции <...>».

Что касается применения силы милицией при разгоне собрания, Районный суд пришел к следующему заключению:

«Принимая во внимание доводы заявителя и его представителей, а также представителей милицейского командования Западного административно-го округа и участка Крылатское, а также изучив видеоматериалы, представленные заявителем и окружным советом Крылатское, суд постановил, что действия сотрудников милиции, направленные на недопущение массовой акции при наличии угрозы жизни, здоровью и безопасности граждан, были совместимы с [Инструкциями по координации действий милиции при проведении публичных мероприятий в Москве] и с требованиями Ст. 17 § 3 Конституции, по которой запрещается нарушать права и свободы граждан, в том числе при реализации своего права на митинги, демонстрации, марши и пикеты, ссылаясь на особые условия в г. Москва».

33. Заявитель подал апелляционную жалобу. Он заявил, в частности, что ни одно общественное мероприятие, организованное мэрией Москвы в рамках «Дня города» не было отменено из-за потенциальной террористической угрозы. Он подчеркнул, что Районный суд не смог предоставить конкретное законное основание для вынесения решения префекта отменить согласованное мероприятие.

34. 8 апреля 2004 г. Суд г. Москвы отклонил апелляцию заявителя.

Е. Гражданский иск о возмещении ущерба за незаконное задержание

35. 13 ноября 2003 г. и 25 марта 2004 г. заявитель подал гражданский иск о возмещении ущерба против участка Крылатское, Управления Федерального казначейства по г. Москве и Министерства Внутренних дел. Он потребовал компенсацию за незаконный арест и содержание в течение одной ночи в нечеловеческих условиях без сна, еды и питья.

36. 6 июля 2004 г. Крылатский районный суд отклонил иск, найдя, что ст. 1070 Гражданского кодекса РФ не предусматривает ответственность государственных чиновников за нематериальный ущерб, нанесенный ввиду незаконного административного задержания и ареста.

37. 14 апреля 2005 г. Президиум Суда г. Москвы отменил это решение и направил дело на новое рассмотрение.

38. 16 ноября 2005 г. Кунцевский районный суд снова отклонил иск. Он отметил, что в случаях административного задержания государственные чиновники несут ответственность за нематериальный ущерб, только если их вина будет доказана. Заявитель находился в условиях принудительного содержания 24 часа и 10 минут за неповиновение требованиям сотрудников милиции. Его задержание было законным, т.к. по Конституции судебное решение

требуется в случаях, если период задержания превысил 48 часов. Административное делопроизводство против заявителя было прекращено на официальном основании – истечение срока давности – но не по признанию его невиновности. Основываясь на данных обстоятельствах, Районный суд пришел к выводу, что представители власти действовали в рамках их компетенции и полномочий и, таким образом, не могут нести ответственность за нематериальный ущерб, понесенный заявителем.

39. 2 марта 2006 г. Суд г. Москвы по апелляции заявителя поддержал решение от 16 ноября 2005 г., подтвердив доводы районного суда.

II. НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА

A. Публичные мероприятия

40. Конституция гарантирует право граждан РФ собираться мирно и без оружия, право проводить собрания, митинги, шествия, демонстрации и пикеты (ст. 31).

41. Постановление Президиума Верховного Совета СССР № 9306-XI «О порядке организации и проведения собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций в СССР» от 28 июля 1988 г. (действующее на рассматриваемый момент в соответствии с Постановлением президента РФ № 524 от 25 мая 1992) при условии, что организаторы собрания должны предоставить муниципальным властям письменное уведомление не позднее, чем за 10 дней до даты планируемого собрания (§2). Власти должны вынести решение не позднее, чем за 5 дней до собрания (§3). Мероприятие может быть отменено, если его цели противоречат Конституции или угрожают общественному порядку и безопасности граждан.

42. Процедура предварительного уведомления органов исполнительной власти Москвы о массовых мероприятиях регламентирована Указом Президента РФ от 24 мая 1993 г. N 765 «Об утверждении Временного положения о порядке уведомления органов исполнительной власти г. Москвы о проведении митингов, уличных шествий, демонстраций и пикетирования на улицах, площадях и в других общественных местах». При этом уведомление о массовом мероприятии подается организаторами в исполнительный орган не ранее 15 и не позднее 10 дней до планируемой даты акции (§2). Орган исполнительной власти может отказаться принять уведомление, если цель акции противоречит принципам Европейской Конвенции о защите

прав человека, общепринятым моральным нормам, если у органов власти не достаточно возможности для обеспечения общественной безопасности, если собрание по времени и месту совпадает с другим собранием, если оно угрожает обычному функционированию учреждений и организаций или, если оно включает блокирование движения или применение рельсового транспорта (§ 4). Орган исполнительной власти при взаимодействии с организатором может предложить другое место, время или маршрут массовой акции в целях обеспечения общественной безопасности (§ 5). Отказ принять уведомление о массовой акции может быть обжалован (§ 10).

В. Пресечение террористических актов

43. Согласно Федеральному закону № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом» от 25 июля 1998 г., (действующему в рассматриваемый момент) «Министерство внутренних дел Российской Федерации осуществляет борьбу с терроризмом посредством предупреждения, выявления и пресечения преступлений террористического характера, преследующих корыстные цели (ст. 7 п. 3).

44. Органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, общественные объединения и организации независимо от форм собственности, должностные лица должны оказывать содействие органам, осуществляющим борьбу с терроризмом. (ст. 9 п. 1).

С. Административное задержание

45. В Кодексе об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. значится следующее:

Ст. 27.3. Административное задержание

«1. Административное задержание, то есть кратковременное ограничение свободы физического лица, может быть применено в исключительных случаях, если это необходимо для обеспечения правильного и своевременного рассмотрения дела об административном правонарушении, исполнения постановления по делу об административном правонарушении.<...>»

Ст. 27.5. Продолжительность административного задержания

«1. Срок административного задержания не должен превышать три часа, за исключением случаев, предусмотренных частями 2 и 3 настоящей ст. <...>

3. Лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, влекущем в качестве одной из мер административного наказания административный арест, может быть подвергнуто административному задержанию на срок не более 48 часов».

46. Ст. 19.3 предусматривает, что неповиновение законному приказу или требованию сотрудника милиции наказывается административным штрафом или административным арестом сроком до 15 дней.

Д. Компенсация за незаконное лишение свободы

47. Вред, причиненный гражданину в результате незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, незаконного наложения административного взыскания в виде ареста или исправительных работ, возмещается за счет казны Российской Федерации, а в случаях, предусмотренных законом, за счет казны субъекта Российской Федерации или казны муниципального образования в полном объеме независимо от вины должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда в порядке, установленном законом. (ст. 1070 п. 1 Гражданского кодекса РФ). Вред, причиненный гражданину или юридическому лицу в результате незаконной деятельности органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры, не повлекший последствий, предусмотренных пунктом 1 настоящей ст., возмещается по основаниям и в порядке, которые предусмотрены ст. 1069 при условии, что вина человека, который причинил ущерб доказана (ст. 1069 в связи со ст. 1064).

48. Суд может признать причинившего вред ответственным за моральный ущерб, понесенный индивидуумом через действия, нарушающие его или ее личные неимущественные права, такие как право на личную неприкосновенность и право на свободу передвижения (ст. ст. 150, 151). Компенсация морального вреда осуществляется независимо от вины причинителя вреда в случаях, когда: вред причинен гражданину в результате его незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, незаконного наложения административного взыскания в виде ареста или исправительных работ (ст. 1100 п. 2).

ПРАВО

I. ПОРЯДОК РАССМОТРЕНИЯ ЖАЛОБЫ

49. Суд считает надлежащим рассмотреть жалобу заявителя в хронологической последовательности событий, которые привели к подаче жалобы. Сначала Суд определит, было ли вмешательство в право на свободу собраний заявителя и соответственно рассмотрит обстоятельства, относящиеся к обстоятельствам и правовым аспектам лишения свободы и наличия возможного права компенсации.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 11 КОНВЕНЦИИ

50. Заявитель заявил, ссылаясь на Статью 11 Конвенции, что власти помешали проведению мирного собрания 4 сентября 2003 г. под предлогом наличия «террористической угрозы». В то же время данное обстоятельство не привело к отмене городских мероприятий, проводимых двумя днями позже. Ст. 11 гласит:

«1. Каждый имеет право на свободу мирных собраний и на свободу объединения с другими, включая право создавать профессиональные союзы и вступать в таковые для защиты своих интересов.

2. Осуществление этих прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц».

А. Приемлемость

51. Правительство заявило, что заявитель не использовал все внутренние средства защиты, чтобы доказать, что его право на свободу собрания было нарушено.

52. Заявитель отметил, что подача жалобы в прокуратуру не считается в практике Суда эффективным средством защиты. В любом случае, он воспользовался правом судебного обжалования решения префекта.

53. Европейский Суд повторяет свою установившуюся практику, что жалоба, не наделяющая лицо, воспользовавшееся таким средством правовой защиты, личным правом на осуществление государством в отношении заявителя надзорных функций, не является «эффективным средством правовой защиты» (см. «Хорват против Хорватии» (*Horvat v. Croatia*), № 51585/99, п. 47, ECHR 2001-VIII). В Российской законодательной системе прокуратура не обязана выслушивать представителей заявителя, которые не являются ни одной стороной в процессе и только обладают информацией о том, каким образом прокурор рассматривал заявление. Из чего следует, что обращение в прокуратуру для заявителя не было средством, которое должно было быть исчерпано. С другой стороны, заявитель мог и использовал возможность судебного обжалования решения префекта, по которому собрание было отменено. Суд, таким образом, отклоняет протест Правительства о том, что внутренние средства защиты не были полностью исчерпаны.

54. Суд заметил, что данная жалоба не является явно необоснованной в рамках толкования ст. 35 п. 3 Конвенции. Далее Суд заметил, что не было обнаружено иных оснований для признания жалобы неприемлемой. Таким образом, жалоба должна быть признана приемлемой и рассмотрена по существу.

В. Существо дела

1. Имело ли место вмешательство в право

55. Суд повторяет, что право на свободу собраний подразумевает как личные встречи, так и общественные в публичных местах, а также митинги без передвижения или шествия; данное право может быть реализовано как частными лицами, так и организациями, как в качестве участников, так и в качестве организаторов (см. «Джавит Ан против Турции» (*Djavit An v. Turkey*), № 20652/92, п. 56, ECHR 2003-III, и «Христиане против расизма и фашизма против Соединенного Королевства» (*Christians against Racism and Fascism v. the United Kingdom*), жалоба № 8440/78, от 16 июля 1980 г., с. 138, 148). Термин «ограничения», указанный в п. 2 ст. 11 должен рассматриваться как включающий меры, предпринятые до и во время публичного мероприятия и те карательные меры, которые могли быть предприняты после собрания (см. «Эзелин против Франции» (*Ezelin v. France*), от 26 апреля 1991 г., Серия А № 202, п.39).

56. Заявитель в рассматриваемом деле пытался организовать акцию местных жителей с целью опротестовать градостроительную политику Московского правительства. Тем не менее, в согласовании проведения собрания было отказано вечером дня, предшествовавшего дате проведения запланированного мероприятия. Митинг был разогнан милицией, а заявителя оштрафовали за участие в несогласованном публичном мероприятии. Суд считает, что данные меры – предпринятые до, в течение и после собрания – равнозначны вмешательству в право на свободу собраний. Соответственно, задача Суда определить было ли данное вмешательство правомерным и обоснованным.

2. Было ли вмешательство обоснованным

(а) Аргументация сторон

57. Заявитель утверждал, что тезисы властей о возможных террористических актах в местах массового скопления людей были не подтверждены фактами. При внутреннем рассмотрении дела УВД Западного административного округа г. Москвы отказалось представить материалы, имеющие отношение к делу, районному суду, ссылаясь на их «секретность». На рассмотрении жалобы в Страсбурге Правительство также не предоставило никаких доказательств того, что подобная угроза действительно существовала и была реальной. Бремя доказывания лежало в данном случае на стороне заявителя, а Правительство не смогло выполнить функцию предоставления доказательств в деле.

58. Заявитель подчеркнул, что мероприятия, посвященные «Дню города» не были отменены, несмотря на возможный риск террористических атак. Реальная причина запрета на проведение его мероприятия заключалась в том, что оно было напрямую направлено против политики мэра Москвы и правительства, и по времени совпадало с мероприятиями, организованными властями.

59. Заявитель отметил, что вмешательство в его право на свободу собраний не имело законного основания, потому что законодательство, действующее на тот момент, не позволяло префекту изменить решение о согласовании публичного мероприятия.

60. Правительство особо отметило, что ранее заявитель имел возможность реализовать свое право на свободу собраний без какого-либо вмешательства. Ограничение его права, которое рассматривается на данный момент, носило исключительный характер. В право заявителя было вмешательство, т.к. от милиции была получена информация о возможных террористических актах. В целях предотвращения беспорядков и преступлений, террористических актов, а также в целях защиты прав и свобод жителей города, которые не намеревались участвовать в собрании, было необходимо отменить собрание.

61. Правительство заявило, что в целях пресечения террористических актов префект имел не только право, но законную обязанность ограничить право на свободу собраний, в случае если от правоохранительных органов поступила информация о терактах.

62. В заключение Правительство назвало «бестактной» ссылку заявителя на успешное празднование Дня города в качестве довода о том, что не было реальных оснований для запрета проведения митинга 4 сентября 2003 г. Власти не разъяснили это заявление.

(b) Оценка суда

(i) Основные принципы

63. Суд признал, что право на свободу мирных собраний, закрепленное в ст. 11, является основополагающим правом в демократическом обществе и, как право свободы высказывания, одно из основ общества. Как неоднократно указывалось в постановлениях Европейского Суда, не только демократия является основополагающей чертой европейского общественного порядка, но и Конвенция была создана для того, что способствовать продвижению и поддерживать идеалы и ценности демократического общества. Демократия, как подчеркивал Европейский Суд, является единственной политической моделью, рассмотренной в Конвенции, и единственной моде-

лю, которая соответствует Конвенции. В силу п. 2 ст. 11, единственная необходимость, способная оправдать вмешательство на право, гарантированное данной Ст., это необходимость, исходящая от «демократического общества» (см. «Христианско-демократическая народная партия против Молдовы» (*Christian Democratic People's Party v. Moldova*), № 28793/02, пп. 62-63, ECHR 2006), и «Джавит Ан», упомянутый выше, п. 56).

64. Государства должны не только гарантировать право на мирное собрание, но также воздерживаться от применения необоснованных косвенных ограничений этого права. Ввиду основополагающего характера свободы собраний и ее тесной связи с демократией должны иметься убедительные и неопровержимые доводы, оправдывающие вмешательство в это право (см. «Оуранио Токсо против Греции» (*Ouranio Toxo v. Greece*), № 74989/01, п. 36, ECHR 2005-X, и *Адал против Турции* (*Adali v. Turkey*), № 38187/97, п. 267, 31 марта 2005 г.).

65. Рассматривая оспариваемое вмешательство, Суд должен выяснить законно ли, осторожно ли и разумно ли Правительство воспользовалось своим дискреционным правом вмешательства. Суд должен также рассмотреть вмешательство в свете всего дела и определить было ли оно «пропорционально преследуемой законной цели», а причины, представленные властями для оправдания своих действий «достаточными». Следуя этому, Суд должен убедиться, что государственные власти применили стандарты, совместимые с принципами ст. 11 и, более того, что они основывались в своем решении на приемлемой оценке соответствующих фактов (см. «Христианская демократическая народная партия», п. 70, указанное выше).

(ii) Применение вышеперечисленных принципов к данному делу

66. Суд отмечает, что заявитель жалуется на фактический запрет публичного мероприятия, запланированного на 4 сентября 2003 г., но не на какие-либо общие меры, повлиявшие на реализацию его права на свободу собраний. В данных обстоятельствах утверждение Правительства о том, что заявитель пользовался своим правом на свободу собраний, ранее не имеет значения.

67. Правительство доказывает законность, правомерность и необходимость вмешательства, ссылаясь на информацию о возможных терактах, которая повлияла на отзыв согласования акции. Заявитель отрицает факт наличия подобной информации или ее действительности.

68. Суд повторяет, что, оценивая доказательства в рамках конвенционных процедур, он обычно руководствуется принципом

affirmanti, non neganti, incumbit probatio (бремя доказывания лежит на том, кто делает утверждение, а не на том, кто его отрицает). Доказывание может вытекать из сосуществования достаточно надежных, четких и последовательных предположений или аналогичных нерушимых презумпций фактов. В определенных случаях только власти государства-ответчика имеют доступ к сведениям, способным подтвердить или опровергнуть отдельные утверждения. Непредставление властями государства-ответчика такой информации без убедительных объяснений может способствовать выводу об обоснованности требований заявителя (см. «*Фадеева против России*» (*Fadeyeva v. Russia*), № 55723/00, п. 79, ECHR 2005-IV, «*Ахмед Уцкан и др. против Турции*» (*Ahmet Ozkan and Others v. Turkey*), № 21689/93, п. 426, от 6 апреля 2006 г.).

69. Правительственное заявление в данном деле было ограничено подтверждением того, что информация о возможном теракте действительно была передана правоохранительными органами префекту, который принял решение отказать в согласовании мероприятия. Суд отмечает, что Правительство не предоставило никаких подтверждающих документов и не предложило объяснений того, почему нельзя было представить эти доказательства, подтверждающее позицию Правительства. Очевидно, учитывая «секретный» характер, Правительство, а не заявитель имеет доступ к данной информации.

70. Суд далее отмечает, что ни одно доказательство необходимости отказа в согласовании проведения собрания не было представлено или рассмотрено в процессе разбирательств на национальном уровне. Кажется, что районный суд изначально счел, что подобное доказательство должен предоставить заявитель, и предпринял попытку получить данную информацию от милиции (см. п. 29 выше). Местная милиция заявила, что у нее не было такой информацией, а УВД округа не захотело представить ее судье (см. пп. 29 и 30). Заявитель затем попросил суд воспользоваться возможностью, предоставленной внутренним законодательством, и передать дело в вышестоящий суд, обладающий необходимой компетенцией, чтобы рассмотреть дело с привлечением «секретной» информации. Суд отклонил данное ходатайство, ссылаясь на то, что необходимость данной информации не имеет значения для определения законности решения префекта (см. п. 31 выше). Тем не менее, Районный суд в тот же день признал, что подобная информация существовала и предполагала угрозу для жителей Москвы. Суд также решил, что заявитель не смог опровергнуть данную информацию, предоставив обратные данные. Районный суд также заявил, – без уточнения причин – что угроза теракта была не только потенциальной, но ре-

альной, что оправдывало действия милиции при прекращении собрания, которое угрожало жизни людей (см. п. 32 выше). Рассматривая суть апелляции, суд г. Москвы одобрил обоснование районного суда. При данных обстоятельствах Суд находит, что внутреннее расследование – т.к. оно базировалось на информации о террористической угрозе как обосновании для отказа в согласовании – было основано скорее на предположении, чем на реальных фактах.

71. Более того, рассматривая обстоятельства данного дела в целом, Суд видит убедительные и четкие данные, которые свидетельствуют против утверждения Правительства о том, что потенциальная угроза теракта была истинной причиной отказа в согласовании. Как было заявлено во внутренних разбирательствах, префект был извещен милицией о возможных терактах в местах массового скопления людей. Такая информация, будь она достаточно серьезной, могла повлечь усиление мер безопасности в общественных местах, театрах, выставочных залах, на спортплощадках и т.д. Тот факт, что тревожная информация поступила перед празднованием Дня города, мог действительно повлечь за собой отмену ряда мероприятий для обеспечения безопасности участников. Тем не менее, как видно из репортажей СМИ – представленных заявителем и не опротестованных Правительством – мероприятия, организованные мэрией Москвы и Правительством, прошли согласно утвержденной программе на следующий день после планируемого митинга заявителя (см. п. 13). Хотя количество присутствующих на данных мероприятиях значительно превышало число ожидаемых участников акции заявителя, она стала единственным мероприятием, которое было отменено ввиду террористической угрозы.

72. Эти элементы – неспособность Правительства предоставить доказательства, способные подтвердить факт «террористической угрозы» как основания для отказа в согласовании акции, в свете того, что мероприятие было напрямую направлено против политики Московского правительства, акция была фактически запрещена, в то время как общественные мероприятия, организованные Московским правительством были разрешены, несмотря на «террористическую угрозу» – приводят Суд к заключению, что, отменив митинг заявителя, местные власти повели себя деспотично. Суд находит, что не было оснований для вмешательства в право заявителя на свободу собраний.

73. Таким образом, имело место нарушение ст. 11 Конвенции.

III ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТОВ 1, 3 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

74. Заявитель подал жалобу о том, что его задержание и доставление под стражу было незаконным, и ему не предоставили возможность быстро предстать перед судом. Соответствующие части ст. 5 предусматривают следующее:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом: <...>

с) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения. <...>

3. Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом «с» пункта 1 настоящей ст. незамедлительно доставляется к судье <...>»

А. Приемлемость

75. Жалобы заявителя касаются двух аспектов его задержания и удержания под стражей. Во-первых, он предположил, что его задержание незаконно, так как он не нарушил ни одного законного требования или приказа милиции. Во-вторых, он заявил, что ему не позволили «быстро» предстать перед судом.

76. В отношении законности ареста заявителя, Суд считает, что в свете документов, поданных сторонами, данный аспект жалобы поднимает серьезные вопросы фактов и права согласно Конвенции, определение которых требует рассмотрения по существу. Поэтому Суд заключил, что данная жалоба не является безосновательной в рамках значения ст. 35 § 3 Конвенции. Других оснований для признания ее неприемлемой не обнаружено.

77. Суд также считает, что заявитель предстал перед судом через 21 час после его ареста. Суд считает, что данный период может считаться «незамедлительным» согласно ст. 5 п. 3 Конвенции (см. *«Аквилина против Мальты» (Aquilina v. Malta)*, № 25642/94, п. 51, ECHR 1999-III). Таким образом, следует, что данная часть жалобы явно безосновательна и должна быть отклонена согласно ст. 35 пп. 3, 4 Конвенции.

В. Основные аргументы

1. Документы, предоставленные сторонами

78. Заявитель утверждал, что в момент его ареста он уже покинул место проведения акции и находился по дороге домой. Полиция прибегла к несоразмерному использованию силы, заблокировав дорогу его машине и держа его под прицелом. Он не совершил никакого акта неповиновения, фактического или предполагаемого. Более того, его задержание было необязательным, чтобы он предстал перед компетентными властями и вновь не нарушил бы закон или скрылся от преследования. Так как он был заметным общественным деятелем и законопослушным гражданином, не было причин для того, чтобы не явиться в суд. В решении от 5 сентября 2003 г. его не признали виновным в неповиновении требованиям милиции и согласно презумпции невиновности, он должен был считаться невиновным.

79. Правительство представило документы, что заявитель был подвергнут административному задержанию за нарушение законного приказа милиции. Данное нарушение наказывается, в частности, административным арестом, что подразумевает законный срок содержания подозреваемого в отделении милиции до 48 часов. Так как заявитель был фактически лишен свободы на срок не более двадцати одного часа, ст. 5 § 1 Конвенции не была нарушена.

2. Оценка Суда

80. Вначале Суд повторяет, что существенной составляющей частью гарантии против произвольного задержания и содержания под стражей, закрепленной подп. «с» п 1 ст. 5 Конвенции, является «разумность» подозрения, на котором основано задержание. Наличие «разумного подозрения» предполагает наличие фактов или сведений, которые убедили бы независимого наблюдателя, что соответствующее лицо могло совершить преступления (см. «К.Ф. против Германии» (К.-F. v. Germany), от 27 ноября 1997 г., Отчеты 1997 г., VII, п. 57, и «Фокс, Кэмпбелл и Хартли против Соединенного Королевства» (Fox, Campbell and Hartley v. United Kingdom), от 30 августа 1990 г., Серия А № 182 п. 32).

81. Согласно протоколу задержания доставление заявителя в ОВД было в связи с нарушением законного приказа милиции (смотри выше п. 15). Из двух правонарушений, вменяемых заявителю, только нарушение, связанное с неповиновением, а не с организацией несогласованного собрания, подразумевало наказание в виде ареста и следовательно предполагало возможность удержания заявителя в ОВД до 48 часов (смотри выше пп. 45 и 46).

82. Суд отмечает, что заявитель последовательно отрицал нарушение какого-либо приказа милиции. Милиция, которая официально назвала неповиновение законному требованию милиции основанием для его задержания, была неспособна назвать национальным судам любые факты или информацию о нарушении, не говоря о каком-либо его доказательстве. Сотрудники, производящие задержание, – присутствовавшие на месте и которые, как подразумевается, должны обладать информацией из первых рук об обстоятельствах акта неповиновения, – заявили суду, что они задержали заявителя и забрали его в участок милиции для выяснения правового основания проведения митинга, а не за неповиновение приказам милиции. Они не упомянули каких-либо приказов, которые заявитель мог нарушить (*смотри выше параграф 16*). Фактически, предположение о неповиновении было упомянуто впервые начальником отделения милиции, который приказал дежурным дознавателям – ни один из которых не присутствовал при аресте заявителя – составить протокол об административном правонарушении, предположительно совершенном заявителем (там же).

83. Как указано в решении районного суда от 5 сентября 2003 г. (смотри выше п. 19), протокол, составленный в отделении милиции, не указывал, почему заявитель подозревался в неповиновении, не называл ни лица, отдавшего приказ, ни обстоятельств, где и когда он был отдан, ни что это был за приказ. Даже после того, как сотрудникам милиции предоставили вторую возможность прояснить основания для подозрения, приведшего к задержанию заявителя, они не смогли сделать этого, и это обстоятельство заставило суд прекратить разбирательство (*смотри выше п. 22*). Представленные Правительством в Европейский Суд документы не содержат ни фактов, ни информации, относящейся к акту неповиновения, который предположительно был основанием задержания заявителя.

84. Более того, если у сотрудников милиции были подозрения об участии заявителя в совершении правонарушения, они были обязаны провести разбирательство с целью доказательства или отрицания подозрения, лежащего в основе задержания заявителя (*см. «Броган и др. против Соединенного Королевства» (Brogan and Others v. United Kingdom), от 29 ноября 1988 г., Серии А № 145 В, п. 53*). Однако такого разбирательства проведено не было, и милиция не предприняла попыток сбора доказательств за или против подозрения в отношении заявителя, которое, возможно, у них было (*см. определение районного суда от 5 сентября и 29 октября 2003 г.*).

85. В данных обстоятельствах Суд не усмотрел ни фактов, ни информации, которая могла бы убедить объективного наблюдателя, в том, что заявитель совершил акт неповиновения, на который ссылались при его аресте. Суд пришел к выводу, что арест заявителя 4 сентября 2003 г. не был основан на «разумном подозрении» и, следовательно, был произвольным.

86. Следовательно, была нарушена ст. 5 п. 1 (с) Конвенции.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ САТЪБИ 3 КОНВЕНЦИИ

87. Заявитель подал жалобу о том, что условия его ночного содержания под стражей в ОВД Крылатское не соответствовали ст. 3 Конвенции, которая звучит следующим образом:

«Никто не должен подвергаться пыткам, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

88. Правительство заявило, что заявитель никогда не упоминал предполагаемых нечеловеческих условий содержания под стражей в многочисленных его жалобах на национальном уровне, в Министерство внутренних дел или в суды. Они заявили, что ему не удалось использовать все внутренние средства. Во время гражданского судопроизводства он не подал касацию на определение Кунцевского районного суда от 6 июля 2004 г.

89. Заявитель утверждал, что ужасающие условия его содержания были описаны в его жалобе, поданной в Кунцевский Районный суд. Однако Районный суд отклонил жалобу в виду нематериальности ущерба.

90. Ни заявитель, ни Правительство не подали документов по существу данной жалобы.

91. Что касается исчерпывания внутренних средств защиты, Суд повторяет, что Правительство, заявляющее о неиспользовании внутренних средств, обязано удовлетворить интерес Суда к тому, что предпринятое средство было «эффективным» с точки зрения либо предотвращения предполагаемого нарушения, либо его пресечения, либо с точки зрения компенсации за любое правонарушение (см. *«Кудла против Польши» (Kudla v. Poland)*, № 30210/96, п. 158, ECHR 2000-XI).

92. В связи с коротким периодом содержания заявителя под стражей в отделении милиции, жалоба руководству, очевидно, не вызвала улучшений условий содержания. Следовательно, единствен-

ным «эффективным» доступным средством для заявителя было то, которое обеспечивало бы компенсацию нарушений, которые уже имели место. Жалоба в прокуратуру или руководству милиции, возможно, привела бы к дисциплинарным взысканиям против сотрудников, ответственных за содержание, однако самому заявителю она не принесла бы компенсации. В данных обстоятельствах заявитель мог здраво ожидать, что гражданский иск, будет эффективным средством и может привести к получению компенсации. Из жалобы заявителя в Кунцевский Районный суд следует, что ссылка на предполагаемые нечеловеческие условия содержания составляла часть его требования компенсации морального вреда (*смотри выше п. 35*). Однако Районный суд не рассмотрел эту часть жалобы, ограничив рассмотрение выяснением соблюдения властями процедурных, а не фактических, аспектов лишения свободы. Тем не менее, заявитель не поднял данный вопрос вновь при обжаловании или в последующем разбирательстве после отмены определения Кунцевского районного суда Президиумом суда г. Москвы.

93. Следовательно, данная жалоба должна быть отклонена согласно ст. 35 пп. 1, 4 Конвенции в связи с неиспользованием внутренних средств защиты.

V. ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 § 5 КОНВЕНЦИИ

94. Заявитель подал жалобу на то, что он не смог получить компенсацию за задержание, считающееся незаконным. Он ссылаясь на статью 5 п. 5, которая звучит следующим образом:

«Каждый, кто стал жертвой ареста или заключения под стражу в нарушение положений настоящей ст., имеет право на компенсацию».

A. Приемлемость

95. Правительство заявило, что заявитель не использовал все внутренние средства, так как на момент подачи его жалобы в Суд – 27 сентября 2004 г. – Президиум суда г. Москвы еще не рассмотрел его заявление о контрольном рассмотрении.

96. Суд повторил, что последней стадии использования внутренних средств можно достичь вскоре после подачи жалобы, однако до того, как Суд должен будет вынести решение о приемлемости (*см. «Сагат, Байрам и Берк против Турции» (Saaat, Bayram and Berk v. Turkey), № 8036/02, 6 марта 2007 г., «Рингайзен против Австрии» (Ringeisen v. Austria), от 16 июля 1971 г., Серия АЮ № 13 п. 91*).

97. На момент подачи заявителем жалобы в Суд, его надзорная жалоба на определение районного суда от 6 июля 2004 г., ожидала решения в суде г. Москвы. Согласно российскому Гражданскому процессуальному кодексу районные суды должны рассматривать такие обращения в течение одного месяца (ст. 381 § 1), заявитель мог разумно ожидать, что вскоре будет получено решение Президиума. Ничто не подтверждает, что задержка в несколько месяцев в рассмотрении его заявления о надзорном рассмотрении связана с его действиями. В любом случае Европейский Суд повторяет, что надзорная жалоба не является средством правовой защиты, которое должно быть исчерпано по смыслу п. 1 ст. 35 Конвенции (см. «Денисов против России» (*Denisov v. Russia*) (дек.), № 33408/03, 6 марта 2004 г.). Поэтому Суд отклоняет возражения Правительства.

98. Суд считает, что в свете документов, поданных сторонами, жалоба поднимает серьезные вопросы фактов и права согласно Конвенции, определение которых требует рассмотрения по существу. Поэтому Суд заключил, что данная жалоба не является явно необоснованной в рамках значения ст. 35 п. 3 Конвенции. Других оснований для признания ее неприемлемой не установлено.

В. Основные аргументы

99. Заявитель подчеркнул, что право на компенсацию за незаконное задержание не гарантируется российским законодательством. В отличие от ареста при уголовном преследовании в случае с административным арестом жертва должна доказать, что государственные чиновники не правы.

100. Правительство предоставило документы, что согласно российскому законодательству об административных правонарушениях задержание содержит основания для иска в отношении материального и нематериального ущерба. Заявитель использовал возможность подачи гражданского иска, который был рассмотрен в двух инстанциях и отклонен, потому что суды признали задержание законным. Правительство подчеркнуло, что административное разбирательство против заявителя было прекращено на основании истечения срока давности. Данное основание не предполагает обязательств властей в отношении неудобств, которые, возможно, были причинены заявителю.

101. Суд повторяет, что п. 5 ст. 5 Конвенции считается соблюденным, если имеется возможность обратиться за компенсацией в связи с лишением свободы, осуществленным в нарушение требований пп. 1, 2, 3 и 4 ст. 5 Конвенции. Поэтому право на компенсацию, закреплен-

ное в п. 5 ст. 5 Конвенции, предполагает установление либо властями государства-ответчика, либо Судом нарушения одного из предшествующих пунктов ст. 5 Конвенции (см. *Постановление Европейского Суда по делу «Федотов против Российской Федерации» (Fedotov v. Russia)*, от 25 октября 2005 г., жалоба N 5140/02, п. 83* (* Опубликовано в «Бюллетене Европейского Суда по правам человека» № 3/2006.), *Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «N.C. против Италии» (N.C. v. Italy)*, жалоба № 24952/94, ECHR 2002-X, п. 49).

102. В данном случае Суд признал нарушение п. 1 ст. 5 в том, что задержание заявителя не было основано на «достаточном подозрении» в совершении правонарушения. Поэтому, он должен установить, есть ли у заявителя осуществимое право на компенсацию согласно ст. 5.

103. При рассмотрении жалобы заявителя о компенсации, внутренние суды ограничились своим рассмотрением соблюдением государственными чиновниками официальных требований к процедурам, применимым во время осуществления административного задержания, оставив основание достаточности подозрения для задержания за рамками расследования. Указав, что административное разбирательство против заявителя было прекращено в связи с истечением срока давности, а не признанием невиновности, они приняли решение о том, что задержание заявителя и последующее содержание под стражей были законными согласно внутреннему законодательству.

104. Суд также отмечает, что российское законодательство строго ограничивает ответственность за незаконное задержание отдельными процессуальными формами лишения свободы, включающими, в частности, лишение свободы во время уголовных разбирательств и административных наказаний, однако исключаящими административное задержание (смотри выше пп. 47 и 48). Так как заявитель подвергся административному задержанию и содержанию под стражей, простого признания его незаконности будет недостаточно для получения компенсации; ему придется также доказать, что виновны сотрудники милиции и госслужащие (там же). Более того, когда лицо задержано на законных основаниях согласно внутреннему законодательству, однако с нарушением п. 1 ст. 5 Конвенции, данное нарушение не может быть основанием – до или после заключений Европейского Суда в данном постановлении – для осуществимого иска о компенсации в национальные суды (см. «Броган и др.», указано выше, п. 67). Следовательно, заявитель не имел осуществимого права на компенсацию за административное задержание, произведенное с нарушением ст. 5 п. 1.

105. Следовательно, была нарушена ст. 5 § 5 Конвенции.

VI. ДРУГИЕ ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ КОНВЕНЦИИ

106. Заявитель подал жалобу согласно ст. 6 § 1 Конвенции, что национальные судебные разбирательства чрезмерно затянуты, суды предвзяты и необъективны, так как приняли решение против него. Он также подал жалобу согласно ст. 1 Протокола №1 о наложении административного штрафа. Поскольку заявитель подал жалобу о неблагоприятном исходе судебного разбирательства в отношении его права на свободу собраний, Суд отмечает, что данный вопрос уже был решен и привел к выводу о нарушении ст. 11 Конвенции. Разбирательство продолжалось менее 1 г., что не является чрезмерным сроком, и предположение о частичной предвзятости не подтверждается ни одним материалом в деле. Следует, что данная часть жалобы явно безосновательна и должна быть отклонена согласно ст. 35 пп. 3 и 4 Конвенции.

107. В заключение, ссылаясь на статью 14 Конвенции, заявитель утверждал, что во время содержания его под стражей сотрудники милиции допускали уничижительные высказывания о его татарском происхождении и что прокурор пренебрег обязанностью проверить это обстоятельство. Европейский Суд повторяет, что дискриминация по признаку этнического происхождения или религиозной принадлежности является формой расовой дискриминации, которая считается крайне оскорбительным видом дискриминации и, ввиду ее тяжелых последствий, требует от властей особой бдительности и решительных действий (см. *«Игорь Артемов против Российской Федерации» (Igor Artyomov v. Russia)*, от 7 декабря 2006 г., жалоба № 17582/05, *«Тимишев против Российской Федерации» (Timishev v. Russia)*, жалобы № 55762/00 и 55974/00, ECHR 2005-XII, п. 56* (* Опубликовано в «Бюллетене Европейского Суда по правам человека» № 8/2006.)). Однако ст. 14 Конвенции не существует отдельно, поскольку применяется только в отношении прав и свобод, гарантированных указанными* (* Так, в тексте. Речь идет о признании нарушения прав и свобод, гарантированных Конвенцией (раздел I) (прим. переводчика)) положениями [Конвенции] (см. *«Инце против Австрии» (Inze v. Austria)* от 28 октября 1987 г., Серия А, № 126, п. 36). Следовательно, данная жалоба несовместима с положениями Конвенции по смыслу п. 3 ст. 35 Конвенции в силу принципа *ratione materiae** (* Компетенция *ratione materiae* (лат.) – обжалуемое заявителем право должно быть гарантировано европейской Конвенцией о защите прав человека и основных свобод (прим. переводчика)) и подлежит отклонению в соответствии с п. 4 ст. 35 Конвенции.

IV. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

108. Ст. 41 Конвенции гласит:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Ущерб

109. Заявитель подал заявление о возмещении 120000 евро за нематериальный ущерб в связи с нарушением ст. 3, 100000 евро – нарушением ст. 5, 20000 евро – нарушением ст. 6 п. 1, 30000 евро – нарушением ст. 11, 5000 евро – нарушением ст. 1 Протокола 1, 5000 евро – с нарушением ст. 13 и 20000 евро – нарушением ст. 14.

110. Правительство считает, что запрошенные суммы чрезмерны и признание нарушения будет достаточным для удовлетворения.

111. Суд отмечает, что нашел несколько серьезных нарушений прав человека в данном случае. Публичное мероприятие, которое заявитель попытался организовать, было фактически запрещено без достаточных оснований. Он был задержан без достаточного подозрения в совершении им правонарушения и был заключен под стражу на ночь. У него не было возможности получить компенсацию за незаконный арест и содержание под стражей. Делая итоговое заключение на беспристрастной основе, Суд присуждает заявителю 12000 евро в качестве компенсации морального вреда, плюс любой налог, который берется с данной суммы, и отклоняет другие пункты жалобы.

В. Расходы и издержки

112. Заявитель потребовал компенсации 5000 евро на вознаграждение юристам, 100 российских рублей на сертификацию сертификата полномочий, 1934,05 рублей на направление 19 писем в Суд, 8226,96 рублей на перевод его наблюдений на английский язык и последующие расходы при необходимости устного разбирательства. Заявитель предоставил копии почтовых квитанций и квитанций за перевод контракта на оказание юридических услуг с его обязательством заплатить 2000 евро за приготовление документов на предоставление в Суд и 3000 евро за устное выступление в суде, при необходимости.

113. Правительство отметило, что заявитель требовал 3000 евро за юридические услуги и еще неопределенное количество на дальнейшие расходы, связанные с устным разбирательством. Однако

данных расходов не было. Более того, они заявили, что почтовые расходы были чрезмерно завышены из-за большого количества писем, отправленных в Суд.

114. Суд удовлетворен тем, что контракт на оказание юридических услуг между заявителем и его юристом создал осуществимые обязательства по выплате указанных в нем сумм. Однако, так как устное слушание было проведено, расходы еще более увеличились из-за подготовки письменных показаний. Затраты на перевод меморандума считаются обоснованными и должны быть возвращены полностью. Наконец, Суд отмечает, что количество писем, которые прислал представитель заявителя, было чрезмерным, и должно быть применено некоторое снижение почтовых расходов. В отношении данных вопросов Суд присуждает 2250 евро заявителю на компенсацию расходов и издержек, плюс любой налог, который берется с данной суммы.

С. Процент при просрочке платежа

115. Суд считает необходимым ввести штрафной процент, основанный на минимальном ссудном проценте Европейского Центрального Банка, к которому необходимо прибавить 3 процента.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1. заявляет, что жалобы на предполагаемое нарушение права заявителя на свободу собраний, законность его ареста и доступность права на получение компенсации за незаконное задержание, приемлемы, а оставшиеся жалобы неприемлемы;

2. выносит решение о том, что была нарушена ст. 11 Конвенции;

3. выносит решение о том, что была нарушена ст. 5 п. 1 Конвенции;

4. выносит решение о том, что была нарушена ст. 5 п. 5 Конвенции;

5. выносит решение :

(а) отвечающее государство должно выплатить заявителю в течение трех месяцев с даты признания окончательности решения согласно ст. 44 п. 2 Конвенции, следующие суммы, на день исполнения, переведенные в рублевый эквивалент:

(i) 12000 евро (двенадцать тысяч евро) в отношении нематериального ущерба;

(ii) 2250 евро (две тысячи двести пятьдесят евро) в отношении расходов и издержек;

- (iii) любой налог, который облагаются вышеназванные суммы;
- (b) по истечении вышеназванный трех месяцев до исполнения простой процент будет выплачиваться с вышеназванных сумм, эквивалентный минимальному ссудному проценту Европейского Центрального Банка во время периода дефолта, к которому необходимо прибавить 3 процента;
6. отклоняет оставшуюся часть требования заявителя справедливого удовлетворения.

Составлено на английском языке, заверено в письменном виде 26 июля 2007 г., согласно пп. 2, 3 ст. 77 Регламента Суда.

Кристос Розакис
Председатель

Сюрен Нильсен
Секретарь

ГАЛСТЯН ПРОТИВ АРМЕНИИ
GALSTYAN v. ARMENIA

Жалоба № 26986/03

Постановление Суда
Страсбург

15 ноября 2007 г.

Перевод с английского – Любовь Захарова

Уведомительная процедура § 114

Прекращение мероприятий, проводимых с уведомлением властей. Задержания участников. § 115, 117

Защита права на свободу собраний в судебных инстанциях РФ § 29

Наказание за участие и/или организацию публичного мероприятия § 117

Несоразмерно жестокое наказание за нарушение установленного порядка проведения публичных мероприятий § 115

Вмешательство должно быть оправдано или недопустимо § 114

Мирный/насильственный характер акции § 115

Предсказуемость закона § 106

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ СУТИ ДЕЛА

Заявитель – уполномоченный помощник по выборам основного оппозиционного кандидата на выборах в Армении в марте 2003 г. – участвовал в серии митингов протеста, организованных в Ереване оппозиционными партиями. После визита к нему домой полицейского, он пошел в участок, чтобы выяснить причины визита, а в участке ему посоветовали прекратить участие в демонстрациях. 7 апреля 2003 г. по случаю Дня матери в Ереване состоялась женская демонстрация. Заявитель как таковой не принимал участия в демонстрации, как и большинство мужчин, наблюдавших за акцией со стороны для воодушевления женщин и предотвращения возможных провокаций. По дороге домой в 100-150 метрах от места проведения акции 2 полицейских в штатском задержали заявителя и препроводили его в участок. Был составлен протокол, где говорилось, что заявителя арестовали на площади и что он «участвовал в демонстрации, во время которой нарушал общественный порядок», предъявив ему обвинение в мелком хулиганстве. В участке ему предложили подписать этот протокол и не просить адвоката, так как ему не грозит большого наказания и дело «предрешено начальством». В тот же день суд за 5 минут на основании материалов из ми-

лиции приговорил заявителя к 3 суткам административного ареста. Заявитель обратился за помощью к местной правозащитной НПО «22-е февраля». НПО при участии «Юристов за права человека» подало жалобу в Генеральную Прокуратуру, которая была отклонена.

ЕСПЧ единогласно признал нарушение статьи 11, статьи 6 п. 1, 3 (b), статьи 2 Протокола No. 7.

Рассматривая нарушение ст. 11 Конвенции, Суд отмечает, что, в отличие от дела Эзелин, заявитель был подвергнут гораздо более строгому наказанию, т.е. трем дням лишения свободы, за совершение следующих действий на демонстрации, о которой идет речь: «препятствование уличному движению» и «шум». Ни решение суда, ни материалы полиции, не раскрывают деталей обстоятельств нарушения. Власти не предприняли никаких попыток рассеять участников демонстрации по причине незаконного препятствования движению. Следовательно, «препятствие уличному движению», в котором обвинили заявителя, равноценно его физическому присутствию на демонстрации, проходившей на улице, где движение было остановлено до этого органами власти с очевидным намерением способствовать проведению законной демонстрации. Что касается громкого шума, Суд нашел, что затруднительно представить бесшумной обширную политическую демонстрацию, на которой люди выражают свое мнение.

Суд заключил, что заявитель был скорее подвергнут наказанию всего лишь за факт участия в демонстрации, чем за совершение чего-либо незаконного. Суд полагает, что сути права на свободу мирных собраний мог быть нанесен ущерб, поскольку Государство одобрило демонстрацию, затем наложило санкции за факт присутствия на ней. Суд заключил, что вмешательство в право заявителя на свободу мирных собраний не было «необходимым в демократическом обществе».

Это постановление суда станет окончательным при обстоятельствах, установленных в ст. 44 п. 2 Конвенции. Оно может быть подвергнуто редакционному пересмотру.

По делу «Галстян против Армении» Европейский Суд по Правам Человека (Третья Палата), заседая в составе:

Б. Зупанчич (*B. Zupancic*), *Председатель*,
С. Бирсан (*S. Birsan*),
Э. Фура-Сандстром (*E. Fura-Sandstrom*),
А. Гюлумян (*A. Gulumian*),
Э. Майер (*E. Majer*),
Д. Т. Бёргвинссон (*D. T. Bergvingson*),
И. Берро-Лефевр (*I. Berro-Lefevr*), *судьи*,
а также С. Кусада (*S. Kusada*), *Секретарь*,
проведя 18 октября 2007 г. закрытое заседание, вынес следующую постановление, принятое в вышеупомянутый день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было возбуждено против Республики Армения на основании жалобы № 26986/03, поданной 1 августа 2003 г. в Суд в соответствии со ст. 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – «Конвенция») гражданином Армении Аршамом Галстяном (далее – «заявитель»).

2. Заявитель изъявил желание участвовать в разбирательстве и назначил своим представителем Н. Егиазаряна. Армянское правительство (далее – «Правительство») было представлено Уполномоченным, Г. Костаняном, Представителем Республики Армения в Европейском Суде по Правам Человека.

3. 5 апреля 2005 г. Суд решил уведомить Правительство о заявлении. Согласно ст. 29 п. 3 Конвенции, Суд решил рассмотреть коммуницированную жалобу по существу одновременно с рассмотрением вопроса о ее приемлемости.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

4. Заявитель родился в 1958 г. и живет в Ереване.

5. В 2003 г. в Армении состоялись президентские выборы, первый тур которых прошел 19 февраля. Заявитель действовал в качестве уполномоченного помощника по выборам (Վստահիված թիվ) основного оппозиционного кандидата на выборах. На втором этапе выборов, которые состоялись 5 марта 2003 г., заявитель был членом одной из районных избирательных комиссий. В ходе выбо-

ров заявитель участвовал в серии митингов протеста, организованных в Ереване оппозиционными партиями.

6. Заявитель утверждал, и Правительство не оспаривало, что в начале апреля полицейские Центрального районного полицейского участка Еревана (ՀՀ քստիկանության Երևանի ֆաղափի կենտրոնական բաժին) пришли в дом заявителя в то время, когда его там не было. Обнаружив это, заявитель пошел в полицейский участок, чтобы выяснить причины их визита. В полицейском участке начальник приказал заявителю прекратить свое участие в демонстрациях.

7. 7 апреля 2003 г. в 17.00 состоялась демонстрация в центре Еревана по случаю Дня матери. Демонстрация проходила на проспекте Маштотс, рядом с Институтом исследований античных рукописей (Մատենադարան). Оказалось, что демонстрация имела политический характер и критиковала действия Правительства, а также проведение президентских выборов.

8. Заявитель утверждал, и Правительство не оспаривало, что демонстрация была организована женщинами, в ней приняло участие около 30.000 человек, большинство из которых были женщины. Движение было приостановлено транспортной полицией на существенной части проспекта перед началом демонстрации. Заявитель как таковой не принимал участия в демонстрации, как и большинство мужчин, наблюдавших с расстояния, стоя по обе стороны проспекта. Их задачей было воодушевлять женщин и предотвращать возможные провокации.

9. По словам заявителя, около 17.30 он пошел домой. По дороге домой в 100-150 метрах от места проведения демонстрации, к нему подошли 2 человека в гражданском, которые предъявили полицейские удостоверения и препроводили его в Центральный районный полицейский участок.

10. В полицейском участке, полицейские, которые проводили арест, составили протокол ареста заявителя (արձանագրության բերման ենթարկելու մասին), которой начинался с того, что заявитель «был арестован около 17.30 на проспекте Маштотс за препятствование движению и антисоциальное поведение на демонстрации».

11. Один из офицеров, проводивших задержание, доложил начальнику полицейского участка (ՀՀ քստիկանության Երևանի ֆաղափի կենտրոնական բաժնի պետ), что:

«...7 апреля 2003 г. мы были на дежурстве на проспекте Маштотс, где проходила демонстрация и собралось большое количество людей. Во время дежурства, мы заметили одного человека, который препятствовал движе-

нию, демонстрировал антисоциальное поведение и подстрекал других последовать его примеру. Этот человек был доставлен в полицейский участок <...>».

12. Заявитель был подвергнут досмотру, в ходе которого не было обнаружено ничего незаконного. Был составлен соответствующий протокол.

13. Полицейские допрашивали заявителя. Заявитель сделал письменное заявление (աբձանագրություն բացատրություն վերցնելու մասին), в котором он подтвердил, что участвовал в демонстрации три дня назад. Узнав о демонстрации 7 апреля 2003 г., он также пошел туда. Дальше он подтвердил, что он знал о демонстрации, которая должна была состояться через 2 дня, и собирался принять участие в ней. Заявитель добавил, что он не нарушал и не собирался нарушать законы во время этих демонстраций. Это заявление было возвращено полицейскими, которые сказали, что там была пометка карандашом и попросили заявителя написать новое заявление. Когда он написал новое заявление с таким же содержанием, полицейские остановили его на том месте, когда он собирался написать о том, что не совершал каких-либо правонарушений во время демонстраций, и сказали, что того, что он написал – достаточно.

14. Полицейские составили протокол об административном правонарушении (վարչական իրավախախտման աբձանագրություն), в котором было указано, что заявитель «участвовал в демонстрации, во время которой нарушал общественный порядок». Действия заявителя были квалифицированы по ст. 172 Кодекса об административных правонарушениях Республики Армения (Վարչական իրավախախտումների վերաբերյալ ՀՀ օրենսգիրք) как мелкое хулиганство. Этот протокол был подписан заявителем. Он также поставил подпись в разделе, подтверждающем, что ему сообщили о его правах согласно ст. 267 Кодекса об административных правонарушениях, и в разделе, помеченном как «иная информация, относящаяся к сути дела», где он также добавил «в адвокате не нуждаюсь».

15. Заявитель утверждал, что изначально он отказался подписать этот протокол и запросил адвоката. Это стало причиной того, почему его продержали в полицейском участке следующие 5 с половиной часов. В течение этого времени полицейские настойчиво пытались убедить его подписать протокол и отказаться от адвоката. Они говорили ему, что нет необходимости в адвокате, и не стоит тратить деньги на такое незначительное дело. Более того, они сказали, что исход дела уже предрешен их начальством, поэтому адвокат скорее навредит, чем поможет, т.к. заявитель может провести достаточно много времени в полицей-

ском участке из-за этого. С одной стороны, если он подпишет протокол и откажется от адвоката, его сразу же отправят в суд, где в худшем случае будет наложен небольшой штраф, и его отпустят. Заявитель, в конце концов, уступил и согласился подписать протокол, отказавшись от адвоката. В тот же самый день в 23.00 его отправили к судье М. Ереванского районного суда Кентрон и Норк-Мараш Kentron (Երևանի քաղաքի Կենտրոնի և Նորկ-Մարաշ համայնքների աստիճանատանի դատարանի), который рассматривал его дело.

16. Правительство оспорило это утверждение. По его данным, заявитель содержался в полицейском участке в течение 2 часов и был направлен к судье М. в 19.30. За это время полицейские разъяснили задержанному его право пользоваться помощью адвоката, посоветовав ему воспользоваться этим правом, чему он не захотел последовать. Протокол административного правонарушения был подписан заявителем добровольно и без возражений. Более того, заявитель даже не попытался инициировать какие-либо действия, направленные на защиту его прав, такие как заявить ходатайство или воспользоваться другими процедурными правами, гарантированными ст. 267 Кодекса об административных правонарушениях, несмотря на то, что ему сообщили о них.

17. Материалы административного дела заявителя, переданные полицией судье М. для изучения, содержали следующие документы: (1) протокол административного правонарушения; (2) полицейский рапорт; (3) протокол ареста заявителя; (4) протокол досмотра заявителя; и (5) письменное заявление заявителя. Все эти документы, кроме полицейского отчета, были подписаны заявителем.

18. Судья М. после короткого разбирательства приговорил заявителя согласно ст. 172 Кодекса об административных правонарушениях к 3 суткам административного ареста. В мотивировочной части решения суда было сказано:

«7 апреля 2003 г. около 17.00... на проспекте Маштотс [заявитель], вместе с группой лиц, препятствовал уличному движению, нарушал общественный порядок громкими звуками и настаивал на том, чтобы другие участники демонстрации делали тоже самое <...>».

19. Решение гласило, что есть повод для пересмотра Председателем уголовного и военного апелляционного суда (ՀՀ քրեական և զինվորական գործերով վերաքննիչ դատարանի նախագահ).

20. Согласно протоколу судебного заседания – выполненного в виде каллиграфической рукописи – слушания были проведены публично в присутствии судьи, секретаря и заявителя. Судья разъяснил заявителю его права и проинформировал о возможности дать отвод судье и секретарю. Заявитель не захотел заявлять какие-либо

отводы. Он утверждал, что знаком со своими правами и не хочет иметь адвоката. Судья зачитал подписанное полицией ходатайство, настаивающее на привлечении заявителя к административной ответственности. Заявитель признал, что он с большой группой неизвестных людей стоял на проспекте Маштот, движение по которому было прекращено. Он сказал, что он делал это поскольку была демонстрация, и все вокруг делали тоже самое. Он начал громко шуметь после того, как это стали делать другие участники демонстрации, но он никого не подталкивал к этому. Суд не задал ни единого вопроса заявителю. После этого судья огласил и рассмотрел материалы, подготовленные полицией. Ознакомившись с этими материалами, заявитель согласился, что он подписал протокол об административном правонарушении, но возразил тому, чтобы должен быть подвергнут административной ответственности, т.к. другие люди на демонстрации также совершали аналогичные действия. Судья удалился в совещательную комнату, после чего вернулся и огласил решение. Время продолжительности заседания не было запротоколировано.

21. Заявитель утверждал, а Правительство в прямой форме не оспаривало, что вышеуказанный протокол являлся подделкой и был изготовлен после судебного слушания с тем, чтобы создать видимость законности. В действительности на процессе не было секретаря, и слушание не протоколировалось. Заседание продолжалось всего лишь около пяти минут и проводилось в кабинете судьи М. Более того, заявитель настаивал, что в противоположность тому, что утверждает протокол, на слушании присутствовали только судья, заявитель и полицейский. Последний активно не участвовал в заседании. Его функция была ограничена доставкой заявителя в суд. Судья просмотрел материалы, подготовленные полицией, и спросил заявителя: «Что вы хотите?». «Справедливости и законности», – ответил заявитель. Судья продолжил чтение материалов и сказал «т.к. у вас трое детей, и вы не были ранее судимы, я вынесу мягкий приговор, назначив наказание в виде трех дней ареста». Заявитель в ответ попытался представить обстоятельства дела, обратился к судье с просьбой вызвать несколько свидетелей в суд и попросил адвоката. Судья молча выслушал заявителя, подписал несколько бумаг и отпустил заявителя, после чего его доставили в центр для содержания правонарушителей под стражей, где он и отбывал свое наказание.

22. 14 апреля 2003 г. заявитель обратился за помощью к местной правозащитной НПО «22-е февраля» («Փետրվարի 22» իրավապաշտպան կազմակերպություն), подробно обжалуя вышеперечисленные события. Он подтвердил, среди прочего, что полицейские подталкивали его подписать документ об отказе от адвоката, настаивая, что адвокат не нужен в таком деле.

23. 28 апреля 2003 г. НПО подало жалобу в Генеральную Прокуратуру (ՀՀ գլխավոր դատախազ) от имени заявителя, требуя возбудить уголовное дело против полицейских и судьи М.

24. В письме от 27 мая 2003 г. Районный прокурор района Кен-трон и Норк-Мараша (Կենտրոնի և Նորք-Մարաշ համայնքների դատախազ) сообщил, что решение от 7 апреля 2003 г. обоснованно, и нет оснований для его опротестования.

<....>

ПРАВО

I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ВОЗРАЖЕНИЕ СО СТОРОНЫ ПРАВИТЕЛЬСТВА

1. Представления сторон

(а) Правительство

33. Правительство заявляет, что заявитель не исчерпал национальные средства защиты в отношении решения от 7 апреля 2003 г., как того требует ст. 35 п. 1 Конвенции. Согласно ст. 286 КоАПа, решение суда наложить административное наказание было окончательным и не подлежит обжалованию, кроме случаев, предписанных законом. Подобное исключение в отношении дел, затрагивающих правонарушения по ст. 172 КоАПа, обеспечено ст. 294 КоАПа. Эта ст. предписывает две возможности аннулировать решение суда: или по запросу к прокурору заявить протест или по подаче апелляции непосредственно председателю вышестоящего суда. Т.о., если сторона обратилась к прокурору, но последний отказался заявить протест, тогда у этой стороны есть право подать апелляцию председателю вышестоящего суда. Кроме того, сторона имеет право непосредственно подавать апелляцию в вышестоящий суд, предварительно не обращаясь к прокурору. Заявитель был проинформирован об этой возможности, т.к. решение от 7 апреля 2003 г. гласило, что «может быть пересмотрено Председателем Уголовного или Военного Апелляционного Суда». Несмотря на это, он использовал только первую из этих двух возможностей и не обратился к Председателю.

(б) Заявитель

34. Заявитель не принял возражения Правительства. Во-первых, он оспорил то, что из формулировки ст. 294 КоАП не было ясно, председателю какого именно «вышестоящего» суда он может, в соответствии с тем, о чем заявляет Правительство, подать заявление, т.к. разделение судов на вышестоящие и нижестоящие было

неотъемлемым элементом советстской судебной ситсемы и более не существует в Армении. Даже если допускать, что фраза «вышестоящий суд» предполагает Уголовный и Военный Апелляционный Суд, ни ст. 294, ни какая другая ст. КоАП не предписывает права осужденного человека подавать апелляцию на решение суда, предписывающего административный арест. Из формулировки ст. 294 может также быть сделан вывод, что председатель вышестоящего суда может пересматривать подобные решения по своему собственному побуждению – процедура, которая не была необыкновенной в советской судебной системе. Если эта ст. предоставляет право подавать апелляцию в отличие от права пересмотра, тогда такого рода апелляция скорее будет признана законной в группе из трех судей апелляционного суда, чем его председателем, если эта процедура подчиняется основным процедурным правилам, применяемым в Армении в контексте как уголовного, так и гражданского судебного процесса.

35. Во-вторых, заявитель оспаривает, что ст. 294 предписывает пересмотр окончательного решения как самим судьей по прокурорскому протесту, так и, был или не был заявлен подобный протест, председателем вышестоящего суда. Это были два равноценных пути судебной защиты, и пострадавший человек имел право выбрать один из них и не был обязан использовать оба одновременно или один за другим. Так или иначе, он не был обязан исчерпывать средства защиты, которые не были эффективными и адекватными, согласно признанным всеми правилам международного права. Заявление председателю вышестоящего суда согласно ст. 294 не было бы таким средством судебной защиты, т.к. много сходных заявлений от других людей, подвергнутых административным наказаниям за участие в акциях протеста в период, следующий за президентскими выборами, достоверно были неудачными.

36. Заявитель предоставил копии сходных судебных решений, налагающих административное наказание на других людей, датированных апрелем-маем 2002 г., которые утверждали, что они являются окончательными, не были подвергнуты апелляции и могли были быть опротестованы прокурором.

2. Оценка Суда

37. Суд обращает внимание, что принцип исчерпания национальных средств защиты, упомянутый в ст. 35 п. 1 Конвенции, обязывает тех, кто добивается предъявления иска в суд против государства перед лицом международного судебного органа, использовать

в первую очередь средства защиты, обеспеченные национальной правовой системой, т.о. освобождая государство от необходимости ответа за свои действия перед международным органом, до тех пор пока у него есть возможность исчерпать вопрос непосредственно через свою собственную правовую систему. В порядке соблюдения принципа, у заявителя должна быть возможность нормального обращения за помощью к средствам защиты, доступным и достаточным для предоставления компенсации в соответствии с нарушениями, которые были заявлены (см. *«Асенов и другие против Болгарии» (Asenov and Others v. Bulgaria), No 24760/94, п. 85, ЕСПЧ 1999-VIII.*

38. Кроме того, согласно ст. 35, наличие средств защиты, которые доступны и достаточны, должно быть достаточно определенным не только в теории, но и на практике, и отсутствие которых будет приводить к отсутствию необходимой доступности и эффективности (см. *«Де Йонг, Балье и ван ден Бринк против Нидерландов» (De Jong, Baljet and Van den Brink v. the Netherlands), от 22 мая 1984 г., Серия А, No 77, с. 19, п. 39, «Вернийо против Франции» (Vernillo v. France), от 20 февраля 1991 г., Серия А, No 198, с. 11-12, п. 27).* Эта возложенная на Правительство обязанность, требующая неисчерпания, для удовлетворения запроса Суда о том, что средства судебной защиты были эффективными, действительными в теории и на практике в то время, которое имеет отношение к делу, для того, чтобы сказать, что они были доступными, была той обязанностью, которая способна обеспечить удовлетворение жалобы заявителя и предлагает обоснованные перспективы на успех (см. *«Акдивар и другие против Турции» (Akdivar and Others v. Turkey), от 16 сентября 1996 г., Отчеты 1996-IV, с. 1211, п. 68).*

39. Суд далее обращает свое обширное прецедентное право на эффект того, что заявление для пересмотра судебного дела не может, как правило, браться в расчет в целях применения ст. 35 п. 1 Конвенции (см. *«R. против Дании» (R. v. Denmark), № 10326/83, от 6 сентября 1983 г., Отчеты 35, с. 218, «Прыставка против Украины» (Prystavka v. Ukraine), № 21287/02, 17 декабря 2002 г., «Денисов против России» (Denisov v. Russia), № 33408/03, 6 май 2004 г.).* Более того, средства судебной защиты, использование которых зависит от дискреционной власти публичных должностных лиц, не может рассматриваться как эффективное средство защиты в рамках значения ст. 35 п. 1 Конвенции (см. *«Тумилович против России» (Tumilovich v. Russia), № 47033/99, 2 июня 1999 г., «Гурепка против Украины» (Gurepka v. Ukraine), № 61406/00, п. 60, 6 сентября 2005 г.).* Средства судебной защиты, которые имеют неопределенные временные рамки, создают таким образом неопределенность и

предоставляют бесполезными принципы, содержащиеся в ст. 35 п. 1 Конвенции, которая тесно связана с требованиями исчерпать национальные средства защиты (см. «Бердзенишвили против России» (*Berdzenishvili v. Russia*), № 31697/03, 29 января 2004 г., «Денисов», упомянутое выше).

40. Возвращаясь к обстоятельствам данного дела, Суд обращает внимание, что ст. 286 КоАП недвусмысленно утверждает, что решение суда (судьи), налагающее административное наказание, является «окончательным и не подлежит обжалованию». Ст. 294 КоАП далее предусматривает, что «оно может быть аннулировано или изменено самим судьей по протесту прокурора и, если был или не был заявлен такой протест, председателем вышестоящего суда». Суд полагает, прежде всего в отношении возможности подать запрос прокурору на заявление протеста, что это очевидно является не эффективным средством судебной защиты для целей ст. 35 п. 1 Конвенции, учитывая то, что это не доступно стороне напрямую и зависит от дискреционного права прокурора.

41. Что касается пересмотра приведенного в исполнение решения председателем вышестоящего суда, стороны не пришли к соглашению, был ли этот пересмотр проведен в ответ на апелляцию заинтересованной стороны или по побуждению председателя. Суд обращает внимание с самого начала, что ни одна из дальнейших деталей этой процедуры не обеспечены КоАП. Это правда, что ст. 286 позволяет исключения. Вопреки тому, о чем заявляет Правительство, ничего не говорит о том, что ст. 294 может рассматриваться как подобное исключение. На самом деле, формулировка, используемая в этой ст., то есть «может быть аннулирована или изменена председателем», как противоположная к «апелляция может быть заявлена против», являющейся формулировкой, используемой в Армении в контексте как уголовного, так и гражданского процесса, подсказывает, что эта ст. скорее обеспечивает право пересмотра, чем право на апелляцию. Далее суд обращает внимание, что заявление этой процедуры на практике также оказывается противоречивым: в то время как решение от 7 апреля 2003 г. утверждает, что «это предмет пересмотра Председателем», многие другие подобные судебные решения – копии которых были предоставлены заявителем – утверждают, что они «окончательны и обжалованию не подлежат» или «могут быть опротестованы прокурором». Правительство, в свою очередь, потерпело неудачу в предоставлении каких-либо доказательств в поддержку своей интерпретации ст. 294. В подобных обстоятельствах Суд не нашел интерпретацию Правительства убедительной и полагает, что ст. 294 КоАП обеспечивает скорее пра-

во пересмотра председателем, чем право стороны на апелляцию. Даже принимая, что сторона – только в случае подачи заявления прокурору – могла бы требовать подобного пересмотра, ничего не предполагает, чтобы председатель был обязан действовать согласно соответствующему запросу стороны. Кроме того, ни КоАП, ни решение от 7 апреля 2003 г. сами по себе не предписывают какие-либо временные границы для этого пересмотра.

42. В свете всего вышеизложенного, Суд заключил, что возможность пересмотра, обеспеченная ст. 294 КоАП, похоже больше на исключительное средство судебной защиты, чем на регулярную апелляционную процедуру, и не может быть принята в расчет по сути ст. 35 п. 1 Конвенции. По этой причине, предварительное возражение Правительства было отклонено.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ Ст. 5 КОНВЕНЦИИ

43. Заявитель жаловался, что ст. 5 п. 1 Конвенции не предусматривает в качестве одного из оснований лишения свободы, задержание человека в качестве административной санкции. Далее он жаловался согласно ст. 5 п. 4 Конвенции, что ему не было дано право оспорить законность задержания, примененного к нему по решению от 7 апреля 2003 г.

Соответствующие части ст. 5 гласят:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

а) законное содержание под стражей лица, осужденного компетентным судом;

б) законное задержание или заключение под стражу (арест) лица за неисполнение вынесенного в соответствии с законом решения суда или с целью обеспечения исполнения любого обязательства, предписанного законом;

с) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения;

д) заключение под стражу несовершеннолетнего лица на основании законного постановления для воспитательного надзора или его законное заключение под стражу, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом;

е) законное заключение под стражу лиц с целью предотвращения распространения инфекционных заболеваний, а также законное заключение под стражу душевнобольных, алкоголиков, наркоманов или бродяг;

ф) законное задержание или заключение под стражу лица с целью предотвращения его незаконного въезда в страну или лица, против которого предпринимается мера по его высылке или выдаче <...>».

Каждый, кто стал жертвой ареста или заключения под стражу в нарушение положений настоящей ст., имеет право на компенсацию.

Приемлемость

1. Представления сторон

44. Правительство утверждает, что «административное задержание» заявителя было допустимо согласно ст. 5 п. 1 (а) Конвенции, т.к. он был осужден судом за совершение административного правонарушения. Ст. 5 п. 1 (а) позволяет задерживать человека, если он или она виновны в совершении правонарушения – или уголовного, дисциплинарного или, как в данном случае, административного. Что касается ст. 5 п. 4 Конвенции, Правительство заявило, что заявителю было дано право оспорить законность его задержания по ст. 294 КоАП.

45. Заявитель утверждает, что административное задержание как форма наказания не может быть включено в основания для задержания, допускаемого ст. 5 п. 1 Конвенции, т.к. применение этой процедуры признано нег.ным Резолюцией 1304 (2002) Парламентской Ассамблеи Совета Европы. Более того, даже если законность задержания в рамках значения ст. 5 Конвенции не зависела от законности осуждения, тем не менее, если его дело было бы изучено в соответствии с гарантиями ст. 6 Конвенции, он не был бы лишен свободы. Что касается ст. 5 п. 4 Конвенции, заявитель утверждал, помимо причин, содержащихся в его аргументах по поводу предполагаемого неисчерпания (см. пп. 34-36 выше), что он не был в состоянии оспаривать решение от 7 апреля 2003 г., т.к. копия этого решения была выдана ему позднее, после освобождения от задержания.

2. Оценка Суда

(а) Ст. 5 п. 1 Конвенции

46. Суд обращает внимание на то, что ст. 5 п. 1(а) позволяет «законное задержание человека после обвинения компетентным судом». Это положение не делает различия, основанного на правовом характере правонарушения, за которое человек был обвинен. Оно апеллирует к любому «осуждению», дающему повод к лишению свободы, вынесенному «судом» независимо от его классификации в рамках внутреннего права Государства, о котором идет речь (см. «Энгель и другие против Нидерландов» (*Engel and Others v. the Netherlands*), от 8 июня 1976 г., Серия А, № 22, с. 27-28, п. 68, «Гуренка», упомянутое выше, п. 39).

47. В данном деле заявитель был подвергнут административному аресту, последовавшему за его осуждением по ст. 172 КоАП за мелкое хулиганство Кентрон и Норк-Мараш районным судом Еревана. Хотя и назывался «административный арест», этот термин фактически был использован для обозначения краткосрочного приговора, вынесенного судом за совершение правонарушения, классифицированного в национальном праве как административное и обладающее обычно несерьезным характером. Суд заключает, что заявитель был лишен свободы после «осуждения» в рамках значения ст. 5 п. 1 (а) Конвенции.

48. Остается выяснить, было ли это осуждение наложено «компетентным судом». Согласно ст. 223 КоАП, административные дела, касающиеся правонарушений, представленных в ст. 172, рассматриваются судьями судов первой инстанции. В данном деле административное дело заявителя рассматривалось судьей М. Кентрон и Норк-Мараш районным судом Еревана, который являлся судом с территориальной юрисдикцией для рассмотрения правонарушений, о которых идет речь. Из этого следует, что осуждение заявителя было произведено «компетентным судом», как этого требует ст. 5 п. 1(а) Конвенции.

49. Наконец, что касается законности решения, вынесенного судом, Суд обращает внимание, что ст. 5 п. 1 (а) – это независимое постановление, чьи требования не всегда совпадают с требованиями ст. 6 Конвенции (см. Энгель и другие, упомянутое выше, стр. 27-28, п. 68). Рассматривая особые обстоятельства дела, Суд, без вынесения предварительного решения по существу по жалобе согласно ст. 6, полагает, что лишение свободы, примененное к заявителю за мелкое хулиганство, было обеспечено армянским законом и было наложено в соответствии с процедурой, предписанной законом (см., внося необходимые изменения, там же; и Гурепка, упомянутое выше п. 39).

50. В свете вышесказанного, Суд заключает, что эта часть заявления очевидно плохо аргументирована и должна быть отклонена в соответствии со ст. 35 пп. 3, 4 Конвенции.

(b) Ст. 5 п. 4 Конвенции

51. Суд обращает внимание на то, что несмотря на то, ст. 5 п. 4 обязует Страны-участницы договора сделать доступным право на просьбу о помощи, если решение, лишаящее человека свободы, принято административным органом, нет ничего, что указывало бы, что тоже самое применяется, когда решение вынесено судом

при закрытии судебного разбирательства. В то время как приговор о заключении под стражу «вынесен после осуждения компетентным судом», контроль, требуемый ст. 5 п. 4, включен в решение (см. «*Де Вильде, Оомс и Версин против Бельгии*» (*De Wilde, Ooms and Versyp v. Belgium*), от 18 июня 1971 г., Серия А, № 12, с. 40-41, п. 76, «*Энгель и другие, упомянутое выше*», с. 32, п. 77, «*Менешева против России*» (*Menesheva v. Russia*), № 59261/00, п. 103, ЕСПЧ 2006).

52. С позиции вышесказанного, факт того, что в данном деле не была доступна обычная процедура подачи апелляции на решение Кентрон и Норк-Мараш районного суда Еревана (см. *пп. 40-42 выше*), не вызывает проблем согласно ст. 5 п. 4.

53. Из этого следует, что эта часть заявления очевидно плохо аргументирована и должна быть отклонена в соответствии со ст. 35 пп. 3, 4 Конвенции.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ Ст. 6 КОНВЕНЦИИ

54. Заявитель сделал несколько жалоб по ст. 6 пп. 1, 3 (b) и (c) Конвенции. В частности, он утверждал, что (1) суд, рассматривавший его дело, не был независимым, т.к. в Армении не было независимых судов, потому что судьи назначались Советом Юстиции, контролируемым Президентом Армении и Министром Юстиции; (2) судебный процесс не был справедливым, а суд не был беспристрастным: по существу не было никакого рассмотрения дела, все заседание суда продолжалось около 5 минут, и судья игнорировал все его аргументы, даже не пытаясь возражать ему и основывая свое решение исключительно на протоколе административного правонарушения, документа, сфабрикованного полицией; (3) судебное разбирательство не было публичным в виду того факта, что оно проходило в комнате офиса судьи в 23.00; (4) ему не дали достаточного времени и возможности подготовить свою защиту; и (5) он был обманут в части отказа от адвоката.

Соответствующая часть ст. 6 Конвенции обеспечивает следующее:

«1. Каждый <...> при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела <...> независимым и беспристрастным судом.<...>

3. Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет как минимум следующие права: <...>

б) иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты;

с) защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника <...>».

А. Приемлемость

1. Применимость ст. 6

55. Несмотря на то, что применимость ст. 6 к административному судебному разбирательству, о котором идет речь, не оспаривается, Суд считает необходимым обратить этот спорный вопрос к его собственному разрешению. По причинам, изложенным ниже, считается, что эти судебные разбирательства касались определения уголовного обвинения против заявителя.

56. Суд обращает внимание, что для того, чтобы определить, квалифицируется ли правонарушение как «уголовнонаказуемое» в целях Конвенции, в первую очередь необходимо выяснить, было или нет постановление, определяющее правонарушения, принадлежащие по законодательству отвечающего Государства к уголовному праву; следующими должны рассматриваться «сама сущность правонарушения» и степень суровости наказания, которое грозит (см. *«Энгель и другие», упомянутое выше, с. 34-35, п. 82, «Озтюрк против Германии» (Öztürk v. Germany), от 21 февраля 1984 г., Серия А, № 73, с. 18, п. 50, «Демиколли против Мальты» (Demicoli v. Malta), от 27 августа 1991 г., Серия А, № 210, с. 15-17, пп. 31-34).*

57. Что касается национальной классификации, Суд предварительно изучил сферу, определенную в конкретной правовой системе как «административную» и обнаружил, что она включает некоторые правонарушения, которые являются уголовными по природе, но слишком банальны, чтобы определяться уголовным правом и процедурой (см. *«Палаоро против Австрии» (Palaoro v. Austria), от 23 октября 1995 г., Серия А, № 329-В, стр. 38, пп. 33-35).* В армянской системе это также имеет место.

58. Так или иначе, указания, предоставленные национальным правом, не являются решающими для целей ст. 6, и сама природа правонарушения, о котором идет речь, является фактором наименьшей важности (см. *«Кэмпбэлл и Фелл против Соединенного Королевства» (Campbell and Fell v. the United Kingdom), от 28 июня 1984 г., Серия А, № 80, с. 36, п. 71, «Вебер против Швейцарии» (Weber v. Switzerland), от 22 мая 1990 г., Серия А, № 177, с. 18, п. 32).* Суд отмечает, что ст. 172 КоАП применяется для всего населения. Кроме того, цель санкции, наложенной на заявителя, была исключительно карательной и устрашающей.

59. В заключение, что касается суровости наказания, Суд рассматривает, что лишение свободы, наложенное в виде наказания за правонарушение, принадлежащее к уголовной сфере, за исклю-

чением своей природы, продолжительности или способа выполнения, не является существенно причиняющим вред (см. «Энгель и другие», упомянутое выше, с. 34-35, пп. 82, «Эзе и Коннорс против Соединенного Королевства» (*Ezeh and Connors v. the United Kingdom*), № 39665/98 и 40086/98, пп. 69-130, ЕСПЧ 2003-Х). В настоящем деле, заявитель был лишен свободы на три дня и был заключен в центр для содержания под стражей задержанных правонарушителей на срок своего приговора. Кроме того, максимальный приговор, который мог быть вынесен, составлял 15 суток.

60. Эти рассмотрения достаточны, чтобы установить, что правонарушение, в котором был обвинен заявитель, может классифицироваться как «уголовное» для целей Конвенции (см. «Менешева», упомянутое выше, пп. 94-98). Из этого следует, что применима ст. 6.

2. Независимость суда

61. Суд обращает внимание, что в определении, может ли орган рассматриваться как «независимый», в особенности от исполнительной власти и от сторон дела – необходимо считаться со способом назначения его членов и длительностью их срока полномочий, наличием гарантий, защищающих от внешнего давления и вопросом, будет ли орган показывать внешний вид независимости (см. «Кэмпбелл и Фелл», упомянутое выше, с. 39-40, п. 78).

62. Суд обращает внимание с самого начала, что заявителю далее не удалось привести достаточно оснований, кроме как через выражение общей неудовлетворенности системой назначения судей, которая подвергает опасности независимость суда, расследующего его собственное дело. Суд отмечает, что, согласно Конституции, в настоящее время власть ответственна за назначение судей, а именно над Советом Юстиции осуществляет контроль Президент Армении. Тем не менее, тот факт, что члены суда назначаются исполнительной властью, а не в рамках своей ветви власти, вызывает вопрос о независимости (там же., стр. 40, п. 79). Суд отмечает, что судьи назначались на свои посты на основе особой проверки квалификации. Более того, гарантии независимости судей, такие как неприкосновенность во время нахождения на должности, их несменяемость и свобода от внешних инструкций или давления, гарантированы Конституцией и применяемым законодательством. По мнению Суда, эти гарантии были достаточными, чтобы исключить опасения заявителя относительно независимости суда в его случае.

63. Суд заключает, что эта часть заявления очевидно плохо обоснована и должна быть отклонена согласно ст. 35 пп. 3, 4 Конвенции.

3. Другие гарантии справедливости суда

64. Правительство, отсылая к допустимости решения в деле «Мёрфи против Соединенного Королевства» (*Murphy v. the United Kingdom*), № 4681/70, от 3 октября 1972 г., Сборник 43, с. 1), утверждает, что в отношении его жалобы о недостатке времени и возможностей подготовить свою защиту, заявитель не исчерпал национальные способы защиты, т.к. он не заявил ходатайство в суд с просьбой отложить слушание. Если заявитель полагал, что у него не было достаточно времени для подготовки своей защиты, у него была возможность запросить такую отсрочку или выразить несогласие с действиями властей.

65. Заявитель не прокомментировал этот п.

66. Суд полагает, что возражения Правительства близко связаны с сутью жалоб заявителя согласно ст. 6, и должны быть присоединены к существу дела.

67. Что касается оставшейся части жалобы согласно этой ст., Суд обращает внимание, что эти жалобы не являются очевидно плохо обоснованными в рамках значения ст. 35 п. 3 Конвенции. Более того, он отмечает, что они не являются неприемлемыми на любых других основаниях. Таким образом, они должны быть объявлены приемлемыми.

В. По существу дела

1. Заявления сторон

(а) Правительство

68. Правительство заявило, что заявитель имел достаточно времени для того, чтобы подготовить свою защиту. Ссылаясь на дело «Альберт и Ле Конт против Бельгии» (*Albert and Le Compte v. Belgium*), от 10 февраля 1983 г., Серия А, 58, с. 20-21, п. 41), оно утверждает, что «достаточное время» было оценено с точки зрения обстоятельств дела, включая сложность дела и стадию судебного разбирательства.

Заявителя доставили в полицейский участок в 17.30, в то время как слушание состоялось в 19.30. В течение этого времени, ему не удалось получить доступ к своим процессуальным правам, несмотря на все усилия полицейских. Заявитель был ознакомлен с материалами дела против него и проинформирован о своем праве заявить ходатайство, чего он не сделал. Заявитель подписал протокол административного правонарушения добровольно и, делая это, он согласился с его содержанием и в некотором роде подтвердил свою

вину. Принимая в расчет, что заявитель подписал протокол, отказался от адвоката, не заявил никакого ходатайства и не воспользовался другими процессуальными правами, полицейские посчитали, что двух часов достаточно для подготовки заявителя к своей защите. Более того, заявитель имел право попросить отсрочки рассмотрения своего дела, что он также не сделал. Не подав запрос на отсрочку, заявитель согласился, что у него достаточно времени для подготовки своей защиты. В заключение, немедленно представил дело в суд, полицейские обеспечили проведение судебного разбирательства в разумные сроки.

69. Более того, Правительство утверждает, что дело заявителя было рассмотрено публично. Согласно ст. 8 Кодекса Гражданских Процедур, для дела, которое должно быть рассмотрено без посторонних, Суд должен принимать специальное решение. По делу заявителя такого решения принято не было, что свидетельствует о том, что слушания были публичными.

70. Правительство в конце концов утверждало, что заявитель сам не хотел взять адвоката, несмотря на тот факт, что полицейские объяснили ему его право иметь адвоката и посоветовали воспользоваться этим правом. Кроме того, заявитель не захотел иметь адвоката во время всего процесса, включая судебное слушание, как он отметил в протоколе административного правонарушения. Подводя итог вышесказанному, суд заявителя в целом удовлетворял гарантиям ст. 6 Конвенции.

(b) Заявитель

71. Заявитель утверждал, что суд не был справедливым. Справедливый суд предполагает беспристрастное, объективное и исчерпывающее рассмотрение обстоятельств дела, поскольку все материалы показывают, что такого рассмотрения по его делу не было. Более того, он утверждал, что в период, последовавший за президентскими выборами в 2003 г., и полиция, и суд делали все что только было возможно, чтобы наказать активистов оппозиции в условиях отсутствия прозрачности. Полиция, как правило, искала «жертв» не на демонстрациях, а позднее и в других местах. Часто общественности и близким родственникам становилось известно об осуждении только после того, как было принято решение суда, и осужденный уже был помещен в место содержания под стражей. Для того, чтобы замаскировать, что эти дела были сфабрикованы, власти не позволяли адвокатам участвовать и проводили слушания в поздние часы, таким образом эффективно исключая возможность участия в них общественности.

72. Заявитель далее ссылался на свои предыдущие представления, согласно которым, судебное слушание, в противоположность тому, что утверждает Правительство, проходило в 23.00, и никто больше на нем не присутствовал, кроме судьи и сопровождающего полицейского, который, так или иначе, не участвовал в слушание. Судья основывал свое решение исключительно на протоколе административного правонарушения и игнорировал все аргументы заявителя, даже не задавая вопросы. Весь суд продолжался около пяти минут, и не было никакого рассмотрения как такового. Заявитель никогда не отказывался от адвоката ни перед, ни во время судебного слушания.

73. Далее заявитель утверждал, что притязания Правительства относительно обстоятельств дела, было ничто иное как предположения, основанные на том факте, что он подписал протокол административного правонарушения. Этот протокол, тем не менее, был фальшивым, и таким образом вылился в решение суда, которое не содержало ничего, кроме стандартного текста. Даже принимая тот факт, что этот протокол мог бы рассматриваться как признание, в отсутствие каких-либо других доказательств, он не мог служить в качестве достаточной базы для его осуждения.

74. Что касается публичности слушаний, заявитель утверждал, что это было скорее де факто, чем де юре – сторона этого явления, которая должна была быть взята в расчет. Слушания, которые проходили в 23.00 в офисе судьи, не могут считаться «публичными».

2. Оценка Суда

75. С тем, чтобы удостовериться, соответствовал ли процесс против заявителя требованиям ст. 6, Суд будет направлять жалобы, поднятые в этом отношении, индивидуально (см. *«Борисова против Болгарии» (Borisova v. Bulgaria), № 56891/00, п. 40, 21 декабря 2006 г.*).

(а) Ст. 6 п. 1: Справедливое и публичное судебное разбирательство беспристрастным судом

76. Суд отмечает в самом начале, что заявитель опровергает обстоятельства своего суда, как они представлены в протоколе судебного слушания, утверждая, что по существу не было рассмотрения дела, что не было секретаря и слушание не протоколировалось, и что протокол, упомянутый выше, является фальшивкой. Несмотря на тот факт, что Правительство недвусмысленно оспорило это представление, Суд рассматривает, что неоспоримые доказательства требовались бы для того, чтобы убедить, что определенный официальный документ является фальшивкой. Это правда, что протокол был выполнен в виде каллиграфической рукописи, что побуждает

Суд предположить, что, возможно, был черновик – или, по крайней мере, протокол был перезаписан – где-либо после слушания. В то время как это может вызвать некоторые сомнения в точности протокола, тем не менее это недостаточное обоснование, чтобы Суд мог заключить, что протокол является фальшивкой. Суд вследствие этого будет действовать на основании предположения, что суд был проведен таким образом, как это записано в этом протоколе, из которого следует, что было рассмотрение суда, пусть даже и очень короткое.

77. Заявитель утверждал, что суд основывал свое решение на материалах, подготовленных полицией, а именно протоколе административного правонарушения, и игнорировал все его аргументы. Суд обращает внимание, что, тем не менее, это находится не в рамках его компетенции заменять свою собственную оценку фактов и доказательство этого для национального суда и, как правило, для этой компетенции этих судов оценивать доказательства, предоставленные перед ними (см. «*Эдвардс против Великобритании*» (*Edwards v. the United Kingdom*), от 16 декабря 1992 г., Серия А, № 247-В, с. 34-35, п. 34, «*Бернар против Франции*» (*Bernard v. France*), от 23 апреля 1998 г., Отчеты 1998-II, с. 879, п. 37). Более того, пока ст. 6 гарантирует право на справедливое судебное слушание, она не покрывает какие-либо правила допустимости доказательств как таковых, которые первоначально являются причиной постановления согласно национальному праву. По этой причине роль Суда заключается не в определении, как причины принципа, был ли особый тип доказательств допустимым или, на самом деле, был ли заявитель виновен или нет. Вопрос, на который нужно ответить, заключается в том, было ли судебное разбирательство в целом, включая способ, которым получены доказательства, справедливым. В определении, было ли судебное разбирательство как таковое справедливым, особое внимание должно быть уделено тому, соблюдено ли было право на защиту. Должно быть рассмотрено в частности, была ли дана заявителю возможность оспорить достоверность доказательств и, что важнее, ею пользоваться. К тому же, должно быть рассмотрено качество доказательств, включая то, были ли обстоятельства, в которых они были получены, исключаящими сомнения в их надежности и точности. Несмотря на то, что не возникает ни одной проблемы со справедливостью там, где доказательства не поддержаны другими документами, можно отметить, что там, где доказательства очень сильны и нет никакого риска, что они ненадежны, потребность в подкреплении доказательств соответственно слабее (см. «*Яллох против Германии*» (*Jalloh v. Germany*), № 54810/00, пп. 94-96, ЕСПЧ 2006).

78. Суд отмечает, что обвинение против заявителя и последующее осуждение основывались на доказательствах, предоставленных полицейскими, проводившими арест, как отражено в протоколе об административном правонарушении и других материалах, подготовленных полицией. По мнению Суда, факт того, что единственным доказательством в уголовном судебном разбирательстве являются свидетельские показания полицейских, проводивших арест, не является само по себе противоречащим ст. 6 Конвенции, равно как и то, что обвиняемый имеет возможность проверить эти доказательства в противостоящих судебных разбирательствах. В настоящем деле, заявитель – даже если это очень короткое слушание – в состоянии сделать представление в защиту своей позиции. С другой стороны, ни один из полицейских, проводивших арест, не был вызван и опрошен в суде. В связи с этим, Суд обращает внимание, что, тем не менее, право опрашивать свидетелей может быть использовано только если обвиняемый выразил желание, так сделать (см. «Кардо против Франции» (*Cardot v. France*), от 19 марта 1991 г., Серия А, № 200, стр. 18-19, пп. 35-36), – это то, что заявитель не сделал.

79. Далее заявитель утверждал, что суд не был беспристрастным. Суд обращает внимание, что требование «беспристрастности», закрепленное в ст. 6 п. 1 Конвенции, имеет 2 аспекта. Во-первых, суд должен быть субъективно свободным от личного предвзятого мнения. Во-вторых, он должен быть беспристрастным с объективной точки зрения, что выражается в том, что он должен предоставлять убедительные гарантии, исключающие любые законные сомнения в этом отношении (см. «Готрен и другие против Франции» (*Gautrin and Others v. France*), от 20 мая 1998 г., Отчеты 1998-III, с. 1030-31, п. 58, «Моррис против Соединенного Королевства» (*Morris v. the United Kingdom*), № 38784/97, п. 58, ЕСПЧ 2002-I). Что касается субъективного критерия, личная беспристрастность судьи должна предполагаться до тех пор, пока не доказано обратное (см. «Хаушильд против Дании» (*Hauschildt v. Denmark*), от 24 мая 1989 г., Серия А, № 154, с. 21, п. 47, «Дактарас против Литвы» (*Daktaras v. Lithuania*), № 42095/98, п. 30, ЕСПЧ 2000-X). В данном деле, заявитель утверждал, что судья был предвзятым по политическим причинам. В этом отношении Суд рассматривает, что – в то время как некоторые материалы в деле, такие как документы ПАСЕ и Инструкция *Human Rights Watch*, предполагают, что период вокруг президентских выборов 2003 г. были периодом повышенной политической чувствительности – тем не менее, этого недостаточно, чтобы заключить, что судья рассматривавший в частности дело заявителя, был лично предвзят по политическим мотивам. Более того, Суд отмечает, что

заявитель не привел ни один из аргументов, который был бы способен подтвердить сомнения о субъективной или объективной беспристрастности судьи М., рассматривавшего это дело.

80. В заключение заявитель утверждал, что слушание не было публичным, т.к. оно по утверждению проводилось в офисе судьи в 23.00. Суд повторяет, что общественный характер судебного слушания составляет фундаментальные принципы, закрепленные в ст. 6 п. 1 (см. *«Шулер-Цзрагген против Швейцарии» (Schuler-Zraggen v. Switzerland), от 24 июня 1993 г., Серия А, № 263, с. 19-20, п. 58*). Право подсудимого на публичное слушание – это не только дополнительная гарантия, что будет попытка установить истину, но также то, что помогает утверждать, что он удовлетворен тем, что его дело определено судом, в чьей независимости и непредвзятости он удостоверился. Публичный характер судебного разбирательства перед судебными органами защищает сторону в процессе от отправления справедливости в тайне без публичного наблюдения; это также одно из средств, при помощи которых поддерживается уверенность в судах – высших и низших. Делая отправление правосудия видимым, гласность делает вклад в реализацию целей ст. 6 п. 1, а именно, справедливого суда, гарантия которого – один из фундаментальных принципов любого демократического общества, в рамках значения Конвенции (см. *«Фейде против Швеции» (Fejde v. Sweden), от 29 октября 1991 г., Серия А, № 212-С, с. 67-68, п. 28, «Терсе и другие против Сан-Марино» (Tierce and Others v. San Marino), № 24954/94, 24971/94 и 24972/94, п. 92, ЕСПЧ 2000-IX*).

81. В данном деле, Суд отмечает с самого начала, что слушание, о котором идет речь, было формально публичным. Тем не менее, оно должно было быть ограниченным таким же образом, что Конвенция направлена на гарантию не того права, которое является теоретическим или иллюзорным, но права, которое практично и эффективно (см. *«Сухорубченко против России» (Sukhorubchenko v. Russia), № 69315/01, п. 43, 10 февраля 2005 г.*). Суд полагает, что право на публичное слушание было бы иллюзорно, если бы национальная правовая система стран-участниц договора, позволяла бы судам проводить слушания, которые являются публичными по форме, но в реальности не были бы доступными для общественности, включая и по причине времени и места слушания (см. *«Рипан против Австрии» (Riepan v. Austria), № 35115/97, п. 29-31, ЕСПЧ 2000-XII*). Суд отмечает, что, все-таки, это неочевидно из протокола судебного слушания, в какое время проводился суд над заявителем. Заявитель также не предоставил какие-либо другие доказательства, которые могли бы поддержать его заявление, что эти слушания состоялись

в 23.00. Следовательно, объективно невозможно установить время судебного слушания, а также то, было ли это препятствием для того, чтобы оно было публичным. Что касается места слушания, это правда, что Правительство не однозначно оспаривает утверждение заявителя, что слушание, о котором идет речь, имело место в офисе судьи М., находящемся напротив зала судебных заседаний (см. п. 21 выше). Тем не менее, как следует из протокола судебного заседания, судья в определенный момент вышел в комнаты для обсуждений, что предполагает, что слушание скорее всего проводилось в зале для судебных заседаний, чем в офисе. Более того, тот факт, что ни один представитель общественности не присутствовал на слушании, не означает автоматически, что оно не было публичным. В заключение Суд отмечает, что заявитель не представлял на рассмотрение какие-либо другие аргументы помимо основанных исключительно на заявленном времени и месте слушания в поддержку своего заявления, что оно не было публичным. В таких обстоятельствах, Суд полагает, что нет достаточных оснований, чтобы заключить, что слушание, о котором идет речь, не было публичным.

82. В свете вышеупомянутых факторов, Суд заключает, что не было нарушения ст. 6 п. 1 Конвенции, т.к. право заявителя на честное и публичное судебное слушание беспристрастным трибуналом соблюдено.

(b) Ст. 6 п. 3 в контексте ст. 6 п. 1

83. Суд повторяет, что требования ст. 6 п. 3 рассматриваются как частный аспект права на справедливый суд, гарантированного ст. 6 п. 1. Поэтому Суд будет рассматривать релевантные жалобы по обоим положениям, взятым вместе (см. «F.C.V. против Италии» (F.C.V. v. Italy), от 28 августа 1991 г., Серия А, № 208-В, с. 20, п. 29, «Пуатримол против Франции» (Poitrimol v. France), от 23 ноября 1993 г., Серия А, № 277-А, с. 13, п. 29).

(i) Право иметь адекватное время и возможности для подготовки своей защиты

84. Суд обращает внимание, что ст. 6 п. 3 (b) гарантирует обвиняемому «адекватное время и возможность для подготовки своей защиты» и поэтому предполагает, что основная материально-правовая защитная деятельность от его имени может включать в себя все что угодно, что «необходимо» для подготовки основного судебного разбирательства. Обвиняемый должен иметь возможность организовать свою защиту в соответствующем виде и без ограничения как шанс предъявить все, связанные с защитой аргументы перед судебным разбирательством и таким образом влиять на резуль-

таты рассмотрения дела в суде (см. «Канн против Австрии» (*Can v. Austria*), № 9300/81, от 12 июля 1984 г., Серия А, № 96, п. 53, «Коннолли против Соединенного Королевства» (*Connolly v. the United Kingdom*), № 27245/95, 26 июня 1996 г., «Майзит против России» (*Mayzit v. Russia*), № 63378/00, п. 78, 20 января 2005 г.). Более того, возможность, которой должен обладать каждый обвиненный в уголовном правонарушении, должна включать возможность ознакомиться в целях подготовки своей защиты с результатами расследования, проведенного во время судебного разбирательства (см. «С.Г.Р. против Нидерландов» (*C.G.P. v. the Netherlands*), № 29835/96, 15 января 1997 г., «Фуше против Франции» (*Foucher v. France*), от 18 марта 1997 г., Доклады 1997-II, пп. 26-38). Случаи достаточности времени и возможностей, предоставленных обвиняемому, должны определяться в свете обстоятельств каждого отдельного случая.

85. В данном деле, Суд отмечает, что дело заявителя было рассмотрено по ускоренной процедуре согласно КоАП: согласно ст. 277 КоАП, случаи, имеющие отношение к правонарушениям по ст. мелкое хулиганство должны быть рассмотрены в рамках одного дня. Тем не менее, Суд обращает внимание, что существование и применение ускоренных судебных разбирательств по уголовным вопросам само по себе не противоречит ст. 6 Конвенции до тех пор пока они обеспечивают необходимое обеспечение гарантий, содержащихся в ней (см. Борисова, упомянутое выше). Правительство утверждает, что заявителя свободно мог заявить отсрочку по своему делу, если он полагал, что времени, отведенного ему для подготовки его защиты, недостаточно, – чего он не сделал. Суд отмечает, тем не менее, что КоАП не предписывает какие-либо исключения к правилу, содержащемуся выше в ст. 277. В том числе и права добиваться отсрочки, однозначно упомянутого среди прав, используемых обвиняемым в административном судебном рассмотрении (ст. 267 КоАП). Правительство также потерпело неудачу при ссылке на какие-либо правовые основания для такого права. Более того, ни один из материалов административного дела заявителя, ни Правительство само по себе, не подтверждает, что заявителю было сообщено о существовании такой возможности представителями полиции или суда. В таких обстоятельствах Суд полагает, что Правительству не удалось убедительно продемонстрировать, что заявитель не недвусмысленно воспользовался, как по праву, так и на практике, правом отложить рассмотрение его дела для подготовки свою заащиту, и, таким образом, отсрочка могла бы быть предоставлена, если бы заявитель сделал соответствующий запрос (см., от противного, Мерфи, упомянутое выше).

86. Суд отмечает, что согласно Правительству, полная предсудебная процедура продолжалась 2 часа с 17.30 до 19.30. Правительство утверждало, что т.к. дело заявителя не было сложным, двух часов было достаточно, принимая в расчет, что он отказался от адвоката, не воспользовался своим правом заявить ходатайство и отвод, и добровольно подписал протокол об административном правонарушении. Суд полагает, несмотря на то, что сам факт того, что заявитель подписал бумагу, в которой он утверждает, что он не хочет иметь адвоката и выбрал самостоятельную защиту, не означает, что он не нуждается в том, чтобы ему было предоставлено адекватное время и возможность для эффективной самоподготовки к судебному рассмотрению. Тот факт, что заявитель не заявил каких-либо специальных ходатайств в течение короткого предсудебного периода, необязательно предполагает, что никакого в дальнейшем ему не нужно было никакого времени, чтобы быть в состоянии – в адекватных условиях – соответствующим образом оценить обвинение против него и рассматривать разнообразные эффективные пути защиты. В заключение, Суд соглашается, что заявитель имел выбор отказаться от подписывания протокола административного правонарушения. Тем не менее, вопреки тому, что Правительство утверждает, ничего в законе или в материалах административного дела заявителя не предполагает, что подписание заявителем протокола преследовало какие-либо другие цели, помимо того, что подтвердить, что он был ознакомлен с ним и ему сообщили о его правах и обвинении против него.

87. Суд отмечает, что протокол административного правонарушения, который содержал обвинение и было основным доказательством против заявителя, не показывает точно, в какое время ему был предоставлен этот документ и какое время ему было дано на ознакомление с ним. То же самое нельзя установить из полицейского отчета и других материалов, подготовленных полицией. Стороны не согласились относительно того, какова точная продолжительность предсудебного периода, но, так или иначе, очевидно, что этот период был не дольше, чем несколько часов. Далее Суд отмечает, что в течение этого времени, заявитель либо доставлялся в суд или содержался в полицейском участке без контакта с окружающим миром. Более того, в течение этого короткого нахождения в полицейско участке, заявитель был подвергнут ряду действий, связанных с расследованием, включая допрос и обыск. Даже если принять, что дело заявителя не было сложным, Суд сомневается, что обстоятельства, в которых проводилось судебное разбирательство заявителя – с момента его ареста и до осуждения – давали ему возможность

ознакомиться должным образом и адекватно оценить обвинение и доказательства против него, а также выработать жизнеспособную правовую стратегию для своей защиты.

88. Суд заключает, что заявителю не было предоставлено адекватного времени и возможностей для подготовки к своей защите. Соответственно было нарушение ст. 6 п. 3, рассматриваемой совместно со ст. 6 п. 1 Конвенции.

(ii) Право защищать себя лично или посредством правовой помощи по своему выбору

89. Суд повторяет, что, хотя и не абсолютно, право каждого, обвиненного в уголовном правонарушении, – быть эффективно защищенным адвокатом, назначенным официально, если в этом есть необходимость, является одной из фундаментальных характеристик справедливого судебного разбирательства (см. «Кромбах против Франции» (*Krombach v. France*), № 29731/96, п. 89, ЕСПЧ 2001-II). Более того, ст. 6 может также иметь отношение к делу, отправленному на судебное разбирательство и, т.к. справедливость судебного разбирательства может быть серьезно предвзятой по изначальной неудаче соблюдения ее (см. *Имбриосция против Швейцарии* (*Imbrioscia v. Switzerland*), решение от 24 ноября 1993 г., Серия А no. 275, стр. 13, п. 36; *Очалан против Турции* (*Öcalan v. Turkey*) [GC], no. 46221/99, п. 131, ЕСПЧ 2005-...). Способы, которыми ст. 6 пп. 1 и 3 (с) применяется во время расследования, зависит от специальных характеристик рассмотрения дела в суде и фактов дела. Обычно Ст. 6 требует того, чтобы обвиняемому было позволено пользоваться помощью адвоката уже на начальной стадии полицейского допроса (см. *Джон Мюррей против Великобритании* (*John Murray v. the United Kingdom*), решение от 8 февраля 1996 г., Отчеты о Решениях и постановлениях 1996-I, стр. 54-55, п. 63; *Очалан, упомянутое выше*, п. 131). Далее Суд обращает внимание, что право обвиняемого участвовать эффективно в уголовном судебном разбирательстве, включает, в целом, не только право быть представленным, но также право получать правовую помощь, если это необходимо (см. *Лагерблом против Швеции* (*Lagerblom v. Sweden*), no. 26891/95, 14 января 2003 г., п. 49).

90. В данном деле Суд отмечает, что заявитель, тем не менее, сам не хотел адвоката ни во время предсудебной стадии, ни во время непосредственно процесса рассмотрения дела в суде. В этой связи, Суд обращает внимание, что отказ от права, гарантированного Конвенцией – до той степени, до которой это допустимо – должен быть установлен недвусмысленным способом и должен сопровождаться минимумом гарантий соразмерных с его важностью (см. *Колоцца против*

Италии (Colozza v. Italy), решение от 12 февраля 1985 г., Серия А no. 89, стр. 14, п. 28; *Обершлик против Австрии (Oberschlick v. Austria)* (no. 1), решение от 23 мая 1991 г., Серия А no. 204, стр. 23, п. 51; и *Сейдович против Италии (Sejdovic v. Italy)* [GC], no. 56581/00, п. 86, ЕСПЧ 2006-...). Суд считает, что требования, установленные этими принципами, были выполнены в данном деле в свете следующего.

91. Суд отмечает, что все материалы указывают на то, что заявитель определенно отказался от своего права быть представленным адвокатом как перед, так и вовремя судебных слушаний (см. п. 14 и 20 выше). В то время как природа некоторых прав, гарантированных Конвенцией, такова, что исключает отказ от предоставления их права (см. *Де Вильде, Оомс и Версин*, упомянутое выше, стр. 36, п. 65), тоже самое нельзя сказать об определенных других правах (см. *Альберт и Ле Конт*, упомянутое выше, стр. 19, п. 35). Из текста ст. 6 п. 3 (с) ясно, что обвиняемый имеет выбор защиты его самого двумя способами «лично или через правовую помощь». Таким образом, это обычно не противоречит требованиям этой Ст., если обвиняемый в самопредставляет в соответствии с его собственной волей, кроме интересов справедливости, требующих поступить иным образом. В данном деле нет доказательств, что выбор заявителя в пользу самопредставления не был результатом каких-либо угроз или физического насилия. Более того, нет доказательств, поддерживающих заявление заявителя, что он «был вовлечен обманом» в отказ от адвоката. Несмотря на то, что доклады ПАСЕ и *Human Rights Watch*, на которые ссылаются в п.е 79, содержат соответствующую информацию, эти материалы являются, тем не менее, не достаточными для того, чтобы Суд мог заключить, что действия, подобные описанным в этих докладах, произошли в частности в деле заявителя. В заключение, замечая, что заявитель обвинен в мелком правонарушении с максимально возможным приговором, не превышающим 15 дней заключения, Суд не различает в данном деле какого-либо интереса правосудия, которое требовало бы мандатной правовой презентации.

92. Делая заключение, что не иметь адвоката – собственный выбор заявителя, Суд считает, что власти не могли быть ответственными за тот факт, что он не был законно представлен в течение административного судебного разбирательства в отношении него. В соответствии с этим, не было нарушения ст. 6 пп. 1 и 3 (с) Конвенции, взятых вместе.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЕЙ 10 И 11 КОНВЕНЦИИ

93. Заявитель жаловался на то, что санкции, примененные к нему незаконно, согласно решению от 7 апреля 2003 г., вмешиваются в его право на свободу выражения мнения и свободу мирных собраний, гарантированных стст. 10, 11 Конвенции соответственно, которые звучат следующим образом:

Ст. 10

«1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ...

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

Ст. 11

«1. Каждый имеет право на свободу мирных собраний <...>

2. Осуществление этих прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц <...>».

A. Приемлемость жалобы

94. Суд отмечает, что жалоба не является необоснованной или очевидно плохо аргументированной в рамках значения, предусмотренного ст. 35 п. 3 Конвенции. Далее Суд отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Таким образом, она должна быть признана приемлемой.

B. Существо жалобы

1. Область действия жалоб заявителя

95. Суд указывает на то, что, учитывая обстоятельства дела, ст. 10 должна рассматриваться в качестве *lex generalis* (общего закона) по отношению к ст. 11, *lex specialis* (специального закона). В следствие этого, излишне рассматривать ст. 10 отдельно (см. «Эзелин против Франции» (*Ezelin v. France*), постановление от 26 апреля 1991, Серия А, № 202, с. 20, п. 35).

96. С другой стороны, несмотря на ее автономную роль и особую область применения, ст. 11 должна в данном деле рассматриваться в свете ст. 10. Защита мнения, гарантированная ст. 10, является одной из целей свободы мирных собраний, закрепленной в ст. 11 (там же, п. 37).

2. Имело ли место вмешательство в реализацию права на свободу мирных собраний

97. Правительство утверждает, что не было вмешательства в право заявителя на свободу мирных собраний, гарантированное ст. 11, т.к., как он сам заявлял, он не участвовал в демонстрации, о которой идет речь. Согласно данным Правительства, заявитель был далеко от демонстрации и просто на основании хулиганских побуждений преградил улицу, которая к демонстрации не относилась. Такие действия, тем не менее, не могут рассматриваться как необходимые для реализации чьего-либо права на свободу собраний.

98. Далее Правительство утверждает, что будучи далеко от места проведения демонстрации и не участвуя в ней, заявитель мог реализовывать право на свободу выражения мнения и, в особенности, право на получение информации, гарантированное ст. 10. Тем не менее, не было вмешательства и в эту статью, т.к. заявитель реализовывал свое право получать информацию беспрепятственно. Так или иначе, наказание, наложенное на заявителя, не было связано с реализацией его прав согласно ст. 10, т.к. он был обвинен в мелком хулиганстве по ст. 172 Кодекса об административных правонарушениях.

99. Заявитель поясняет, что утверждения Правительства, что о его неучастии в демонстрации, подтверждающее, таким образом, что не было вмешательства в его право на свободу мирных собраний, противоречат решению национального суда, согласно которому он якобы вел себя антисоциально во время демонстрации 7 апреля 2003 г. Если бы он заблокировал улицу, которая никакого отношения не имела к демонстрации, как заявляет Правительство, этот факт был бы скрыт следственными органами и без каких-либо сомнений был бы использован в административном деле против него.

100. Суд указывает, что в полицейских материалах и в решении суда явно видно, что заявитель был арестован и осужден за нарушение общественного порядка во время демонстрации и, более того, в демонстрации 7 апреля 2003 г., которую проводили на проспекте Маштотс. Действия, которые привели к наказанию, назначенному заявителю судом, выражались в «создании помех уличному движению» и «громком шуме», которые он производил во время демонстрации, и которые, по мнению Суда, были прямым результатом участия в ней.

Т.о., утверждения Правительства, что заявитель не участвовал в демонстрации и блокировал улицу, которая не относилась к ней, не имеют подкрепления в решении национальных властей. Следовательно, заявитель был осужден за свое поведение во время демонстрации.

101. Суд далее указывает, что нечто не позволяет сделать вывод, что эта демонстрация планировалась не как мирная. Более того, ни один из материалов в деле не наводит на мысль, что она была запрещена или не согласована (см. *«Зильберберг против Молдовы» (Ziliberberg v Moldova)*, №61821/00, 4 мая 2004 г.), или что власти предпринимали попытки разогнать ее требовали от ее участников покинуть место проведения акции в связи с тем, что она является незаконной, несогласована или мешает движению транспорта (см. *«Г. против Германии» (G v Germany)*, no. 13079/87, от 6 марта 1989 г., DR 60, с. 256, *«Стимл и другие против Объединенного Королевства» (Steel and Others v. the United Kingdom)*, от 23 сентября 1998 г., *Отчеты 1998-VII*, с. 2725, п. 7, *«Лукас против Объединенного Королевства» № 39013/02, 18 марта 2003 г.*)

102. Таким образом, Суд приходит к выводу, что обвинение заявителя в участии в законной демонстрации равноценно вмешательству в его право на свободу мирных собраний.

3. Было ли вмешательство обоснованным

103. Вмешательство является нарушением ст. 11, за исключением ситуации, когда оно «предписано законом», преследует одну или более законных целей и, согласно п. 2, «необходимо в демократическом обществе» для достижения этих целей.

(а) «Предписано законом»

104. Правительство утверждало, что если Суд приходит к заключению, что было вмешательство в право заявителя на свободу мирных собраний, то это вмешательство было основано на законе. Заявитель блокировал проспект Маштотс с группой людей и, поступая таким образом, нарушал общественный порядок, что было квалифицировано как мелкое хулиганство и подпадало под действие ст. 172 Кодекса об административных правонарушениях Республики Армения.

105. Заявитель утверждал, что эти действия не могли рассматриваться как подпадающие под действие ст. 172 Кодекса об административных правонарушениях. Согласно ей, мелкое хулиганство означало непристойную брань или оскорбительное приставание к людям на публике, равно как и другие подобные действия, нарушающие общественный порядок. Тем не менее блокирование улицы не может рассматриваться как действие, подобное чему-то из вышеназванного.

106. Суд напоминает, что норма не может рассматриваться в качестве «закона» за исключением тех случаев, когда она сформулирована с достаточной четкостью применения санкции к гражданину – если в этом есть необходимость, с соответствующими рекомендациями – для предугадывания последствий, которые может повлечь данное действие, в степени, обоснованной обстоятельствами, последствиями. Эти последствия не должны быть определены с абсолютной точностью: опыт показывает, что это недостижимо. С другой стороны, т.к. определенность сильно желательна, это может привести в последствие к чрезвычайной негибкости, а закон должен быть способен учитывать изменяющиеся обстоятельства. Таким образом, многие законы неизбежно формулируются в терминах, которые, в большей или меньшей степени неопределены и интерпретация которых, а также применение – вопрос практики (см. «Реквенъи против Венгрии» (*Rekvenyi v. Hungary*), № 25390/94, п. 34, ECHR 1999-III).

107. В данном деле, заявитель был осужден по ст. 172 Кодекса об административных правонарушениях, которая предписывает в числе прочего наказание за действия, которые нарушают общественный порядок и спокойствие граждан. Принимая во внимание разнообразие возможных нарушений общественного порядка, Суд полагает, что эта норма сформулирована с достаточной определенностью, чтобы удовлетворять требованиям ст. 11. Следовательно, вмешательство предписано законом.

(b) Законная цель

108. Правительство утверждало, что вмешательство было необходимо для предотвращения беспорядков и для обеспечения соблюдения прав других людей, т.к. заявитель был лично вовлечен в незаконные действия, совершавшиеся во время демонстрации.

109. Заявитель отрицал то, что он блокировал улицу во время демонстрации. Более того, он утверждал, что даже при предположении того, что он это делал, это действие, по своей сути, уровню опасности для общества и возможным последствиям, не может рассматриваться как создание угрозы ценностям, защищаемым ст. 11 Конвенции и, т.о., требующим применения санкций.

110. Суд указывает, что очевидно, что заявитель подвергся санкциям за действия, которые были квалифицированы властями как нарушение общественного порядка. Вмешательство было вследствие этого в виде предъявления иска по правомерной цели, т.е. «предотвращение беспорядков».

(с) «Необходимость в демократическом обществе»

111. Правительство утверждает, что вмешательство было пропорциональным, т.к. было направлено на предотвращение незаконных действий заявителя и на предотвращение общественных беспорядков. Договорившиеся стороны пользовались критериями оценки относительно необходимости вмешательства и обоснованности причин, установленными национальными властями.

112. Заявитель утверждал, что он не совершал никаких незаконных действий во время демонстрации 7 апреля 2003 г., и его арест и осуждение в основном были направлены на предотвращение его участия в будущих демонстрациях, т.к. он был оппозиционным активистом. Эта мысль была подтверждена тем фактом, что за несколько дней до демонстрации начальник полицейского участка требовал от него прекращения участия в демонстрациях.

113. Более того, заявитель передал на рассмотрение свое предыдущее представление, согласно которому он не мог один препятствовать уличному движению, потому что соответствующий участок проспекта Машготс был заполнен толпой, насчитывающей порядка 30.000 человек, и движение уже было временно приостановлено дорожной полицией до начала демонстрации. Более того, демонстрация продолжалась до 19 часов и сопровождалась уличным шествием, в котором он не принимал участие. Иными словами, властям не удалось прояснить, какие именно антисоциальные действия были им совершены. Громкий шум во время выкрикивания лозунгов, в ситуации, когда тысячи людей делают тоже самое, при том, что не используется оскорбительная брань, не может рассматриваться как антисоциальное поведение.

114. Суд обращает внимание, прежде всего, что право на свободу собраний – фундаментальное право в демократическом обществе и является одной из основ такого общества (см. «Г. Против Германии», упомянутое выше, «Раи, Альмонд и «Negotiate Now» против Объединенного Королевства» (*Rai, Allmond and «Negotiate Now» v. United Kingdom*), жалоба № 25522/94, от 6 апреля 1995, DR 81-A, с. 146). Это право, в котором защита личного мнения – один из объектов, является источником целого ряда исключений, которые должны быть строго интерпретированы, а необходимость каких-либо ограничений должно быть обосновано. Когда выясняется, являются ли ограничения прав и свобод, гарантированных Конвенцией «необходимыми в демократическом обществе», Договорившиеся Государства используют определенные, но не безграничные рамки для оценки. Это, в любом случае, дело Европейского Суда – делать

окончательное заключение по поводу совместимости ограничений с Конвенцией. И это происходит через оценку обстоятельств каждого конкретного дела (см. «Османи и другие против бывшей Югославской республики Македония» (*Osmani and others v Former Yugoslav Republic of Macedonia*), № 50841/99, 11 октября 2001).

115. Суд напоминает, что осуждение за действия, подстрекающие к насилию на демонстрации, может считаться приемлемым средством в определенных обстоятельствах (там же). Более того, наложение санкций за участие в несогласованной демонстрации подобным образом рассматривается как соотносимое с гарантиями ст. 11 (см. *Злиберберг, упомянутый выше*). С другой стороны, свобода принимать участие в мирном собрании является правом такой важности, что человек не может быть подвергнут наказанию – даже самому незначительному по шкале дисциплинарных санкций – за участие в демонстрации, которая не запрещена, если при этом этот человек сам по себе не производит никакого действия, достойного осуждения (см. «Эзелин», *упомянутое выше*, с. 23, п. 53).

116. Суд отмечает, что, в отличие от дела Эзелин, заявитель в данном деле был подвергнут гораздо более строгому наказанию, т.е. трем дням лишения свободы, за совершение следующих действий на демонстрации, о которой идет речь: «препятствование уличному движению» и «создание громкого шума», как указано в решении Кентрон и Норк-Мараш районного суда Еревана от 7 апреля 2003 г. Ни это решение, ни материалы, подготовленные полицией, не предоставляют деталей обстоятельств, при которых эти действия были совершены. С другой стороны, из полицейского отчета очевидно, что улица, на которой проходила демонстрация, а именно проспект Маштотс, была заполнена большим количеством людей (см. п. 11 выше), и Правительство не оспорило тот факт, что движение было временно приостановлено транспортной милицией до начала демонстрации (см. п. 8 выше). Более того, как уже сказано выше, власти не предприняли никаких попыток рассеять участников демонстрации в связи с незаконным препятствованием движению (см. п. 101 выше). Следовательно, «препятствие уличному движению», в котором обвинили заявителя, равноценно его физическому присутствию на демонстрации, проходившей на улице, где движение было остановлено до этого органами власти с очевидным намерением способствовать проведению законной демонстрации. Что касается громкого шума, издаваемого заявителем, не представлено данных о том, что шум содержал какие-либо непристойности или призывы к насилию. Более того, Суд нашел, что затруднительно представить бесшумной крупную политическую демонстрацию, на которой люди выражают свое мнение.

117. В свете вышесказанного, Суд заключил, что заявитель был скорее подвергнут наказанию всего лишь за факт присутствия на демонстрации, о которой идет речь, чем за совершение чего-либо незаконного, насильственного или неприличного во время нее. В этом отношении, Суд полагает, что сути права на свободу мирных собраний может быть нанесен ущерб, в случае если Государство не запрещает демонстрацию, но затем накладывает санкции (тем более такие строгие) за факт присутствия на ней на ее участников, не совершивших каких-либо заслуживающих порицания действий, как это произошло в случае заявителя. Суд вследствие этого заключил, что вмешательство в право заявителя на свободу мирных собраний не было «необходимым в демократическом обществе».

118. Из этого следует, что имело место нарушение ст. 11 Конвенции.

V. ЗАЯВЛЕННОЕ НАРУШЕНИЕ Ст. 2 ПРОТОКОЛА No. 7

119. В заключение, заявитель пожаловался, что у него не было права оспаривать решение от 7 апреля 2003 г.. Суд решает рассмотреть эту жалобу согласно ст. 2 Протокола No. 7, который звучит следующим образом:

«1. Каждый человек, осужденный судом за совершение уголовного преступления, имеет право на то, чтобы его приговор или наказание были рассмотрены вышестоящей судебной инстанцией. Осуществление этого права, включая основания, на которых оно может быть осуществлено, регулируется законом.

2. Из этого права могут делаться исключения в отношении незначительных правонарушений в соответствии с законом...».

A. Приемлемость

120. Суд обращает внимание, что т.к. определено, что правонарушение носит уголовный характер, привлекая все гарантии ст. 6 Конвенции, следовательно оно привлекает также Статью 2 Протокола No. 7 (см. *Гурепка, упомянутое выше, п. 55*). В данном деле, установлено, что ст. 6 Конвенции применима к судебному процессу, о котором идет речь (см. *п. 60 выше*). Следовательно, ст. 2 Протокола No. 7 подобным образом применима в данном деле.

121. Следовательно, Суд объявляет эту жалобу приемлемой.

В. По существу дела

122. Правительство повторило свои аргументы, представленные в его предварительном возражении и утверждало, что заявитель имел право на пересмотр своего обвинительного приговора согласно ст. 294 КоАП.

123. Заявитель подобным образом повторил свои аргументы, выдвинутые в ответ предварительному возражению Правительства и утверждал, что решение от 7 апреля 2003 г. могло бы быть оспорено только прокурором.

124. Сначала Суд обращает внимание, что заявитель был осужден согласно КоАП, который предписывает наказания за правонарушения, которые не подпадают под уголовную сферу в национальном праве. Это может вызвать вопрос, о том, было ли или нет правонарушение, по которому заявитель был осужден, мелкого характера в рамках значения ст. 2 п. 2 Протокола No. 7 и должны ли применяться исключения, содержащегося в этом положении. Суд обращает внимание, что Комиссия предварительно установила, что правонарушение, такое как «правонарушение против порядка в суде», для которого максимальное наказание составляет 10.000 австрийских шиллингов или, если это необходимо для поддержания порядка, заключение на период, не превышающий восьми дней, предписанное Австрийским Кодексом Уголовных Процедур, было «легкого характера» (см. *Путиц против Австрии (Putz v. Austria)*, no. 18892/91, *Решение Комиссии от 3 декабря 1993 г.*, DR 76-A, стр. 51). В данном деле заявитель был приговорен к трем дням заключения. Несмотря на то, что ст. 172 КоАП, согласно которой этот приговор был вынесен, предписывает до 15 суток заключения в качестве максимального наказания. Суд полагает, что наказание 15 днями заключения достаточно сурово, и не может рассматриваться как «легкого характера» в рамках значения ст. 2 п. 2 Протокола No. 7.

125. Суд обращает внимание, что страны-участницы договора используют в принципе широкие границы оценки для определения того, как право, охраняемое ст. 2 Протокола No. 7 к Конвенции, должно использоваться. В определенных странах у обвиняемого, желающего подать апелляцию, могут иногда запросить получить разрешение на это. Тем не менее, любые ограничения этого права, заключенные в национальном законодательстве, должны быть пересмотрены, по аналогии с правом на доступ к суду, включенным в статью 6 п. 1 Конвенции, преследовать законную цель и не нарушать самую суть того права (см. *Кромбах, упомянутое выше*, п. 96; *Гурепка, упомянутое выше*, п. 59).

126. Суд обращается к своим выводам выше о том, что пересмотр процедуры, предписанной ст. 294 КоАП, не обеспечивает человеку ясного и доступного права подавать апелляцию (см. П. 40-42 выше). Эта ст. предписывает право пересмотра председателем вышестоящего суда – по или не по индивидуальному запросу – которому, кроме того, не хватает каких-либо ясных определенных процедур или временных рамок и последовательного применения на практике. По мнению Суда, такого рода пересмотр возможно не сочетается со ст. 2 Протокола №. 7. Отсюда следует, что заявитель не имел в своем распоряжении апелляционной процедуры, которая бы удовлетворяла требованиям этой ст..

127. Соответственно, было нарушение этого положения.

VI. ПРИМЕНЕНИЕ Ст. 41 КОНВЕНЦИИ

128. Ст. 41 Конвенции обеспечивает:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне.»

А. Ущерб

129. Заявитель требовал в сумме 2.250.000 армянских драмов (AMD) (прибл. 3.570 Евро на время вынесения решения) в отношении материального ущерба. В частности, он утверждал, что подписал контракт со строительной компанией на работу в качестве электрика с 12 февраля по 12 мая 2003 г. с ежедневным вознаграждением 5.000 AMD (прибл. 8 Евро). В результате полицейского преследования, которое началось в начале апреля, последовавшего заключения и депрессии в итоге, он был не в состоянии посещать работу и потерял ее, в результате чего потерпел убытки в размере 250.000 AMD (прибл. 396 Евро). Более того, в течение последних двух с половиной лет он был не в состоянии найти работу как следствие того, что был оппозиционным активистом, в результате чего потерпел убытки в размере 2.000.000 AMD (прибл. 3.174 Евро). Заявитель также требовал компенсации за нематериальный ущерб, предоставляя определение суммы Суду.

130. Правительство оспорило его требования. Что касается материального ущерба, они утверждали, что не было никакой причинно-следственной связи между заявленным нарушением и требуемой суммой. Заявитель был безработным с 24 января 2003 г., дата, когда он зарегистрировал себя на службу трудоустройства, и его заключение не имело какого бы то ни было влияния на то, что он остался

без работы. Что касается заявленных договорных обязательств со строительной компанией, заявителю не удалось предоставить какие бы то ни было документы, подтверждающие существование таких обязательств и заявленную компенсацию. Что касается нематериального ущерба, Правительство подтвердило, что выводы о нарушении должны быть обоснованными, полагая, что заявителю не удалось точно определить, какой именно моральный вред ему был нанесен, и подсчитать соответствующую компенсацию.

131. Суд отмечает, что заявителю не удалось предоставить каких-либо документов, доказательно демонстрирующих, что он был не в состоянии выполнять какие-либо контрактные обязательства и потерпел убытки из-за своего осуждения, таких как копия заявленного рабочего контракта. Что касается оставшейся части материального ущерба, который требовался, Суд соглашается с Правительством, что нет никакой причинно-следственной связи между обнаруженным нарушением и требуемой суммой, и, т.о., отклоняет его требования. С другой стороны, Суд полагает, что заявитель, без сомнения, пострадал от нематериального ущерба, причиненного наказанием за участие в демонстрации, последовавшим после несправедливого судебного разбирательства и отсутствием возможности подать апелляцию против санкций, которые выразились в заключении на срок в три дня. Суд, следовательно, руководствуясь справедливыми основаниями, присуждает заявителю 3.000 Евро в счет возмещения нематериального ущерба.

В. Затраты и издержки

132. Заявитель не сделал требований по этой ст..

С. Пеня

133. Суд считает, что начисление пени должно основываться на граничном ссудном проценте Европейского Центрального Банка, к которому должны быть добавлены три процента годовых.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД:

1. Признал единогласно приемлемой жалобу, касающуюся недостатка справедливого и открытого разбирательства дела беспристрастным судом, нарушения права на защиту, вмешательства в право на свободу выражения мнения и свободу мирных собраний

и касающуюся отсутствия возможности подавать апелляцию на решение, налагающее административный арест, согласно ст. 6 пп. 1 и 3 (b) и (c) и ст. 10 и 11 Конвенции и ст. 2 Протокола No. 7, и неприемлемой оставшуюся часть заявления;

2. Признал единогласно, что не было нарушения ст. 6 п. 1 Конвенции в части права заявителя на честное и справедливое публичное разбирательство дела беспристрастным судом;

3. Признал единогласно, что было нарушение ст. 6 п. 1, вместе со ст. 6 п. 3 (b) Конвенции;

4. Признал 5 голосами против 2, что не было нарушения ст. 6 п. 1 совместно со ст. 6 п. 3 (c) Конвенции;

5. Признал единогласно, что нет необходимости изучать жалобу по ст. 10 Конвенции;

6. Признал единогласно, что было нарушение ст. 11 Конвенции;

4. Признал единогласно, что было нарушение ст. 2 Протокола No. 7;

8. *Признал* единогласно

(a) что государство-ответчик обязано выплатить заявителю в течение 3 месяцев со дня, когда решение станет окончательным, в соответствии со ст. 44 п. 2 Конвенции, 3.000 EUR (три тысячи евро) в соответствии с нанесенным нематериальным ущербом, переведенные в национальную валюту государства-ответчика по курсу на дату урегулирования, плюс любые налоги, которые необходимо уплатить с этой суммы;

(b) что по истечении упомянутых выше 3 месяцев до урегулирования простого интереса будет уплачена пеня на вышеуказанную сумму по курсу равному пограничному ссудному проценту Европейского Центрального Банка в течение периода выполнения плюс 3 процентных п.;

9. *Отклонил* единогласно оставшуюся часть требований заявителя о справедливом удовлетворении.

Совершено на английском языке и зарегистрировано в письменном виде 15 ноября 200 г. Согласно правилу 77 пп. 2 и 3 правил Суда.

Сантьяго Кусада Регистар Бостьян М. Зупанчич

Секретарь Председатель

В соответствии со ст. 45 п. 2 Конвенции и Правила 74 п. 2 Правил Суда, особое мнение миссис Е. Фура-Зандстерм совместно с мистром Б.М. Зупанчич приложено к этому решению

Сантьяго Кусада Регистар, Бостьян М. Зупанчич.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ФУРА-САНДСТРЁМ СОВМЕСТНО С СУДЬЕЙ ЗУПАНЧИЧ

1. Не соглашаясь с большинством, я полагаю, что было нарушение ст. 6 п. 1 совместно со ст. 6 п. 3 Конвенции, т.к. заявитель вынужден был защищать себя без помощи адвоката после участия в демонстрации в Ереване по случаю Дня матери.

2. Бесспорно, что заявитель отказался от своего права на адвоката, подписав протокол административного нарушения, – факт, который он позднее подтвердил перед судом. Заявитель поставил свою подпись в раздел, подтверждающий, что его ознакомили с его правами согласно ст. 267 Кодекса об административных правонарушениях, и добавил «Я не хочу иметь адвоката». Также, согласно протоколу судебного слушания, судья объяснил заявителю его права. Заявитель утверждал, что он был ознакомлен со своими правами и не хотел иметь адвоката (*см. п. 14 и 20 решения*).

3. Я отмечаю вместе с большинством в п.е 90 решения, что подобный отказ должен быть подкреплён в недвусмысленной манере и должен сопровождаться минимумом гарантий соответствующим его важности. Но я также хотела бы указать, что при исследовании юридической силы отказа, Суд заранее придал вес таким факторам как, между прочим, выбор, сделанный заявителем, был свободным, однозначным и не был оезультатом каких-либо внешних обстоятельств (*см. Томпсон против Великобритании, No. 36256/97, п. 44, 15 июня 2004*) и осведомленности заявителя о последствиях его действий (*см. Бонев против Болгарии (Bonev v. Bulgaria), жалоба по. 60018/00, п. 41, 8 июня 2006*).

4. Более того, я отмечаю, что несмотря на тот факт, что заявитель определенно отказался от своего права на адвоката, обстоятельства, которые привели к этому отказу, остаются невыясненными и находятся в состоянии спора между сторонами. Факт в том, что заявитель отказался от адвоката, – даже если отказ был дан однозначно в письменном виде – не обязательно предполагает, что его отказ не был дан в результате некоторого рода давления или хитрости со стороны полицейских. В то время как нет объективных доказательств в поддержку позиции Правительства, я бы указала на существование таких объективных данных как Обзоры организации «Human Rights Watch», которые включают детализированное описание широкомасштабного злоупотребления административными процедурами со стороны власти – особенно полицией – в течение периода до и после президентских выборов (*см. п. 32 решения*).

5. Право на помощь адвоката является частью иммунитета против самооговора, упомянутое в Американском праве в контексте «Правила Миранды». Оно описано как «четкая линия» правила (за пределы которой никто не должен выходить), направленная на ликвидацию применения силы, но позволяющее давление. Цель правила – нейтрализовать отдельные психологические неудобства, которые возможны в ситуациях, связанных с полицией. Дело, которое перед нами, иллюстрирует, почему это так важно защищать.

6. Я бы хотела привлечь внимание к соответствующим главам Обзора, которые описывают используемые методы и препятствия, созданные полицией для лишения оппозиционных активистов правовой помощи, которые подтверждают рассказ заявителя о мероприятии. Подобная информация содержится в соответствующих докладах Парламентской Ассамблеи Совета Европы (*см. п.ы 29-31 решения*).

7. Более того, следует заметить, что заявитель последователен в своем рассказе о событиях, приводя сходные аргументы в своей жалобе, поданной с местной правозащитной НПО несколько дней после его осуждения (*см. п. 22 решения*).

8. В заключение, я обращаю внимание на заключение Суда, что заявителю не было предоставлено достаточно времени для адекватной оценки обвинения против него, которое, по моему мнению, также важно для определения необходимости иметь правовую помощь.

9. Несмотря на то, что все факторы, указанные выше, недостаточны для Суда, чтобы прийти к заключению, что заявитель, как он утверждает, был «обманом заставлен» отказаться от адвоката, тем не менее, подталкивают меня к серьезным сомнениям, был ли отказ заявителя на самом деле добровольным и был ли он полностью ознакомлен с правовыми последствиями подобного отказа.

10. По этой причине, я не могу рассматривать этот отказ как правомерный с точки зрения Конвенции. Придя к этому заключению, и на основе тех же самых факторов, я полагаю, что заявителю не предоставили реальной возможности – до начала слушаний, которые сами по себе продолжались пять минут – решить, было ли необходимо привлечь адвоката, и, если так, выбрать и назначить кого-либо.

11. Рассматривая вышесказанное и факт, что жалоба заявителя согласно ст.м 6 п. 3 (с) Конвенции близко связана и частично явля-

ется результатом его жалобы по ст. 6 п. 3 (b) (*см.п. 84-88 решения*), я полагаю, что его право на защиту посредством правовой помощи было нарушено.

К. Розакис
Председатель Палаты

Сюрен Нильсен
Секретарь акции Суда

СЕРГЕЙ КУЗНЕЦОВ ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ SERGEY KUZNETSOV v. RUSSIA FEDERATION

Жалоба № 10877/04

Постановление Суда
Страсбург

23 октября 2008 г.

Перевод с английского –
Центр Защиты Прав СМИ

Уведомительная процедура § 39, 42, 43
Запреты мероприятий с неудобной тематикой § 45
Претензии к лозунгам и символике § 45
Наказание за участие и/или организацию публичного мероприятия § 43
Идеалы и ценности демократического общества § 39, 35
Вмешательство должно быть оправдано или недопустимо § 39
Понятие свободы собраний § 35
Необходимая терпимость власти к помехам, создаваемым акциями § 44

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ СУТИ ДЕЛА

Заявитель и два других лица 25 марта 2003 года провели согласованный с властями пикет, заявленной целью которого было: «привлечь внимание общественности к нарушению права человека на доступ к суду». На пикете они распространяли газетные вырезки и листовки, касающиеся председателя Свердловского областного суда, который предположительно замешан в коррупционных скандалах, а также собирали подписи за его отставку. Первый заместитель Председателя Свердловского областного суда обратился в милицию. Против заявителя были выдвинуты три обвинения. Во-первых, что он направил уведомление о пикете с опозданием; во-вторых, что он препятствовал проходу в здание суда; в-третьих, что содержание распространяемых им материалов противоречило заявленным целям пикета. Российские суды признали заявителя виновным по частям 1 и 2 статьи 20.2 КоАП и назначила наказание в виде штрафа в размере 1000 р.

Европейский Суд признает нарушение статьи 11 Европейской Конвенции.

Суд находит, что российские власти не привели каких-либо «существенных и достаточных» причин, которые могли бы оправдать вмешательство в осуществление заявителем прав на свободу выражения мнения и на свободу собраний. Суд напоминает,

что зависимость проведения собрания от разрешения или уведомления и санкционирования не должно посягать на сущность права поскольку цель процедуры – позволить властям предпринять обоснованные и соответствующие меры, чтобы обеспечить спокойное проведения собрания, митинга или иного мероприятия, будь то политические, культурные или иные мероприятия. Суд не убежден в том, что заявленное воспрепятствование проходу в суд, особенно при том, что заявитель предоставил доказательства своей уступчивости и готовности сотрудничать с властями, было существенным и достаточным основанием для вмешательства.

Для Суда важно, что заявленное противоречие между целями пикета и распространяемыми материалами в первый раз возникло в письме заместителя Председателя областного суда, которое является официальным отчетом непосредственно перед Председателем, который был подвергнут критике в публикациях, раздаваемых на акции. Кроме того, Суд находит, что термины, употребленные в письме заместителя председателя областного суда, такие как утверждение о том, что участники пикета «совершили тем самым административное правонарушение», предрешает оценку фактов вышестоящим судом и выражает мнение, что заявитель виновен, до того, как заявитель был признан виновным по закону.

Какими бы неприятными и оскорбительными ни были статья с обвинением в коррупции и призывы к отставке Председателя областного суда, это не было существенным и достаточным основанием для привлечения заявителя к ответственности за осуществление его права на выражение мнения и собрание.

По делу «Кузнецов против России» Европейский Суд по правам человека (Первая Секция), заседая Палатой в следующем составе:

Н. Вайич (N. Vajic), *Председатель*,

А. Ковлер (A. Kovler),

Х. Хаджиев (K. Hacıyev),

Д. Шпильманн (D. Spielmann),

С. Э. Йебенс (S. E. Jebens),

Дж. Малинверни (G. Malinverni),

Г. Николау (G. Nicolaou), *судьи*,

а также А. Вампах, *Заместитель Секретаря Секции*,

Проведя 2 октября 2008 г. закрытое заседание,
Вынес следующее постановление, принятое в указанный выше день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было начато после подачи жалобы (№ 10877/04) против Российской Федерации в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод человека (далее – «Конвенция») гражданином России г-ном Сергеем Владимировичем Кузнецовым (далее – «Заявитель»), 25 декабря 2003 г.

2. Интересы Заявителя представлял г-н Ю. Ершов, адвокат, практикующий в Екатеринбурге. Российское правительство (далее – «Правительство») было представлено его уполномоченным г-ном П. Лаптевым, бывшим представителем Российской Федерации в Европейском Суда по правам человека.

3. 1 марта 2005 г. председатель Первой секции Суда принял решение поставить в известность о поданной жалобе Правительство. В соответствии с положениями пункта 3 статьи 29 Конвенции, было принято решение рассмотреть существо жалобы одновременно с вопросом о ее приемлемости.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

4. Заявитель родился в 1957 году и живет в Екатеринбурге.

5. 18 марта 2003 г. Заявитель и два других человека (г-н Ш. и г-жа М.) послали уведомление главе городской администрации Екатеринбурга о своем намерении провести пикет перед зданием Свердловского областного суда. Пикет должен был состояться в период с 25 по 28 марта 2003 г. с 9 до 11 ч. утра. Заявленная цель пикета заключалась в том, чтобы «привлечь внимание общественности к нарушениям права человека на судебную защиту».

6. 19 марта 2003 г. глава Комитета по вопросам общественных отношений и СМИ Екатеринбургской городской администрации подтвердил получение уведомления. Он подчеркнул, что если пикет будет доставлять неудобства, например, закрывать доступ к зданию суда или препятствовать его нормальной работе, администрация будет вынуждена вмешаться.

7. 20 марта 2003 г. начальник милиции Екатеринбурга отдал распоряжение сотрудникам милиции обеспечивать общественную безопасность и движение транспорта во время пикета.

8. 25 марта 2003 г. Заявитель в числе других людей проводил пикет. Они распространяли газетные вырезки и листовки о г-не Овчаруке, председателе Свердловского областного суда, который был якобы замешан в коррупционных скандалах, и собирали подписи в поддержку его отстранения.

9. 27 марта 2003 г. г-н Дементьев, первый заместитель председателя Свердловского областного суда, направил начальнику Верх-Исетского РОВД Екатеринбурга следующее письмо:

«С разрешения Екатеринбургской городской администрации, группа граждан, включавшая г-на Ш., г-на Кузнецова и г-жу М., устроили пикет перед зданием Свердловского областного суда...

В уведомлении о проведении пикета указывалось, что целью проведения пикета было «привлечь внимание общественности к нарушениям права человека на судебную защиту».

Как показали последующие события, организаторы пикета ввели в заблуждение чиновников Екатеринбургской городской администрации относительно истинных целей своей акции.

Вместо привлечения внимания общественности к проблемам судебной защиты и нарушениям прав человека, как это было указано в уведомлении о проведении пикета – если они полагали, что такие проблемы существуют, и против чего было бы трудно возразить, поскольку указанные проблемы существуют в действительности – участники пикета распространяли отпечатанные листовки и материалы клеветнического и оскорбительного характера, направленные лично против председателя Свердловского областного суда.

Информация, содержащаяся в отрывке из «Новой газеты», была более чем двухлетней давности. Она подверглась проверке Высшей квалификационной коллегии судей и Генеральной прокуратуры, и была признана клеветнической, о чем участники пикета, в частности г-н Ш. и г-н Кузнецов, были прекрасно осведомлены.

Из изложенного выше очевидно, что организаторы пикета умышленно и злонамеренно изменили характер акции и таким образом ввели в заблуждение общественность, которую, в соответствии с уведомлением о проведении пикета, они были намерены познакомить с положением дел в области предоставления судебной защиты правам человека.

Тем самым они совершили административное правонарушение, нарушив положения раздела 4 Указа Президиума Верховного совета СССР от 28 июля 1988 г., исправленного президентским указом от 25 мая 1992 г., в соответствии с разделом 8 которого, они несут административную ответственность по части 1 статьи 20.2 Кодекса об административных правонарушениях...

Таким образом, я прошу вас провести административные разбирательства в отношении действий г-на Ш., г-на Кузнецова и г-жи М. по части 2 (п. 1) статьи 28.3 упомянутого Кодекса, подготовить отчет об административном правонарушении и принять решение по вопросу об их правовой ответственности за нарушение закона. Прошу вас сообщить мне о принятом решении».

10. 17 апреля 2003 г. сотрудник Верх-Исетского РОВД Екатеринбурга составил отчет об административных правонарушениях, совершенных Заявителем по частям 1 и 2 статьи 20.2 Кодекса об административных правонарушениях. В соответствии с отчетом, Заявитель представил уведомление о проведении пикета слишком поздно, распространял листовки клеветнического и оскорбительного характера против председателя областного суда, а также препятствовал прохождению граждан в здание суда. Судебные приставы г-н Р. и г-н М. фигурировали в качестве свидетелей.

11. 21 апреля 2003 г. глава Верх-Исетского РОВД направил отчет и вспомогательные материалы в Верх-Исетский районный суд Екатеринбурга. Дело было передано мировому судье Третьего судебного округа Верх-Исетского района Екатеринбурга.

12. 15 мая 2003 г. Заявитель оспорил судебное основание и потребовал, чтобы дело разбиралось в соседней области. По его мнению, объективное рассмотрение дела в Екатеринбурге было невозможно, потому что оно было возбуждено по инициативе высокопоставленных чиновников местного областного суда. Судья отклонил это возражение, мотивировав свое решение тем, что Кодекс об административных правонарушениях не предполагал возможности изменения места проведения суда.

13. 19 мая 2003 г. судья принял постановление по делу об административном правонарушении, в котором Заявитель был признан виновным по трем пунктам.

14. Во-первых, судья постановила, что Заявитель нарушил установленную процедуру проведения пикетов. Он направил уведомление о проведении пикета за восемь дней до дня его проведения, тогда, как и указ Верховный совета СССР от 1988 г. и соответствующие местные положения Екатеринбурга предписывают 10-дневный период.

15. Во-вторых, судья пришла к выводу, что во время проведения пикета Заявитель нарушил общественный порядок. Делая свое заключение, она опиралась на следующие свидетельства:

«Вина Заявителя ... подтверждена отчетом об административном правонарушении, датированным 17 апреля 2003 года; утверждениями свидетелей г-на М. и г-на Р., которые работают судебными приставами в Свердловском областном суде. 25 марта 2003 года приблизительно в 9.10 утра они вышли на крыльцо здания Свердловского областного суда и увидели несколько человек с транспарантами – среди которых находился г-н Кузнецов, который держал в руках транспарант с надписью «Овчарук – увольняйся». Эти люди стояли непосредственно на крыльце, загораживая вход в здание, и раздавали листовки. На просьбу приставов предъявить документы и спуститься по

ступенькам с крыльца, пикетирующие сначала ответили отказом, однако после того, как к ним подошел милиционер, сошли от крыльца. Судьи, пришедшие на работу, сообщили им о том, что участники пикета закрывали проход в здание суда. [Список показаний, подтверждающих вину Заявителя, продолжается отчетом судебного пристава г-на Р. от 25 марта 2003 г.; отчетом сотрудника Верх-Исетского РОВД г-на Г., который свидетельствовал о том, что между 25 и 28 марта 2003 г. он отвечал за сохранение общественного порядка во время пикета перед зданием Свердловского областного суда]. Пикет был организован г-ном Кузнецовым, г-ном Ш. и г-жой М., которые в 9 утра в день прохождения пикета стояли на лестнице у входа в здание Свердловского областного суда, загромождавая проход в него. После вмешательства его и судебных приставов, участники пикета спустились на тротуар перед зданием суда и уже больше не мешали нормальной работе областного Суда...

Судья не принимает аргументы представителя г-на Кузнецова, о том, что последний не загромождал доступ к зданию Свердловского областного суда, потому что эти аргументы противоречат показаниям, которые уже были рассмотрены судом и потому что они не находят подтверждения у свидетелей [на стороне защиты], которые присутствовали на пикете с 9.30 утра, так как к этому времени участники пикета уже спустились с лестницы после вмешательства работника милиции и больше не препятствовали входу в здание...

Фотографии, [сделанные защитой и] прошедшие рассмотрение в суде не могут служить подтверждением того, что г-н Кузнецов не загромождал вход в здание суда, потому что они отражали происходившее лишь в тот момент, когда делалась фотография, но не в течение всего времени прохождения пикета. К тому же, суду неизвестно, когда именно были сделаны фотографии».

16. В-третьих, по мнению судьи, пикет был проведен в нарушение целей, указанных в уведомлении:

«В соответствии с уведомлением от 18 марта 2003 г., инициативная группа граждан, в которую входили г-н Ш., г-н Кузнецов и г-жа М., провела акцию протеста против нарушения права граждан на судебную защиту. Как объяснил в суде [представитель Заявителя], проведение пикета было нацелено на привлечение внимания общественности к таким проблемам судебной защиты, как отказы принять иск или вынесение несправедливых постановлений. Свидетель г-н М. констатировал, что он принес и распространял выпуск газеты, в котором описывались определенные случаи нарушения права граждан на судебную защиту. Одновременно с этим участники пикета распространяли выдержки из статьи А. Политковской «Овчарук и его команда» в «Новой газете», что не соответствовало заявленным целям проведения пикета. Факт распространения этих выдержек не был оспорен представителем Заявителя в суде, а также получил подтверждение свидетелей».

17. Судья признал Заявителя виновным по части 1 и 2 статьи 20.2 Кодекса об административных правонарушениях и обязал к выплате штрафа в 1 000 рублей (приблизительно 35 евро).

18. 11 июля 2003 г. Верх-Исетский районный суд Екатеринбурга, рассмотрев жалобу Заявителя, утвердил постановление мирового судьи, согласившись с выдвинутыми ею доводами. Это постановление стало окончательным, поскольку не было обжаловано.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

19. Конституция гарантирует право на свободу мирных собраний и право на проведение собраний, демонстраций, маршей и пикетов (статья 31).

20. Указ Президиума Верховного совета СССР № 9306-XI от 28 июля 1988 г. (действовавший во время происходивших событий в силу Указа Президента № 524 от 25 мая 1992 г.) предписывал, что организаторы собрания обязаны направить муниципальным властям письменное уведомление не менее чем за десять дней до дня проведения запланированного собрания (раздел 2). Орган власти должен ответить на уведомление не позднее, чем за пять дней до намеченной даты (раздел 3). Собрания должны были проводиться в соответствии с целями, изложенными в уведомлении, и с соблюдением советских законов и общественного порядка (раздел 4). Лица, нарушившие установленную процедуру организации и проведения собраний, должны нести ответственность по законам СССР и советских республик (раздел 8).

21. Часть 1 статьи 20.2 Кодекса об административных правонарушениях гласит, что нарушение установленной процедуры проведения демонстрации, собрания, процессии или пикета наказывается штрафом в размере от десяти до двадцати МРОТ (т.е. в то время от 1 000 до 2 000 руб.) Часть 2 этой статьи предполагает, что организаторы, нарушившие установленную процедуру проведения демонстрации, собрания или пикета, подвергаются штрафу в размере от десяти до двадцати МРОТ, а размер штрафа для участников составляет от пяти до десяти МРОТ.

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЕЙ 10 И 11 КОНВЕНЦИИ

22. Заявитель обратился с жалобой по статьям 10 и 11 Конвенции на применение к нему мер административного взыскания за проведение законного пикета и распространение публикаций о председателе Свердловского областного суда.

23. Суд напоминает о том, что защита личного мнения, гарантированная в статье 10, является одной из целей обеспечения свободы мирных собраний с точки зрения статьи 11. Таким образом, свободу выражения мнения невозможно отделить от свободы со-

браний, и рассматривать каждое положение отдельно нет необходимости. В обстоятельствах данного дела, Суд считает, что статья 11 должна применяться в первую очередь в качестве *lex specialis* в случаях собраний, и будет рассматривать дело главным образом в соответствии с этим положением, вместе с тем истолковывая его в свете статьи 10 (см. постановление по делам *Галстян против Армении* (*Galstyan v. Armenia*) от 15 ноября 2007 г., № 26986/03, §§ 95-96; *Эзелин против Франции* (*Ezelin v. France*) от 26 апреля 1991 г., Серия А № 202, §§ 35, 37, и *Пендрагон против Великобритании* (*Pendragon v. the United Kingdom*), № 31416/96, решение Комиссии от 19 октября 1998 г.).

24. В соответствующих положениях Конвенции говорится:

Ст. 10

1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны органов власти и независимо от государственных границ...

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определёнными формальностями, условиями, ограничениями и санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия.

Ст. 11

1. Каждый имеет право на свободу мирных собраний и на свободу объединения с другими, включая право создавать профессиональные союзы и вступать в таковые для защиты своих интересов.

2. Осуществление этих прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц...».

А. Приемлемость

25. Правительство выдвинуло аргумент о том, что данная жалоба была неприемлемой с точки зрения *ratione temporis*, потому что окончательное решение было выпущено 11 июля 2003 г., в то время как жалоба была получена Судом только 14 июня 2004 г. (в соответствии с датой штампа).

26. Заявитель ответил, что подал жалобу 25 декабря 2003 г., дата отправки его первого письма в Суд.

27. Суд в начале отмечает, что жалоба отразила события, произошедшие после 5 мая 1998 г., то есть даты ратификации Конвенции Россией. По этой причине Суд имеет компетенцию *ratione temporis* рассматривать его. Однако, поскольку позицию Правительства можно понять таким образом, что жалоба не является приемлемой, так как Заявитель не смог соблюсти шестимесячное ограничение во времени, установленное в пункте 1 статьи 35 Конвенции, Суд напоминает, что в соответствии с установленной практикой и пунктом 5 Правила 47 Регламента Суда, дата внесения жалобы на рассмотрение соответствует дате отправки первого письма с констатацией намерения подать жалобу и изложения, хотя бы краткого, ее содержания. В ситуациях, когда перед тем, как Заявитель предоставляет дополнительную информацию о подаваемой жалобе или перед тем, как он возвращает формуляр жалобы, проходит значительный период времени, Суд может рассмотреть конкретные обстоятельства дела для того, чтобы определить, какая дата должна рассматриваться как дата внесения дела на рассмотрение с тем, чтобы определить границы шестимесячного срока, установленного в статье 35 Конвенции (см. постановления по делам *Баранкевич против России (Barankevich v. Russia)* от 20 октября 2005 г., № 10519/03, и *Чокли против Великобритании (Chalkley v. the United Kingdom)* от 26 сентября 2002 года, № 63831/00).

28. Суд отмечает, что окончательное постановление по делу Заявителя было выпущено 11 июля 2003 года. 25 декабря 2003 г. Заявитель направил первое письмо в Суд с изложением соответствующих фактов и жалобой на предполагаемое нарушение своего права, гарантированного статьями 6, 10 и 11 Конвенции. Он подал заполненный формуляр жалобы 24 мая 2004 г., т.е. без какой-либо задержки. Поэтому Суд принимает дату первого письма Заявителя как дату внесения жалобы на рассмотрение. Суд считает, что жалоба была внесена в рамках шести месяцев со дня принятия окончательного постановления и отклоняет возражение Правительства.

29. Суд отмечает, что жалоба Заявителя не является очевидно необоснованной в соответствии с содержанием пункта 3 статьи 35 Конвенции, и не было установлено никаких других оснований, на которых она могла бы быть объявлена неприемлемой, поэтому она должна быть объявлена приемлемой.

В. Существо дела

1. Аргументы сторон

30. Заявитель утверждал, что уведомление о проведении пикета было своевременно передано городской администрации, которая подтвердила его получение и отдала приказание местной милиции обеспечивать общественный порядок во время пикета. Организация этого собрания должным образом в соответствии с Указом Верховного Совета СССР от 1988 года вменялась в обязанность властям, которые могли потребовать от его участников прекратить мероприятие в случае нарушения общественного порядка. Однако в данном случае нарушений зарегистрировано не было.

31. По мнению Заявителя, информация о том, что участники пикета закрывали проход в здание Областного суда, не соответствовала действительности. Свидетельства судебных приставов были недостоверны, поскольку, будучи сотрудниками Областного суда, они являлись заинтересованной стороной, а также, потому что было крайне сомнительно, что они смогли точно восстановить в суде подробности событий, произошедших двумя месяцами ранее. В действительности, отчет пристава г-на М., в котором он отразил день проведения пикета, не содержал никакого упоминания о том, что вход в здание был заблокирован. Равно как и отчет другого пристава, г-на В. – который не был рассмотрен в суде – свидетельствовал о том, что участники пикета не перекрывали доступ в здание суда. Свидетели на стороне Заявителя показали, подкрепив свое свидетельство фотографиями, что Заявитель не нарушал общественный порядок, однако суд отклонил эти показания. Заявитель указал, что отчет об административном правонарушении был составлен по прошествии двадцати трех дней после проведения пикета, при отсутствии каких-либо упоминаний о жалобах посетителей суда или судей на невозможность пройти в здание суда. Административное преследование стало результатом давления со стороны первого заместителя председателя Свердловского областного суда.

32. Относительно публикаций, которые распространял Заявитель, и которые были названы заместителем председателя Областного суда «клеветническими и оскорбительными», Заявитель подчеркнул, что эти статьи никогда не были средством какой-либо диффамационной акции или предметом прокурорского запроса. По этой причине, обвинения заместителя председателя не имели под собой правового основания. К тому же, ни Указ от 1988 года, ни Екатеринбургские положения не содержали требования совместимости содержания материалов, распространяемых во время собрания, и его целей.

33. Наконец, Заявитель сообщил, что он был признан виновным мировым судьёй и районным судом, которые иерархически подчинялись Областному суду и его председателю. Он утверждал, что имело место нарушение его прав, гарантированных статьями 10 и 11 Конвенции.

34. Правительство выдвинуло аргумент о том, что пикет, организованный Заявителем, не был прерван, и что спор, возникший вокруг заблокированного входа в здание суда, был быстро разрешен. Однако оно не исключило возможности подвергнуть Заявителя мерам административного взыскания позднее. Заявитель был признан виновным в препятствовании прохождению граждан в здание Областного суда, запоздалом уведомлении о намерении провести пикет, а также распространении материалов, что не соответствовало заявленной цели проведения пикета. Принимая во внимание незначительный размер штрафа, Правительство полагало, что вмешательство было оправдано и соразмерно.

2. Оценка Суда

(а) Было ли вмешательство

35. Сначала Суд напоминает о том, что право на свободу собраний касается как частных собраний, так и собраний в общественных местах, как статических собраний, так и публичных процессий; это право может осуществляться и отдельными лицами и группами людей, организующих собрания (см. постановления по делам *Djavit An против Турции (Djavit An v. Turkey)*, № 20652/92, § 56, ЕСПЧ 2003 III, и *Христиане против расизма и фашизма против Великобритании (Christians against Racism и Fascism v. the United Kingdom)*, № 8440/78, решение Комиссии от 16 июля 1980 г., решения и отчеты 21, стр. 138, на стр. 148). Термин «ограничения» в пункте 2 статьи 11 следует истолковывать как предполагающий меры, предпринимаемые как до, так и во время прохождения общественного собрания, а также карательные меры, предпринимаемые после собрания (см. постановление по делу *Эзелин против Франции от 26 апреля 1991 г., Серия А № 202*, § 39).

36. Заявитель в настоящем деле провел пикет перед зданием Областного суда. Через некоторое время он был признан виновным в административном правонарушении и был присужден к выплате штрафа за нарушение процедуры организации и проведения общественного собрания. Суд считает, что административное преследование стало вмешательством в осуществление Заявителем права на свободу собраний, истолкованного в свете его права на свободу выражения мнения. Таким образом, задача Суда заключается в определении того, было ли вмешательство оправдано.

(b) Было ли вмешательство оправдано

37. Суд напоминает, что вмешательство является нарушением статьи 11, если только оно не «предписано законом», преследует одну или более законных целей в соответствии с пунктом 2 и «необходимо в демократическом обществе» для достижения этих целей.

38. Административная ответственность за несоблюдение установленной процедуры организации или проведения общественного собрания была предусмотрена в частях 1 и 2 статьи 20.2 российского Кодекса об административных правонарушениях, который являлся правовым основанием для обвинения Заявителя в настоящем деле. Суд признает, что вмешательство было «предписано законом» и, что его применение преследовало «законные цели» в терминах пункта 2 статей 10 и 11, а именно, предотвращение беспорядков и защита прав других лиц. Остается определить, было ли оно «необходимо в демократическом обществе».

39. Относительно проверки на необходимость, Суд напоминает, что право мирных собраний, закрепленное в статье 11, является фундаментальным правом в демократическом обществе и, подобно праву на свободное выражение мнения, одним из оснований такого общества. Исходя из формулировки второго пункта статьи 11, единственной необходимостью, которая может оправдать вмешательство в осуществление права, закрепленного в этой Статье, является необходимость, которая может исходить из самого «демократического общества» (см. постановления по делам *Христианская демократическая народная партия против Молдовы (Christian Democratic People's Party v. Moldova)*, № 28793/02, §§ 62-63, ЕСПЧ 2006, и *Дьявит Ан против Турции, упоминавшееся выше*, § 56). Таким образом, Государства должны не только обеспечивать право на мирные собрания, но и воздерживаться от применения чрезмерных косвенных ограничений на осуществление этого права. Учитывая особую важность свободы собраний и ее непосредственное отношение к понятию демократии, для обоснования вмешательства в осуществление этого права должны быть действительно веские причины (см. постановления по делам *Оуранио Токсо против Греции (Ouranio Toxo v. Greece)*, № 74989/01, § 36, ЕСПЧ 2005 X (*выдержки*), и *Адал против Турции (Adali v. Turkey)* от 31 марта 2005 г., № 38187/97, § 267, с последующими ссылками).

40. Изучая характер обжалованного вмешательства, Суд должен определить, насколько разумно, осторожно и добросовестно Государство-ответчик воспользовалось своим правом. Суд также должен рассмотреть обжалованное вмешательство в контексте всего дела и оценить, насколько «соразмерно преследуемой законной

цели» оно было, а также являются ли его причины, изложенные национальными властями, «существенными и достаточными». Выполняя это, Суд обязан убедиться в том, что национальные власти применили стандарты в соответствии с принципами, отраженными в статьях 10 и 11, а также, что они основывали свои решения на приемлемой оценке существенных фактов (см., среди прочих источников, постановление по делу Христианской демократической народной партии против Молдовы, § 70, упоминавшееся выше).

41. Обращаясь к фактам настоящего дела, Суд замечает, что Заявителю было предъявлено три обвинения. Во-первых, суды пришли к выводу, что он прислал уведомление о проведении пикета с запозданием; во-вторых, что он заградил проход в здание суда; и, в-третьих, что содержание материалов, которые он распространял, не соответствовали заявленным целям проведения пикетов.

42. В отношении первого обвинения, Суд напоминает, что подчинение организации публичного собрания разрешительной или уведомительной процедуре обычно не затрагивает сущности самого права на проведение собрания, если цель такой процедуры состоит в предоставлении органам власти возможности предпринять разумные и адекватные меры для обеспечения гладкого проведения любого собрания, встречи или сходки, независимо от характера мероприятия (см. постановления по делам Букта и другие против Венгрии (*Bukta and Others v. Hungary*), № 25691/04, § 35, ЕСПЧ 2007 г...; *Ояа Атаман против Турции* (*Oya Ataman v. Turkey*) от 5 декабря 2006 г., № 74552/01, § 39; *Rassemblement Jurassien Unité v. Switzerland*, № 8191/78, решение Комиссии от 10 октября 1979 г., DR 17, стр. 119; а также *Plattform «Ärzte für das Leben» v. Austria*, от 21 июня 1988 г., Серия А № 139, стр. 12, §§ 32 и 34).

43. В данном деле Заявитель, бесспорно, представил уведомление о проведении пикета за восемь дней до его запланированной даты, тогда как применимые правила предписывают 10-дневный срок уведомления. Однако нет оснований считать, что эта двухдневная разница каким-либо образом помешала властям осуществить все необходимые приготовления к пикету. Судя по всему, учитывая незначительный масштаб запланированного мероприятия, городская администрация и не сочла задержку извещения чем-то существенным или важным. Она не только быстро подтвердила получение уведомления о проведении пикета, но и за пять дней до пикета передала распоряжение милиции обеспечивать общественный порядок во время этого мероприятия. Ни в одном из официальных документов эта задержка не была поставлена Заявителю в упрек и не оказала никакого влияния на законность пикета. На деле, это нарушение

впервые упоминается в отчете об административном правонарушении, который был составлен через шесть недель после собрания. В таких обстоятельствах, Суд считает, что простое формальное нарушение срока извещения не является ни существенной, ни достаточной причиной для возложения административной ответственности на Заявителя. В этой связи Суд подчеркивает, что свобода участия в мирных собраниях настолько важна, что человек не должен подвергаться санкциям – хотя бы и самым мягким из дисциплинарных взысканий – за участие в незапрещённой демонстрации, если только сам этот человек не совершил что-либо предосудительное во время этого мероприятия (*см. постановление по делу Эзелин против Франции, упоминавшееся выше, § 53*).

44. В том, что касается якобы имевшего место перегораживания входа в здание, Суд отмечает, что пикет, в котором участвовали всего лишь несколько человек, начался около 9 утра на верхней площадке лестницы перед дверями Свердловского областного суда. Вскоре после этого судебные приставы и сотрудник милиции подошли к пикетчикам и попросили их спуститься с лестницы. Те не стали противиться и продолжили пикет внизу. Свидетели, которые появились у здания суда в 9.30, застали Заявителя и его коллег уже на тротуаре перед лестницей. В оценке данной ситуации Суд считает важными следующие детали. Во-первых, бесспорным является факт отсутствия каких-либо жалоб – будь то от отдельных посетителей, судей или других сотрудников суда – на перегораживание входа в здание суда участниками пикета. Во-вторых, даже если предположить, что присутствие нескольких человек на верхней площадке лестницы действительно создавало помехи желающим войти в здание, вполне правдоподобно, что Заявитель безоговорочно исполнил просьбу сотрудников суда и спустился с лестницы на тротуар. В-третьих, следует отметить, что предполагаемое препятствие было весьма кратковременным. Наконец, исходя из общего принципа, Суд напоминает, что любая демонстрация в общественном месте неизбежно в определенной степени нарушает обычное течение жизни, включая создание помех для дорожного движения, и что органам власти следует проявлять определённую терпимость в отношении мирных собраний для того, чтобы окончательно не выхолостить содержание статьи 11 Конвенции (*см. постановления по делам Галстян против Армении, §§ 116-117; Букта против Венгрии, § 37; и Ойа Атаман против Турции, §§ 38-42, все упоминались выше*). Таким образом, Суд не считает, что якобы имевшее место перегораживание прохода в здание суда, особенно учитывая, что Заявитель продемонстрировал сговорчивость и готовность к сотрудничеству с властями, было существенной и достаточной причиной для вмешательства.

45. Что касается третьего пункта обвинения в отношении Заявителя, Суд замечает, что национальные суды не представили никакой фактографической основы своих заключений по этому вопросу. Их постановления не содержали какого-либо анализа предполагаемых различий между заявленными целями проведения пикета и содержанием статьи, которую Заявитель распространял во время пикета. В этой связи Суд напоминает, что любые меры, препятствующие осуществлению свободы собраний и выражения мнения за исключением случаев, связанных с разжиганием насилия или нарушения демократических принципов – какими бы шокирующими и неприемлемыми ни казались властям определённые взгляды и высказывания – пагубно сказываются на состоянии демократии, а часто даже подвергают его опасности. В демократическом обществе, основанном на принципе главенства закона, должна существовать возможность выражения идей, бросающих вызов существующему порядку, через осуществление права на проведение мирных собраний, равно как и другими законными средствами (см. постановление по делу *Станков и Объединенная македонская организация «Илинден» против Болгарии (Stankov and the United Macedonian Organisation Ilinden v. Bulgaria)*, № 29221/95 и 29225/95, § 97, ЕСПЧ 2001 IX). Не было представлено доказательств того, что материалы, распространявшиеся Заявителем, и идеи, которые он отстаивал во время пикета, содержали какие-либо порочащие утверждения, способствовали разжиганию насилия или подрыву демократических принципов. Таким образом, каким бы неприятным не был призыв к увольнению председателя Областного суда для него самого, и какой бы оскорбительной он не считал статью, в которой говорилось о коррупции в Свердловском областном суде, это не было существенным и достаточным основанием для возложения ответственности на Заявителя за использование его права на свободу выражения мнения и собраний.

46. Другим поводом для озабоченности Суда является то обстоятельство, что первое упоминание предполагаемого несоответствия между целями пикета и содержанием распространявшихся материалов содержалось в письме заместителя председателя Свердловского областного суда, которое было официальным докладом непосредственно председателю областного Суда, который и был объектом критики в распространявшейся публикации. Формулировки, которые заместитель председателя использовал в своём письме, например утверждение о том, что участники пикета «тем самым совершили административное правонарушение», предпринимали оценку фактов компетентной судебной инстанции и выражали мнение о том, что Заявитель виновен еще до того, как его вина была доказана в соответствии с законом (срав. постановления по делам

Бомер против Германии (Böhmer v. Germany) от 3 октября 2002 г., № 37568/97, §§ 54 и 56, и Нештэк против Словакии (Nešťák v. Slovakia) от 27 февраля 2007 г., № 65559/01, §§ 88 и 89).

47. Наконец, Суд отмечает, что цель пикета состояла в попытке привлечь внимание к предполагаемым сбоям в функционировании судебной системы Свердловской области. Этот серьезный вопрос, несомненно, был частью политической дискуссии на тему, вызывавшую озабоченность общественности. Суд напоминает в этой связи, что всегда придерживался подхода, в соответствии с которым применение ограничений к дискуссиям на политические или иные серьезные темы, представляющие общественный интерес, например, коррупция в судебных органах или широкие ограничения, применяемые в отдельных случаях, несомненно, пагубно скажутся на уважении к свободе выражения мнения в Государстве в целом (см., с учетом необходимых изменений, постановления по делам Карман против России (Karman v. Russia) от 14 декабря 2006 г., № 29372/02, § 36; Фельдек против Словакии (Feldek v. Slovakia), № 29032/95, § 83, ЕСПЧ 2001 VIII, и Сурек против Турции (Sürek v. Turkey) (№ 1) [БП], № 26682/95, § 61, ЕСПЧ 1999-IV). В настоящем деле ни национальные суды, ни Правительство не выдвигали такие причины в своих замечаниях.

48. В свете вышеупомянутых соображений, Суд считает, что российские органы власти не выдвинули какие-либо «существенные и достаточные» причины в обоснование своего вмешательства в осуществление Заявителем своего права на свободное выражение мнения и свободу мирных собраний. Тот факт, что размер штрафа был относительно мал, не умаляет того обстоятельства, что вмешательство не было «необходимо в демократическом обществе».

49. Таким образом, имело место нарушение статьи 11 Конвенции, истолкованное в контексте статьи 10.

II. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

50. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Ущерб

51. Заявитель потребовал 10 000 евро в качестве возмещения морального ущерба.

52. Правительство расценило этот иск как чрезмерный и необоснованный.

53. Суд считает, что Заявитель понес моральный ущерб, такой как душевная боль и расстройство вследствие административного преследования за осуществление своего права на свободное выражения мнения и проведение мирных собраний, который не может быть полностью компенсирован одной лишь констатацией нарушения Конвенции. Однако он расценивает размер затребованного возмещения как чрезмерный. Проведя оценку на справедливой основе, Суд присуждает Заявителю 1 500 евро с добавлением суммы любого налога, которым может облагаться вышеуказанная сумма.

В. Судебные расходы

54. Заявитель не потребовал возмещения судебных расходов. Таким образом, вопрос о присуждении соответствующего возмещения Судом не обсуждался.

С. Процентная ставка

55. Суд считает целесообразным принять процентную ставку в соответствии с предельным размером ссудного процента Европейского Центрального Банка, к которому должны быть добавлены три процентных пункта.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1. Объявляет жалобу приемлемой;
2. Постановляет, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции;
3. Постановляет,

(а) что Государство-ответчик обязано выплатить заявителю, в течение трех месяцев с момента окончательного вступления данного решения в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции 1 500 евро (одну тысячу евро) в качестве компенсации морально-

го ущерба с последующим их пересчётом в валюту Государства-ответчика по курсу, действующему на момент расчёта плюс сумму любого налога, которым могут облагаться суммы, указанные выше;

(b) что с момента истечения вышеуказанных трех месяцев до момента выплаты на суммы, указанные выше, выплачиваются простые проценты в размере предельного ссудного процента Европейского центрального банка в течение периода выплаты процентов с добавлением трех процентных пунктов.

4. *Отклоняет* оставшуюся часть иска Заявителя о справедливом возмещении.

Выполнено на английском языке, представлено в письменной форме 23 октября 2008 года, в соответствии с пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента Суда.

Нина Вайич
Председатель Суда

Андре Вампах
Заместитель Секретаря Суда

БАРРАКО ПРОТИВ ФРАНЦИИ
BARRACO v. FRANCE

Жалоба № 31684/05

Постановление Суда
Страсбург

5 марта 2009

Перевод с французского – Наталия Звягина

Понятие свободы собраний § 41

Идеалы и ценности демократического общества
§ 41

Уведомительная процедура § 45

Задержания участников. § 47

Мирный/насильственный характер акции § 43

Необходимая терпимость власти к помехам,
создаваемым акциями § 43, 47

Наказание за участие § 44, 46

Свобода собраний «Свобода выражения мнений»
§ 42**КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ СУТИ ДЕЛА**

Водитель грузовика во время забастовки стал одним из организаторов акции протеста «Улитка», суть которой заключалась в медленном движении грузовиков по междугородней дороге, что затормаживало движение. Когда два грузовика полностью блокировали движение, нескольких водителей, включая заявителя, задержали. Они предстали перед судом Лиона по обвинению в уголовном преступлении. Суд счел, что во время забастовки водители действовали в рамках закона, и что снижение скорости на небольшом участке дороги является незначительной помехой движению. Заявитель также утверждал, что остановка грузовиков последовала после вмешательства полиции (по ее требованию грузовики несколько раз останавливались). На этих основаниях местный суд оправдал водителей, поскольку предположил необходимость баланса между незначительными и терпимыми неудобствами и реализацией прав на забастовку и свободу собраний. Но после кассации водителей приговорили к 3 месяцам заключения и штрафу в 1500 евро, ссылаясь на то, что это наказание, в целом, соразмерное, поскольку Дорожный кодекс предполагает в подобных случаях тюремное заключение до 2 лет и штраф до 4500 евро. Акция водителей заняла участок дороги протяженностью 50 км в час пик, в будний день. Заявитель обжаловал нарушение статей 10, 11 Конвенции.

Европейский Суд постановил, что в данном случае не было нарушения статьи 11 Конвенции.

По мнению Суда, вмешательство в право было законодательно обосновано в соответствии с Дорожным кодексом. Суд отмечает, что право на свободу собраний включает в себя как частные собрания, так и совещания, проводимые на государственном уровне, а также встречи и демонстрации, инициированные как частными лицами, так и организациями. Суд признает, что любое событие в общественном месте может внести определенную путаницу в ход повседневной жизни, в том числе срыв перевозок, и что в отсутствие насилия со стороны участников акции правительство должно демонстрировать некоторую терпимость к мирным собраниям, чтобы, в конечном счете, свобода собраний не была лишена содержания.

Суд отмечает, что это событие не было официально заявлено заранее, но ситуация не оправдывает нарушения свободы собраний, особенно учитывая, что о мероприятии было широко известно, и государственные органы имели достаточно возможностей и полицейских полномочий для административного запрета или для обеспечения бесперебойного функционирования трассы.

Суд приходит к выводу, что заявитель имел возможность в течение нескольких часов реализовывать свое право на свободу мирных собраний и власти продемонстрировали достаточно толерантности, необходимой в отношении таких мероприятий. Суд отмечает, что заявитель не был осужден за участие в демонстрации 25 ноября 2002 г., и при этом он был привлечен к ответственности за конкретное нарушение в ходе мероприятия, а именно за блокирование шоссе, в результате чего возникли препятствия, более существенные, чем угроза праву на мирные собрания. Полная блокада движения, тем более на общественной дороге, выходит за рамки простого неудобства.

По делу Баррако против Франции Европейский Суд по правам человека (Пятая Секция), заседая палатой в составе:

П. Лоренцен (*P. Lorenzen*), Председатель,

Р. Марусте (*R. Maruste*),

Ж.-П. Коста (*J.-P. Kosta*),

К. Юнгвирт (*K. Jungwiert*),

Р. Егер (*R. Jaeger*),
И. Берро-Лефевр (*I. Berro-Lefevre*),
М. Лазарова Трайковска (*M. Lazarova Trajkovska*), судьи,
а также К. Вестердайк (*K. Westerdaik*), Секретарь,
проведя 10 февраля 2009 г. закрытое заседание, вынес следующую Постановление, принятое в этот же день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано на основании жалобы № 31684/05, поданной 30 августа 2005 г. Аленом Баррако (далее – «Заявитель») против Французской Республики, в соответствии со ст. 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – «Конвенция»).

2. Заявитель пожелал участвовать в разбирательстве и назначил своим представителем Е. Дельгадо, Лионского адвоката Государственного совета и Кассационного суда. Французское правительство (далее – «Правительство»), было представлено Е. Белиар, директором по правовым вопросам Министерства иностранных дел.

3. Заявитель обжаловал, в частности, нарушение его права на свободу выражения мнения в сочетании со свободой собраний и объединений, гарантированных стст. 10, 11 Конвенции.

4. 4 декабря 2007 г. Суд принял решение поставить Правительство в известность о поданной жалобе. В соответствии с положениями п. 3 ст. 29 Конвенции, было решено рассмотреть жалобу по существу одновременно с вопросом о ее приемлемости.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявитель родился в 1957 г. и проживает в Монтшале.

6. Он работает водителем грузовика.

7. 25 ноября 2002 г. он участвовал в акции «Улитка» в рамках Дня национальной забастовки, организованной по призыву межотраслевого профсоюза работников транспорта. Профсоюз заранее, 15 ноября 2002 г., призвал «сотрудников компаний, осуществляющих пассажирские перевозки, подать уведомление о забастовке в своих компаниях на 18 ноября, утро понедельника, а также заранее подготовить возможные акции на 25 ноября 2002 г. с выполнением уста-

новленных законом сроков». В этот день, семнадцать водителей, в том числе и заявитель, под девизом профсоюза организовали на автомагистрали А46 так называемую «Улитку». В течение 6 часов колонна автомобилей на низкой скорости курсировала по маршруту между Шасс-на-Роне и Вильфранш-на-Саоне, занимая несколько полос и снижая интенсивность движения других транспортных средств.

8. В первой половине дня, полиция зафиксировала, что три автомашины во главе колонны были остановлены и перекрыли дорогу для остальных водителей. Они задержали трех водителей, в том числе и заявителя, в 11 час. 10 мин.

9. Заявитель и два других водителя предстали перед Лионским судом высшей инстанции за препятствование движению на общедоступной дороге 25 ноября 2002 г, объективно мешая прохождению машин, используя или пытаясь использовать любые средства для этого, а также останавливая несколько раз свои автомобили.

10. Своим решением от 13 ноября 2003 г., суд освободил заявителя от уголовного преследования.

11. Суд определил, во-первых, что в соответствии со ст. 122-4 Уголовного кодекса, лицо, совершающее действие, организованное по закону, не несет уголовной ответственности. А также суд установил, что разрешение на подобную акцию у лица может быть подразумеваемым, в результате чего лицо не подпадает под уголовное преследование.

12. Во-вторых, суд полагает, что в данном случае, предполагаемое преступление заключалось в препятствовании свободному перемещению людей и товаров на общественной дороге. Обвиняемые утверждали при этом, что их действия были обусловлены реализацией двух других основополагающих прав и свобод, в данном случае права на забастовку и права на свободу собраний, гарантированных национальным законодательством и Конституцией. После этого суд сделал вывод о том, что в демократическом обществе необходимо найти хрупкий баланс, между эффективным осуществлением прав и защитой законных интересов различных лиц так, чтобы в равной степени обеспечить законность и уважение человеческого достоинства сторон. Учитывая данные обстоятельства, суд отметил также, что подсудимые, водители грузовиков, участвовали в этот день в акции, инициированной профсоюзом, что они не стояли, а двигались по дороге на малой скорости, в результате чего возникли определенные неудобства для других участников дорожного движе-

ния. Кроме того обвиняемые оспаривали полную ответственность за блокирование дороги. Сотрудники полиции, производившие задержание, также отметили, что три автомобиля в начале колонны останавливались несколько раз по предупреждению и требованию полиции, а г-н Баррако вел переговоры с инспектором полиции о том, чтобы пропустить легковой транспорт и полицейские машины. Таким образом, на основании представленных материалов суд не может с уверенностью утверждать, что блокада движения была вызвана умышленно и по вине действий обвиняемого.

13. Суд счел, что даже если частичное временное неудобство может показаться, на первый взгляд, содержащим состав преступления, выражающегося в воспрепятствовании движению, фактом остается то, что помеха в основном была связана с низкой скоростью перемещения кортежа и, в меньшей степени, с его остановками. Этот дискомфорт, в принципе, не фундаментально нарушает свободное передвижение по государственной дороге людей и грузов и может быть сбалансирован с другими охраняемыми законом интересами, как в данном случае, например, право на забастовку. В данном случае не было полной блокады движения, а возникший терпимый дискомфорт существовал в течение примерно двух часов на относительно короткой дистанции. Суд делает вывод о том, что применяемый в данном случае закон и представленные доказательства дают основания для освобождения водителей от уголовного преследования.

14. Прокуратура обжаловала решение суда от 13 ноября 2003 г.

15. Своим решением от 27 мая 2004 г. апелляционный суд отменил результаты судебного разбирательства в Лионе.

16. По его мнению, прежде всего сам факт добровольного направления своих транспортных средств на шоссе, открытое для общего пользования, ради поездки на очень низкой скорости (около 10 км/ч) с единственной целью – замедления передвижения других машин и препятствия движению на нормальной скорости – , что признают подсудимые, – расценивается как намеренное препятствование движению транспорта и карается в соответствии со ст. L. 412-1 Правил дорожного движения. Суд отметил также, как малозначительный факт, что движение по левой полосе в некоторые моменты оставалось открытым, поскольку для реализации намерений подсудимых, по их собственному признанию, было достаточно вызвать «замедление», что и стало причиной неудобств для других водителей.

17. Во-вторых, суд отметил, что из материалов дела следует, что акция, проводимая тремя подсудимыми, вызвала препятствование движению и привела к его полной остановке из-за неоднократных остановок автомобилей задержанных на шоссе, и что сотрудники полиции сообщили о своей роли в этом следующим образом:

«Констатируем, что три автомашины во главе колонны <...> останавливались на дороге, блокируя намеренно полностью дорожное движение. Водителей неоднократно предупреждали о запрете остановок на шоссе и о возможных санкциях за препятствование движению <...>».

18. Апелляционный суд постановил, что ответчики намеренно препятствовали прохождению транспортных средств с целью помешать их перемещению, разместив свои машины на всех полосах движения и останавливая их на некоторых участках, и признал их виновными в совершении преступления.

19. Апелляционный суд постановил, что совершение уголовного преступления не может быть оправдано забастовкой или демонстрацией на дороге общего пользования, которые являются средством реализации права на свободу собраний и на которые распространяются декларируемые обязательства.

20. Апелляционный суд признал заявителя и других обвиняемых виновными в совершении преступления и приговорил каждого к трем месяцам условного тюремного заключения и к штрафу в 1 500 евро.

21. В своем решении от 8 марта 2005 г. Кассационный суд отклонил апелляцию заявителя и одного из его коллег.

22. Заявитель жаловался, в частности, что имело место нарушение ст. 10 Конвенции и ст. 2 Протокола № 4 к Конвенции, а также его прав на забастовки и свободу собраний.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

23. Ст. L. 412-1 Дорожного Кодекса гласит:

«Деяние в виде воспрепятствования движению путем размещения или попытки поставить на пути, открытом для общественного движения, объект, препятствующий прохождению транспортных средств, или путем использования или попытки использования любых иных средств для создания препятствий, карается двумя годами лишения свободы и штрафом в размере 4 500 евро».

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЕЙ 10 И 11 КОНВЕНЦИИ

24. Заявитель считает, что решение Апелляционный суда Лиона и привлечение его к ответственности за препятствование движению противоречит его правам на свободу выражения мнения, свободу собраний и ассоциаций, гарантированных стст. 10 и 11 Конвенции. Он ссылается на стст. 10, 11 Конвенции, соответствующие положения которой гласят:

Ст. 10

«1. «Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны органов власти и независимо от государственных границ <...>».

Ст. 11

«1. Каждый имеет право на свободу мирных собраний и на свободу объединения с другими, включая право создавать профессиональные союзы и вступать в таковые для защиты своих интересов.

2. Осуществление этих прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц <...>».

A. Приемлемость

25. Суд приходит к выводу, что данная часть жалобы не является явно необоснованной по смыслу ст. 35 п. 3 Конвенции, и что не выявлено других причин для признания ее неприемлемой. Поэтому она должна быть признана приемлемой.

B. Обоснование

26. Суд, в первую очередь, обращает внимание, что рассматриваемая манифестация выходит за рамки митингов и шествий, а свобода мысли и свобода выражения мнений отходят на второй план в свете свободы мирных собраний (см. «*Ойа Атаман против Турции*» (*Oya Ataman v. Turquie*), № 74552/01, от 8 марта 2005 г., «Платформа «Врачи за жизнь» против Австрии» (*Plattform «Ärzte für DAS Leben» v. Austria*), № 10126/82, от 17 октября 1985 г., с. 65). Таким образом, Суд будет рассматривать эти претензии в соответствии со ст. 11 Конвенции, которая является *lex specialis* в данном случае.

27. Несмотря на свою автономную роль и специфическую сферу применения, ст. 11 в данном случае должна рассматриваться в свете ст. 10. Защита права на свободу выражения мнений, предусмотренная ст. 10, является одной из целей свободы собраний и объединений, как это закреплено в статье 11 (см. «*Эзелин против Франции*» (*Ezelin v. France*), от 26 апреля 1991 г., п. 37, Серия А, № 202).

1. Аргументы сторон

а) Правительство

28. Правительство напоминает, что право, гарантированное ст. 11, иногда требует от государства принятия позитивных мер, направленных на возможность реализации этой свободы в мирной обстановке и без ущерба для других прав и свобод граждан.

29. Правительство не оспаривает того, что осуждение заявителя является вмешательством в его право на свободу мирных собраний с момента его задержания и заключения под стражу, которыми завершилось его участие в мероприятии. Вместе с тем, оно считает, что такое вмешательство было оправданным.

30. Что касается правовой основы вмешательства, то Правительство отмечает, что заявитель был привлечен к ответственности на основании ст. Л. 412-1 Дорожного кодекса и Правил дорожного движения.

31. Кроме того, Правительство утверждает, что оспариваемая мера преследует одну из законных целей, перечисленных в ст. 11 п. 2 Конвенции, а именно – защиту права на свободу передвижения на дорогах общего пользования и, следовательно, на охрану общественного порядка.

32. Что касается необходимости такой меры, Правительство считает, что оно предотвратило последствия для движения, которые могла спровоцировать «Улитка», имевшая место в понедельник утром, когда, как правило, движение чрезвычайно интенсивно, и часто возникают пробки. Правительство подчеркнуло, что если пятьдесят километров шоссе является небольшим расстоянием в обычных условиях, то это не так во время проведения акции «Улитка», которая продолжается пять часов на скорости 10 км/час, с многочисленными остановками, которые могут спровоцировать более чем десятичасовое нарушение в форме полной остановки движения.

33. Правительство подтвердило, что полиция неоднократно напомнила демонстрантам о том, что они не имеют права блокировать три полосы движения, и что те намеренно препятствуют проезду транспортных средств.

34. Правительство напоминает, что право на демонстрации на дорогах общего пользования реализуется в декларативном порядке и регулируется Декретом от 23 октября 1935 г., согласно которому о любой акции на дорогах общего пользования должно быть заявлено в компетентный орган (мэру или префекту), который имеет право наложить запрет, если сочтет, что это мероприятие может нарушить общественный порядок. Правительство также указывает, что за несоблюдение данной нормы предполагается уголовная ответственность по ст. 431-9 Уголовного кодекса.

35. Правительство, ссылаясь на судебную практику «*Эзелин против Франции*» (упомянутое выше, пп. 41-53), указывает на то, что осуждение истца было пропорционально цели снятия препятствий для других пользователей шоссе.

б) Заявитель

36. Заявитель оспаривает аргумент Правительства, состоящий в противопоставлении двух свобод: свободы собраний и свободы передвижения других автомобилистов, – и считает, что необходимо искать баланс между осуществлением этих прав, поскольку, фактически, манифестация на дороге всегда препятствует свободе передвижения.

37. Заявитель также отмечает, что Правительство, обосновывая обвинительный приговор в отношении заявителя, базировалось на предположениях, а не на реальности. Ведь в данном случае не было «более чем десятичасового нарушения в форме полной остановки движения», а имело место лишь снижение приемлемой интенсивности, как отметил уголовный суд (п. 13 выше).

38. Наконец, он напоминает, что это мероприятие не было запрещено, хотя уведомления о забастовке на национальном уровне были поданы 18 ноября сотрудниками транспортных компаний с целью подготовиться к возможным акциям 25 ноября 2002 г.; что манифестация стала возможной после провала переговоров на национальном уровне; а также что накануне министр внутренних дел предупредил водителей о недопустимости любых акций блокирования и объявил, что эскадрильи мобильной жандармерии и CRS готовы к реагированию в критических ситуациях. Заявитель полагает, что разрешение было подразумеваемым.

2. Выводы суда

39. Не является предметом спора между сторонами то, что осуждение заявителя стало вмешательством со стороны публичных властей в его право на свободу мирных собраний, которая включает в себя свободу выражения мнений. Это вмешательство имело правовую основу,

а именно было предписано ст. L 412-1 Дорожного Кодекса в связи с совершением преступления в форме воспрепятствования общественному движению, как это было определено в национальных судах, в свете толкования высокой инстанции. Поэтому вмешательство было «предписано законом» по смыслу ст. 11 п. 2 Конвенции. Остается вопрос о том, являлось ли вмешательство преследующим законные цели, и было ли оно необходимо в демократическом обществе.

а) законная цель

40. По мнению Суда, вмешательство преследовало одну из целей, перечисленных в ст. 11 п. 2, а именно: охрана общественного порядка и защиты прав и свобод других лиц.

б) «необходимо в демократическом обществе»

41. Суд отмечает, прежде всего, что право на свободу собраний является одним из основных прав в демократическом обществе и, как право на свободу выражения мнения, является краеугольным камнем демократического общества. Поэтому его не следует толковать ограничительно, (см. *«Джавит Ан против Турции» (Djavit An v. Turkey)*, №20652/92, п. 56, *отчеты 2003-III*). Таким образом, данное право включает в себя как частные встречи, так и совещания, проводимые на государственном уровне, а также акции без передвижения и шествия, которые могут проводить как отдельные лица, так и организации, как в качестве участников так и в качестве организаторов.

42. Свобода мирных собраний, одной из целей которой остается выражение и защита личных мнений, является объектом ряда исключений, которые всякий раз следует толковать в узком смысле, кроме того необходимость ограничений должна быть обоснована. При рассмотрении вопроса о том, какое вмешательство в права и свободы, гарантированные Конвенцией, может считаться «необходимым в демократическом обществе», договаривающиеся государства пользуются определенной, но не безграничной, свободой оценки. Принятие окончательного решения о совместимости вмешательства с Конвенцией – прерогатива Суда, и она используется, в частности, при выяснении вопроса о том, отвечает ли вмешательство «насущным социальным потребностям», и о «пропорциональности преследуемой законной цели» (см. *«Ашугян против Армении» (Achouguian v. Armenia)*, № 33268/03, п. 89, 17 июля 2008 г.). Призыв к пропорциональности предполагает определение баланса между императивами целей, указанных в п. 2, и свободой выражения мнений посредством слова, жеста и даже молчания людей, собравшихся на улицах или в других общественных местах (см. *«Эзелин»*, п. 52).

43. Суд признает, что любое событие в общественном месте может вызвать определенные помехи в повседневном течении жизни, в том числе, срыв перевозок, и, в отсутствие насилия со стороны демонстрантов, важно, чтобы правительство продемонстрировало определенную терпимость к мирным собраниям, с тем, чтобы свобода собраний не была лишена своего смысла и содержания (см. «Ашугян против Армении» (*Achouguian v. Arménie*), № 33268/03, п. 90, 17 июля 2008 г., «Ойа Атаман против Турции» (*Oya Ataman v. Turkey*), № 74552/01, п. 42, ECHR 2006).

44. Кроме того, Суд напоминает, что свобода участия в мирных собраниях имеет такое значение, что человек не может быть подвергнут какому-либо наказанию только за участие в незапрещенном в той или иной степени мероприятии, если человек не совершает при этом каких-либо неправомерных действий (см. *Эзелин*, п. 53). Суд также вновь заявляет о том, что очень важно, чтобы ассоциации и другие организаторы демонстраций соотносили свои действия с нормами демократии, акторами которой они, в том числе, являются при необходимом соблюдении действующих правил (см. *Ойа Атаман*, п. 38).

45. В данном случае Суд отмечает, что это событие не было официально заявлено заранее, как это предусмотрено соответствующим законом, что подтверждает Правительство. Суд напоминает, что такая ситуация сама по себе не оправдывает ограничения свободы собраний (см. «Сиссе против Франции» (*Cisse v. France*), № 51346/99, п. 50, ECHR 2002-III), тем более, что в этом году мероприятие получило широкую известность, и государственные органы имеют достаточно полицейских полномочий для вмешательства в целях обеспечения бесперебойного функционирования дороги. В данном случае, власти были в состоянии организовать до начала мероприятия, необходимые меры для поддержания общественного порядка и безопасности, в том числе, с использованием полицейских сил для охраны и сопровождения. Суд делает вывод, как и заявитель, что это мероприятие было принято властями по умолчанию или, по меньшей мере, не запрещено, и Суд полагает, что последнее было связано с мирными намерениями манифестантов.

46. Суд отмечает в этой связи, что заявитель не был осужден только за участие в демонстрации 25 ноября 2002 г., но к нему предприняты меры в связи с его конкретными действиями, а именно – за блокирование шоссе, в результате чего возникло затруднение настолько значимое, что не предполагало привычную реализацию права на мирные собрания (см. «G. против Германии» (*G v. Germany*), №13079/87, решение от 6 марта 1989 г., с. 256).

47. Если выделить такие элементы дела, как проведение всего мероприятия с 6 утра до 11 часов, которое привело к частичному затруднению движения, то стоит отметить, что предпринятые затем действия спровоцировали, в ряде случаев, полное блокирование движения по шоссе из-за добровольных остановок автомобилей во главе кортежа, в том числе, автомобиля заявителя. Полная блокада движения выходит за рамки простого неудобства, которое могла бы вызвать любая манифестация на общественных дорогах. Суд отмечает, что полицейские, которые обеспечивали поддержание общественного порядка и безопасности, приступили к задержанию трех демонстрантов для того, чтобы прекратить блокаду, и после того, как они неоднократно предупреждали о запрете останавливаться на шоссе и о наказании, которое может последовать. Суд приходит к выводу, что заявитель имел возможность в течение нескольких часов реализовывать свое право на свободу мирных собраний, и власти продемонстрировали достаточно толерантности, необходимой в отношении таких мероприятий (см. *«Ева Мольнар против Венгрии» (Molnar v. Hungary)*, № 10346/05, п. 43, 7 октября 2008 г.).

48. В этих обстоятельствах, когда при выборе конкретной формы проведения мероприятия необходимо обеспечить баланс между интересами общества по поддержанию и охране порядка и интересами заявителя, а также других участников акции, с учетом полномочий, предоставленных государствам в данном случае (см. *«Платформа «Врачи за жизнь» против Австрии» (Plattform «Ärzte für DAS Leben» v. Austria)*, 21 июня 1988 г., п. 34, Серия А, № 139), наложенное на заявителя наказание не является диспропорциональным (см. *упомянутое выше «G. против Германии» (G. v. Germany)*).

49. Таким образом, не было нарушения ст. 11 Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

50. Заявитель жаловался, что он не получил возможность осуществления справедливого судебного разбирательства, поскольку имело место искажение фактов со стороны судов и отсутствие достаточной мотивированности в решениях. Кроме того, он считает, что при отсутствии некоторых доказательств в отношении него была нарушена презумпция невиновности. Заявитель ссылается на ст. 6 пп. 1, 2 Конвенции, гласящей в соответствующих частях:

«1. Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. Судебное реше-

ние объявляется публично, однако пресса и публика могут не допускаться на судебные заседания в течение всего процесса или его части по соображениям морали, общественного порядка или национальной безопасности в демократическом обществе, а также когда того требуют интересы несовершеннолетних или для защиты частной жизни сторон, или – в той мере, в какой это, по мнению суда, строго необходимо – при особых обстоятельствах, когда гласность нарушала бы интересы правосудия.

2. Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления считается невиновным, до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком».

51. Суд напоминает, что его деятельность не предусматривает обжалование решений национальных судов, а также борьбу с ошибками в установлении фактов или применении норм права, якобы совершенных в судах; и что, как правило, именно национальные суды должны оценивать предоставляемые ему доказательства (см. *«Гарсия Руис против Испании» (Garcia Ruiz v. Spain), № 30544/96, п. 28, отчет 1999-I*), а также, что национальные суды располагают наилучшими возможностями и поэтому обязаны всесторонне оценивать предоставляемые им доказательства (см. *«Винтеверп против Нидерландов» (Winterwerp v. The Netherlands), 24 октября 1979 г., п. 40, Серия А, № 33*).

52. В данном случае, по мнению Суда, национальный суд применил процедуру, при которой было возможно рассмотрение доказательств. Заявитель имел возможность оспорить утверждения стороны обвинения и внести все замечания и аргументы, которые он считал необходимыми. Заявитель был осужден на основании свидетельств, которые судьи сочли достаточными для установления вины. Кроме того, Суд не выявил в этом случае произвола при проведении судебного разбирательства.

53. Из этого следует, что жалоба должна быть отклонена как явно необоснованная, в соответствии со ст. 35 пп. 3, 4 Конвенции.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1. объявляет жалобу приемлемой в части рассмотрения ее в свете ст. 11 Конвенции и неприемлемой по всем остальным статьям;

2. постановляет, что не имело места нарушение ст. 11 Конвенции.

Совершено на французском языке, представлено в письменной форме 23 октября 2008 г., в соответствии с пп. 2, 3 Правила 77 Регламента Суда.

Пер Лоренцен
Председатель

Клаудия Вестердайн
Секретарь

КИССЕ ПРОТИВ ФРАНЦИИ CISSE v. FRANCE

Жалоба № 51346/99

Постановление Суда
Страсбург

9 апреля 2002 г.

Заявительница была представителем группы иностранцев, не имеющих вида на жительство, которые в 1996 г. объединились для того, чтобы привлечь внимание к испытываемым ими трудностям. Их кампания получила широкое освещение в прессе. 28.06.1996 г. участники акции заняли помещение церкви Святого Бернара в Париже, заранее получив согласие представителей церкви. Десять человек из числа участников акции объявили голодовку. 12 августа судебный пристав констатировал значительное ухудшение их здоровья, а также антисанитарные условия пребывания людей в церкви. Спустя два месяца после захвата с помощью полиции группа была принудительно эвакуирована из церкви. Заявительнице было предписано покинуть территорию Франции в течение месяца. Не выполнив указанное требование, она предстала перед уголовным судом Парижа и была осуждена. Обжалование в апелляционный суд и суд кассации было безуспешным. Заявительнице был запрещен въезд на территорию Франции в течение 3 лет. Заявительница утверждала, что было нарушено ее право, гарантируемое ст. 11 ЕКПЧ (свобода собраний и ассоциаций), и она была лишена возможности проводить мирные собрания с другими иностранцами.

Суд постановил, что в данном случае не было нарушения ст. 11 Конвенции.

Форма собрания, в котором принимала участие заявительница, противоречила закону и интересам общественного порядка. Принудительная эвакуация участников акции протеста действительно представляет собой вмешательство государства в осуществление права на свободу мирных собраний. Однако, с учётом обстоятельств, данное вмешательство является законным. Во-первых, оно преследует законную цель охраны здоровья и обще-

ственного порядка. Во-вторых, данная мера была необходимой, учитывая значительное ухудшение здоровья лиц, объявивших голодовку, а также антисанитарный характер условий пребывания людей в помещении церкви, который с каждым днём только усугублялся. Принимая во внимание, что акция протеста продлилась почти два месяца, и только по истечении этого срока участники акции были принудительно эвакуированы, действия государства следует признать пропорциональными. Собрание не может быть признано мирным, если оно выливается в нарушение общественного порядка.

<http://www.echr-base.ru/Publications/Magazines/vestnik.konstituzia/art158.jsp>

ГЮНЕРИ И ДРУГИЕ ПРОТИВ ТУРЦИИ GÜNERİ ET AUTRES v. TURQUIE

Жалобы № 42853/98
№ 43609/98
№ 44291/98

Постановление Суда
Страсбург

12 июля 2005 г.

Три заявителя – один из них глава регионального отделения партии за демократию и мир. Они обратились к местным властям с целью согласования программы визита лидера партии и членов ее руководящего комитета, включающей встречу на свежем воздухе. В связи с учетом чрезвычайного положения в 1998 г., префект принял постановление, запрещающее не только митинг, но встречи с персонами в рамках данного визита. В обосновании решения префект сослался на сложную ситуацию в регионе, предполагая, что встреча приведет к масштабным эксцессам, а на ней будут критиковать принимаемые политические меры. Членам делегации был запрещен въезд в регион. В рамках тура по нескольким городам делегация столкнулась с запретом на въезд во второй город и задержанием в одном районе. Заявителям и другим членам группы было запрещено посещать города Мардин, Диярбакыр и Ван. Закон о чрезвычайном предусматривает, что любому лицу или группе лиц, может быть запрещен въезд во всем регионе или в его часть, где было введено чрезвычайное положение. Закон предусматривает, что любая встреча или мероприятие, которые проводятся в закрытых помещениях или на улицах, могут быть отложены или запрещены, даже при условии получения разрешения. По закону также никакие меры, принятые с учетом введения чрезвычайного положения, не могут быть обжалованы. В жалобе, направленной в ЕСПЧ, заявлено о нарушении 11, 13 и 14 ст. Конвенции.

Суд признал нарушение ст. 11 и 13 Конвенции.

Суд напоминает, что свобода собраний и право на выражение мнения через эту свободу являются одними из

основных ценностей демократического общества. Суть демократии заключается в способности решать проблемы путем открытых дискуссий. Радикальные меры превентивного характера, использующиеся для подавления свободы собраний и выражения мнений, за исключением случаев подстрекательства к насилию или отказу от демократических принципов, – даже, если эти мнения шокируют и кажутся некоторым неприемлемыми – не служат демократии, и часто ставят ее под угрозу. В демократическом обществе, основанном на верховенстве права, политическим идеям, которые бросают вызов установленному порядку и которые предлагают действовать исключительно мирными средствами, должна быть предложена возможность выразить себя посредством осуществления права на свободу мирных собраний, а также другими законными средствами.

Суд отмечает, что по соображениям общественного порядка и национальной безопасности, априори, высокая договаривающаяся сторона просить разрешения на проведение собраний и передвижение. Нет никаких признаков того, что запланированные визиты могли бы служить в качестве платформы для распространения идей насилия и отказа от демократии, или могли бы иметь потенциально неблагоприятные последствия, которые оправдывают запрет. В свете этих соображений, не был соблюден справедливый баланс между, с одной стороны, необходимостью защиты общественной безопасности и территориальной целостности, и свободой объединения, с другой стороны.

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ «УРАНИО ТОКСО» И ДРУГИЕ
ПРОТИВ ГРЕЦИИ**
OURANIO TOXO AND OTHERS v. GREECE

Жалобы № 74989/01

Постановление Суда
Страсбург

20 октября 2005 г.

Заявителями по делу выступают политическая партия «Уранио Токсо», основанная в 1994 году, и два члена ее политического секретариата. В провозглашенные цели деятельности этой партии входит защита прав македонского этнического меньшинства, проживающего на территории Греции, и партия регулярно принимала участие в выборах, начиная с 1994 года. В сентябре 1995 года партия организовала свою штаб-квартиру в г. Флорине. На балконе здания штаб-квартиры была прикреплена вывеска с названием партии на двух языках, на которых говорят жители данного региона Греции – греческом и македонском. Надпись на вывеске включала слово «*vino-zito*», начертанное буквами «славянского алфавита». На македонском языке это слово обозначает «радуга», но оно также является кличем сил, которые пытались захватить город Флорину во время гражданской войны в Македонии.

12 сентября 1995 г. священнослужители церкви в г. Флорине опубликовали заявление, призывающее население присоединиться к «демонстрации протеста против врагов Греции, которые умышленно выставляют вывески с антигреческими надписями». На следующий день городской совет опубликовал в местной прессе принятое им постановление об организации акций протеста против заявителей, а прокуратура распорядилась, чтобы вывеска была снята на том основании, что включение в нее начертания названия партии на македонском языке могло посеять раздоры среди местного населения.

13 сентября 1995 года сотрудники полиции сняли вывеску, не предоставив при этом никаких объяснений по этому поводу заявителям, которые приступили к прикреплению ее замены. Вечером того дня, по утверждению

заявителей, толпа, собравшаяся напротив здания штаб-квартиры партии, подвергла их оскорблениям и угрозам; в толпе заявители, судя по всему, узнали мэра города и членов городского совета. Примерно в 1 час 30 минут несколько человек напали на здание штаб-квартиры партии, вошли внутрь и напали на тех, кто был внутри здания, требуя, чтобы они отдали бы нападавшим вывеску, что заявители и сделали. Примерно в 4 часа последовало второе нападение, в ходе которого оборудование и мебель штаб-квартиры были выброшены из окна и подожжены. Заявители утверждают, что пока все эти события развивались, они позвонили в полицейский участок, расположенный, примерно, в 500 метрах от здания штаб-квартиры партии, но им сказали, что в тот момент не было сотрудников полиции, которых можно было бы направить на место инцидента. Прокуратура не предприняла никаких мер против нападавших.

В отношении индивидуальных заявителей властями было возбуждено уголовное дело по обвинению в разжигании межэтнической розни, но они были в итоге оправданы. Они подали заявление о совершении преступления в отношении лиц, ответственных за инцидент, и подали ходатайство об участии в деле в качестве гражданских истцов, однако эти действия успеха не возымели.

Суд признал нарушение ст. 11 и 13 Конвенции.

По поводу соблюдения требований Статьи 11 Конвенции. Полицейские сняли вывеску, на которой воспроизводилось название партии на македонском языке. Политическая партия «Уранио Токсо» является законно учрежденной партией, одной из целей которой является защита прав македонского этнического меньшинства, проживающего на территории Греции. Прикрепление вывески с названием партии на македонском языке на фронте здания штаб-квартиры партии нельзя считать заслуживающим порицания или актом, самим по себе образующим наличную и непосредственную угрозу общественному порядку. Использование термина «*vino-zito*», правда, вызвало враждебную реакцию среди местного населения, так как допускающий двоякое толкование подтекст термина мог оскорбить политические или патриотические взгляды большинства населения г. Флорины. Тем не менее риск вызвать напряженность в местном обществе использованием политических терминов на публике сам по себе не

является фактором, в достаточной мере оправдывающим вмешательство в осуществление права на свободу объединения граждан.

Что касается действий властей, то следует заметить: за два дня до инцидентов городской совет недвусмысленно подстрекал городское население собраться на акцию протеста против заявителей, и некоторые члены городского совета сами приняли участие в этих акциях. Городской совет тем самым посредством своих действий способствовал возбуждению враждебных чувств против заявителей среди части населения города. Роль властей государства состоит в том, чтобы охранять и развивать ценности, неотъемлемые для демократического общества, такие как политический плюрализм, терпимость и социальная сплоченность. В поддержку этих ценностей местным властям пристало бы занять позицию в духе примирения, а не раздувать конфронтационные настроения.

Что касается действий полиции, то следует заметить: полиция могла разумно предвидеть опасность того, что напряженность перерастет в акты насилия и прямые нарушения свободы объединения граждан. Государству поэтому надлежало принять соответствующие меры для предупреждения или хотя бы для сдерживания актов насилия. Однако этого сделано не было. Несмотря на то что заявители звонили неоднократно в полицию, участок которой был расположен неподалеку от штаб-квартиры партии, полиция не вмешалась в ситуацию в ночь нападения, предположительно, ввиду отсутствия сотрудников. Более того, прокуратура не сочла необходимым начать расследование по фактам нападения сразу после инцидентов для установления виновных. Расследование было начато только один раз – когда заявители обратились с заявлением о преступлении.

По делам о вмешательстве в осуществление права на свободу объединения граждан на компетентных властях лежит обязанность принять эффективные меры по расследованию фактов такого вмешательства. Ввиду этих обстоятельств Европейский Суд установил, что как своими действиями, так и своим бездействием греческие власти нарушили требования Статьи 11 Конвенции (принято единогласно).

В порядке применения Статьи 41 Конвенции. Европейский Суд присудил заявителям компенсацию за причи-

ненный им моральный вред и вынес решение в их пользу о возмещении судебных издержек и иных расходов, понесенных в связи с судебным разбирательством.

По делу ставится вопрос, может ли законодательство страны адекватно гарантировать право заявителя на судебное разбирательство его дела в разумный срок.

**Бюллетень Европейского Суда по правам человека.
Российское издание. N 4/2006**

ОЛЛИНГЕР ПРОТИВ АВСТРИИ
ÖLLINGER v. AUSTRIA

Жалобы № 76900/01

Постановление Суда
Страсбург

29 июня 2006 г.

Оллингер проинформировал полицию о своём намерении провести в День всех святых митинг на кладбище. Целью мероприятия было поминовение евреев, убитых СС, поэтому оно должно было пройти одновременно с собранием «Товарищества IV» – организации бывших членов СС – в знак протеста против их деятельности. Предполагалось, что митинг будут проводить шесть участников с небольшими плакатами, не прибегая к другим средствам выражения мнения (в частности скандированию). Однако мероприятие было запрещено со ссылкой на угрозу общественному порядку. Проведение двух столь различных по целям собраний одновременно в одном месте могло, по мнению полиции, привести к конфликту между участниками и беспорядку на кладбище. Запрет был обжалован Оллингер во всех национальных судебных инстанциях, в том числе в Конституционном Суде Австрии (КСА), однако безуспешно. КСА отметил, что главной причиной запрета была необходимость оградить от беспокойства людей, которые в День всех святых традиционно посещают кладбища.

ЕСПЧ признал нарушение ст. 11 Конвенции.

В данном деле не был соблюден справедливый баланс интересов различных групп граждан: Оллингер и предполагаемых участников митинга, «Товарищества IV» и посетителей кладбища. Митинг Оллингер являлся протестом против деятельности «Товарищества IV», и поэтому проведение его в то же время было необходимо для выражения этой идеи. Безусловный запрет на эту контрдемонстрацию стал непропорционально жёсткой мерой. Запланированный митинг сам по себе не мог оскорбить чувства посетителей кладбища, поскольку его участники прямо заявили о том, что не будут прибегать к сканди-

рованию. В целях же обеспечения порядка и исключения конфликтов властям следовало принять соответствующие меры: в частности, обеспечить присутствие полиции на кладбище. Запрет на проведение митинга стал несоразмерным ограничением. Таким образом запрет митинга является нарушением прав его участников, если имеются альтернативные способы обеспечения порядка.

http://www.echr-base.ru/Publications/Magazines/vestnik.konstituzia/vp_15/olinger.jsp

УЛУСОЙ И ДРУГИЕ ПРОТИВ ТУРЦИИ
ULUSOY ET AUTRES v. TURQUIE

Жалобы № 34797/03

Постановление Суда
Страсбург

3 мая 2007 г.

12 заявителей являются участниками труппы современного театра «Тетра новой жизни» играющего на курдском языке современные пьесы. В 1999 г. труппа обратилась за разрешением выступить в муниципальном театре в Анкаре. В этом городе труппа ранее выступала во время театральных фестивалей. Власти отказали, сославшись на то, что цель выступления – увеличить число сторонников запрещенной «Рабочей партии Курдистана» и на то, что актеров труппы ранее привлекали к суду.

Суд рассмотрел вопрос о нарушении ст. 10 и не стал рассматривать данный случай в контексте статей 9, 11, 14 и 17.

Суд посчитал важным, что запрет был вынесен до возможности представить пьесу, а оснований предполагать, что спектакль станет платформой для призывов к насилию и к нарушению демократических принципов, не было представлено. Кроме того, в стране нет четких критериев для ограничений, и правительство не предоставило надлежащих гарантий против злоупотреблений.

ПЕРЕЧЕНЬ ДРУГИХ ДЕЛ, В КОТОРЫХ ЗАТРАГИВАЮТСЯ ВОПРОСЫ, СВЯЗАННЫЕ С РЕАЛИЗАЦИЕЙ ПРАВА НА СВОБОДУ СОБРАНИЙ

Рассамблеман Юрассьен против Швейцарии (*Rassemblement Jurassien v. Switzerland*), жалоба N 8191/78, решение Европейской комиссии от 10 октября 1978 г.

Вопрос о толкования термина «собрание»

Христиане против расизма и фашизма против Великобритании (*Christians against Racism u Fascism v. the United Kingdom*), № 8440/78, решение Комиссии от 16 июля 1980 г.,

Запрет любых демонстраций в Лондоне на два месяца. Отказ в согласовании акции на его основании.

Мкртчян против Армении (*Mkrtchyan v. Armenia*), жалоба № 6562/03, 11 января 2007 г.

Незаконное административное наказание, назначенное за нарушение правил проведения демонстраций: допущено нарушение.

Чилоглу и другие против Турции (*Ciloglu and Others v. Turkey*), жалоба № 73333/01, 6 марта 2007 г.

Разгон сидячей демонстрации на общественной автомагистрали, которую родственники заключенных проводили еженедельно на протяжении более чем трех лет: нарушение не допущено.

Букта и другие против Венгрии, (*Bukta and Others v. Hungary*), жалоба № 25691/04, 2007 г.

Разгон мирной демонстрации в связи с отсутствием предварительного уведомления полиции: допущено нарушение.

Ашугян против Армении (*Achouguian v. Arménie*), № 33268/03, § 90, 17 июль 2008 г.

Об уведомительной процедуре при организации публичного мероприятия.

РУБРИКАТОР ПРОБЛЕМАТИКИ

В основе данного рубрикатора лежит классификация проблем, возникающих в РФ при организации и проведении публичных мероприятий, разработанная организациями, которые ведут мониторинг нарушений права на свободу собраний в РФ.¹

УВЕДОМИТЕЛЬНАЯ ПРОЦЕДУРА

Баранкевич против России (*Barankevich v. Russia*) § 28.

Махмудов против России (*Makhmudov v. Russia*) § 70.

Галстян против Армении (*Galstyan v. Armenia*) § 114.

Сергей Кузнецов против России (*Sergey Kuznetsov v. Russia*) § 39, 42, 43.

Джавит Ан против Турции (*Djavit an v. Turkey*) § 59,61.

Бачковский и другие против Польши (*Bączkowski and others v. Poland*) § 83.

Ойа Атаман против Турции (*Oya Ataman v. Turkey*) §39.

Баррако против Франции (*Barraco v. France*) § 43.

ПРОБЛЕМЫ НЕСОГЛАСОВАНИЯ

Дополнительные требования к процедуре уведомления

Бачковский и другие против Польши (*Bączkowski and others v. Poland*) § 71.

Несогласование по искусственно созданным и неожиданно открывшимся обстоятельствам

Махмудов против России (*Makhmudov v. Russia*) § 71.

Запреты на проведение публичных мероприятий

Станков и объединенная организация Македонии «Илинден» против Болгарии (*Stankov and United macedonian organisation Ilinden v. Bulgaria*) § 77.

Христианская демократическая народная партия против Молдовы (*Christian democratic people's party v. Moldova*) § 67,68.

Бачковский и другие против Польши (*Bączkowski and others v. Poland*).

Махмудов против России (*Makhmudov v. Russia*) § 72.

¹ На основании рубрикатора, разработанного правозащитными организациями, ведущими мониторинг права на свободу мирных собраний в РФ (ГРОЗА, Межрегиональная Правозащитная Группа, команда «Legal Team», Молодежное Правозащитное Движение, Центр «Демос», МХГ).

Запреты мероприятий с неудобной тематикой

Бачковский и другие против Польши (*Bączkowski and others v. Poland*) § 98, 100.

Платформа «Врачи за Жизнь» против Австрии (*Plattform «ärzte für das leben» v. Austria*) § 32.

Сергей Кузнецов против России (*Sergey Kuznetsov v. Russia*) § 45.

Баранкевич против России (*Barankevich v. Russia*) § 32.

Станков и объединенная организация Македонии «Илинден» против Болгарии (*Stankov and United macedonian organisation Ilinden v. Bulgaria*) § 90.

Джавит Ан против Турции (*Djavit an v. Turkey*) § 60.

Баранкевич против России (*Barankevich v. Russia*) 30, 31.

Христианская демократическая народная партия против Молдовы (*Christian democratic people's party v. Moldova*) § 65,73.

Запреты мероприятий по причине «нецелесообразности»

Станков и объединенная организация Македонии «Илинден» против Болгарии (*Stankov and United macedonian organisation Ilinden v. Bulgaria*) § 90.

ПРОВЕДЕНИЕ ПУБЛИЧНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ**Претензии к лозунгам и символике**

Станков и объединенная организация Македонии «Илинден» против Болгарии (*stankov and United macedonian organisation Ilinden v. Bulgaria*) § 85.

Сергей Кузнецов против России (*Sergey Kuznetsov v. Russia*) § 45.

«Предотвращение» публичных мероприятий

Баранкевич против России (*Barankevich v. Russia*) § 25.

Махмудов против России (*Makhmudov v. Russia*) § 64.

Станков и объединенная организация Македонии «Илинден» против Болгарии (*Stankov and United macedonian organisation Ilinden v. Bulgaria*) § 84.

Требования о подтверждении несовершения экстремистских действий

Махмудов против России (*Makhmudov v. Russia*) § 80.

Проблемы обеспечения безопасности участников акций со стороны правоохранительных органов

Баранкевич против России (*Barankevich v. Russia*) § 32.

Платформа «Врачи за жизнь» против Австрии (*Plattform «ärzte für das leben» v. Austria*) § 34, 39.

Бачковский и другие против Польши (*Bączkowski and others v. Poland*) § 96.

ПРЕКРАЩЕНИЕ ПУБЛИЧНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

Платформа «Врачи за Жизнь» против Австрии (*Plattform «ärzte für das leben» v. Austria*) § 33.

Станков и объединенная организация Македонии «Илинден» против Болгарии (*Stankov and United macedonian organisation Ilinden v. Bulgaria*) § 90, 97.

Прекращение мероприятий, не требующих уведомления властей

Станков и объединенная организация Македонии «Илинден» против Болгарии (*Stankov and United macedonian organisation Ilinden v. Bulgaria*) § 90.

Джавит Ан против Турции (*Djavit an v. Turkey*) § 66, 67.

Задержания участников

Галстян против Армении (*Galstyan v. Armenia*) § 115, 117.

Ояа Атаман против Турции (*Oya Ataman v. Turkey*) § 41.

Махмудов против России (*Makhmudov v. Russia*) § 80, 82.

Барракко против Франции (*Barraco v. France*) § 47.

Применение силы во время прекращения мероприятий

Ояа Атаман против Турции (*Oya Ataman v. Turkey*) § 23, 42.

Дискриминация при реализации права

Бачковский и другие против Польши (*Bączkowski and others v. Poland*) § 96, 98, 100

Махмудов против России (*Makhmudov v. Russia*) § 72.

Баранкевич против России (*Barankevich v. Russia*) § 31, 37.

Станков и объединенная организация Македонии «Илинден» против Болгарии (*Stankov and United macedonian organisation Ilinden v. Bulgaria*) § 97.

Перекрытие транспортных магистралей

Барракко против Франции (*Barraco v. France*) § 47.

НАКАЗАНИЕ ЗА УЧАСТИЕ И/ИЛИ ОРГАНИЗАЦИЮ ПУБЛИЧНОГО МЕРОПРИЯТИЯ

Сергей Кузнецов против России (*Sergey Kuznetsov v. Russia*) § 43.
Галстян против Армении (*Galstyan v. Armenia*) § 117.
Джавит Ан против Турции (*Djavit an v. Turkey*) § 65.
Баррако против Франции (*Barraco v. France*) § 44, 46.

Несоразмерно жестокое наказание за нарушение установленного порядка проведения публичных мероприятий

Галстян против Армении (*Galstyan v. Armenia*) § 115.
Эзелин против Франции (*Ezelin v. France*) § 39, 53.

ЗАЩИТА ПРАВА В НАЦИОНАЛЬНЫХ СУДЕБНЫХ ИНСТАНЦИЯХ

Галстян против Армении (*Galstyan v. Armenia*) § 29.

ОБЩИЙ РАЗДЕЛ

Понятие свободы собраний

Баранкевич против России (*Barankevich v. Russia*) § 25.
Станков и объединенная организация Македонии «Илинден»
против Болгарии (*Stankov and United macedonian organisation Ilinden
v. Bulgaria*) § 77.
Джавит Ан против Турции (*Djavit an v. Turkey*) § 56.
Сергей Кузнецов против России (*Sergey Kuznetsov v. Russia*) §
Баррако против Франции (*Barraco v. France*) § 41.

Идеалы и ценности демократического общества

Баранкевич против России (*Barankevich v. Russia*) § 24, 25
Махмудов против России (*Makhmudov v. Russia*) § 63, 64.
Сергей Кузнецов против России (*Sergey Kuznetsov v. Russia*) § 39.
Джавит Ан против Турции (*Djavit an v. Turkey*) § 56.
Станков и объединенная организация Македонии «Илинден»
против Болгарии (*Sstankov and United macedonian organisation Ilinden
v. Bulgaria*) § 97.
Христианская демократическая народная партия против Молдо-
вы (*Christian democratic people's party v. Moldova*) § 65.
Бачковский и другие против Польши (*Bączkowski and others
v. Poland*) § 61, 62, 63, 99.
Баррако против Франции (*Barraco v. France*) § 41.

Позитивные обязательства государства

Баранкевич против России (*Barankevich v. Russia*) § 27.

Джавит Ан против Турции (*Djavit an v. Turkey*) § 57.

Платформа «Врачи за жизнь» против Австрии (*Plattform «ärzte für das leben» v. Austria*) § 32.

Вмешательство должно быть оправданным или недопустимо

Баранкевич против России (*Barankevich v. Russia*) § 25.

Галстян против Армении (*Galstyan v. Armenia*) § 114.

Сергей Кузнецов против России (*Sergey Kuznetsov v. Russia*) § 39.

Махмудов против России (*Makhmudov v. Russia*) § 64.

Христианская демократическая народная партия против Молдовы (*Christian democratic people's party v. Moldova*) §70.

Недопустимость ограничительного толкования права

Станков и объединенная организация Македонии «Илинден» против Болгарии (*Stankov and United macedonian organisation Ilinden v. Bulgaria*) § 84.

Джавит Ан против Турции (*Djavit an v. Turkey*) § 56, 57.

Ояа Атаман против Турции (*Oya Ataman v. Turkey*) § 36.

Эзелин против Франции (*Ezelin v. France*) § 39.

Допустимые ограничения

Сергей Кузнецов против России (*Sergey Kuznetsov v. Russia*) § 35.

Ояа Атаман против Турции (*Oya Ataman v. Turkey*) § 36.

Свобода собраний и свобода выражения мнений

Станков и объединенная организация Македонии «Илинден» против Болгарии (*Stankov and United macedonian organisation Ilinden v. Bulgaria*) § 84, 85.

Эзелин против Франции (*Ezelin v. France*) § 37, 52.

Баррако против Франции (*Barraco v. France*) § 42.

Мирный / насильственный характер акции

Платформа «Врачи за Жизнь» против Австрии (*Plattform «ärzte für das leben» v. Austria*) § 37.

Галстян против Армении (*Galstyan v. Armenia*) § 115.

Ояа Атаман против Турции (*Oya Ataman v. Turkey*) § 42.

Станков и объединенная организация Македонии «Илинден» против Болгарии (*Stankov and United macedonian organisation Ilinden v. Bulgaria*) § 77, 90.

Баррако против Франции (*Barraco v. France*) § 43.

Баранкевич против России (*Barankevich v. Russia*) § 32.

Джавит Ан против Турции (*Djavit an v. Turkey*) § 56.

Христианская демократическая народная партия против Молдовы (*Christian democratic people's party v. Moldova*) § 75, 76.

Контрдемонстрации

Платформа «Врачи за жизнь» против Австрии (*Plattform «ärzte für das leben» v. Austria*) § 32.

Бачковский и другие против Польши (*Bączkowski and others v. Poland*) § 96.

Баранкевич против России (*Barankevich v. Russia*) § 33.

Необходимая терпимость власти к помехам, создаваемым акциями

Барракко против Франции (*Barraco v. France*) § 43, 47.

Ойа Атаман против Турции (*Oya Ataman v. Turkey*) § 42.

Сергей Кузнецов против России (*Sergey Kuznetsov v. Russia*) § 44.

Предсказуемость закона

Эзелин против Франции (*Ezelin v. France*) § 45.

Джавит Ан против Турции (*Djavit an v. Turkey*) § 65.

Галстян против Армении (*Galstyan v. Armenia*) § 106.

КАК ЗАЩИТИТЬ ПРАВО НА СВОБОДУ СОБРАНИЙ В ЕВРОПЕЙСКОМ СУДЕ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

В соответствии с ч. 3 ст. 46 Конституции РФ каждый вправе в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты.

В случае, если право на свободу собраний, нарушенное представителями власти, не удалось защитить с использованием российских правовых механизмов – как судебных, так и внесудебных – за восстановлением справедливости можно обратиться в Европейский Суд по правам человека.

Для того, чтобы жалоба была признана приемлемой в Европейском Суде по правам человека, необходимо соблюдение нескольких условий:

1) жалоба должна быть подана непосредственно тем, чье право нарушено. Европейский суд может принимать жалобы от любого физического лица, любой неправительственной организации или любой группы частных лиц (ст. 34 Конвенции «Индивидуальные жалобы»).

2) жалоба не может быть анонимной. В ней должны быть указаны ФИО, дата рождения, гражданство, пол и род занятий заявителя. Все заседания суда открытые, материалы дел общедоступные, и только в исключительных случаях при достаточных основаниях Суд может разрешить сохранить анонимность заявителя.

3) заявитель обязан исчерпать все эффективные средства правовой защиты, существующие в стране. При этом важно, что далеко не все судебные инстанции в России считаются эффективными, в частности, Европейский Суд не признает эффективности надзорной инстанции. Так что направлять жалобу в Страсбург имеет смысл после получения кассационного постановления, т.е. после неудачного обжалования первого судебного решения.

4) жалоба, согласно общему правилу, должна быть направлена строго не позднее 6 месяцев с момента принятия последнего судебного решения национальной инстанции.

5) жалоба должна быть обоснованной: на заявителя возлагается обязанность доказать нарушение государством его права.

6) жалоба не должна содержать оскорбительных высказываний.

7) нельзя подавать жалобы по одному и тому же поводу одновременно в два (и более) международных органа, например, в Европейский Суд по правам человека и в Комитет по правам человека ООН.

Первоначально жалобу можно оформить на русском языке, используя специальный бланк-формуляр¹, найти который можно на сайте Европейского Суда, в различных специальных пособиях и в других источниках. При этом к жалобе необходимо приложить копии всех относящихся к делу документов, а также документы, подтверждающие, что с момента принятия последнего судебного решения прошло менее 6 месяцев.

Сроки рассмотрения обращений в Европейский Суд достаточно велики. Если жалоба будет признана приемлемой, о чем из Суда должно придти извещение, после коммуникации с правительством Российской Федерации по вопросу, изложенному в жалобе, до вынесения решения может пройти в среднем около 4 лет.

Направлять жалобы в Европейский суд нужно по адресу:

The Registrar
European Court of Human Rights
Council of Europe
F-67075 STRASBOURG CEDEX FRANCE – ФРАНЦИЯЕ
Предварительную жалобу можно направить по факсу:
+33 (0)3 88 41 27 30

За консультацией о том, как грамотно составить и направить жалобу на нарушение права на свободу собраний в Европейский суд, можно проконсультироваться с представителями гражданских правозащитных организаций своего региона, а также по e-mail: cons-meetings@HRworld.ru.

ОБЗОРЫ СИТУАЦИИ СО СВОБОДОЙ СОБРАНИЙ В РОССИИ

Свобода собраний в регионах РФ в 2009 году. – М. – 2009. – 64 с.
2008: Свобода собраний после выборов. – 2-е изд. – Воронеж. – Издательство ПЛ. – 2009. – 56 с.

Свобода собраний в период избирательной кампании по выборам Президента РФ. – 2-е изд. – Воронеж. – 2008.

¹ Формуляр жалобы в Европейский Суд по правам человека – <http://echr.ru/court/complaint/FormulaireRUS.pdf>

Инструкция по заполнению формуляра жалобы – <http://echr.ru/court/complaint/NoteRUS.pdf>

² <http://demos-center.ru/projects/BE03A6F/1196256806>

Свобода собраний в период избирательной кампании по выборам депутатов государственной думы V созыва (сентябрь – ноябрь 2007).²

Свобода собраний в современной России (обзор ситуации). – Воронеж. – 2007. – 68с.

Доклад о нарушениях прав человека в связи с проведением саммита «Большой восьмерки» в Санкт-Петербурге в июле 2006 года. «Хроника преследований активистов». – Воронеж. – 2006 г. – 60 с.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Обращение в Европейский Суд по правам человека / Под общ. ред. Ф. Лича. – М.: МОО ПЦ «Мемориал», 2006. – 528 с.

2. Международная защита прав человека с использованием некоторых международных механизмов. Под общей редакцией К.А. Москаленко. – М., 2001.

3. Косцов А. Европейский суд по правам человека. Подача жалобы в Европейский Суд – М., 2005.

4. Европейский Суд по правам человека. Избранные постановления и решения 2001 г. – М., 2004.

5. Де Сальвиа М. Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Руководящие принципы судебной практики, относящейся к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Судебная практика с 1960 по 2002. – СПб, 2004.

6. Карташкин В.А. Как подать жалобу в Европейский Суд по правам человека. Комментарий к правилам обращения в органы Совета Европы по защите прав человека. – М., 1998.

7. Руководящие принципы по свободе мирных собраний. Подготовлены Советом экспертов БДИПЧ ОБСЕ по вопросам свободы собраний. Варшава. – 2007.³

ПРАВОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод. (Европейская Конвенция), принята 4 ноября 1950 г. и протоколы к ней.

2. Венская Конвенция о праве международных договоров (Заключена в Вене 23.05.1969) // Международное публичное право. Сборник документов. Т. 1.– М.: БЕК, 1996. с. 67 – 87.

³ <http://article20.org/node/266>

3. Конституция РФ, принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.

4. Постановление пленума Верховного суда РФ от 10 октября 2003 г. №5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ».

5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 января 2002 года № 3-П «По делу о проверке конституционности положений части второй статьи 170 и части второй статьи 235 Кодекса законов о труде Российской Федерации и пункта 3 статьи 25 Федерального закона «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» в связи с запросами Зерноградского районного суда Ростовской области и Центрального районного суда города Кемеров».

6. Федеральный закон от 19.06.2004 N 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях».

СПИСОК ИСПОЛЗУЕМЫХ СОКРАЩЕНИЙ

БДИПЧ/ОБСЕ – (OSCE/ODHIR) Бюро по демократическим институтам и правам человека Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе

ЕСПЧ – Европейский Суд по Правам Человека

КоАП – Кодекс об административных правонарушениях

МРОТ – минимальный размер оплаты труда

НПО – не политическая организация

РОВД – Районный отдел внутренних дел

ОМОН – Отряд милиции особого назначения.

реш. – решение

см. – смотрите

стр. – страница

Суд – Европейский Суд по Правам Человека

т.к. – так как

т.о. – таким образом

§ – параграф

ЕСЧР – European Court of Human Right (англ. Европейский Суд по Правам Человека)

EUR – евро

ЛАТИНСКИЕ ВЫРАЖЕНИЯ И ТЕРМИНЫ

ad hoc – специально, применимо только для этого, для специальной цели

affirmanti, non neganti, incumbit probatio – принцип права, согласно которому бремя доказывания лежит на том, кто делает утверждение, а не на том, кто его отрицает.

a priori – независимо от опыта

art. – article (статья)

ex officio – по должности

ex post facto – после совершившегося факта – принцип права, согласно которому закон может быть применен к отношениям, принятым до его применения, если об этом прямо указано в самом законе.

inter partes – между сторонами

In fine – в конце

ipso facto – в силу самого факта; в силу одного этого, по одной этой причине или само по себе

ipso jure – по закону

inter alia – между прочим

Lex generalis – общий закон

Lex specialis – специальный закон

locus standi – точка опоры

loc. Cit. – **locus citatum** – процитированное место.

mutatis mutandis – внося необходимые изменения

no. – номер (номер)

post-hoc – после этого

ratione temporis – по причинам сроков; ввиду обстоятельств времени события.

ratione materiae – по причинам существа; ввиду обстоятельств, связанных с предметом рассмотрения

v. – versus (против)

О СОСТАВИТЕЛЯХ

Движение гражданских действий ГРОЗА/Фонд «За экологическую и социальную справедливость»

Движение гражданских действий «Гражданская Объединенная Зеленая Альтернатива» (ГРОЗА) – это сеть инициативных групп и независимых активистов по всей России (Воронеж, Москва, Краснодар, Ростов-на-Дону и т.д.). Она была создано в феврале 2005 года, как попытка возродить зеленое движение в России и актуализировать те проблемы, которым уделяют недостаточное внимание, как в обществе, так и среди НПО. Фонд «За экологическую и социальную справедливость» является информационно-аналитическим центром Движения ГРОЗА.

Идея объединения различных активистских групп исходит из того, что активисты «специализируясь» на какой-то одной теме (будь-то защита прав животных или антимиитаризм) готовы также поддерживать и другие прогрессивные начинания, но не готовы организовывать их сами. Предполагается, что в большинстве случаев антимиитарист поддержит антифашиста, а сторонники гендерной демократии станут вместе с радикальными экологами.

Основные принципы, на которых объединены активисты:

- а) защита окружающей среды;
- б) противодействие дискриминации в любых ее формах;
- в) гендерная демократия;
- г) антимиитаризм;
- д) защита базовых прав и свобод (свобода собраний и ассоциаций, свобода передвижения и пр.).

Во всех действиях единственным ограничением является принцип ненасилия.

Актуальные направления деятельности ГРОЗЫ:

1) Защита окружающей среды (антиядерная кампания, защита прав животных, кампания в защиту Байкала и т.д.). Активисты ГРОЗЫ участвуют и участвовали в проведение практически всех заметных антиядерных акций. ГРОЗА является инициатором кампании в защиту Байкала.

2) Борьба с проявлениями всех форм дискриминации на всех уровнях – от бытового и уличного до политического, в том числе и противодействие националистам, активные действия по защите прав ЛГБТ-сообщества и мигрантов.

3) Соппротивление глобализации – борьба с растущим влиянием недемократических международных институтов (большая Восьмерка, Всемирная торговая организация и пр.), а также транснаци-

ональных корпораций. ГРОЗА явилась инициатором и организатором Альтернативного Форума по Энергетике в июле 2006, перед саммитом Большой Восьмерки в Санкт-Петербурге. Активисты ГРОЗЫ приняли активное участие в работе Команды правовой безопасности Legal Team.

4) Поддержка региональных инициатив. При содействии ГРОЗЫ реализованы региональные экологические и антидискриминационные кампании в Краснодаре и Ростове-На-Дону.

5) Свобода собраний – является приоритетной темой в течение трех лет. На русском и английском языке выпущено шесть докладов, а также значительное количество иных аналитических и информационных материалов. Регулярно проводятся образовательные мероприятия, а также судебная и внесудебная защита права на свободу собраний. ГРОЗА является одним из инициаторов проведения ежегодного шествия в защиту шествий 1-го апреля.

Сайт, поддерживаемый движением ГРОЗА:

www.resist.ru

Информационное агентство по свободе собраний Артикль20

www.article20.org

Сообщества в Livejournal

http://community.livejournal.com/groza_green/

http://community.livejournal.com/ru_mass_action